СКАЗАВ: «Х... ВАМ!»,

«Евсеев разом выразил то, чему, в сущности, многие века подряд были посвящены главные усилия нашего народа».
Виктор Шендерович,
писатель-сатирик

ВАДИМ **ЕВСЕЕВ**

ФУТБОЛ

Автобиография в записи
Игоря Рабинера

БЕЗ ЦЕНЗУРЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вадим Евсеев – единственный футболист, выигравший оба «золотых матча» чемпионатов России. Его гол в ворота Уэльса, который вывел нашу сборную на чемпионат Европы 2004 года, останется в памяти болельщиков навсегда, как и легендарный крик в телекамеру «Х… вам!».

В автобиографии Евсеев без прикрас рассказывает о своей жизни, в которой все доставалось ему нелегким трудом, о первых шагах в футболе и первых победах, о переходе из «Спартака», команды своей детской мечты, в главную команду своей жизни – «Локомотив». О людях, игроках и тренерах, помогавших ему стать тем, кто он есть, и попутно вершивших спортивную историю. А также о российском футболе, в котором встречаются большие деньги и их полное отсутствие, договорные матчи и бескорыстная любовь к игре.

- Вадим Евсеев
  -
  - Предисловие
  - От соавтора
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Послесловие
  -
  - Фотографии

Вадим Евсеев
Футбол без цензуры. Автобиография

Записал И. Рабинер

Фотографии для настоящего издания предоставлены Александром Федоровым, Федором Кисляковым, архивом музея ФК «Спартак» и семьей Вадима Евсеева

© Евсеев В. В., 2015
© Рабинер И. Я., 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Предисловие
Снимите кино о футбольной совести!
Валерий Баринов, народный артист России

Вначале задумался – а почему, собственно, Евсеев? Ведь в клубах, где Вадим провел большую часть карьеры, – в «Спартаке» и «Локомотиве», были, на первый взгляд, более звучные имена и более талантливые футболисты, чьи автобиографии привлекли бы серьезное внимание. Андрей Тихонов, Егор Титов, Дмитрий Лоськов…

А потом понял – и оценил точность выбора. Ведь при всей его внешне грубоватой манере поведения и выражения своих мыслей именно Евсеев, будучи игроком, был совестью футбольной. Человеком, который всегда говорил правду вне зависимости от того, где, с кем и когда разговаривал. Это было главным принципом и главной ценностью его личности.

Именно это позволяло надеяться, что в книге он предстанет таким же – не прогнувшимся под изменчивый мир. Так и произошло. Для начала мне очень понравилось название – «Футбол без цензуры», потому что оно точно характеризует Вадима, с которым мы знакомы уже много лет. А потом – и содержание.

Евсеев – особый человек, и не случайно в книге он поражает откровенностью, говоря о деньгах, договорных матчах… При этом он не ставит перед собой цель сделать акцент на закулисной возне, какой-то грязи. А просто говорит, что думает. Бескомпромиссно раскрывает нам свою душу.

Поэтому и ощущения от книги очень хорошие. Иной человек пишет автобиографию, после которой остается гадливое чувство – этакого саморазоблачения персонажа. Здесь все наоборот – вроде и о себе порой говорит крайне нелицеприятные вещи, и некоторых других не жалеет, а отторжения это не вызывает. Только уважение.

Читая «Футбол без цензуры», я думал: откуда у человека такая смелость? И смог бы я сам такое о себе рассказывать? Пришлось признаться: пожалуй, нет. Но Евсеев – просто такой человек, которому нечего скрывать.

Что касается его знаменитого высказывания после победы в Кардиффе, то я вообще-то противник публичного мата со сцены и экрана, считаю, что чаще всего он идет от недостатка таланта.

Ведь искусство должно в том числе учить – и получается, что это вариант поведения, который предлагается публике.

Но тут всё не так. В Уэльсе мат вырвался не от недостатка таланта, а от избыточно талантливой ситуации. Поражаюсь, что о ней еще не написан киносценарий – это же чистое кино, как актер говорю! Прямо перед глазами стоят классные моменты для монтажа! Может, книга и станет точкой отсчета для такого фильма?

Больная дочка в Мюнхене, операция на ее маленьком сердце. Огромное личное напряжение, перелеты в Германию, назад в Москву, потом в Уэльс. И в те же дни – такое же напряжение у страны, которая ждет решающих матчей за выход на чемпионат Европы. Стычка с идолом Уэльса Райаном Гиггзом в Москве. Весь огромный кардиффский стадион «Миллениум», свистящий и улюлюкающий, как только он, Евсеев, касается мяча. 80 тысяч – не просто против твоей команды, а против тебя одного.

Какую же надо иметь силу воли, чтобы все это выдержать! И как же справедливо распорядился Бог, подарив ему именно в таком матче победный гол, который заставил подпрыгнуть всю страну! Как же здорово, что Евсеев, которому по установке не нужно было бежать в штрафную, вдруг подумал: «Пойду-ка туда!» Пошел – и забил.

Да, Вадик немного обиделся на Ярцева, честно рассказавшего, куда и почему игрок отлучался со сбора. Ну и хорошо, что рассказал. Потому что вся Россия ощущала его драму. И радовалась за него сильнее, чем в случае, если бы ничего не знала. А потом – этот выкрик-выплеск, который стал сгустком всех его невероятных эмоций в те дни. И та ситуация форму этого выкрика оправдывает.

О том матче, реплике и обстоятельствах вокруг них разные люди вспоминают на протяжении всей книги. Лично мне этот ход очень понравился, потому что ты постоянно возвращаешься к этой вспышке, к яркому моменту, пожалуй, главному в футбольной карьере Евсеева. О нем с разных сторон рассказывают сам Вадим, его замечательная жена Татьяна (чей монолог мне, кстати, вообще очень понравился), близкий друг Александр Маньяков, тренеры, с которыми он в тот момент работал, – в клубе Юрий Семин, в сборной Георгий Ярцев…

Забавно было прочитать мысль, что крик Евсеева – воплощение нашей национальной идеи. А ведь что-то в этом есть. Мы побеждаем, спасаем себя и всех, когда делаем что-то кому-то назло, наперекор. Таков русский характер, а Вадик – истинно русский человек.

Как, кстати, и упомянутые выше Тихонов, Лоськов… Все они

пришли в футбол на изломе времен и прошли сложнейшее испытание – деньгами. Но именно такие люди, как они, это испытание с честью выдержали, хотя их никто подобному не учил. О том, как непросто это было, Вадик тоже очень честно рассказывает в книге.

Врезался в память рассказ Евсеева о его детстве, о том, что футбол спас его от улицы, возможно, даже от ухода в преступность. Это очень глубокая мысль, и ее следует обдумать тем, кто считает футбол не более чем забавой, которой напрасно уделяется столько внимания. Для меня же он всегда был особой жизнью, этаким сохраненным во мне детством, к которому мне как творческому человеку необходимо возвращаться. А для этих ребят и их жизней он сыграл и вовсе огромную роль.

А сам Вадим сыграл выдающуюся роль лично для меня как для болельщика «Локомотива». Ведь это было самое счастливое время в истории клуба, и уверен, что присутствие в нем Евсеева – отнюдь не случайное совпадение. Вначале пришел Лоськов, который изменил игру, добавил в нее поэзии – но чтобы стать чемпионом, да еще дважды, нужны были такие железные характеры, как Евсеев и Босс, Серега Овчинников. Я обожаю всю их тогдашнюю футбольную банду!

Никогда не забуду победного гола Евсеева «Галатасараю» в Стамбуле – и того, как он, ликуя, полез на решетку стадиона «Али Сами Йен» к нашим болельщикам. Хоть я и не смог тогда полететь с командой и смотрел игру по телевизору, эта его бушующая энергия физически передалась мне через экран. И на следующее утро я пришел давать интервью на НТВ по совершенно другому поводу в костюме с эмблемой «Локомотива». Ведущая удивилась – а я сказал, что после случившегося всю ночь ждал, чтобы прийти на эфир в таком виде.

Точно так же, читая эту книгу, ты физически ощущаешь чувство несправедливости, которое испытал Евсеев, когда Анатолий Бышовец убрал его из «Локомотива». Ведь много лет этот клуб был для него настоящим домом, семьей – и не случайно, что как глава про годы в «Локо», так и монолог Семина о Вадиме читаются на одном дыхании и поражают тебя в самое сердце. И поразят, уверен, всех болельщиков команды, которые прочтут эту книгу. Как и поклонников «Спартака» – спартаковская глава…

Мы не виделись с Вадиком с его прощального матча в мае 2012 года. Меня тогда посадили на скамейку в Черкизове и заставили руководить командой. А я не мог руководить, потому что сидел и просто ими восхищался!

С тех пор с безумным интересом наблюдаю за Евсеевым со

стороны. И вижу, что он меняется – не как личность, а так, как и должен меняться человек, который из футболиста превращается в тренера. Вижу, как серьезно он подходит к своей новой работе и относится к игрокам. Верю, что из него может получиться хороший тренер – и что он еще вернет футболу много того, что Игра ему дала.

А пока, прочитав «Футбол без цензуры», я прожил целую жизнь и сделал это с удовольствием. Чего и вам желаю.

От соавтора

Обязательный вопрос, который задавали мне друзья и коллеги, узнав о том, что я работаю над автобиографией Вадима Евсеева: «Она будет называться: «Х… вам!»?

Узнав, что нет, несколько огорчались. Тираж, вздыхали, был бы другим. Публику хлебом не корми, а подай эпатажа. Крепкое словцо в названии, напоминающее о знаменитом евсеевском крике в телекамеру после победного стыкового матча Евро-2004 Уэльс – Россия, давало бы в этом смысле гарантию повышенного внимания. Подозреваю, что и издательство не отказалось бы – в особенности, если вместо двух последних букв первого слова стояло бы многоточие.

Но, на мой вкус, это запрещенный прием. Все равно что удар ниже пояса в боксе или нырок в чужой штрафной в футболе. Да, обезоружить соперника или заработать пенальти подобным образом можно. Но это будет – левый пенальти. За который потом станет неудобно. Нет, не за произнесенную на сильнейшем эмоциональном накале фразу, а именно за такое ее использование.

Собственно, этот вариант всерьез мы с Вадимом ни секунды не рассматривали, хоть он и витал в воздухе. Ведь и сам Евсеев с тех пор изменился, и говорили мне об этом во время работы над книгой не только его жена Татьяна и Гаджи Гаджиев, у которого Вадим играл в «Сатурне» и которому сейчас помогает в тренерском штабе «Амкара».

Рассказывают (правда, сам Вадим это упорно отрицает, но понять его можно), что произошел однажды в Перми такой случай. В перерыве матча Евсеев в спокойном тоне сделал замечание защитнику Бутко: мол, находясь вблизи собственной штрафной, не надо выбрасывать мяч из аута в сторону своих ворот – вырастает опасность ошибки и голевого момента. За Бутко неожиданно вступился другой помощник Гаджиева Андрей Каряка, причем в той самой форме, которую принято считать евсеевской.

Прежний Вадим в такой ситуации мог без раздумий вмазать с правой. Нынешний – стерпел, лишь бросив коллеге, только перешедшему из игроков в тренеры: «Потом поговорим». А потом, после матча, Каряка понял свою неправоту и извинился. Учитывая, что Евсеев – человек незлопамятный, проблема была тут же снята.

В том, что Евсеев уже не тот рубаха-парень, который никогда не стеснялся в выражениях, убедился и я сам. За все двадцать два

часа, что мы с ним записали, он не произнес ни одного матерного слова. И даже эти самые бессмертные «Х… вам!», когда было возможно, предпочитал формулировать как «эта фраза».

Но в главном он остался прежним. В той жгучей правдивости и непосредственности, что заставила меня в 2008 году написать в предисловии к его монологу для книги «Локомотив», который мы потеряли»: «Российский футбол без Евсеева потерял бы огромную часть своего колорита. И совести, полагаю, тоже… Многие люди, с которыми довелось общаться, говорят, что не могут себе позволить быть такими, как он. Хотя в душе очень этого хотят».

Так мы и пришли к названию «Футбол без цензуры». С двойным смыслом. В нем – да что там скрывать – есть прозрачный намек на фразу-легенду, но в первую очередь – на отсутствие умолчаний, абсолютную честность повествования. Причем в отношении не только других людей, но и себя. Поэтому когда, вспоминая о периоде после перехода из «Спартака» в «Локомотив», он скажет: «Деньги с неба на голову упали – и крыша немножко поехала» с последующими иллюстрациями, то мало меня удивит. Как и многими другими жесткими формулировками.

В этом, на мой взгляд, и состоит одно из главных отличий этой футбольной автобиографии от некоторых других, изрядно в последнее время нашумевших, лейтмотив которых – «все в дерьме, а я в белом фраке». У Евсеева же и окружающий мир – не дерьмо, и белых фраков ни на ком не замечено. А сам он – такой же, как и другие. Живой человек, который не может не ошибаться.

Эта книга, невзирая на немалое количество громких фактов, которые в иной стране и расследования бы за собой повлекли, светла по своей сути. Она о том, как не обладавший особым футбольным талантом парень (он любит повторять: «Таких, как я, – тысячи») из очень простой мытищинской семьи, где восемь человек ютились на 60 квадратных метрах, по-бульдожьи вгрызался в те шансы, которые давала ему жизнь, и в конце концов стал известен всей России.

О том, как скромный, даже зашуганный юнец времен начала карьеры превратился в главного правдоруба российского футбола. Неслучайно от многочасовых битв в видеоприставки с Дмитрием Хлестовым он пришел к чтению «Архипелага ГУЛАГ».

И главное – о том, как во имя своей маленькой дочки Полины, которой за несколько дней до игры в Кардиффе с Уэльсом сделали операцию на сердце, он в главном матче своей жизни прыгнул выше своих объективных возможностей – и забил главный в карьере гол. И о том, как родные ему люди, футболисты «Локомотива», скинулись и собрали десятки тысяч

долларов, чтобы покрыть часть расходов на операцию…

Не каждому так помогут, согласитесь. И не о каждом с такой готовностью и улыбкой, да еще и так долго захотят говорить для книги тренеры, с которыми прошла подавляющая часть его карьеры.

Связываюсь, например, с Юрием Семиным – и, несмотря на его занятость в «Анжи», который он только возглавил, мы встречаемся в Новогорске после контрольного матча махачкалинского клуба с «Динамо» и полтора часа взахлеб беседуем о Евсееве. Набираю номер Георгия Ярцева – и через пару дней поутру мчусь в манеж «Спартака» в Сокольниках, где они с Олегом Романцевым час повествуют о своем восприятии Вадима. Поздним вечером уже по ходу нового сезона звоню в Пермь Гаджи Гаджиеву – и мы полтора часа толкуем о том, каким Евсеев был игроком и каким становится тренером…

Три часа мы пронзительно разговаривали о Вадиме с его женой Татьяной в их доме в подмосковных Вешках. Так что эта книга – не только рассказ Евсеева о самом себе, но и его портрет, выполненный близкими ему людьми. Таня начала встречаться со спартаковским дублером Евсеевым, еще будучи школьницей – и со смехом рассказывала, как они шли поутру с Вадиком в направлении школы, он встретил знакомого и на вопрос: «Ты куда?» – ответил: «Да вот, жену в школу провожаю».

Я слушал и думал, что в этой непосредственности – весь Евсеев. Который не умеет говорить долго, глубокомысленно, закладывая лихие виражи причастных и деепричастных оборотов. Он говорит просто, кратко, отрывисто. И очень, очень прямо и честно. Не только о хорошем. А еще и о том, как в тот самый момент «съезда крыши» бил водителей, которые его подрезали на дороге. Как кричал непристойности своему любимому тренеру Семину и нелюбимому – Бышовцу. Как срывал футболку «Торпедо» и уходил с поля в Екатеринбурге в знак протеста против судейского беспредела. Как и от каких клубов ему предлагали деньги, чтобы «Сатурн» продал игру…

И юмор у Евсеева особенный, и самоирония. Ни с кем не спутаешь. Вот, например, о контракте с «Сатурном»: «Даже не представлял, что могу столько получать – 750 тысяч евро в год. Я же деньги люблю… примерно как Бышовец. Только заработанные своим трудом, а не прилетевшие из воздуха».

…Эту книгу напророчил бывший защитник «Локомотива» Дмитрий Сенников. Заявил однажды в интервью «Спорт-Экспрессу», что с нетерпением ждет мемуаров Евсеева: «Это будет хит! В интервью Вадик редко отделывается банальными ответами. Обязательно что-нибудь ляпнет».

Сам Вадим вскоре отреагировал так: «Самому писать тяжеловато. Нужен помощник. Если кто-то готов и найдет издательство – хоть завтра приступлю. Буду ли откровенен? Абсолютно. Скрывать мне нечего».

Эти слова врезались в память. Во-первых, потому что Евсеев – не из болтунов, которые сегодня что-то скажут и пообещают, а завтра о том и не вспомнят. А во-вторых, из-за редкостной для нынешнего времени – и не только в футболе, а в жизни вообще – прямоты Вадима. Ясно было: если уж он на эту книгу решится, ординарной она не станет. Не растает в общем потоке спортивно-мемуарных банальностей.

Убежден: так и будет. Своим неповторимым, евсеевским языком он рассказал, как и чем жили футболисты 1990-х и 2000-х. Какие у них были идеалы, как они росли, как выигрывали и проигрывали, как шутили и как выпивали, как дружили и враждовали. Почему, например, так вышло, что Евсеев и Сергей Овчинников, некогда лучшие друзья, больше таковыми не являются. Кстати, бывший вратарь «Локомотива» по прозвищу Босс, а ныне один из тренеров ЦСКА и сборной России, тоже согласился высказаться для этой книги – и, узнав некоторые ее подробности, нашел, за что перед Евсеевым через нее извиниться…

С момента интервью Сенникова и Евсеева прошло три года, когда ближе к концу 2014 года раздался звонок. Нет, не от самого Вадика: он человек слишком непафосный, чтобы проявить в таком вопросе инициативу. Движущей силой всего процесса стал его близкий друг Александр Маньяков – однокашник по футбольной школе «Локомотива», свидетель на свадьбе, крестный его дочки. Он и вдохнул жизнь в идею книги Евсеева, и убедил его самого, что она будет нужна и интересна людям. А заодно рассказал о герое массу прелюбопытных историй.

Никогда не стал бы помогать писать автобиографию, во-первых, несимпатичному, а во-вторых, неинтересному мне человеку. Евсеев же подходил по всем критериям. И уже не верилось, что давным-давно приключился такой эпизод. Кто-то из локомотивских людей рассказал мне, что новичок чувствует себя в команде неуютно и хочет вернуться в «Спартак». Я написал. И, приехав в следующий раз на базу в Баковку, услышал от него много интересного о себе. Тем самым фирменным языком.

После этого мы не разговаривали года полтора. Но как-то раз объяснились – и с ним, при всей его колючести, стало очень легко. Потому что рецепт общения с Евсеевым до невозможности прост: говорить все друг в другу в лицо. Как есть. Поэтому величайший парадокс, ирония судьбы, что большую часть

евсеевских воспоминаний (за вычетом восьми часов автомобильного марш-броска в Иваново, где молодой тренер, уходя в Пермь, прощался с командой и куда предложил съездить с ним) мы записывали в уютном московском кафе на «Курской» под названием «Хитрые люди». Вот уж чего-чего, а хитрости в Вадиме – не было, нет и не будет.

Для меня сам Евсеев, история его гола в матче с Уэльсом, да и знаменитый выкрик в камеру – воплощение России, русского характера, духа, преодоления. Недаром Семин, усмехаясь, рассказывал мне, что, когда у «Локомотива» не шла игра, он знал: главное – разозлить, завести Евсеева. И умышленно пользовался этим, даже понимая, что рискует наслушаться от него по полной программе, да еще и при всех. Зато если русский медведь по имени Вадик очнется от спячки, то и его, и всю команду будет уже не остановить…

Только мы начали работу над книгой, распланировав весь январь, как Гаджиев пригласил его работать в «Амкар». Уже за одно это опытнейшему тренеру надо сказать спасибо. О таких людях, как Евсеев, никто не должен спрашивать: «Где он?» Но процесс записи автобиографии несколько замедлился.

Если бы это касалось какого-то другого человека, у меня могли возникнуть опасения по содержательной части. Когда ты работаешь в Премьер-лиге, то есть находишься внутри системы, язык сам по себе заползает за зубы и норовит оттуда особо не вылезать. Но вот уж за Евсеева страхов по этой части не было никаких.

Да и в остальном все оказалось проще. Вадим – человек в высшей степени ответственный, и, как только между сборами или чуть позже, между матчами, появлялось «окно» и он прилетал в Москву, – тут же давал о себе знать, и мы встречались. Быть может, даже в ущерб времени для семьи, которого у него и так из-за переезда в Пермь оставалось в обрез.

Меньше трех-четырех часов ни одна встреча не продолжалась, и ни разу Евсеев не прерывал нашу беседу словами: «Мне надо ехать». Работать для него – значит работать, и так было всю жизнь и на всех поприщах. Потому он и стал тем, кем стал. И не случайно тот же Семин осенью 2014 года позвонил именно Вадиму с просьбой за два дня собрать золотой «Локомотив» 2004-го, чтобы отметить десятилетие последнего чемпионства красно-зеленых. Объяснил это мэтр так: «Ты – самый обязательный».

Разумеется, шестикратный чемпион России не подвел.

Два из этих чемпионств были достигнуты в золотых матчах-переигровках. Евсеев – единственный человек в истории отечественного футбола, кто выиграл сразу две такие встречи:

одну – в 1996-м за «Спартак» у владикавказского «Спартака-Алании», другую – в 2002-м за «Локомотив» у ЦСКА. «Это никакая не случайность, – убежден Семин. – Золотые матчи выигрывают сильные люди».

А каким был матч с Уэльсом, если не золотым?

Убежден, о таких людях должны знать и читать. Кардиффская легенда не может, не должна остаться достоянием лишь тех, кто видел ее собственными глазами.

Тем временем сам Евсеев уже с головой погрузился в новую для себя жизнь и стремится – с его-то амбициями! – со временем превратиться в главного тренера и многого достичь.

Не сомневаюсь, что и в тренерской роли он, человек с чемпионским сердцем, тоже станет первым.

Для меня тут есть только два вопроса – когда и где.

А почему – поймете из этой книги.

Игорь РАБИНЕР

P. S. Благодарим за интервью для этой книги Гаджи Гаджиева, Татьяну Евсееву, Александра Маньякова, Сергея Овчинникова, Олега Романцева, Юрия Семина, Георгия Ярцева.

Благодарим за помощь при расшифровке записей бесед с Вадимом Евсеевым студентов Школы спортивной журналистики А. Шмурнова и И. Рабинера (www.sportjurnalist.ru): Евгения Баламутенко, Екатерину Водяницкую, Павла Климовицкого, Александра Матюнина, Дмитрия Мухина, Романа Пасеку.

Глава первая
Гол для дочки, или как родилось «х… вам!»

В больницу я приехал ранним утром. Дочка Полина перед операцией ночевала уже там, а жена Таня с тещей остались в гостинице при клинике. Я же, прилетев в Мюнхен, снял номер в мини-отеле, у которого была то ли одна звезда, то ли две, – в городе проходил какой-то симпозиум и нормальную гостиницу найти было невозможно. Да и не важно мне это было – думал совсем о другом.

Поехал на метро. Боялся, что в пять утра оно еще не работает – а там толпа народа, не зайти. В Европе жизнь начинается спозаранку.

К шести был в больнице, увидел дочку. Потом ее забрали, но через полчаса привезли обратно. То ли рано еще было для операции, то ли что-то другое – но по новой ее увезли в половине девятого. А нам сказали – идите погуляйте часа три-четыре.

Она-то маленькая, ничего не понимала и не боялась, только спрашивала, что ей будут делать. А вот мы с Таней… Нас ведь бумагу заставили подписать. Страшную. Что в случае летального исхода больница ответственности не несет. Деваться некуда, подписали. Но состояние – не передать.

Пошли с Таней и ее мамой в центр Мюнхена, гулять. По Мариенплац, по Карлсплац – туда-сюда, только чтобы время скоротать. Я старался идти спокойно, эмоций не показывать. Хотя внутри их хватало. Но рядом – женщины, и если еще и я начну истерить… Нет, если ты мужик, то в такой ситуации должен быть непроницаем.

Вдруг пошли звонки. Вначале знакомый спрашивает: «Как дочка?» – «Откуда вы знаете?» – «Да вся страна об этом говорит!» Мы с Таней – в шоке.

В первый момент было неприятно, особенно я встревожился за жену, которой даже в больницу, как потом выяснилось, начали названивать. Все-таки это наша личная история. Любому было бы дискомфортно, и вначале я немного обиделся на Георгия Александровича Ярцева, который всем об этом рассказал. Но спустя некоторое время, поскольку операция прошла успешно, раздражение исчезло. И уже после возвращения из Уэльса в Мюнхен я даже согласился, чтобы Первый канал подъехал – очень уж они об интервью просили.

…Часов через пять вернулись в больницу. Когда подходили – ног под собой не чувствовали, хотя никто никому ничего не говорил. Но все же понятно. Лица бледные, напряжение внутри дикое.

Большего облегчения, чем после слов переводчика: «Всё отлично!», я не испытывал ни разу в жизни. Мигом успокоились, обрадовались. И стали думать, что дальше делать – уходить или врачей как-то благодарить? И вдруг слышим: «Вы к ребенку-то зайдете?»

А мы к реалиям нашей медицины привыкли – нам и в голову не приходило, что такое возможно. Операция-то у Полины была не на пальце, а на сердце. Но оказалось – можно. Хоть и в реанимацию!

Первую дверь прошли, дальше – умывальник со спиртом. Руки растер, система определила: только после этого автоматически открывается вторая дверь. Нам дали только халаты – даже бахилы не потребовались.

Дочка еще под наркозом, на ней куча аппаратуры. Но дышит хорошо, глубоко. Врачи улыбаются: «Не беспокойтесь, никаких проблем». Хоть с ней и не пообщались, но своими глазами увидели – и уже легче стало.

Выходим, идем. А потом Таня говорит: «Видишь, всё нормально. Езжай завтра в сборную. Я знаю, что тебе это надо. А мне мама поможет, я же не одна тут остаюсь».

Жена знала, как я футбол люблю. Хотя вряд ли она до конца понимала, какой важности эти игры с Уэльсом. Для нее в любом случае на первом месте был ребенок, и это правильно. Но Полине было уже лучше, и пусть я ничего не говорил, Таня поняла, что мне лучше поехать.

Связался с администратором сборной Виктором Вотоловским, он быстро решил вопрос с билетом – я же в Мюнхен из Москвы без обратного летел. Не знал, как все будет, не хотел брать.

Наутро улетел. К обеду уже был в команде. Пробежался, пришел в баню, и ребята сильно удивились: «Ты откуда взялся?»

* * *

Диагноз Полины – расщепление митрального клапана сердца – узнали, когда ей было два годика. Мы с Таней были на отдыхе в Эмиратах, а дочка с бабушками-дедушками дома осталась. И заболела ангиной, с высокой температурой. «Скорая» ее в больницу забрала, посмотреть-послушать. Там и услышали шумы в сердце.

Вначале врач «Локомотива» Савелий Мышалов отправил нас в Московский центр имени Бакулева. Не знаю, может, там и работают отличные хирурги. Но отношение персонала нам с Таней сильно не понравилось. Мы и так были в шоке от того, что у нашего ребенка сердечко больное, а тут еще, когда врачи и нянечки на вас орут…

Дочке два года, обстановка непривычная, она плачет. А эти люди, если их можно назвать людьми, начинают: «Почему ребенок кричит? Что вы за родители?!» Наверное, их можно понять, работа нервная. Каждый день общаются с мамами и папами, которые за своих детей переживают, все на взводе. Но у них профессия такая. В том числе и все это терпеть. Нам же тоже несладко было – пока все тесты прошли и к доктору попали, часов пять-шесть прошло. При том что не просто так пришли, а по рекомендации.

И вот заходим к врачу, он смотрит данные и заявляет: «Всё, ребенка оставляем, завтра операция». У нас глаза навыкате: «Стоп-стоп. Какая операция? Какое завтра?» И уехали. Пообещав себе туда больше не возвращаться. Ну что это за отношение?

Мы – опять к Мышалову, которому вообще огромное спасибо. Савелий Евсеевич отреагировал быстро. Друзей-то у него много везде. И в первую очередь – в Германии. Он там еще с Валерием Лобановским готовился в Руйте под Штутгартом к чемпионату Европы 1988 года. А тут позвонил своей знакомой Майе, которая работала в клинике в Мюнхене. Поехали на обследование, и вот там уже отношение и к ребенку, и к нам было на высшем уровне.

Профессор сказал, что никакой операции пока не надо. Да, есть проблемы, но сердечку надо подрасти. И вот начиная с 2000-го каждые полгода мы ездили к нему, и в начале 2003-го он сказал, что в конце года надо делать операцию. Вот это, я понимаю, отношение – не с бухты-барахты тебе говорят, что надо ложиться на операцию, а долго наблюдают и только после этого принимают решение.

В общем, то ли в январе, то ли в феврале 2003-го назначили дату – 12 ноября. Почему именно ее? А я календарь свой посмотрел. Там как раз «окно» было между завершением чемпионата и еврокубками. Ни в какую сборную тогда не звали, главный тренер Валерий Газзаев меня в ней на тот момент не видел. Ну и я, соответственно, на это не закладывался. Думал, как раз будет пауза, и я спокойно съезжу.

А в августе сборная дома проиграла товарищеский матч Израилю, Газзаев подал в отставку. Еду как-то с тренировки по МКАД, подъезжаю к Мытищам, включаю радио: «Главным тренером сборной России по футболу назначен Георгий Ярцев».

Думаю: «О, хорошо!» И буквально в тот же момент – звонок. «Вадим, это Георгий Александрович Ярцев». – «Поздравляю с назначением!» – «Что ты меня поздравляешь? Работать вместе будем? Мы же друг друга не подводили?» – «Нет». И с этого момента я в сборной был постоянно.

Заняли второе место в группе, попали в стыки на Уэльс. А дату операции перенести было уже невозможно – там, в Мюнхене, все на месяцы вперед расписано. И вот в субботу последний тур чемпионата, в понедельник у Ярцева начинается сбор в Тарасовке, где тогда располагалась сборная. Приезжаю, сразу захожу к нему в номер. Там трое – сам Ярцев, Ринат Дасаев и Никита Симонян.

Объясняю: мол, такая ситуация, 12-го числа – операция у дочки в Германии. Как отреагируют, честно говоря, не знал. Играто первая с Уэльсом, в Москве, – уже 15-го.

Саныч отвечает: «Никаких вопросов. Конечно, поезжай к семье. А когда с ребенком все будет хорошо, мы тебя тут ждем в любой момент». И Дасаев то же самое повторил, и Никита Павлович поддержал.

Ни одного слова о сроках, в которые мне «надлежит вернуться в расположение сборной», и всего такого прочего, не было. Не то чтобы я был удивлен, просто стало приятно – не каждый в столь нервной обстановке так бы себя повел. Но в Ярцеве я всегда был уверен.

И не только в Ярцеве, кстати. Я ведь из Кардиффа полетел в Мюнхен, а у «Локомотива» вскоре была игра Лиги чемпионов, дома с киевским «Динамо». И никто мне не звонил, не подгонял. Наоборот, я сам позвонил Сереге Овчинникову – команда тогда была в Хосте на сборах. А он передал слова Семина: «Сколько надо, столько и оставайся». Юрий Палыч – он всегда таким человеком был. Нормальным. Да и тот же Славо Муслин – если проблемы в семье были у Маминова, Пашинина, всегда шел навстречу.

Хотя, возможно, Ярцева я и на неделю раньше предупредил. Припоминаю, что в РФС за деньгами приезжал – их тогда наличными давали – и к нему заходил. Вышло, кстати, немало – за ту осень и следующий год я заработал в сборной тысяч 120 долларов, и расценивал это как деньги, упавшие с неба. Учитывая, что до того я в сборной не играл, а тут сразу оказался основным защитником. Хотя какой-то суммой премиальных за отборочные матчи мы поделились с теми ребятами, кто играл при Газзаеве, а при Ярцеве уже не призывался.

Операция обошлась мне в 50 тысяч евро, сумму нам еще в конце зимы – начале весны назвали. Зарплата у меня в

«Локомотиве» на тот момент была 10 тысяч в месяц, и деньги на оплату имелись. Ведь все 10 тысяч я откладывал: в «Локо» были хорошие премиальные за победы, и жил я на них. А зарплату копил. Вот она и пригодилась…

Но самое интересное – какие же педантичные люди эти немцы! Операцию сделали, деньги уже давно уплачены, но когда я вернулся в Мюнхен из Уэльса, меня приглашают в кабинет и возвращают из этого полтинника 15 тысяч. Говорят: «Мы уже после операции всё окончательно просчитали, и вышло 35». Пытаюсь себе представить, чтобы у нас так деньги вернули – как-то не очень получается.

Но самое поразительное произошло еще раньше. Про операцию только ребята из «Локомотива» заранее знали. И 23 августа мы обыграли «Сатурн», который шел в тот момент то ли на первом, то ли на втором месте. Я забил гол на 90-й минуте. И за победу в том матче нам ЦСКА бонус пообещал, простимулировал, можно сказать. 100 тысяч долларов на команду. Ничего страшного в этом не вижу – нам же не за поражение деньги пообещали, а за победу!

Так вот, выиграли мы, приезжаем на базу в Баковку, а там ко мне в комнату Овчинников заходит. И дает три толстые пачки долларов. По десять тысяч.

«Это что?» – говорю. «Ребята скинулись, – отвечает. – На операцию, которая у твоей дочки будет. Из этих денег, которые мы получили от ЦСКА». Для меня это было неожиданно и очень приятно.

Но это – «Локомотив» времен Юрия Семина. Настоящая семья. Команда, где никто никого не оставлял в беде. Я счастлив, что в ней играл, потому что мало где сталкивался с такой атмосферой…

Сергей Овчинников:

– Самый памятный матч с участием Евсеева для меня, конечно, – в Кардиффе. К сожалению, я не принял в нем участия – а может, и к счастью, потому что команда выиграла. Но помню, что гордился Вадиком, тем, что играю с ним в одном клубе. Когда он забил победный гол – это было сильное впечатление, такие не стираются.

Интересно, что его знаменитую фразу после матча с Уэльсом в прямом эфире я не слышал. Матч смотрел на сборе «Локомотива» по телевизору – но, видимо, выключил сразу после финального свистка, когда Евсеев еще не успел подбежать к телекамере. Либо отвлекся и упустил. Потом не раз вспоминали, смеялись. Это

эмоции…

Я никак те его слова не интерпретировал, а был просто рад за Вадима, за сборную, за пацанов. Они просто легли в контекст общего успеха – и команды, и лично Евсеева.

Вадик говорит, я был инициатором того, что команда собрала ему деньги на операцию дочке? Честно, не помню, кто там инициативу проявил. Считаю, что это нормальная человеческая реакция на ситуацию, в которой оказался наш друг. Ничего сверхъестественного мы не сделали. В том «Локомотиве» все знали и радости, и проблемы друг друга, ничто не скрывалось.

Татьяна Евсеева:

– Я была потрясена, узнав про 30 тысяч от команды. Нет, конечно, понимала, какие среди ребят в «Локомотиве» отношения, да и среди девчонок тоже. Что там говорить, если для меня ближе Инги Овчинниковой, хоть и живем теперь на разных континентах, подруги нет. Она была заводилой, центром всех этих отношений среди жен. Но чтобы до такой степени…

Тут Сергею, хоть после их развода с Ингой у меня к нему отношение сложное, надо отдать должное. Он сказал ребятам: «Нужно помочь». Пусть мы и сами на тот момент уже могли позволить себе такую операцию, но они – молодцы. Нет слов. Я только одну такую историю еще слышала: когда разбился на машине вратарь ЦСКА Вениамин Мандрыкин, ребята тоже собирали деньги на его лечение.

Мне было очень тяжело. Потому что года два мы вообще не понимали, что с нами будет. Сначала ездили в наш Бакулевский центр – и там почему-то все время были разные врачи и разные диагнозы. И персонал относился черт-те как. Это для них наш ребенок – один из тысяч. А для нас с Вадиком это любимая дочка…

Мы ждали два года, и они для меня были какими-то невероятными. Вадик все внутри себя переживал, а я человек открытый, и мне было сложнее. Порой мне нужны были слова утешения, но у него другой характер. Он переживает, но молчит.

Хорошо, у нас есть несколько пар друзей, которые приезжали, поддерживали. Например, Саша Маньяков, друг детства Вадика и крестный Полины, и его жена. Спасибо им большое. Знаю, в день операции Саша в Нижнем Новгороде, где он тогда работал, в церковь

пошел, свечку поставил…

И это же надо, чтобы операция совпала со стыковыми матчами с Уэльсом. Мы полетели в Мюнхен с моей мамой и Полиной, а Вадик к нам со сбора прилетел. На что я, честно говоря, не надеялась. Даже при том, что знала, как к нему Ярцев хорошо относится, не думала, что он его со сборов перед такими важными матчами отпустит. Работа есть работа. По-моему, только за день до прилета муж сказал, что приезжает. Хороший человек Георгий Александрович…

Правда, в день операции бродим по Мюнхену, ждем, места себе найти не можем – и вдруг звонок с Первого канала: «Как у вас с дочкой, закончилась ли операция?» Мы не можем понять, откуда информация всплыла. А потом оказывается, что Ярцев успел рассказать об этом в программе «Доброе утро» на том же Первом канале.

У меня к нему никаких вопросов: Вадик же не предупредил тренера, что не надо рассказывать о причине его отъезда, а тот и сказал правду. Это было простое недопонимание, уж точно не со зла. Но в тот момент я в шоке была. У нас даже мама Вадика не знала, что мы на операцию уехали! Не хотели никого лишний раз волновать!

Мне ведь начали звонить даже в больницу, нашли меня там, в Мюнхене. Корреспонденты на ресепшен пробивались, просили меня позвать. Врачи ничего понять не могли, кто такая эта Евсеева, что такое творится. Но я ни с кем не разговаривала – вообще не до того было.

День операции помню по минутам. Ведь это невероятно, когда такое с твоим ребенком происходит и ты должна подписывать бумаги насчет возможности летального исхода. И мы вместе с Вадиком их подписывали, и вы можете представить его состояние. Ну и высказался он в камеры после ответного матча с Уэльсом. В таком еще и не то крикнешь…

Полине дали какое-то успокаивающее лекарство и увезли. У меня была ужасная истерика, немецкие врачи со всем их самообладанием не выдержали и предупредили: «Если она сейчас не угомонится, мы ее выведем из клиники». Это не передать словами, только мать может чувствовать, что это такое – когда твоего ребенка увозят на операцию на сердце и неизвестно, что будет, привезут ли его назад живым. Ведь это – сердце, и его останавливают!

И уж совсем мне стало плохо, когда Полину привезли назад через 15 минут после того, как увезли. Думаю – ну как же так?! Когда из дома выходишь и возвращаешься – это плохая примета. Вот и тут я о том же подумала. А все потому, что операционная не была готова.

Операция длилась шесть часов. Это был ад. Ведь нам говорили – часа три, максимум четыре. Мы пришли в гостиницу, я говорю: «Наверное, мне надо поспать, время быстрее пройдет». Но куда тут заснуть! Если бы сильнодействующие таблетки были, то еще да, но когда их нет…

Тогда всем говорю: «Не могу здесь находиться, пойдемте в город. Там люди, там жизнь, Рождество уже скоро. И все это время мы ходили по центру, потому что мне надо было, чтобы вокруг были люди, много людей. Гуляли, кофе куда-то заходили попить…

Вадику как раз в это время и начали все подряд трезвонить. Он отвечал, некоторым, самым назойливым из корреспондентов, – грубо. А друзьям рассказывал, что случилось.

При этом абсолютно не показывал нам с мамой, что его колотит. Я ему еще говорю: «Ну почему ты такой спокойный? Что, в тебе сердца нет?» Сейчас-то понимаю, чего ему это внешнее спокойствие стоило. Муж совершенно правильно себя вел, потому что если бы еще и он начал показывать, что у него внутри, вообще не знаю, что бы со мной и мамой стало…

Точно так же, кстати, вела себя и Инга Овчинникова, моя лучшая подруга. Мы и сейчас, когда они с Сергеем давно уже не вместе, а она живет в Америке, каждый день созваниваемся и по сорок эсэмэсок в сутки друг другу пишем. А тогда все подружки звонили и плакали: ой ты бедная-несчастная. И только Инга звонила и как ни в чем не бывало бодрым голосом спрашивала: «Ну, что ты там делаешь? Когда прилетаешь?»

И ни слова про операцию. Я думала: «Ну ни фига ж себе, какая она бесчувственная». Только спустя время поняла: если бы еще и она начала скулить, как остальные, наверное, я бы не выдержала. А она, женщина мудрая, меня тянула за луковичку туда, наверх. И до сих пор, мне кажется, тянет…

Господи, как я благодарна этим хирургам в Мюнхене! Наверное, у нас тоже есть врачи, которые делают блестящие операции, но познакомиться с ними не

довелось. И надеюсь, уже не доведется. После того матча с Уэльсом, когда Вадик стал знаменитостью, ему дали телефон знаменитого хирурга Бокерии. Но когда это было действительно нужно, никаких связей у нас не имелось, и благодаря доктору Мышалову мы поехали в Германию.

А благодарна вот почему. Вначале врачи говорили, что будут Полине ставить взамен расщепленного клапана искусственный. Это влекло за собой еще одну операцию, когда дочка повзрослеет. Но в последний момент хирург нашел возможность сшить клапан. Так было намного лучше и избавило нас от многих последующих проблем.

Нам очень повезло. Ведь перед операцией врачи подробно разложили, что такое искусственный клапан, но мы все равно согласились, потому что куда деваться? Каждый год все равно ездим, обследуемся, но все эти годы Полина развивала сердечную мышцу, занималась плаванием, теннисом, танцами.

При этом она как ребенок видела наши эмоции и пользовалась своими проблемами со здоровьем. «Ой, не надо меня нагружать, у меня сердечко больное!», «Не кричите на меня, а то у меня сердечко заболит!» Хитренькая, во всем быстро разобралась, хотя ей на тот момент и пяти еще не исполнилось…

А тогда, после операции, нас совершенно свободно пустили на Полину посмотреть. Буквально на следующий день она уже встала на ножки, а через десять дней нас выписали.

После операции Вадик метался, лететь ему или оставаться. Но я понимала, что ему будет лучше вернуться в сборную. А смысл сидеть в Мюнхене? Чтобы я поплакалась ему в жилетку, а он меня пожалел? Так для этого со мной мама была, с которой я могла все эти чувства разделить. А он – спортсмен. И у него была важнейшая игра. И я видела, что ему это надо. Он улетел, но каждый вечер мне звонил. А прямо из Кардиффа прилетел обратно в Мюнхен…

* * *

* * *

Поехал бы я в сборную в такой ситуации, если бы ей

руководил не Ярцев? Ну, во-первых, любой тренер меня не вызвал бы, а Георгий Саныч мне доверял. А во-вторых, поехал бы. Потому что сборная – это сборная. Команда твоей страны.

Да, к Санычу я очень хорошо отношусь, потому что вижу, какой он открытый и как всегда помогал мне идти вверх. Олег Иванович Романцев, конечно, тоже очень многое в меня вложил, но он чуть другой человек. С Ярцевым, если честно, мне расти было легче.

Так вот, вернулся я из Мюнхена в четверг, пробежался, в баньку сходил. На следующий день – предыгровая тренировка. Она что у Ярцева, что у Романцева интенсивная, но длится недолго – минут 45. По ней одной тренеру сложно в полной мере судить о состоянии игрока. А я из-за перелета в Мюнхен и обратно, считай, пять дней со сборной не тренировался.

Поэтому я удивился, когда в Тарасовке на установке перед первым, московским матчем, Ярцев назвал меня в составе.

Играть мне на фланге предстояло против Райана Гиггза. Крайнего полузащитника «Манчестер Юнайтед». Деталей Саныч не разжевывал. Ни Ярцев, ни Романцев вообще не говорили во всех подробностях, как против того или иного игрока соперников играть. Это скорее подход Гаджи Гаджиева, у которого я в «Сатурне» играл и которому сейчас помогаю в «Амкаре».

А у Романцева с Ярцевым мы соперников, конечно, разбирали, но плясали все равно от себя, своей игры. Хотя вот после первого матча с Уэльсом, как правильно Влад Радимов в интервью рассказывал, нам вообще не показывали фрагменты этой игры, зато проанализировали домашний матч валлийцев с Италией. Чтобы объяснить, как наш соперник играет дома. А что до Гиггза – так мы же сами английскую Премьер-лигу смотрели. И понимали, что к чему.

…Началось все с моего нарушения на Гиггзе. Хотя арбитр и дал свисток в нашу пользу, можно сказать, что я сыграл грубо. Если не грязно. Въехал ему шипами сбоку в икроножную мышцу, чуть ниже колена.

Тот мяч был ничейный, мы шли к нему одновременно. Что показательно, и главный судья, и его помощник были рядом, и оба нарушения не увидели. Да, Райан меня опередил, а я ему поверх мяча попал в ногу. Мяч улетел в аут. Я посмотрел на Гиггза. Вид у него был остервенелый. Понял, что это ему не понравилось.

В конце концов, судьи рядом стояли. И, по-моему, он был зол на них больше, чем на меня. Читал, он говорил потом, что тем ударом я мог сломать ему ногу. Что ж, значит, запомнит меня на всю жизнь, хоть и врезал я ему по ноге неумышленно. А в Англии,

между прочим, он проходил через такое каждую вторую игру. И повторяю, с моей стороны это была не специальная грубость. Я хотел сыграть в мяч. Не получилось.

Извиниться я не хотел. Там война была. Не до извинений. Мяч вернулся из аута, и после этого, как я понял, он захотел мне отомстить. Вначале ударил головой в бровь. Я даже не сообразил, что происходит, а упал уже после того, как он локтем въехал мне в голову. На этом Гиггз успокоился.

Правда ли, что второй удар вышел слабее первого и мое падение было не слишком вынужденным? Правда. Я упал, лежал, притворялся, думал, ему красную дадут. Мой друг Саша Маньяков рассказывал, что смотрел тот матч с трибуны и сидел прямо над местом, где случился этот эпизод. И когда я, поразмыслив секунды три, схватился за голову и рухнул на траву, он заржал. Потому что симулировать я не умею, и он это хорошо знал. Хотя я пару раз дурака в конце игры и включал. Уже этого не помню, но он утверждает, что после игры спросил: «На хрен ты за голову взялся, подумал и упал? Падал бы сразу!», а я ответил: «Соображал, что мне делать!»

Подождите, но если за границей в таких случаях всегда падают, почему русский человек не может упасть? Удар-то, в конце концов, был, так что о симуляции говорить нельзя. И не случайно же после апелляции РФС Гиггза дисквалифицировали на два матча – пусть уже и после игр с Россией. Значит, виноват!

Да, не скрою, секунда размышлений, падать или нет, была. Но, скажите мне, почему соперники могут нас провоцировать, а мы им ответить тем же не имеем права? Почему мы должны подставлять вторую щеку? Можно было не падать, можно. Но я не считаю, что поступил плохо, потому что сделал это ради команды.

Я всегда таскал рояль. И никогда не осуждал того же Симеоне за эпизод с Бекхэмом на чемпионате мира 1998 года во время встречи Аргентина – Англия. Ведь благодаря тому моменту аргентинцы победили. Другое дело, что судья нашего матча эпизода не заметил, и Гиггза, в отличие от Бекхэма, не удалили.

Можно сделать что-то для команды. А можно специально не забить мяч в пустые ворота, как сделал в 2002 году Игорь Семшов в матче его «Торпедо» со «Спартаком» Романцева, и благодаря этому поехать на чемпионат мира. Фэйр-плей, говорите? По-моему, фэйр-плей – это то, что ты делаешь не для себя, а для команды. Семшов же действовал ей во вред. Зато до этого его в сборную не приглашали ни разу, а тут он был вызван и поехал в Японию и Корею. И почему-то не отказался, руководствуясь принципами фэйр-плей.

Гиггз для меня был большим футболистом, но не богом. У нас по общедоступному телевидению тогда показывали, по-моему, часовые обзоры Премьер-лиги, и, конечно, его имя не было для меня пустым звуком. Но ни перед ним, ни даже перед более великими людьми я не робел. Когда мы на «Локомотиве», по сути, на песке, играли против «Реала», выпрыгнул против Зидана. Я лицом к мячу, он – спиной. И так получилось, что я зубами ему в лысину впился, и у него кровь пошла. Пластырем заклеили, и он на поле вернулся.

Зинедин, кстати, нормально отреагировал. Футбол, игровой момент, ничего особенного. Я его зауважал, потому что он не повел себя как истеричка. Да и на Гиггза не зол – опять же футбольный был эпизод, никакой подлости. Если бы было не так, никогда не пригласил бы его на свой прощальный матч. И он вроде собирался приехать, да май на дворе был, и календарь «МЮ» не позволил.

Я всегда настраивался на важные матчи по-особому. Но никогда не собирался никого «окучивать». Никогда. Всегда старался играть в мяч. И никого за всю свою карьеру не сломал. А реально хотел – только одного подлеца. Коромана, который играл в «Крыльях Советов» и в «Динамо». Как-то раз с «бело-голубыми» играли, и, когда я лежал на газоне, он на меня умышленно шипами наступил. Но так и не получилось его проучить.

С Гиггзом же у меня такого желания не было. Людей, которые меня хорошо знают, отсутствие реакции с моей стороны удивило. Я действительно часто не прощал людям то, что они делают на поле. Как раз в том сезоне меня за такое удалили в Ярославле. Но с Уэльсом был тот случай, когда главным была команда, а не личные амбиции. И пришлось терпеть.

* * *

Дома с Уэльсом, который я, кстати, напророчил нашей команде перед жеребьевкой, сыграли вничью – 0:0. Вроде и атаковали, но реальных голевых моментов у нас было немного.

Результат был, мягко говоря, не очень – уж в первом-то матче точно рассчитывали выиграть и задел сделать. В раздевалке тишина стояла мертвая, гнетущая. Ощущение было – как будто на чемпионат Европы уже не попали.

Если бы Ярцев в тот момент начал нас в раздевалке песочить и тем более в прессе поливать – точно бы в Уэльсе проиграли. Настроение-то было на нуле.

Влад Радимов потом вспоминал, как это было. Он в первом

матче не играл, спустился с трибуны в раздевалку – и тут Георгий Саныч заходит. Видит все эти похоронные лица, поднимает брови и говорит: «А что случилось? Как они играли – десять человек в обороне, все сегодня видели. А теперь посмотрим, что будет, когда им придется немножко атаковать». И все сразу головы приподняли, повеселели. Это ведь очень важно, что тренер в такие минуты говорит. И как.

Ярцев вообще не орал. Нет, человек он эмоциональный, но ни разу не помню, чтобы на откровенный крик сорвался. Как и Романцев, пусть тот гораздо более замкнут. При том, что мы в тот момент были злы на самих себя. Не потому что плохо играли – футбол-то мы как раз приличный показали. Но взломать эту стену валлийскую не смогли.

К тому же остались без Овчинникова и Мостового на ответный матч. Причем Мост свою желтую получил именно в «куче-мале», случившейся после моего эпизода с Гиггзом. А Босс пострадал от португальского судьи, который всегда его «любил». Так, по крайней мере, Серега после матча сказал. Они пересекались еще в чемпионате Португалии, и тот на него затаил. В итоге на второй матч мы в любом случае оказывались с вратарем, у которого ноль матчей за сборную. Приятного в этом было мало.

Но у Славы Малафеева хоть какой-то международный опыт был, а у совсем юного Игоря Акинфеева – пусто. Поэтому, хоть нам ничего и не говорили, мы не сомневались, что играть будет Слава. А на Серегу не злились, хоть это была и большая потеря. С каждым может случиться.

Обсудить, в общем, было что. И мы вечером после первого матча решили в Тарасовке пивка попить. По-моему, в номере у Димы Аленичева на третьем этаже. Под картишки. Мы с Витей Онопко, правда, в них не играли – в отличие от Аленя, Радима, Гуся (Ролана Гусева. – *И. Р.*).

Кончился первый ящик «Миллера», который как-то пронесли на базу еще до меня. Я был назначен ответственным за пронос второго. Разработали целую систему ухищрений, чтобы не увидела охрана. С учетом высокого тарасовского забора сделать это в районе полуночи было непросто. Но нам, как мы думали, удалось – с помощью перехода по второму этажу.

Но спустя годы, когда с ветеранами куда-то играть ездили, Георгий Саныч раз хитро на меня посмотрел, вспомнил тот день и говорит: «Чё, думаешь, я ничего не знаю? Все знаю!» И расписал – как говорится, картина маслом. А мы-то думали… Все лучше понимаю истину, которую не раз слышал: одно из главных тренерских искусств – каких-то вещей не замечать.

Нет, уверен, что стукачей среди нас не было. Просто камеры, охрана – все эти современные навороты мы недооценили. Хорошо, что без последствий.

А посидели тогда прилично. То ли до двух, то ли до трех. И нам это надо было. Не присели бы – как знать, выиграли бы ответный матч в Кардиффе или нет. Когда ты находишься в таком моральном состоянии, как мы после первой игры, лучше не держать все в себе, а общаться, разговаривать. Из этого ведь тоже коллектив настоящий складывается. У нас в «Локомотиве» всегда так было…

В Кардиффе поселились на природе, у озера. Никакого ажиотажа не ощущали, ничего не видели и не слышали. Зато были поводы для веселья. Ноябрь, холод противный – но все до такой степени раскрепощены, что кто-то из массажистов на потеху игрокам даже окунулся. По этим вещам у нас всегда Слава Зинченко, сапожник, специалистом был, приговаривал: «Я везде купаюсь». Но сейчас уже не помню, он ли тогда отличился. Так или иначе, настроение хорошее было создано. И Ярцев нас не одергивал, шутки не пресекал. Понимал: главное – чтобы команда не вышла на ответную игру зажатой.

Сказалось и то, что побудки обязательной утром в день игры не было. Хочешь – спи сколько влезет, хоть до обеда, который в половине второго. Не каждый любит рано вставать, и кого-то такие подъемы выбивают из колеи. А тут все было как надо.

В день игры я созвонился с женой, она сказала, что с дочкой все нормально. Когда выходил на поле, о ней и думал. О том, что сыграю сейчас для нее – а потом полечу к семье, в Германию. Билет уже был, администратор сборной купил.

Стадион «Миллениум» – новый, раздевалки и коридоры большие. И некоторые от таких размеров места себе найти не могли. Тот же Димка Сенников бегал туда-сюда. Александр Бородюк, помогавший Ярцеву, смотрит на это и говорит: «Дима, что ты бегаешь? На поле будешь бегать. Успокойся. Потянись лучше». Сеня послушал. Сосредоточился на растяжке. И правда успокоился.

Настрой от Ярцева шел один – надо забить. И чем быстрее, тем лучше. Потому что, если мы забьем, им надо отвечать уже двумя голами. Да и вообще, главным, о чем он на установке говорил, было: «Играйте в футбол». Никакого отбоя, никакой концентрации на защите, на том, что у нас вратарь неопытный и ему надо помогать. Все как обычно. Даже лучше – стадион классный, полный, газон великолепный. Только играй!

Может, поэтому мы действительно сыграли в футбол. Если уж на то пошло, у нас в защите вообще только один Онопко опытный

был. Но все помогли друг другу и сыграли хорошо. А Малафеев так вообще один из лучших матчей в карьере провел. Хотя внутри у него не могло не быть мандража…

Вдохновляющих речей в раздевалке никто не произносил – они и не нужны были. Понимали, что будет тяжело, очень тяжело. Но никакой паники и близко не было. Сидели в раздевалке, и вот от капитана Онопко прозвучало: «Всё, пошли».

Потом играли гимны, и во время нашего валлийские болельщики прилично свистели. Мы всё слышали, конечно. Но не скажу, что именно это нас завело. Просто очень хотели на чемпионат континента. И я – в частности. Всю жизнь смотрел первенства мира или Европы – и думал: неужели и я однажды туда попаду?

И тут – вот он, рядом. Один матч остался.

* * *

Я не знал, что за время между первым и вторым матчем валлийская пресса сделала меня врагом всего Уэльса. В ответной игре ждал каких-то неприятных эпизодов лишь от Гиггза. Но если партнеры Райана, в первую очередь Сэвидж, отличались провокациями, то именно с его стороны почти ничего подобного не последовало.

Конечно, он был настроен против меня и нашей команды, разгорячен, но держал себя в рамках. Только один раз не выдержал. Мяч ушел в аут, и обычно люди, чтобы ты его ввел, спокойно тебе его катят. А он со всей силы в меня ударил. Ничего страшного, я и не к такому был готов. Особенно после того как на третьей минуте Сэвидж, длинноволосый такой, шипами мне в колено врезался. Но я тоже не собирался плакаться. Игровой момент. Не разлетелось же колено, жив-здоров остался!

Откровенно говоря, я думал, что руку перед игрой Гиггз мне не пожмет. Но он пожал. Правда, Гиггз в этот момент, как я понял, смотрел мне в глаза, а у меня они были опущены. Но не потому, что я чувствовал себя в чем-то виноватым. Я умышленно не смотрел не только на него, но и на остальных игроков сборной Уэльса.

Не хотелось мне на них смотреть после того, как они играли в Москве. Ведь именно из-за их провокаций у нас в первой игре два ключевых футболиста на пустом месте, по сути, получили желтые карточки и вынуждены были пропустить ответный матч.

Не думаю, что это была сознательная работа, чтобы выбить у России сильнейших игроков: слишком уж мы любим все эти

подозрения, чаще всего – беспочвенные. Мне кажется, просто так совпало. Арбитр не любил Овчинникова, а тот в конце первого тайма пошел с ним разговаривать. Ну судья и воспользовался ситуацией – причем мы узнали, что Серега пропускает второй матч, только после игры. А Мост, хоть и было ему уже много лет, всю нашу игру вел, и в Европе его не зря очень уважали.

В общем, потери для нас были очень серьезные. Хотя не могу сказать, что нас трясло от мысли, что Малафеев до этого не сыграл ни одного матча за сборную. Лично я вспоминал о вратаре, только когда он от ворот мяч выбивал. И перед игрой мы подбодрили его, сказав, что когда-то же надо начинать играть за сборную. Посоветовали действовать проще, особо не тянуть время. А мы, защитники, играли как всегда.

Зато в Кардиффе у нас дисциплина была, что называется, от и до. Ни на какие пакости мы не поддавались. Собранность, концентрация просто зашкаливали.

Когда прилетели, было смешно. Выходим из здания аэропорта. Шум, ажиотаж, телекамеры, микрофоны. И все мечутся, ищут кого-то одного. Потом выяснилось, что это меня искали. Но не узнали.

Вначале было как-то непривычно, когда мяч попадал ко мне – и раздавался дикий свист. Свистели, орали, улюлюкали все 72 тысячи – кроме наших болельщиков, естественно. Пресса своих за эти дни накрутила. Из-за истории с Гиггзом. Но я быстро привык.

Когда весь этот свист услышал, в голове всплыл эпизод с Луишем Фигу в матче «Барселона» – «Реал». Он тогда только из Каталонии в Мадрид перешел, и болельщики «Барсы» его ненавидели. И не просто на него орали и предметы разные швыряли, а даже свиную голову с трибун кинули. И ничего – он спокойно к этому отнесся и сыграл, как умеет. Вот и я себе сказал: «Сделай то же самое».

Скажу больше – мне это помогло. Я же человек такой – лучше всего играл, если был заведен, разозлен. Так что, может, и не забил бы я никакого гола, если бы весь стадион в Кардиффе мне не свистел. Знаете, как приятно играть в такой обстановке! Тем более что там, в отличие, например, от Стамбула, только кричали и гудели, но ничего на поле не бросали. В Уэльсе и сеток заградительных нет – менталитет не позволяет людям предметы в игроков кидать и на поле выбегать. Найдется, конечно, пара сумасшедших в год – как в том знаменитом случае, когда Эрик Кантона охамевшему фанату наподдал. Но в целом все безопасно.

То, что главное – меня завести, лучше всех Семин знал. И нередко этим пользовался. В 2002 году перед самым перерывом на чемпионат мира я только восстановился после разрыва

крестообразной связки колена и мы играли с «Ротором» последний матч. Юрий Палыч пообещал меня выпустить в стартовом составе, но в последний момент передумал и оставил в запасе.

В итоге я вышел на замену и успел забить гол. После чего подбежал к скамейке и заорал: «Семин, сосать!» В пылу обиды за невыполненное тренером обещание. Слышали это все, кто находился не только рядом, но и на расстоянии метров двадцати. С глоткой у меня все в порядке.

Девять из десяти тренеров после такого выгнали бы меня из команды. Что сделал бы тот же Романцев – даже представить страшно. Но Палыч лишь усмехнулся. Промолчал. А потом, когда я после чемпионата мира не только вернулся в состав, но и начал постоянно забивать, на тренировках постоянно всем говорил: «Разозлитесь на меня, как Евсеев!»

А в Уэльсе эту мою особенность не знали. И про все мои эмоции, про Полину, про то, что играю ради нее. Нет, я не говорил себе: «Ты должен забить гол». Защитнику накручивать себя таким образом глупо. Хотелось просто выиграть и выйти на чемпионат Европы. А кто при этом забьет, никакого значения не имело.

* * *

И вот – 22-я минута. Штрафной. К мячу, как обычно, идет Гусь, Ролан Гусев.

Я не видел, куда он подает. Сам Гусь потом рассказывал в интервью, что главным для него было перебить мяч через высоченного Хартсона, вставшего на ближней штанге. Я же просто пошел в зону, а потом получилось так, что мяч всех перелетел – и мне даже не пришлось прыгать. Даже не бил, а просто подставил голову. Вратарь, гадая направление, метнулся в угол, но мяч о землю ударился и по центру залетел. Го-о-ол!

Эмоции в ту секунду, конечно, зашкалили. Мог ли тогда уже подбежать и в камеры что-то крикнуть? Мог. Но понимал, что еще больше часа игры осталось и ничего еще не решено. Нечего расплескиваться, играть надо.

На установках в сборной Ярцев ни разу мне не говорил, чтобы я шел в чужую штрафную на стандартные положения. Моей задачей было не забивать мячи, а обороняться и начинать атаки. А при «стандартах» следовало оставаться с одним из партнеров – чаще всего Димой Сенниковым – за линией штрафной и держать нападающих соперника, которые не отходили назад.

А тут никто из валлийцев впереди не остался. Вообще ни одного человека. Это сегодня такое в порядке вещей – скоростные команды, такие, как дортмундская «Боруссия» или «Челси», при чужих стандартах в полном составе отходят назад и потом резко контратакуют, из глубины бегут на свободное место. Десять лет назад кто-то обязательно оставался впереди. И я сильно удивился, не увидев рядом с собой вообще никого.

В ту секунду и решил: «А дай-ка попробую!» Риска-то никакого. Не знаю даже, откуда этот порыв у меня возник – Ярцев же, повторяю, ни разу меня о таком не просил. Правда, потом, когда я объяснил это журналистам, он в своем эмоциональном стиле подкалывал: «Зачем ты им все рассказал?» Но так, в шутку. Вот уж кто-кто, а что он, что Семин ревновать к славе, завидовать не будут. Это не про них.

А бегать вперед, на те же стандарты, мне хотелось всегда. В том же «Локомотиве» я так забивал много мячей, вошел во вкус. И было даже немного досадно, что в сборной у меня другое задание.

Когда я прибежал в штрафную, меня никто не держал. Марк Хьюз, тренер Уэльса и бывший партнер Гиггза по «Манчестер Юнайтед», тоже ведь разбирал нашу игру, в том числе и первую, в Черкизове. А там я никуда не бегал. Вот нестандартное решение и привело к такому исходу. Подумать только: я же всего один гол за сборную забил. Зато такой, о котором никогда не забудут.

Но не считаю, что это я, я сборную на чемпионат Европы вывел. Просто гол забил. А вывела – вся команда, и заслуга у всех была равной.

Когда увидел мяч в сетке, почувствовал, что сделал это ради Полины. Ей этот гол и посвятил.

Олег Романцев:

– Евсеев – игрок необычного поведения на поле. Таких совсем немного. Когда особенно тяжело – на них можно положиться. А в тот момент как раз и было так тяжело. Счет 0:0, и трудно сказать, кто выиграет. Но я знал Евсеева, и то, что произошло, меня не удивило, а просто сильно обрадовало.

Ну, головой-то он умел играть слабо, честно говоря. А вот на опережение – другое дело. Именно благодаря этому как защитник он по перехватам был одним из лучших. Но на стандартах в чужой штрафной мы в «Спартаке» его не использовали. Просто потому, что угловые и штрафные разыгрывали по-другому. У нас были гренадеры, и поэтому подавать на ближнюю штангу не

имело смысла. В «Локомотиве» ситуация была иной, и там Вадик не раз забивал головой. И я был очень рад, когда то же самое ему удалось и в сборной. Да еще и в такой момент.

Георгий Ярцев:

– Вадик прав: я не давал ему установку идти в штрафную Уэльса на тот стандарт. Он должен был закрывать при отскоке определенную зону. Но счастливое качество Евсеева – своевременность подключений в атаку. Причем это касалось как атак с ходу, когда он выбирал правильный момент для того, чтобы подключиться, так и стандартов. Когда соперник разбирал высокорослых игроков, его рейды всегда оказывались неожиданными.

Умение найти болевую точку в обороне оппонента при стандартных положениях – это большое искусство, которое многие недооценивают. Но Вадим им обладал и ляпов в подобные моменты не совершал. А ведь иногда безрассудные выдвижения защитника вперед приводят к непоправимым последствиям для твоей команды.

По правде говоря, когда Евсеев играл в «Спартаке», будь то у меня или у Олега Ивановича, на стандарты он не ходил. Потому что расположение игроков у двух клубов – «Спартака» и «Локомотива» – было разное. Зачем использовать там Евсеева с его достаточно небольшим ростом, когда в нашем распоряжении были высокие игроки? Но в «Локомотиве» он регулярно показывал умение играть на опережение. Конечно, я это знал и имел в виду.

В тот момент в зоне, которую ему нужно было держать, у Уэльса никого не было. Вот он, увидев это, и пошел в чужую штрафную. Зачем кукурузу охранять – не надо это никому! Это говорит о его тактическом мышлении, о понимании: мол, я больше нужен там, чем здесь.

Он и оказался в штрафной Уэльса лишним игроком, которого никто не успел закрыть. И ведь ему еще надо было вовремя включиться в эту зону! Если бы он прибежал туда на секунду-другую раньше, на него бы тут же кто-нибудь из валлийцев переключился. А он выбрал идеально нужное мгновение, когда все внимание обороняющихся уже было сконцентрировано на высокорослых футболистах.

Когда люди видят такие голы, они внешне кажутся

им простыми, – но мало кто может понять, сколько мастерства, сколько лет работы над собой и своим пониманием футбола за ними кроются. Ты никогда не сможешь просто так прибежать в чужую штрафную и забить такой мяч в столь важный для команды момент. Подобный гол, который выводит твою сборную в финальную часть чемпионата Европы, – это плод всей твоей карьеры. И характера.

Но я полностью согласен и с Татьяной, женой Вадика, которая сказала, что Бог подарил ему этот гол за все то, что он пережил из-за операции его дочки…

* * *

Ребенку сделали удачную операцию, и я возвращался в сборную в хорошем настроении. Из-за дочки для меня это был главный матч в жизни. Хотя по своему физическому состоянию лучшим я его не назвал бы. Чувствовал усталость и объясняю это как раз тем, что перед первой игрой несколько дней не тренировался. Сразу же после возвращения от дочки, в первом матче, чувствовал себя свежо, а тут дало о себе знать отсутствие тренировок. Было тяжело. Валлийцы ведь и в штангу попали – не помню уже, Гиггз или Хартсон…

С другой стороны, Уэльс лез вперед, но постоянно раскрывался. Поэтому и мы играли лучше, чем в Москве, больше моментов создали. Случилось именно то, о чем нам после первого матча в раздевалке сказал Ярцев. Помог и гол: мы и так были раскрепощены, а когда забили, напряжение вообще исчезло. Может, и у тренера тоже – недаром он потом рассказывал, что впервые в карьере ни одной сигареты за матч не выкурил, хотя обычно дымил порядочно. По-моему, он за всю игру в Кардиффе ни разу со скамейки и не встал даже…

То, что мы – на чемпионате Европы, лично мне стало ясно только после финального свистка. Конечно, я знал, что валлийцам надо забивать не один, а два мяча. Но по манере их игры чувствовал, что эта команда может и два забить за минуту.

Потому что игра у них простая – заброс на длиннющего Хартсона, он скидывает мяч партнерам, а там может случиться все, что угодно. И если такая нехитрая комбинация пройдет один раз, может сработать и второй. Тем более что Уэльс почти пятьдесят лет на чемпионатах мира и Европы не играл и тут оказался от Евро на расстоянии вытянутой руки. Истерия там по этому поводу творилась страшная. Поэтому и на мой эпизод с

Гиггзом так отреагировали – там только спичку поднеси.

Скорость у Райана сумасшедшая, индивидуально мог разобраться с кем угодно. А меня ни разу за два матча не обыграл.

Очень вовремя на замену выпустили Радима. Тот, по-моему, за десять минут успел больше касаний сделать, чем Титов за предыдущие восемьдесят. В одном из эпизодов они, кажется, с Аленем, разыграв угловой, минут пять мяч держали, не давали Уэльсу его отобрать! И очень здорово тем самым их пыл погасили. Вообще, у нас моментов во втором тайме было больше. Булыкин вообще один на один по центру выходил – но не забил. Все свои голы Дима Швейцарии заколотил, после чего на него обрушилась слава: даже Пеле, который вскоре приезжал в Москву, с ним встречался. После этого Булыка забивать перестал.

…И вот – конец. Мы – на чемпионате Европы! Вижу – Ярцев бежит ко мне. Обнимаемся. Потом – куча-мала у углового флажка, все сходят с ума. Ловим Ярцева, в воздух кидаем. Потом в раздевалке кто-то быстро накачается пивом, которое там непонятно откуда возникло, и начнет кидаться пивными банками…

* * *

В какой-то момент всего этого безумия на поле и случилось то, о чем потом долго говорила вся Россия. Но в какой именно момент – хоть убей, не помню. Все было как в тумане…

Я заметил, что за мной неотступно следует камера. В одну сторону иду – она сюда, в другую – туда. Вроде как герой матча. Рядом идет Бородюк. И, видимо, уже понимает, что я готов что-то отчудить. Говорит: «Не надо, не надо!»

Надо. Меня всего переполняло от того, что в последние недели испытал. Ну и выплеснулось.

По-моему, я даже два раза это «Х… вам!» крикнул. А до этого – фразу «Знай русского Ивана!» Но, видимо, еще был далеко от микрофона, и ее зрители не услышали. Жаль. А вот о той фразе не жалею. Абсолютно. И мне было приятно, когда узнал, что к чемпионату Европы выпустили серию футболок с этим выражением.

О чем я думал, когда кричал? Хотел ли, чтобы народ услышал? Да если честно, ни о чем не думал, ничего не хотел. В таком состоянии голова отключается.

А крикнул я это, естественно, валлийцам, имея в виду, что снимают матч не наши, а они. Адресовал эту фразу народу

Уэльса. Не сказать, что как-то его ненавидел, – ничего подобного. Просто мы их обыграли! Знал, что британское телевидение всегда так действует – после финального свистка показывает лучшего игрока и того, кто забил…

Крикнул – и тут же забыл. Как это говорится – в состоянии аффекта. В этих словах не было смысла. Просто я вложил в них все то, что испытал до и во время операции Полины. Все то, что чувствовал после первой игры, когда на телевидении все говорили, что в Уэльсе у нас нет шансов, потому что дома сыграли вничью и в гостях у нас не будет двух ключевых игроков. Может, тем, кто в нас не верил, тоже кричал – кто его знает? Сейчас многое домысливать можно.

Потом много интересного про ту фразу читал. Виктор Шендерович написал, что ею я выразил русскую национальную идею. Понравилось. Здорово и поэт Михаил Танич, как мне передали, в интервью сказал: «Это же шлягер! Не может же человек всю жизнь скрывать эмоции. А этот гол Уэльсу был высшей точкой его жизни. И взыграло в нем что-то наше, русское. Я с восторгом это услышал». Прав Танич – это действительно была главная точка в моей жизни.

Потом уже мне посчастливилось с Михаилом Исаевичем познакомиться – вратарь Димка Бородин подсобил, когда мы с ним в «Торпедо» играли. Встретились около Сандуновских бань в ресторане «Белое солнце пустыни». И оказалось, что Танич – футбольный человек, здорово разбирается. Рассказывал, как они с друзьями в тот момент, когда ЦСКА Кубок УЕФА выиграл, взяли длинный белый лимузин и по Садовому кольцу на нем разъезжали. Пусть земля ему будет пухом…

И уж совсем мне понравилось, что в сборник анекдотов попал. Читаю много лет спустя – и натыкаюсь: «Когда у России с японцами возникли проблемы из-за спорных островов, Дмитрий Медведев отправил на переговоры Евсеева…»

Не только в анекдотах, но и в жизни в связи с этим возникали смешные моменты. Когда я закончил карьеру игрока и несколько месяцев работал в агентской компании у моего друга детства Саши Маньякова, поехали мы как-то в Киргизию подписывать местного футболиста Валерия Кичина. Так какие-то высокопоставленные киргизские чиновники представляли меня друг другу так: «Знакомься, это Вадим Евсеев. Ну тот, который «Х… вам!»

Если честно, я не краснел. Сказал – и сказал. Время было очень позднее, и дети, которые такие слова слышать не должны, уже давно должны были спать.

А с Гиггзом мы лично больше никогда не пересекались. Но

когда он еще в позапрошлом году доигрывал свой последний сезон за «Манчестер Юнайтед» – клуб из заграничных, к которому я давно неравнодушен, – приятно было вспоминать 2003 год.

* * *

Александр Маньяков, *друг детства:*

– До сих пор помню те дни, когда Полине операцию делали. Я жил тогда в городе Дзержинске Нижегородской области. Утром в день операции встал, в церковь пошел, свечку поставил, за здравие ребенка помолился. На улице Циолковского церковь новую построили, я там жил недалеко. Специально встал пораньше, чтобы точно до операции – переживал сильно. Первая крестница моя…

Сам Вадик эмоции редко на людях показывает. Он очень волевой человек и тогда все держал внутри. Не делился, не дергался, не нервничал. Конечно, мы все, друзья, ему говорили: «Вадяш, все будет нормально».

Помню и то, где был, когда Вадик Уэльсу гол забил. Я приехал из Нижнего, пришел к другу, взяли бутылочку, сидим смотрим – он, его жена и я. И наши забивают. Суматоха, я отвлекся, момент гола в прямом эфире не видел. А потом смотрю повтор: господи, это же Вадик забил! Радость такая…

Таня с Полиной в Мюнхене в больнице была, матч смотреть не могла. Сразу звоню – а она недоступна. Потом уже домой пришел, написал: «Как ты думаешь, кто забил?» – «Не знаю» – «Вадик забил!». Потом говорила: «Ты первый сказал, что Вадик забил». А потом он отмочил в камеру – и стал медийной фигурой, и везде его принялись приглашать…

Таня его экстравагантные выходки никогда не одобряла. Но тут как сдержишь эмоции? 70 тысяч тебе свистят, как только ты мяч получишь. Дочке только что операцию сделали – и все хорошо. И ты гол забиваешь, команду на Евро выводишь…

«Х… вам!» – эта фраза стала эпической, культовой. До какой степени, я понял только много лет спустя. Когда Вадик закончил карьеру, он стал в нашем агентстве работать. Поехали мы на Кубок Содружества игроков смотреть, увидели в сборной Киргизии молодого парня, Валеру Кичина. Подписали.

У киргизского клуба «Дордой» это был первый

серьезный трансфер. Они пригласили нас в Бишкек, и мы с Евсеем туда полетели. Вы бы видели, как они с ним знакомились. Олигархи, высокопоставленные люди. «Э, Канат, иди сюда! Вот это Вадим, помнишь? Как же – Евсеев, который крикнул: «Х… вам!» Да-да, тот самый, представляешь?!»

А через пару-тройку недель после матча с Уэльсом собрались у него дома, как раз Таня с Полинкой вернулись. А потом их сразу стали приглашать на передачи, в газеты, журналы… Звонит как-то Вадик, говорит: «Должен выйти журнал "Еврофутбол", там мое интервью». Я нашел, купил, звоню Тане: «Вам взять?» – «Возьми сколько можешь». В киоске журналов еще штук пять оставалось, все купил!

Тогда же их с Таней к Андрею Малахову на программу пригласили. Я по телевизору смотрел, и запомнилось, когда Малахов ее спросил: «А откуда вы узнали, что он гол забил победный?», она ответила: «Полинин крестный сказал». Приятно было! Когда вся эта шумиха вокруг него началась, результаты футбольные пошли вниз – и помню, как он решение принял: всё, больше никаких программ. Таня ему как-то говорит: «Может, пойдем?» Он: «Нет. Хочешь – иди сама». Моментально все это прекратил. Ему не нужен был пиар.

* * *

Я и за Ярцева был рад. За тренера, который первым во взрослом футболе в меня поверил, поставил в двадцать лет в основу «Спартака». Перед сборной он несколько лет не работал, и эта победа была ему очень нужна. Забив тот гол, я смог отблагодарить его за 1996-й.

Он ведь в Кардиффе не только за себя, но и за Романцева ответил. За тот жуткий эпизод с Украиной в 1999 году. До сих пор помню, как сидел на трибуне «Лужников» – и когда Андрей Шевченко подал, я посмотрел, где стоит Саня Филимонов, и во время полета уже подумал, что сейчас будет гол. Видно было, что мяч его перелетает, а на заднем шаге трудно выпрыгнуть. Жуткое тогда у всех состояние было. И заноза та долго сидела. Вплоть до Уэльса…

Мы пришли в раздевалку. Молодежь – Сыч, Керж, да и ребята поопытнее вроде Игнаша (Дмитрий Сычев, Александр Кержаков, Сергей Игнашевич. – *И. Р.*), и даже тренер Бородюк скакали,

радовались, из пацанов только Акинфеев, помню, сидел спокойно. А я так вообще не вставал. Никаких сил не было, всё на поле отдал.

Ярцев подошел и произнес примерно то же самое, что и мне сказал в тот момент, когда принял сборную. Что мы никогда друг друга не подводили. И сейчас не подвели. Овчинников сказал: «Я знал, что мы выиграем и ты забьешь». Они всем «Локомотивом» смотрели матч на сборе в Хосте. И Семин был так же уверен в нашей победе, как Босс…

Первым, помню, прямо в раздевалку мне дозвонился одноклассник, Андрей Ровдо. Вернее, это был первый звонок, когда я взял трубку. «Знаешь, что ты в камеру сказал?» – спрашивает. «Нет», – отвечаю. Он и объяснил.

Вспоминаю, что в раздевалку зашел телекомментатор Владимир Маслаченко. После первого матча он написал о нас неприятные слова, и мы были на него злы. Поэтому, когда ко мне подошел за интервью корреспондент «НТВ-плюс», где Маслаченко работал, я ему отказал. Бросил: «Вы же в нас не верили!» Сейчас понимаю – мальчишество, те же эмоции. Но тогда…

Потом мы сидели в гостинице с приехавшим на матч Андреем Канчельскисом, министром спорта Вячеславом Фетисовым и его помощником, пили пиво. С Фетисовым прежде лично знаком не был, при том что хоккей обожал. Интересно было вблизи на него посмотреть.

В гостинице решили не оставаться. Глубокой ночью на заказанной заранее машине поехали с Канчельскисом к нему домой. Ехали из Кардиффа в Лондон долго, часа три, наверное. О многом успели переговорить с человеком, который несколько лет играл с Гиггзом в одной команде. Вот только, по-моему, как раз о Гиггзе и не говорили.

Приехали где-то в четыре утра, на пару часов до выезда в аэропорт лег спать. Когда наутро проснулся, об Уэльсе, своем голе, чемпионате Европы вспомнил, конечно, но только на какую-то секунду. Думал уже о семье, о дочке. Переключился.

…Больше этого выражения я нигде не повторял, хотя многие просили – на бис. Крылатая фраза должна быть сказана лишь однажды. Если повторяться, будет банально. Да и невозможно такое подготовить заранее. Это может случиться только на таком диком эмоциональном накале, который у меня тогда был.

Потом, когда ко мне подходили за автографом, не раз просили, чтобы дописал еще и эту фразу. Отвечал: «Сами допишете». Много раз такое было. Но не написал ни разу.

Такие просьбы меня не раздражали. А вот когда на радио какая-то слушательница по телефону начала кричать, что меня

дома плохо воспитали, поэтому я так выругался, – признаюсь, разозлился. Знали бы вы мою ситуацию – а потом выводами бы бросались. Да, Ярцев рассказывал о том, что у меня в семье произошло, но все равно, думаю, в курсе событий было не так уж много людей.

Дочка матом не ругается. Хотя все эти слова, уверен, знает. У них же в классе – сплошные пацаны. А шестнадцать лет – как раз тот возраст, когда матерятся для самоутверждения. В классе, правда, всего пять человек, школа-то частная. Но четверо остальных – ребята…

* * *

Михаил Боярский, *актер:*

– Я сторонник лояльных отношений с телевидением. Не стоит, мне кажется, такие вещи делать. Но сам сюжет с победным голом Евсеева на стадионе, который освистывал каждое его касание мяча, – это было очень красиво. И сравнение нашего футболиста с д'Артаньяном тут вполне уместно. («Спорт-Экспресс», 2005 год.)

Виктор Шендерович, *писатель-сатирик, публицист:*

«*…Национальная идея, находившаяся в федеральном розыске со времен Бориса Николаевича, в ноябре 2003 года вдруг объявилась сама. Случилось это в прямом эфире Первого канала, после победного матча Уэльс – Россия. Озвучил идею неожиданно не только для мира, но, пожалуй, и для самого себя, герой встречи, защитник Евсеев.*

Идучи в раздевалку после матча, он обнаружил перед своим разгоряченным лицом несколько телекамер и громко, по очереди, сказал в каждую их них: «Х… вам!» Я думаю, Евсеев не имел в виду обратиться таким образом к российским болельщикам, а имел в виду как раз Уэльс, да и, чего мелочиться, все семь восьмых земной суши снаружи от Родины.

Сам того не желая, он разом выразил то, чему многие века подряд были посвящены главные усилия нашего народа. Лучшее и худшее, что мы делали на Земле, мы делали ради права сказать эти бессмертные, хотя и недлинные, слова. Потому что просто, как какие-нибудь бельгийцы, жить ежедневной порядочной жизнью по общим скучным законам – ну, не вдохновляет! Эдак живя,

некому даже изложить национальную идею.

А вот соорудить в чухонских топях чудо-город или победить Гитлера, потому что «Х… вам!», и потом самим же оккупировать пол-Европы с тем же внутренним посылом; и назло Америке первыми полететь в космос, и спиться назло КПСС… Ах, это наше!

Впрочем, Евсеев был не первым. Задолго до этого Ломоносова в бутсах какой-то неизвестный лавуазье сформулировал не хуже: Игорь Иртеньев, вернувшись из путешествия по Родине, божился, что, проплывая под Вытегрой, видел пустынную пристань без малейших следов человеческого присутствия. А на пристани этой – метровыми буквами написанное «Х… всем!»

Не «вам», обратите внимание, а – «всем»…

*Игорь первым и догадался, что это она и есть – долгожданная национальная идея. Он даже предлагал скинуться и прорубить в тайге просеку соответствующего содержания, чтобы из космоса видно было…» (*Из книги «Изюм из булки».*)*

Георгий Ярцев:

– Есть надежные люди, которым ты доверяешь безоговорочно. И когда Вадику перед играми с Уэльсом потребовалось уехать к дочери, я даже не сомневался, что он не просто вовремя вернется, но приедет готовым на сто процентов. Недаром, когда позвонил ему сразу после назначения в сборную, сказал: «Мы же друг друга не подводили». Так было и до того, так оказалось и после.

Те несколько лет, что прошли между моим уходом из «Спартака» в «Динамо», и моментом, когда мне доверили сборную, мы общались мало. Помню, как еще в мой динамовский период однажды пересеклись в Новогорске и Вадик не стал скрывать некоторой обиды, что я взял с собой Костю Головского, а его – нет. Я бы, может, и хотел, но так сложилась ситуация, что в «Динамо» его позиция была закрыта.

Но, следя за его игрой за «Локомотив» в течение нескольких лет, в необходимости Евсеева сборной, причем в качестве игрока стартового состава, не сомневался ни капли. И из-за характера, и из-за того, что у него есть ценное качество – играть на любом фланге. Может, правая нога у него посильнее левой, но качество игры на обоих краях было одинаково.

Моей задачей было собрать людей, которые с первой же тренировки поняли бы, что я от них хочу и в какой

футбол с какими соперниками мы будем играть. Они работали на тренировках, сидели на тактических занятиях, я видел их реакцию и видел, что мои слова доходят до них. Тот же Евсеев и понимал меня идеально, и сам я знал, что такие, как он, никогда не сдадутся. И прекрасно понимают, какая ответственность лежит и на них, и на мне.

Да, я рассказал журналистам, а через них и болельщикам, почему Вадик улетел в Германию и что случилось с его дочкой. Объясню почему. Перед Уэльсом каждый день собирались пресс-конференции. И все интересовались, зная мое отношение к Евсееву и то, что это игрок основного состава: почему его нет. А вы помните, какой в тот момент была ситуация с некоторыми игроками и какие вокруг всего этого роились слухи (Ярцев намекает на последующую дисквалификацию Егора Титова из-за массового употребления в «Спартаке» запрещенного препарата бромантана. – *И. Р.*). *Подоплека вопроса была такая: не на таблетках ли он, не из-за этого ли уехал? Поэтому я и сказал: успокойтесь, человек уехал по таким-то семейным обстоятельствам. Сказать абстрактно – «по семейным» – было нельзя, потому что это не выглядело бы убедительно, слухов стало бы только больше. Вокруг сборной и так-то творилось черт-те что, и нельзя было ситуацию замалчивать. Надо было четко ответить, почему Евсеев не участвует в тренировочном процессе.*

Сомневался ли я, ставить ли Вадика на первый матч с Уэльсом, учитывая, что у него выпало несколько тренировочных дней из-за перелета в Германию и обратно? Ни секунды. С составом я давно определился, и Евсеев в нем был. У нас был уговор, что он вернется. Конечно, я допускал, что что-то может пойти не по плану, и держал в уме вариант замены на этот случай.

Но коль скоро он вернулся в срок – это была его позиция. К тому же, если честно, после тщательного разбора игры Уэльса у меня и другого варианта не было, кого против Гиггза поставить. Может быть, разве что Смертин подходил, который знал Райана по английскому чемпионату. В итоге в первом матче Алексей играл на правом фланге полузащиты и помогал Евсееву опекать Гиггза. Но в целом непосредственно на фланге обороны Вадик был гораздо надежнее и выполнил поставленную перед ним задачу.

Главным перед игрой было, чтобы он восстановился эмоционально, пожил на базе, успокоился и через пару легких тренировок эмоционально зарядился. Я его и не трогал. Даже не разжевывал детально, как надо играть против Гиггза, потому что как раз ему не надо было ничего вдалбливать: я знал Вадима как игрока умного, грамотного, и ему достаточно было понимать основные вещи.

В борьбе он мог быть жестким, а иной раз и жестоким. Но не припомню ни одного момента, когда его кто-то вчистую переигрывал. Вот взять первый матч с Уэльсом, почему Гиггз так вспылил? Не только потому, что Вадик его грубо встретил. А из-за плотной опеки Евсеева на протяжении всего матча, которая не позволяла ему вообще ничего сделать. Такому-то футболисту! У Вадика была именно такая задача, и свой фланг он наглухо прикрыл.

Райан весь матч копил злость, и в тот момент она выплеснулась. Вадик немножко подумал и упал. Удар же был? Был. И уже после ответного матча Гиггза дисквалифицировали. Возможно, у нашего игрока было желание избавиться от Гиггза на поле, но не удалось. Наверное, потому, что Евсеев в принципе парень очень честный и симулировать не умеет.

А за фол против валлийца я не могу Вадика винить. В конце концов, а как действовать против игрока с таким уровнем мастерства? Далеко не всегда отберешь мяч чисто. Помню этот момент: там был перехват, Вадик резко пошел на соперника и сыграл, может, даже жестоко. Но не из-за того, что он хотел нанести травму, а только из-за желания не уступить и победить.

Порой у него самого были травмы, и он не мог выйти даже на предыгровые тренировки. Но я спрашивал: «Будешь готов к игре?», и он тут же отвечал: «Буду». Если он так говорил, то я не сомневался ни секунды: действительно будет. И не просто будет готов, а травма никак не скажется на его игре! Так и произошло в Уэльсе, хотя часть подготовки к матчу он пропустил – пусть не из-за травмы, а из-за отъезда к дочке.

После трех успешных отборочных матчей подряд – с Ирландией, Швейцарией и Грузией – у нас, как всегда, был взрыв эйфории, и 0:0 дома с Уэльсом стали ушатом холодной воды. Я-то видел, что мы сильнее – но вот бывают такие матчи, когда не идет мяч в ворота. Игроки

в раздевалке были подавлены, и я понял, что лучше всего в этой ситуации их поначалу оставить в покое.

Конечно, я знал, что они пили пиво на базе вечером после игры. Просто не давал это никому понять. Они думали, что такие хитрые – но мы-то все это на много лет раньше прошли. Да и, в конце концов, попили пива – ну и что? Там же не было какой-то серьезной коллективной пьянки. В западных клубах «кока-колу» не разрешают пить, а пиво позволяют.

Выпили, пообщались, обсудили. Если бы я им запретил – они что, не нашли бы возможность? Глупо так думать! Одно из искусств тренера – чего-то не замечать. Тем более когда все заодно. Это как раз важно, чтобы люди душу вместе отводили, а не каждый сам по себе. Так коллектив только укрепляется.

А вот после выходного дня был серьезный разговор, когда команда вышла на первую тренировку. Разумеется, касался он не пива. Я сказал: «Кто не верит – сумки на плечи и домой. Пусть я останусь с 13-ю или 14-ю игроками, но с теми, кто верит в победу и будет биться за нее». У кого-то, я видел, были сомнения, но остались все. И взяли тем самым на себя ответственность. Но в таких, как Евсеев или Радимов, я и не сомневался. До команды удалось достучаться, в Уэльс она приехала раскованной – и с большим достоинством там сыграла. Четко выполнила установку и победила.

Это был один кулак, а не растопыренные пальцы. И такие люди, как Вадик, и сцементировали игру. Благодаря такой линии обороны, как Евсеев и К°, Славе Малафееву было достаточно комфортно в день дебюта за сборную. Хотя все понимали, что парню придется несладко. У того же Акинфеева первый матч за сборную – товарищеский против Норвегии – сложился неудачно, и Ринату Дасаеву пришлось приложить много усилий, чтобы Игорь вошел в свою колею. Но у Славы все прошло без эксцессов.

Во многом благодаря тому, что Вадик не только забил победный мяч, но и весь матч отыграл безупречно – главное, на своей позиции. Когда человек находится под таким прессом, давлением обстоятельств, и не просто выдерживает его, а забивает решающий гол, – это вызывает особое уважение. А это высказывание в камеру… Вот тут-то, видать, как раз и выскочило все, что копилось это время. Весь негатив.

Меня потом замучили этими вопросами. Кто-то

говорил: мол, он бескультурный. Но люди не могли даже представить, что человек пережил. А я понимал: это был выплеск души. Все, что он молча переваривал внутри себя, в ту секунду в тот спонтанный крик и вложил.

* * *

* * *

Потом начались чествования.

«Норильский никель» в ювелирном магазине в ГУМе бриллиант вручил – как бы в подарок ребенку.

Банк «Авангард», помню, ближе к Новому году дал мне золотую карточку, на которой лежало 5 тысяч долларов, и подарок для дочки – куклу, где-то она до сих пор на чердаке нашего дома. Хозяин банка лично вручал. Я сначала хотел отдать деньги в детский дом, а потом решил, что у меня и своя семья, свой ребенок есть. И мама, о которой тоже заботиться надо. Почему я их должен обделять?

Меня стали регулярно узнавать на улице, чего раньше почти никогда не случалось. Какая-то шестидесятилетняя бабуля опознала в магазине – тут я вообще обалдел. Позвали на программу Андрея Малахова. Наконец, на новогодний «Голубой огонек», где мы с Катей Лель пели. Понравилось ли? Предпочел бы, как Саша Овечкин в ее клипе: стоять у телефона-автомата и ничего не делать…

Не могу сказать, что мне все это не нравилось. Но главным в жизни было, конечно, другое. То, что у ребенка хорошо прошла операция. И что Полина вернулась из Мюнхена в Москву живой и здоровой.

Ведь если бы не было всех этих переживаний – не было бы и гола. Уверен на тысячу процентов.

Татьяна Евсеева:

– Полина всю эту историю знает. В Интернете вначале вычитала. Сейчас уверенно говорит мне, что помнит, но я думаю, что нет – ей же тогда всего четыре годика было.

Тогда в Мюнхене у меня не было телевизора, по компьютеру смотреть футбол было еще невозможно – в общем, матч с Уэльсом в прямом эфире видеть не могла. И первой, по-моему, мне после матча написала эсэмэску девушка Булыкина: «Ну твой и отчудил!»

О боже, думаю, ну что он там еще натворил?! А тут и Инга Овчинникова звонит, все рассказывает. Радуюсь, конечно, что забил, но, услышав про фразу, хватаюсь за голову: «Мама дорогая, и что же теперь будет?!»

Вначале была в шоке, обалдела. Как-то не особо мне это все понравилось. Но потом поняла, почувствовала. Видимо, у него все то, что творилось с дочерью, внутри сидело, и он не знал, как с этим справиться.

Мне кажется, этот гол он получил откуда-то свыше. Бог дал ему этот глоток славы за все, что он тогда пережил.

Он ничего не имел в виду. У него это просто вышло. Операция у Полины удачно завершилась. Он забил этот гол, и команда вышла на чемпионат Европы. Что-то щелкнуло в голове – и Вадик не нашел ничего лучшего, чем вот это крикнуть.

Дома-то он матом редко ругается. Есть, правда, одно словечко, которое проскальзывает – даже Полина ему говорит: «Папа, ну сколько можно?»

Перед игрой созванивались ежедневно – но не в день матча. Он в день игры в себя уходит, его нельзя трогать. Даже если какой-то форс-мажор. Предчувствий у меня не было. Я, если честно, не думала, что его и на поле-то выпустят. При такой психологической нагрузке. Не каждый тренер согласится поставить игрока в подобной ситуации.

Но Ярцев-то Вадика знает и любит. У меня к нему очень теплое отношение, как и к Семину. Очень душевные люди, тем и похожи. Помню, когда Георгий Александрович принял сборную, сразу позвонил Вадику и сказал: «Ты у меня – первый кандидат». Он первый тренер во взрослом футболе, кто увидел в нем того, кем он в итоге и стал.

А Семин развил. Они с Вадиком постоянно друг друга подначивали, ходили по острию ножа. Юрий Палыч знал, что его надо заводить. И этим, мне кажется, пользовался, чтобы извлечь из мужа максимум. В Уэльсе же его завела ситуация с дочкой.

В «Торпедо», в первую лигу, Вадик потом пошел, чтобы поддержать Ярцева, у которого незадолго до того убили сына. Говорил: «Зовут в «Торпедо», Санычу надо помочь». И это вообще не обсуждалось.

В Германии я так ту игру и не посмотрела – сделала это уже в Москве. После того как меня потрясла встреча в аэропорту. К Вадику ведь корреспонденты еще и в

Германию прилетали. В ночь после матча журналисты звонили прямо в клинику. Но я ни с кем не говорила.

А потом…

Потом мы прилетели в Москву, и я думала, что нас только мой папа встречать будет. А там – целая тьма журналистов. Камеры, микрофоны. Потом пошло-поехало – к Вадику приезжали Первый канал, НТВ, другие каналы. Потом – программа Малахова, «Голубой огонек». Приятно ли было ощутить себя звездой? На тот момент приятно, конечно. Могло быть всего этого и больше, если бы я позволяла. Но я не позволяла.

Так, к Малахову я идти не хотела, но не потому, что плохо к нему отношусь, – просто не люблю все эти съемки, интервью, не считаю себя публичным человеком. Сидела дома, Вадик поехал один. Но потом звонок от администратора программы: «Очень просим вас приехать, слезно умоляем». Я и поехала.

Вадик, кстати, тоже быстро всю эту вакханалию прекратил. У Булыкина, Нигматуллина в тот период появились пиар-менеджеры, нам тоже предлагали. Муж отказался, сказал, что ему это не нужно. В фанфары побили – и хватит. На следующий сезон все и стихло. К нашему облегчению.

Там, у Малахова, всем было очень смешно от той реплики Вадика. Даже песню про нее Газманов, кажется, сочинил. А я сказала, что мне в те недели было не до смеха. И только близкие знают, каково нам тогда пришлось на самом деле.

Не завидовали ли окружающие? Вспоминаю, как одна родственница мне рассказала, что подходит к ней какая-то женщина и говорит про нашу историю с Полиной: «Знаете, почему у них все это произошло? Потому что людям – или слава, или деньги, или здоровье». Вот так. К сожалению. Мы должны ограждать себя от таких людей. Но как?..

А тот момент стал переломным не только в судьбе Вадика, но и в моей. В хорошем смысле переломным. До того была очень напряжена по поводу ребенка и ее болезни, годами не могла ни минуты отдохнуть – в первую очередь морально. А тут как-то отпустило. Слушала, как Вадик поет с Катей Лель, вспоминала, что мы пережили, – и подумала: «Слава богу. Все худшее позади».

Глава вторая
Если бы не футбол, мог бы стать бандитом

…Мне тогда было тринадцать. Мы, балбесы из динамовской школы, как обычно, на перемене играли в трясучку. Брали несколько монет и начинали трясти между ладонями, предварительно загадав, орел или решка. Монетки были от копейки до двадцати, о рублевых не было и речи – богатеев среди нас не водилось. Потом бросали, и кто угадал, каких больше, – тот монеты и забирал. Причем не все, а допустим, две из четырех. И продолжаешь играть.

Школа была общеобразовательная, но привязанная к спортивным клубам – не только футбольному, но и хоккейному. Перешел я туда в пятом классе, до этого учился дома, в Мытищах. На три-четыре класса старше были будущие динамовские хоккеисты, а потом звезды НХЛ – Андрей Николишин, Алексей Ковалев. Нас, мелких, они и не замечали. Мужики, а мы-то еще дети.

За трясучкой-то нас тогда директор школы и поймал. Конкретно меня. Привел к себе в кабинет, на завтра вызвал родителей. Я им этого не передал. Никто ничего не сказал, вроде бы тема забылась.

А через месяц наша команда должна была ехать на свой первый международный турнир – во Францию. За границей я до того никогда не был, тем более – за такой. Шел 1989 год, страна еще называлась – СССР…

Поездку ждали с диким нетерпением. И тут надо идти к директору школы, чтобы характеристику подписать – тогда без этого было не выехать. Я уже давно забыл про эту трясучку – ну что в ней, в конце концов, особенного? А он все помнил. И характеристику подписывать отказался.

Я – к тренеру, Виталию Трунину. Он когда-то в «Динамо» был хоккеистом, но где-то на подхвате, больше в запасе сидел. Став детским футбольным тренером, менял нас иногда целыми пятерками, как в хоккее. И за школьной успеваемостью следил. Объясняю ему ситуацию, прошу сходить к директору за меня попросить.

Провинность моя была такой мелкой, что я не сомневался: тренер поможет. Отношения у нас были хорошие. Лидером, правда, я никаким и близко не был – то играл, то не играл. Но

если выходил, то бился как мог и никогда команду не подводил. И был уверен, что мы все вместе с тренером – один за всех и все за одного.

Когда он мне ответил, что к директору просить за меня не пойдет, – я был оглушен. Даже не потому, что так мечтал поехать во Францию, а теперь эта поездка накрылась. А потому, что верил в справедливость, считал: мы – вместе, и мне даже в голову не могло прийти, что он проявит ко мне такое безразличие и меня отцепят от поездки.

Мне хотелось плакать, но я не плакал – еще чего, буду я нюни разводить на глазах у человека, который меня так обидел! Нет, ответить надо по-другому. Москва слезам не верит.

И тогда я совершил первый в своей жизни самостоятельный поступок. И почувствовал себя личностью. Маленькой, но личностью.

Перед отъездом Трунин, словно ничего не произошло, сказал: «Готовься к чемпионату». Я ответил: «Буду готовиться. Только в другой команде».

И ушел в школу «Локомотива».

Все это случилось в весенние каникулы, продолжался учебный год. Его надо было доучиться в динамовской общеобразовательной школе, и я два месяца ходил на занятия с ребятами из «Динамо», а в футбол играл уже в «Локомотиве». Никто мне слова дурного не сказал – все всё поняли.

Трунин пытался отговорить: «Куда ты, зачем?» Да, я не был лидером, но всегда был надежным футболистом, даже в детстве. Поэтому тренер, наверное, и не хотел меня отпускать. Кстати, я и вел себя хорошо, со мной у него не было никаких проблем. Это стало одной из причин, почему я обиделся – ладно был бы завзятым хулиганом, дисциплину все время нарушал, головную боль ему создавал. А такого и близко не было.

Жена говорит, что я упрямый – если что-то для себя решил, меня уже не переубедить. Это как раз с того момента. В тринадцать лет сказал себе: всё, ухожу, потому что этому человеку больше не верю. И так и сделал.

В профессиональном футболе я больше всего голов за карьеру забил именно в ворота «Динамо» – пять. И в школе «Локомотива» постоянно забивал им на разных турнирах. Как-то раз, помню, играли у нас на поле в Лосинке, 5:2 их грохнули, я дубль сделал. И очень этим гордился, потому что это был редкий случай, когда на футбол выбрался отец. Чаще ходила мама, а приход папы – это было событие. И я побежал радоваться к ним…

Только сейчас мне в голову пришло, что все эти голы в ворота «Динамо», что детского, что взрослого – это как раз

следствие той обиды. «Бело-голубые» с того момента стали для меня самым принципиальным соперником. На всю жизнь.

* * *

Мне было что терять. Школы «Динамо» и «Локомотива» были – небо и земля.

В динамовской школе мне, если честно, очень нравилось. Мы все время боролись за первое место по Москве, пусть и занимали в итоге второе – первым по 1976 году рождения постоянно был «Спартак», у которого собралась сумасшедшая команда во главе с Егором Титовым. Но мы шли вслед за ними.

Сейчас вот нашел фотографию, которую вы можете увидеть в книге, и вспомнил: на все наши детские матчи в «Динамо» ходил Гавриил Дмитриевич Качалин. Самый титулованный тренер в истории советского футбола, победитель Олимпиады-1956 в Мельбурне и первого чемпионата, вернее, тогда еще Кубка Европы 1960 года. И почетный динамовец, игравший всю жизнь в этой команде, а во главе тбилисского «Динамо» впервые в истории грузинского футбола выигравший чемпионат СССР.

Добрейшей души человек, Качалин поражал тем, что со всеми своими титулами к старости не устал от спорта, а смотрел игры футболистов всех возрастов, вплоть до самых маленьких. Более того, давал нам напутствия перед матчами. И, когда мы в девять лет начали играть чемпионат Москвы – шесть команд в четыре круга, он носил имя Качалина. При жизни!

Разумеется, мы, хоть и дети, понимали, кто это такой, и знали, чем знаменит. И слушали его с открытым ртом – еще и потому, что Гавриил Дмитриевич не поучал и не кричал, а был с нами добр и, я бы даже сказал, ласков. Вспоминаю о нем с огромным уважением.

Условия у нас были – по тем временам супер. Свой манеж, в котором играли всю зиму. Отличные поля на «Речном вокзале», на Флотской улице, куда переезжали тренироваться летом. Три зеленых поля!

А у «Локомотива-2» на Лосиноостровской – одно. Вроде как травяное, но травой там и не пахло. Так, кучками маленькими росла, а в основном земля. И неровная. Люди поперек с колясками ходили, с продуктами.

Переодевались в вагончиках, которые вообще ничем не были оборудованы. Мыться было негде. Один шланг на всех. Даже не шланг, а пожарный кран. Никто под ним и не мылся. Это уже потом начали, лет в 16–17. А в детстве пропотели и не заметили.

В «Динамо» же было все. На «Речном» тоже вагончики, но хорошие, опрятные. Один специально для душа – несколько рожков. Другой – туалет. Раздевалка нормальная.

Зимой «Динамо» ни одной игры не проводило на улице. Начальство делало так, чтобы три команды, у которых были свои манежи – «Спартак», ЦСКА и «Динамо», – и домашние, и гостевые матчи с другими командами играли там. Но у трех остальных, входивших в высшую лигу чемпионата Москвы, – «Локомотива-2», «Торпедо» и ФШМ – манежей не было. Поэтому с теми тремя мы и дома, и на выезде играли в тепле, а вот между собой – на снегу, иногда даже льду.

Помню, первый мой год в «Локомотиве», было уже холодно, нам говорят: «Играем с «Торпедо». Я наивно спрашиваю: «А в каком манеже?» Тренер смеется: «В каком, на фиг, манеже? Видишь вон поле на улице? Вот укатаем и будем играть!» Я был поражен: «Да ладно!» После «Динамо» мне это в диковинку было. В первый момент даже подумал: и зачем уходил? Но быстро эту мысль отогнал. Решил – значит решил.

Смотрю, в каких условиях сейчас дети в футбольных академиях растут, – это же сказка какая-то. Мы о таком и мечтать не могли. Но зря некоторые думают, что если они в комфортную футбольную школу с идеальными полями ходят, то из них обязательно что-нибудь получится. Во дворе надо играть! Все будущие олимпийские чемпионы и чемпионы мира – и по футболу, и по хоккею – в детстве не вылезали со двора. А сейчас – компьютер, Интернет, видео…

В школе все равно всех учат одинаково, а индивидуально, для себя, без окриков тренера: это, мол, нельзя, то нельзя! – ты работаешь в своем дворе. Что хочешь, то и делаешь. Часами, каждый день. За год уже получаются даже не дни, а недели. И это на всю жизнь закладывается.

Я, сколько себя помню, играл во дворе. Уже лет в четыре-пять, со старшими. Там была школьная коробка, а если занята – просто рядом со школой. Ставили по два булыжника вместо ворот – и вперед. До темноты.

А с коробкой повезло в том, что нигде больше в Мытищах я не видел, чтобы там песок был. А мы летом играли на песке. Нет, не босиком, конечно. В кедах обычных, на которых два мяча были нарисованы, красненьких таких. Наших, советских – где другие тогда было взять?

Лет с тринадцати начали уже против мужиков играть, которые там всегда по субботам-воскресеньям рубились. Четыре на четыре, с хоккейными воротами. Хорошая школа жизни – ног там никто не убирал. Хныкать было бессмысленно: хочешь –

играй без всяких скидок, не хочешь – дело твое.

Лед в коробке почти никогда не заливали – так что и зимой футбол продолжался. Поэтому привыкнуть к игре за «Локомотив» было несложно. Просто я не думал, что на уровне футбольных школ такое бывает…

Была у нас в Мытищах и своя настоящая команда. Нет, ежедневных тренировок не проводилось, но мы собирались в нашем районе Грачи регулярно. Помню, отец одного из ребят, Александр Хлестков, работал в автоколонне, он и организовал при ней юношескую команду. Причем возраст у нас у всех был разный – от старших до младших года четыре разницы. Зато форма одинаковая! Белая майка, на ней красным цветом написано: «Колонна 1375». Как сейчас перед глазами.

* * *

Мои родители – простые люди. Мама, Тамара Павловна, когда семья жила в Москве, работала на фабрике «Восход», в типографии. Помните старые тетрадки, учебники – там сзади всегда было написано: «Фабрика «Восход». Еще до моего рождения, после того, как за шесть лет до меня на свет появился старший брат Сергей и детей в семье стало двое (сестра Света – еще на два года старше), все переехали в Мытищи. А мама перешла на работу в соседнюю школу, в которой я потом и учился, простой уборщицей.

Отца, Валентина Сергеевича, давно уже нет в живых. Он много лет работал водителем в 33-й московской автоколонне. Ездил на грузовике, развозил по магазинам разные продукты. Самым любимым его делом было развозить пиво-воды, потому что, когда завозили товар на Бадаевский пивоваренный завод, у него была возможность взять себе несколько бутылок пива, а мне – лимонада. Изредка он брал нас с братом с собой, и я четко помню, где находилась его автоколонна – там, где съезд с Третьего кольца на проспект маршала Жукова. Сейчас там поблизости дилеры «Рендж Ровер» машины продают.

Отец был болельщиком «Спартака», и вслед за ним такими же стали и мы с братом. Но как-то так получилось, что первые шаги в футболе я делал вместе с мамой. Классе в первом я сказал ей, что хочу настоящий мяч. Она мне дала 25 рублей, я пошел в спортивный магазин и этот мяч купил. Такой праздник был!

Потом, когда попал в динамовскую школу, в девять лет пошли с мамой в магазин, и она мне купила первые бутсы. И где-то полгода ездила со мной в Москву на тренировки. Потом я уже

выучил дорогу и в том же девятилетнем возрасте сам ездил из Мытищ на «Динамо» и обратно. Десять минут пешком от нашего дома на Новомытищинском проспекте до станции «Тайнинская», полчаса на электричке до Ярославского вокзала, потом на метро от «Комсомольской» до «Динамо» и еще минут пять-семь – пешком до манежа. В общей сложности час пятнадцать – час двадцать.

Даже когда надо было вставать в шесть – шесть тридцать утра, я не ныл, потому что футбол просто обожал. Интерната в «Динамо» не было, поэтому и выбор отсутствовал – или ездишь из дома, или о Москве забудь. Это я потом уже читал, как мои ровесники Влад Радимов, Дима Хохлов, Рома Орещук в интернате ЦСКА жили по четыре человека в комнатах без мебели, ходили в общий туалет на тридцать человек и два километра шагали до пищеблока, где им часто говорили: «А на вас не заказано». И каждую посылку из дома они делили на всех.

Мне через все это пройти не пришлось. Лучше уж три часа каждый день тратить на дорогу туда-обратно, зато семью свою каждый день видеть. Все эти переезды меня не утомляли: как только попал в динамовскую школу, понял, что хочу быть футболистом и никем другим. Причем мне не важно было, на каком уровне играть, ведь в «Динамо», повторяю, лидером никогда не был. Главное – футбол.

Именно благодаря футболу моим любимым предметом в школе (кроме физкультуры, конечно, где я всегда был первым) стала география. Когда учитель просил кого-нибудь подойти к карте и рассказать, где какая страна находится, никто не хотел, а я вызывался: «Покажу все, что вам надо». С закрытыми глазами показывал – так, что даже учитель удивлялся.

А объяснение было простое. Я все команды в мире знал, отовсюду, где футбол есть. И когда мне говорили: «Финляндия», я сразу вспоминал: «Куусюси». Это здесь. «Аргентина» – о, это «Бока Хуниорс». И так далее. В итоге большинство стран как футболист объездил. Не зря учил. Всегда, например, мог уверенно показать, где находятся Германия и Мюнхен – и сейчас чаще всего туда езжу на горных лыжах кататься. Только до США пока никак не доберусь, хотя очень хотелось бы.

Ходил я и на шахматы в первом классе. Никаких комбинаций, конечно, еще не знал, просто любил есть фигуры соперника. Но в шахматах думать надо, все взвешивать тщательно. А я всегда предпочитал идти на врага с открытым забралом – была не была, выиграл или проиграл. Поэтому блиц мне нравится больше.

Так все мои шахматные занятия и ограничились одним годом. Хотя, кто знает, может, шахматы где-то на подкорке

отложились – и поэтому я очень хорошо успевал по математике. Правда, пока она не разделилась на алгебру и геометрию. До сих пор могу в уме складывать и вычитать большие числа, никакой калькулятор не нужен. И дочке помогал с математикой довольно долго.

Брат тоже пытался футболом заниматься, но до какой-то серьезной школы дело не дошло, к тому же травмы начались. Некоторое время, уже в подростковом возрасте, он занимался тяжелой атлетикой там же, на «Динамо», мы вместе из Мытищ ездили. Но быстро бросил, поскольку слишком поздно в этот вид спорта пришел.

Поэтому он остался простым болельщиком, ходил на мои матчи и в «Спартаке», и в «Локомотиве», причем со своим сыном. Как и мама, кстати. А в профессии он пошел по пути отца и стал водителем – раньше ездил, как отец, на грузовике, а сейчас в фирме на легковой.

При этом он окончил художественную школу и по сей день для удовольствия рисует картины. Мне тоже парочку подарил, в том числе мой портрет. У меня самого подобной тяги никогда не было – я такой же корявый, как мой почерк… Сестра раньше работала продавцом в большом универмаге «Московский» на Комсомольской площади возле трех вокзалов, а последние лет пять – в банке в Мытищах.

* * *

Мы никогда не голодали, но и не шиковали. Родители жили от зарплаты до зарплаты. Трое детей, а еще с нами бабушка по маминой линии жила. Оба деда погибли в Великой Отечественной. Семья воспринимала такую жизнь как нормальную и единственно возможную. Ни о какой заграница никто из нас и не мечтал.

Лишних вещей у меня не было. Сестра – единственная из нас, кто учился по-настоящему хорошо – и та не стала одиннадцать классов заканчивать, а пошла работать и в вечернюю школу. Из-за того, что надо было деньги зарабатывать…

Лет в пятнадцать я около железнодорожной станции «Мытищи» каким-то образом выиграл в лотерею 25 рублей. Считается, что все такие барабаны – лохотрон, а мне почему-то повезло. Рубль, потраченный на билет, я взял у сестры. И весь этот четвертной принес домой и ей отдал. Знал, что ей нужнее…

Мама следила за тем, чтобы мы были сытыми, и я никогда не чувствовал никакого дискомфорта. Она успевала после работы

приготовить ужин на всех, и мы как-то даже и не задумывались, чего ей все это стоит. Потому она и стала работать в школе, что всё рядом.

Сестра родилась еще в старой квартире, в Москве. А потом переехали – по-моему, в 1970-м. Брат родился летом того года уже в Мытищах, на Новомытищинском проспекте. Ту квартиру мы продали лет пять назад.

И я никогда не жалел, что семья перебралась из столицы в Мытищи – в родном городе всегда чувствовал себя комфортно и в Москву так и не переехал. Хотя возможностей уже во время карьеры игрока было море…

Сейчас думаю, что как младший из троих детей был у родителей любимчиком. По крайней мере меня никогда не били – ни мама, ни отец. Хотя от сестры и брата слышал, что им порой доставалось. Может, и ремешком – но не в большом количестве. В любом случае у меня нет такого перед глазами, чтобы родители были какими-то деспотами. Разве что изредка, когда сестра с братом их доводили. Тем более что у Светы с Сергеем разница в возрасте маленькая и они могли беситься вместе. А мне, например, и в голову не приходило лезть с ними драться – какое там, если они на восемь и шесть лет старше меня?

Меня родители просто ругали. Около станции «Тайнинская» был какой-то завод. И как-то раз мы с братом принесли оттуда домой ведро с гильзами. Для чего, зачем? Тогда мама на нас подняла голос прилично.

Какие подарки она тогда мне дарила – уже не помню, а когда повзрослел, стала дарить книги. Однажды вручила несколько томов «Архипелага ГУЛАГ» Солженицына, и я их целиком прочитал. Мне вообще нравится литература об истории страны – так, книгу о династии Романовых проглотил залпом.

Родители никогда на меня не давили, не говорили, кем я должен стать. Главное – хорошим человеком. Я по жизни никому не желал зла и не делал плохих вещей: чтобы кому-то было плохо, а мне за счет этого – хорошо. Это во мне мама и заложила. Она больше всего моим воспитанием занималась.

Мама у меня интеллигентная – недаром такую литературу читала, и пусть не сразу, но я к ней тоже пристрастился. А когда рос, был типичным пацаном из футбольной школы. Помню, к нам в «Динамо» пришла женщина из Дома моды Вячеслава Зайцева – учить нас этикету. Но это было бесполезно – нам, балбесам, лишь бы побеситься, в трясучку на деньги поиграть. Какие там премудрости этикета…

Да, насчет зла. Когда я в «Локомотив» пришел, однажды случилась такая история. Олег Терехин познакомил с людьми,

которые пригоняли из Германии машины. Они мне «Мерседес» привезли, потом Юрке Дроздову. А через какое-то время я захотел другую машину, отдал человеку 40 тысяч долларов – и он пропал.

Потом его нашли. Он ведь кинул не только меня – еще Женю Харлачева, других людей. Харлей вплотную занялся его поисками. Нашел. Через знакомых из серьезного мира, с которым шутки плохи. Денег он не вернул – их у него не было уже давно. То ли болел чем-то, то ли еще что.

И вот эти братки нас с Женей спросили: «Что с ним делать?» Вопрос стоял о жизни и смерти. Даже так.

Мы ответили: пускай живет. Что с этим человеком было дальше, не знаю, больше мы его никогда не видели. Но со своей стороны сделали все, чтобы ему не причинили зла. Пожалели, потому что как живого человека убить можно?

И я считаю, что потом это добро ко мне вернулось. И в плане спорта – поднялся как футболист. И по части денег – зарабатывать стал намного больше. А если бы сказал тогда: «Мочите его» – кто знает. Мне бы это в жизни обязательно аукнулось.

Иногда задумываюсь, кем бы стал, если не футболистом. И понимаю, что в те годы могло бы получиться по-всякому. Затянуло бы не в ту компанию – и стал бы… одним из тех. Рэкетиром, бандитом. В начале 90-х все могло случиться. Соблазн-то был велик – деньги там крутились намного более легкие, чем у простых людей. И все это видели.

На моих глазах создавались группировки. Старшие ребята, кто школу заканчивал, уже туда подтягивались, девушки с ними специфические ходили. Потом уже появились малиновые пиджаки, стволы… Меня от всего этого футбол отвел.

Бандиты ведь тоже, наверное, из нормальных до того ребят получаются. Просто жизнь так складывается, что оказываются не там, не тогда и не с теми. А потом наступает какой-то момент, когда внутри рушатся барьеры, что можно и что нельзя. Смещаются ориентиры.

В моей жизни таких эпизодов, слава богу, не было. Я не могу не то что убить человека, но даже сознательно причинить боль. Не мое это. К счастью.

Вот сказать в горячке что-то необдуманное могу, и не раз делал это. Но, когда остываю, понимаю, что был не прав. И готов признать свою ошибку.

В 2006 году играли с «Динамо». Перед игрой, помню, по бумажке зачитывали воззвание против расизма. Игра с «бело-голубыми» была принципиальной, а за нас вышел темнокожий полузащитник Кингстон, которого взяли из «Крыльев», а потом

еще он выступал за шотландский «Хартс».

Начали здорово, быстро повели – 2:0. И тут Кингстон ни с того ни с сего врезается в колено динамовцу. Чистая красная карточка – даже спорить не о чем! И мы на весь оставшийся матч – вдесятером.

В перерыве я сорвался. Захожу раздевалку и при главном тренере Славолюбе Муслине и при всей команде подхожу к Кингстону: «Ты чего, черная обезьяна? Мы тут читаем на весь стадион, чтобы вас не оскорбляли, а ты нас всех подставляешь. Ты что, особенный, что ли?!» Когда я читаю слова Бранислава Ивановича, что по характеру я похож на Джона Терри, почему-то думаю, что именно в тот момент Бано понял, с кем дело имеет.

Кингстон даже не встал. Обычно эти ребята вспыльчивые, особенно когда такие слова. Но тут он, видимо, понимал, что по-игроцки был не прав, и ничего мне не сказал. В итоге мы выиграли. А я после игры извинился перед ним. Никто меня об этом не просил – сам подошел и извинился. Потому что был не прав и на самом деле ни о какой расе ничего плохого не думаю. Просто психанул.

Кингстон отреагировал нормально, мы пожали друг другу руки. Больше конфликтов с ним у нас не было. Просто надо понимать: футбол – игра командная. И когда люди так себя ведут во время матча, пусть лучше занимаются индивидуальными видами спорта, где ты и только ты отвечаешь за результат. В борьбу, бег, бокс. А тут ты играешь в коллективе и должен думать о нем.

* * *

Татьяна Евсеева:

– Вадик – из многодетной семьи, и у них была очень маленькая квартира. Когда мы только начали встречаться, я приходила к ним и говорила: «А где ты вообще спишь?» А потом моя мама, которая работала с мамой Вадика в одной школе, сказала: «Тань, ну чего уж там? Если вы встречаетесь, то пусть остается у нас в гостиной». Он и стал оставаться. Это было еще до свадьбы.

Маме его очень жалко было. Со сборов приезжает, не отдыхает. У него и комнаты своей не было. У брата семья уже образовалась, плюс там, на Новомытищинском, жили его бабушка, родители, сестра. Только спустя много лет, когда Вадик стал почетным

жителем Мытищ, это помогло с получением муниципальной квартиры. Семья Евсеевых стояла на очереди как многодетная много лет, но только тогда им вне очереди продали квартиру по себестоимости. Сейчас там живет Сережа, брат Вадика.

Главное качество мужа – честность. Он никогда не будет обманывать – ни меня, ни родных, ни друзей, вообще никого. Не способен. Разве что выпьет чего-то и пытается меня убедить: «Да нет, я трезвый!» – «Ну да, ты мне будешь рассказывать».

А в остальном – нигде и никогда. Даже играя в «Локомотиве», он говорил в интервью, что продолжает болеть за «Спартак». Говорю ему: «Ты хоть иногда можешь промолчать, схитрить?» Он: «Нет. А зачем?» Мне кажется, в наше время вообще не осталось таких футболистов, которые всегда за правду. Ну, единицы. Раньше таких было намного больше. А сейчас за деньги трясутся.

А еще Вадик – это преданность и благодарность. Он же, как только начал более или менее прилично зарабатывать, всем родным квартиры купил…

* * *

От «Тайнинской» – всего несколько остановок на электричке до Тарасовки. До базы команды, за которую я всю жизнь болел. Хоть и занимался футболом сначала в «Динамо», а потом в «Локомотиве». Но мечта была одна – попасть в «Спартак»…

Брат Серега был активным болельщиком и на московские матчи «Спартака» ездил всегда. Он меня к этому и привел. В 80-е годы перед матчами в Лужниках продавали вымпелы, значки, и у нас, по-моему, дома было сто разных спартаковских значков. И сорок-пятьдесят вымпелов с фотографиями разных футболистов «Спартака». Мы эти вымпелы развесили на настенном ковре.

А еще таблицы заполняли, на ватмане. Поскольку брат художественную школу окончил, все было красиво. Когда он в армию ушел, у меня стало получаться чуть похуже.

Главным моим кумиром был Федор Черенков. Если бы мне тогда сказали, что окажусь в дубле «Спартака», где он будет полузащитников тренировать, – я бы с ума сошел, клянусь. И ответил бы в тот момент, что мне вообще ничего в жизни больше и не надо.

Почему-то запомнилось, что дома у нас висел постер со всей

командой 1987 года. Еще когда тренером Константин Бесков был. На том снимке одних только вратарей было то ли шесть, то ли восемь. Дасаев, Черчесов, Пчельников, Стауче… А еще… вот, Дербунов! Мы, когда с юношеской сборной России в Китай ездили, играли против какой-то команды из Гонконга. Так он там как раз и стоял – я его сразу по той фотографии вспомнил.

Снимок тот – прямо как перед глазами. Суров, Суслопаров, Капустин, Шмаров, Пасулько, Поваляев – без шеи который. Фотографий тоже было много. Но в основном все-таки вымпелы и значки.

Как-то раз, помню, утром не было тренировки, из дома выхожу и думаю: а может, поехать в Тарасовку? И поехал – не вправо в Москву, а влево в область. Ни разу в Тарасовке не был, но где она – знал. Вышел, дошагал до базы, смотрю – никого нет. Войти тогда можно было спокойно, никакого забора и охраны.

Дяденька дворник убирается, я спрашиваю: «А будет тренировка?» – «Будет, будет». А оказалось – даже игра товарищеская, с каким-то бразильским клубом. Как сейчас помню – первым на базу заехал «Мерседес», оттуда вышел Игорь Шалимов – он тогда уже звездой был, вскоре в Италию уехал. Я тогда таких машин и не видел. Затем приехал остальной «Спартак» на красном «Икарусе». Потом я не раз ездил на нем же, когда за дубль играл. А позже подрулил импортный автобус, и там – эта бразильская команда.

«Спартак» тренировал уже Олег Романцев. У бразильцев легко выиграли, а потом поехали и обыграли в Киеве «Динамо». Вот так я первый раз туда и попал. Но постеснялся к кому-то подходить, автографы просить. Я за пределами поля тогда очень стеснительный был. Просто смотрел со стороны и любовался. Неожиданно было увидеть вот так, вблизи, всех, за кого только на стадионе болеешь. Еще, может, раза три потом так же приезжал.

Помню, как базу стали от посторонних закрывать. Я тогда в дубле играл, и иногда мы тренировались вместе с основой. Так вот, во время одной из таких тренировок, когда сборники уехали, а нас к основным игрокам подпустили, какая-то собака выбежала на поле и минут на десять сорвала тренировочный процесс. Туда ведь люди из близлежащих домов собак водили выгуливать!

Тут Романцев и не выдержал. Вначале ворота закрыли: там раньше было двое ворот, и они всегда стояли открытыми. Прозрачный забор начали заколачивать железным листом – прямо на моих глазах. А главное – закрыть базу решили потому, что время было неспокойное и прямо оттуда у игроков машины воровать начали.

Точно помню, что в 1994-м Дима Ананко купил иномарку.

Приезжает после игры – а машины нет. Прямо с базы увели! И у многих других ребят – тоже, там явно какая-то группа бандитская промышляла. Но Романцев положил этому конец – видимо, другого выхода не было. Хотя понимаю, что и сейчас мальчишкам-болельщикам наверняка хочется зайти на тренировку или контрольную игру. Как мне тогда…

Не раз представлял себе в детстве, как играю в «Спартаке». Но не в сборной. Тогда ведь у нас был Советский Союз, и я отдаю себе отчет, что в сборную СССР никогда бы не попал. Потому что уровень сборных Союза и России несопоставим. Что логично: раньше из пятнадцати стран в одну команду выбирали, а теперь – из одной. Поэтому сравнивать их нельзя.

Я так за «Спартак» болел, что победе киевского «Динамо» в Кубке кубков, насколько помню, особо не радовался. Киевлян никогда не любил, потому что они были главным врагом моего «Спартака». ЦСКА тогда за соперника вообще не считал. Знал, что такая команда есть, но никакого антагонизма к ней не было – они же то в первой лиге играли, то были аутсайдером в высшей.

Но нелюбовь к ЦСКА у меня возникла еще задолго до того, как сам начал играть против них в высшей лиге. Дело было тут вот в чем.

1990 год, второй круг чемпионата СССР. Мы с другом, вместе с которым в школе играли в футбол, идем в Лужники на «Спартак» – ЦСКА. «Красно-белые» тогда как раз проиграли.

На электричке приехали на «Комсомольскую», в метро спускаемся. Там на Сокольническую ветку ведет короткий эскалатор. И вижу, как впереди, на перроне, пятеро армейских фанатов – двое взрослых, трое лет по семнадцати – отлавливают парнишку со спартаковским шарфом. Только он спустился по эскалатору, сделал два шага – и как дали ему! Да еще и отобрали у него атрибутику. Это выглядело страшно.

Нам с другом по четырнадцать лет было, поэтому о том, чтобы полезть в эту заваруху, не могло быть и речи. Хорошо, что мы сами символику еще надеть не успели, а то и нам бы могло перепасть. Пятеро на одного! Это было настоящее скотство. Парень поехал не в футбол, а в больницу. А у меня с того момента и родилась неприязнь к ЦСКА.

* * *

Мотивировало ли меня желание перейти на другой материальный уровень? Безусловно. Чем старше становился, тем больше хотел попасть в команду, где можно было бы заработать

денег. На стыке 80-х и 90-х время сами знаете какое было, ничего купить было нельзя. Помню, как стоял в универмаге «Московский» в длиннющих очередях за хлебом.

Бесило, что приходилось отстаивать сразу две очереди, одинаково долгие: сначала в кассу, чтобы чек пробить, а потом непосредственно за хлебом. Так в Советском Союзе было принято. За молоком, кефиром – то же самое. А сахар с солью выдавали по карточкам.

Хотелось жить нормально, чтобы обеспечивать себя и свою семью. Но переходный возраст у меня целиком в футболе прошел, и вообще футбол у меня всегда был на первом месте. Деньги есть – хорошо, нет – не обращал на это внимания, потому что к ним и не привык. И даже когда они появились – особо не тратил, откладывал. Даже когда получал мало в дубле «Спартака». Много мне и не нужно было…

В моем детстве все мы мечтали быть похожими на героев фильма «Корона Российской империи». Сколько раз я в кинотеатр на него ходил! А на футбольную тематику, помню, понравилась книга про Пеле, которую я прочитал, еще когда в динамовской школе занимался. Игорь Фесуненко, по-моему, ее написал.

С детства почему-то болел за сборную Бразилии. Почему – я так и не понял, ведь они тогда ничего не выигрывали. Но, видимо, знаменитые футболисты на слуху были – Зико, Сократес. А потом уже книжку про Пеле прочел. Его как игрока я, к сожалению, не застал.

Помню, как первый раз увидел журнал Panini и наклейки с фотографиями игроков – участников чемпионата мира 1990 года. И стал ездить на Сретенку, где был магазин «Спортивная книга». Там происходило сумасшествие молодых людей, даже детей, которые менялись этими наклейками. Например, за наклейку с Кубком мира можно было забрать полжурнала – она была очень редкой.

Что-то там и за деньги продавали. Кое-что и я продал, рублей десять заработал. И тут тамошние пацаны постарше меня схватили и начали: «Ты чем тут занимаешься, а ну-ка отдал деньги!» Один, года на три старше, за шкирку меня схватил. А я сам не понял, как ответил: «Да я местный, с проспекта Мира!»

Ответил, видимо, очень убедительно, потому что он меня отпустил со словами: «Ладно, работай». И ничего не отобрал. Какое там – работай! Я – ноги в руки и побыстрее оттуда. Место-то было не единственное – еще один магазин, около которого сходили с ума по Panini, располагался около метро «Октябрьская», а третий – где-то по пути от «Детского мира» к ЦУМу на Кузнецком Мосту. И в итоге я весь альбом собрал!

Праздник для меня был большой.

Спустя годы во мне однажды детство взыграло. Помню, играл в «Локомотиве» и в 2002 году иду и вижу в киоске журнал Panini, теперь уже к ЧМ-2002 в Японии и Корее. Не удержался, купил журнал и две здоровые упаковки наклеек. Но даже половины журнала ими не заклеил. Разумеется, теперь уже никуда не пошел и ничего не искал. Заполнил то, что было, – и забросил журнал. Вспомнил детство – и хватит.

Драчуном и хулиганом в детстве, как это кому-то ни покажется странным, я не был. Никаких мордобоев не припоминаю. Примерным учеником и паинькой, конечно, меня тоже назвать было сложно – спортивный парень, усидеть на одном месте в школе не мог. Сидишь на уроке, скучаешь… На последней парте, конечно – мне там нравилось. Лучше на этом стуле назад отклонюсь, покатаюсь на нем. Иногда в результате падал. И получал от учителя…

Не хочу выдумывать и говорить, что в школе был поборником справедливости, что сильно вступался за обиженных. Пока учился в Мытищах, как пацан спортивный стремился во всем быть первым и на виду. А в Москве учиться начал – там все лидеры. Заступаться там не за кого было – каждый мог сам за себя постоять. Да так, что в спортивной школе учителям было с нами вдвойне тяжело.

Когда перешел в «Локомотив», вернулся в мытищинскую общеобразовательную школу. Учился там – и ездил на тренировки в Лосинку. Это уже не час пятнадцать езды от дома, а полчаса. Иногда садился на велосипед и из дома на тренировку на велике гнал. «Тайнинская», «Перовская», «Лось», «Лосиноостровская» – четыре станции. Могли, правда, по дороге велосипед отнять, поэтому ехать приходилось быстро.

Отнять ни разу не отняли, но однажды украли. Когда мне лет в двенадцать лень было из дома в магазин пешком сходить за лимонадом. Брат или мама как-то летом сказали – сходи. Говорю: «Поеду только на велике». Поехал, купил лимонад, выхожу из магазина – велосипеда нет. Ищи ветра в поле. Разревелся…

Спустя время бабушка мне новый купила. Но этот был уже советский, а тот – импортный. На такой же у родителей не хватало денег. Тот мой велик сто рублей стоил. А у мамы зарплата была рублей 90, у отца – 120. В общем, велосипед им в половину общей зарплаты обошелся, копили на него. И вот так глупо взять и потерять…

С велосипедом у меня еще была одна история, которую вспоминать неловко. Где-то в первом классе, совсем маленьким, ехал на «Орленке», а по двору двигалась машина, «восьмерка». Я

не смог остановиться и как на полной скорости влетел ей в дверь! Стекло разбил, в двери вмятина, а у меня велик – на три части.

Старик-водитель поймал меня и говорит: «Ты что делаешь?!» Весь двор собрался. Ну и я со страха… обмочился. Неприятно было, со стыда сгорел. «Скорая» приехала, милиция. Зачем «Скорая», если со мной все нормально? Ну да, порезы какие-то были, но руки-ноги – все целое.

Родители, конечно, покричали, но потом выяснилось, что я не виноват. Милиция разбиралась и так решила. Никаких денег за помятую дверь и разбитое стекло с родителей не потребовали. Я волновался скорее за это. Может, по двору нельзя было ездить? Хотя вроде все ездили…

Ни в школе, ни после нее не курил и не пил. Первый раз попробовал крепко выпить с компанией лишь лет в восемнадцать, в Мытищах на Новый год. Мне не понравилось, плохо было. А курить… Однажды захотелось попробовать, купил пачку «Космоса», выкурил ее за неделю. И всё. По сей день сигареты не курю. Не потянуло. Разве что сигары иногда.

Любимым напитком много лет был лимонад. Сколько себя помню в дубле «Спартака» – а это три года, – всегда лимонад пил. Наш, советский. И раньше, на «Динамо», тоже. Там стояли автоматы с газировкой: три копейки – сладенький лимонад, копейка – обычная вода. Самые хитрые проделывали дырочку в трехкопеечной монете, веревочкой обвязывали, опускали в автомат. Вода лилась, а они веревку с монеткой р-раз – и обратно. А я, когда стал постарше, просто бил сильно кулаком по автомату – и газировка сама лилась. Если же не лилась, а пить после тренировки хотелось страшно, иной раз скрепя сердце с 20-копеечной монетой расставаться приходилось – если более мелких не было…

А в драках я не участвовал, может, потому, что на улице почти не болтался, ее у меня в хорошем смысле увел футбол. Каждый день ездил в Москву и обратно, ни на какую улицу не оставалось времени. Не приходилось ли защищать девушку? Ха! Какие девушки? О них у меня тогда и мыслей никаких не было – думать на эту тему только лет в восемнадцать начал.

Если тренировка на «Динамо» начиналась в 8.30 утра, двумя часами ранее вставал, в семь затемно шел на электричку. А возвращался в Мытищи в семь вечера. Если силы были – а были они почти всегда, – шел играть в футбол на коробку. Для меня самым страшным наказанием было, когда ребята во дворе мяч гоняли, а меня не отпускали. Мама заставляла меня делать уроки и приговаривала свою любимую пословицу: «Сделал дело – гуляй смело».

И смотрел футбола много. Точно помню, как следил за матчами чемпионата Европы 1984 года, хотя мне еще и восьми не было. В финальной игре мяч испанскому вратарю в руки летел, он его под мышкой в ворота пропустил. И первую игру чемпионата мира 1986 года никогда не забуду, когда наши у Венгрии выиграли – 6:0. Классные голы дальними ударами забивали.

Когда стал постарше, начал на домашние матчи сборной ездить вживую смотреть. В пятнадцать лет, в 1991-м рванул в «Лужники», когда сборная СССР играла решающий матч отборочного цикла чемпионата Европы с Италией. Анатолий Бышовец нашу команду тренировал. Нас устраивала ничья, и игра была почти без моментов. Так 0:0 и сыграли, вышли на Европу. Я сидел за воротами, сто тысяч на стадионе, еще деревянные скамейки были…

Знал бы тогда, что через много лет Бышовец меня из «Локомотива» выгонит, – сильно удивился бы! Причем даже шанса не даст. Я ведь всегда считал его хорошим специалистом. В 2004-м Анатолий Федорович должен был принять зарубежную команду, и его спросили в интервью, каких трех игроков он забрал бы с собой из чемпионата России. И он назвал мою фамилию. Понятно, что через три года, с возрастом, я стал хуже играть. Но не до такой же степени, чтобы зачехлить меня спустя две недели после начала тренировок…

Но я долго зло не умею держать. В свое время говорил, что Бышовцу не подам руки. Но время лечит. Правда, как-то раз оба оказались на стадионе «Новые Химки». Вижу, он идет, и он меня увидел. Мы оба сделали вид, что друг друга не заметили, и пошли в разные стороны.

* * *

Александр Маньяков:

– Вадик в детстве не был хулиганом, но шалопаем, как и все мы, был. Это сейчас на сборы ездят, а раньше как было – лето, пионерлагерь, смена, и вас как спортотряд туда отправляют. Нам, тринадцатилетним, выделили один полный вагон электрички, мы туда загрузились и поехали в Тулу. Езды два часа. А Евсеич сел в самый конец вагона, прямо у дверей. С Разделом, тоже нашим мытищинским пацаном. Остановка, поезд трогается – а они ржут вдвоем. Не пойму – чего смеются?

Выясняется. У нас в вагоне двери заблокированы, к нам не зайдут. Так они, когда поезд трогался, помидорами и яйцами в пассажиров на перроне кидались. Я им: «Вы что, идиоты, что ли?» А они хохочут. Мамы дают сухой паек – а они яблоко съедят, огрызком кинут. Половину помидора скушают – второй бросятся.

Или уже в шестнадцать лет поехали за сборную области играть в Калугу, микрорайон Анненки. Выезд для лошадей, дорога, тир. В этом тире мы и жили. Комнатки без телевизоров, общий туалет – барак, в общем. И был у нас парень из Раменского, прозвище – Мужик. Невысокого роста, полненький, с лишним весом. И вот они с Евсеевым сдружились. Они такие разные – откуда общий язык нашли? Тот просто уличный! Он потом в тюрьму сел, как нам говорили.

Евсеич – скромняга, слова из него не вытянешь – и тот, дворовый, развязный. Но сошлись. Как-то выдался денек свободный, но мы все равно с мячами на поле вышли, жонглируем, по воротам бьем, время убиваем. А тогда только появились трехлитровые пластиковые бутылки «пепси-колы».

И они такие вдвоем идут. Бутылки в руках, пьют, а Вадик еще и кусок сахара ест. «Ты чего, говорю, «пепси-колу» с сахаром?» – «А это не «пепси-кола». – «А что?» – «Пиво». Рядом был пивбар, они туда сходили, взяли себе по баклажке темного, похожего на «пепси». Говорю ему: «Слушай, ну ты бы рыбку купил закусить, орешки, чипсы». Он: «Да оно же горькое!» – «Ну ты чудак!»

Ему тогда уже шестнадцать лет было. Иные ребята вовсю закладывали за воротник, а он, поскольку не выпивал, решил таким вот образом самоутвердиться. Но настолько ему неприятно это пиво было, что он стал его сахаром закусывать. Чистое баловство! А вообще он был жуткий режимщик. Потом в «Спартаке» ребята, уже чемпионы, ездили куда-то, а он сидел на базе и к играм готовился…

* * *

Играл я где только мог. Во дворе, приезжая из динамовской, а потом и локомотивской школы, брал мяч, всех обыгрывал и забивал. Хотя как – обыгрывал? Финты, объективности ради, давались тяжело. Скорее убегал и бил. Но когда в дубль

«Спартака» попал, выяснилось, что скорость у меня совсем не такая высокая, как я думал, а очень даже средняя. Удар – да, был сильный. Но главным моим качеством всегда была выносливость. Я терпел, как бы плохо ни было. Всегда терпел.

И, главное, мне всегда страшно хотелось выигрывать. Никогда не выходил на поле просто для того, чтобы побегать для здоровья. Даже если знал, что соперник заведомо сильнее.

Однажды поехал на первенство мытищинских школ. Но я-то был девятиклассником, а турнир проходил между десятыми и одиннадцатыми. К тому же у нашей команды не приехал вратарь, и я вызвался встать. Играл одновременно как голкипер и последний защитник – говоря сегодняшним языком, Мануэля Нойера исполнял.

Вышли в финал, играем с 4-й школой, а там много ребят тоже из «Локомотива», только на год-два старше – 1974, 1975-го годов рождения. Забили нам гол в первом тайме. В перерыве при 0:1 говорю одному парню: «Так, Леха, иди сюда, бери перчатки, вставай в ворота. А я в нападение пойду». Потому что с детства не любил проигрывать. И всегда старался найти кратчайший путь. Как к воротам, так и ко всему остальному. Напролом!

Отдаю голевую передачу – 1:1. А потом мне пасуют с центра поля, я под углом убегаю один на один. Смотрю – вратарь сближается. Тоже парень из футбольных. Думаю – куда бить? Как дал по центру, а он начал гадать и в угол упал. Так и закончили – 2:1. На следующий день в школе на доске почета написали, что команда старшеклассников выиграла первенство города – и фамилии. В том числе моя. Приятно было.

А в пятнадцать лет обо мне первый раз в газете написали. Играл уже за мужиков, команда, что характерно, «Спартак» называлась, меня чуть-чуть подпускали. Если кто-то из соперников меня бил, партнеры тут же заступались: «Что ты его бьешь, это наше будущее!» Мы выиграли Кубок Мытищинского района, и в нашей городской газете «Родник» опубликовали фотографию команды-победительницы.

Все это, пусть было и не на каком-то сумасшедшем уровне, укрепляло уверенность в себе. Да даже когда в детстве летом в лагеря уезжал, во всех спортивных мероприятиях там участвовал и возвращался с пятью медалями минимум. И все – за первое место. Кросс, прыжки, бег…

А вот плавать я научился в экстремальной ситуации. Каждое лето проводил у бабушки на Икше в деревне Никольское, в шестидесяти километрах от Москвы по Дмитровскому шоссе. Или у родных в Кимовске, в Тульской области. И вот там каждый день или на велосипеде, или на автобусе ездили купаться на карьер.

Там торчали островки, куда можно было, казалось, пешочком по воде перейти. Вот я переходил – и вдруг подо мной дно кончилось. А плавать я в свои тринадцать лет не умел. В какой-то момент подумал: ну вот все и закончилось. Стал выживать – так и научился плавать. Вначале по-собачьи, правда…

А еще через пару лет ездил с локомотивской школой в лагерь «Приокские зори» под Тулой, и мы ходили на Оку. А течение было очень нехорошее. И я еще раз с жизнью попрощался. Но когда уже почти задохнулся, опустил ноги – уф-ф, мель! Полчаса стоял, в себя приходил. Зато с того момента начал нормально плавать.

При этом за пределами спортивных площадок был тогда очень стеснительным. Можно сказать – два противоположных человека в одном. Эту робость я даже не в «Спартаке», а уже только в «Локомотиве» преодолею…

Я не Федор Черенков, и, в отличие от него, остававшегося в своем дворе каждый вечер, чтобы по пятьсот раз подряд мячик ногой подкинуть, дело это не любил. Чеканил очень плохо. Моим любимым делом во дворе было бить по воротам. В основном по маленьким – за мячом бегать не приходилось. Если сетка уже была порвана, мяч отскакивал обратно от борта. Причем бил что с левой, что с правой.

Головой тогда играть вообще не умел. И потом в «Спартаке» у Романцева считалось, что игра на «втором этаже» – мое самое слабое место. И вдруг в «Локомотиве» Семин выяснил, что все наоборот! Получилось это оттого, что в «Спартаке» были другие игроки, которые шли на угловые, и меня там даже не пытались использовать.

А в «Локомотиве» на тренировках Юрий Палыч вдруг обнаружил, что я хорошо играю на опережение. Стали наигрывать – и в матчах это тоже начало проходить! Но тут моя заслуга была второстепенной. Передачи Дима Лоськов отдавал такие, что с них грех было не забивать. Ты можешь сто раз в правильную зону бежать – но если туда не подают или подают плохо, никогда не забьешь.

Но Семин говорил Лоськову: закручивай, мол, на ближнюю вот в этот участок. И примерно восемь раз из десяти он точно туда попадал. А там уж кто кого – я или соперник. В итоге много забивал в чемпионате, кое-что влетало и в Лиге чемпионов – тому же «Галатасараю» в Стамбуле на бушующем «Али Сами Йен». За сборную один-единственный мяч забил – и тот головой. Правда, подавал тогда не Лоськов, а Гусев…

Все в «Локомотиве» было идеально отработано: Лоськов подает на ближнюю, ты голову подставляешь – или бьешь, или

чиркаешь, а на дальней замыкают. Сейчас мы видим, как такие мячи забивают много команд. Особенно хорошо это получается у «Атлетико» и «Челси».

В футболе сейчас вообще трудно что-то революционное изобрести, все новое – это хорошо забытое старое. По той же схеме с тремя центральными защитниками, которую сейчас используют многие – та же сборная Голландии с Луи ван Галом на ЧМ-2014 так действовала, – мы играли у Семина в «Локомотиве», когда я перешел туда в 2000 году. И Газзаев с ЦСКА Кубок УЕФА завоевал с ней же. Правда, у нас крайние были ближе к обороне – Лекхето, Обрадович, Гуренко, я. А у армейцев более атакующие – например, Гусев.

* * *

Это взрослым я играл уже только на флангах обороны, а в конце карьеры, в «Сатурне», – опорным полузащитником. А в детстве куда меня только ни ставили. В «Динамо» играл защитника и крайнего хава, в «Локомотиве» – вообще на любой позиции, которую в тот или иной момент тренеру нужно было «закрыть». Разве что в воротах не стоял – это только на первенстве школ, как я уже рассказывал, случилось…

В «Локомотив» я пришел другим человеком. Лидером. В какой-то мере – потому что уровень команды был другой. Но, может, и та история с тренером Труниным и несостоявшейся поездкой во Францию повлияла. Приняв первое самостоятельное решение в жизни, я почувствовал себя мужиком. Маленьким, но мужиком. Хотя мне было всего тринадцать лет.

«Локомотив» состоял из двух команд, причем вторая по счету, как это ни странно, была сильнее первой и играла в более сильном турнире. Тогда в Москве на юношеском уровне проходили чемпионат футбольных школ и первенство клубов. Никто ниоткуда не вылетал, состав участников оставался всегда один и тот же.

В чемпионате школ играли «Спартак», «Динамо», ЦСКА, «Торпедо», ФШМ и «Локомотив-2» – в четыре круга по двадцать игр каждый. А «Локомотив-1» – во втором эшелоне, с такими командами, как «Тимирязевец», «Москвич», «Союз»… Мы считались круче, хотя в Черкизово, при стадионе, тренировались они. А мы, как я уже говорил, на Лосиноостровской.

Когда я пришел, «Локомотив» был вечно шестым. Последним. А со мной поднялся оттуда. Так получилось, что с первой игры себя зарекомендовал, причем получалось в любой линии – от

нападения до центра защиты. И в конечном счете мы даже попали на последнее первенство Союза. От Москвы туда выходило две команды, и ими оказались мы со «Спартаком». По такому случаю объединили всех лучших из «Локомотива-1» и «Локомотива-2».

Правда, не сказать, что нам это сильно помогло: мы заняли седьмое место. Но как ты в призеры залезешь, если в первом же матче против киевского «Динамо» играешь! А там Андрей Шевченко, который в наши ворота делает дубль. Но я его плохо запомнил, а вот мой близкий друг и земляк Саша Маньяков – лучше. Мне больше вратарь их запомнился, Кернозенко – тоже потом в основе играл и в сборную Украины привлекался. А запомнился, потому что в очках играл…

В том «Локомотиве», помимо меня, более или менее известными в футболе людьми стали братья Антиповы. Они сначала играли во второй лиге, в «Носте» из Новотроицка, а потом ушли в мини-футбол, где здорово проявили себя в ЦСКА. Сейчас один из них работает спортивным директором клуба второго дивизиона «Солярис», в котором главный тренер – Сергей Шустиков. Еще у нас был вратарь Попков – тоже в мини-футбол пошел и стал чемпионом России в «Спартаке» у Евгения Ловчева. Пара человек поиграла в дубле «Динамо», Виталик Кулев немного и за основу даже, а потом перешел в воронежский «Факел».

Но, конечно, ни нашу команду, ни чью-либо другую невозможно было сравнить со «Спартаком» моего 1976 года рождения. Из семи лет, что я играл в чемпионатах Москвы, они не выиграли всего два раза. А главное – куча народу в большой футбол попала!

Когда я в спартаковский дубль пришел, то оторопел – там было человек семь из той команды, что нас все время возила. Титов, Мелешин, Мовсесян, Джубанов, Рекуц, Бень, Семенов, позже – Гунько из той же команды. В первенстве школ остановить их было невозможно. Бросишь все силы на то, чтобы закрыть Титова, который уже тогда выделялся, – другие забьют.

Был период, когда я уже 17-летним в дубле играл, но полгода, когда мог, еще и за школу приходил побегать – так они нас в «Сокольниках» 10:0 отделали. Титов, Семенов, Мовсесян были большие, физически более развитые. Можно сказать, акселераты.

Их Анатолий Королев тренировал – очень жесткий тренер, который рявкнуть мог, в том числе и матом, так, что мало не покажется. А наш тренер, Александр Иванович Геворгизов, был человеком добрым. Его, к сожалению, уже нет в живых.

Трунин в «Динамо» учил нас азам. И все следовало делать, как он говорит. Но мне было интересно, а повозиться с мячом или

попробовать побить через себя я и во дворе мог. Это сейчас те немногие, кому это еще интересно, выходят во двор – а там нет никого. Когда я рос, это вообще не было проблемой – играли все и везде.

Геворгизов в «Локомотиве» развязал мне руки. И не только мне. Тренировочный, да и игровой процесс больше строился на доверии и импровизации. Хорошо это или плохо – не знаю. Но важно, что девиза «Результат любой ценой!» у него и в помине не было. Он просил играть и получать от этого удовольствие. А выигрывать нам и самим хотелось.

С одной стороны, мне не хватало тех классных по тем временам условий для тренировок, которые у нас были в «Динамо». С другой, доверие тренера, не одергивающего тебя по каждому поводу и дающего свободу, окрыляло. А непростые условия, в которых мы занимались, может, наоборот, только закалили.

Но я все равно считаю, что лучше ребятам расти там, где для них созданы все возможности. Гляжу, в каких условиях они сейчас работают, – и радуюсь за них. Не хочу, чтобы неизвестно где тренировались и непонятно кто ими при этом руководил. А требовать от детского тренера результат – это неправильно. Что, по-вашему, лучше – когда детская команда занимает сплошь первые места, но потом из нее никто не преуспевает? Или когда играют ни шатко, ни валко, всем проигрывают, зато два-три футболиста каждого возраста потом играют в Премьер-лиге?

По-моему, второе. А если результат делаешь – значит, тебе надо идти вверх и мужиков тренировать. Не надо путать две вещи. Результат – это хорошо, но детские школы должны работать для того, чтобы футболисты росли. Поэтому неправильно платить детским тренерам премиальные за победы. Они должны быть материально заинтересованы в воспитании игроков.

И эта система у нас есть. Помню, когда я попал в дубль «Спартака», вдруг Трунин из «Динамо» позвонил, спросил телефон клуба. Видимо, хотел получить деньги за то, что меня воспитал. И правильно хотел, пусть мы и разошлись в тринадцать лет. Все-таки базу он мне заложил. Чем закончилось – правда, не знаю.

Сейчас, когда футболист заключает первый контракт с профессиональной командой, клуб РФПЛ должен заплатить школе, в которой он воспитывался, 400 тысяч рублей, клуб ФНЛ – двести тысяч, второго дивизиона – сто. Часть этих денег идет в школу, часть – воспитавшему парня тренеру.

В той же Голландии, не только в знаменитой школе «Аякса», а везде, результат на детском уровне не важен. И мы видим,

сколько игроков оттуда выходит. Хочешь купить хорошего иностранца – езжай в чемпионат Голландии. И там не только своих молодых выращивают, но и привозных развивают. Не просто так, наверное, из ПСВ вышло два великих бразильца – сначала Ромарио, а потом Роналдо.

Йохан Кройф в академии «Аякса» придумал даже, чтобы тренеры у каждой команды менялись каждые шесть недель, чтобы у ребят не возникало зависимости от них, а у самого специалиста не замыливался глаз. Понятная, хорошая система, но для нас – непривычная. Российскому детскому тренеру смириться с таким будет тяжело. Он начнет ворчать, шептать кому-то: «Я их вел два года, мы добивались результата, а сейчас – что?» А ведь у старого тренера в голове о каждом игроке сидят стереотипы, которые уже не выбьешь, а новый увидит в пацане что-то другое, разовьет.

* * *

Александр Маньяков:

– Это Вадику кажется, что он с первой игры у нас в локомотивской школе заблистал. Прекрасно помню, как нам его представили, и я, тоже мытищинский, удивился: вроде всех своих ровесников знаю, а его – нет. Оказалось, он через район от меня живет, в так называемых Грачах. Там раньше домики стояли желто-песочного цвета, и почему-то из-за них это название приклеилось.

После того как он сыграл в трясучку, попался и обиделся на тренера в «Динамо», что его не взяли во Францию, Вадик перешел в «Локомотив». Но в первый состав не проходил и впечатления особого не производил. Все изменилось, когда мы однажды на Новорязанской улице за Казанским вокзалом, где у «Локомотива» был еще один стадиончик, играли с СДЮШОР Советского района, которая теперь называется «Чертаново».

Он вышел на замену – и как начал их возюкать! Играл центральным полузащитником и вел всю игру. Думаю – ну ни хрена же себе у нас футболист появился, вот это усиление! С тех пор он всегда был в основном составе и вмиг стал ведущим футболистом. Причем не играл за школу только на одной позиции – крайнего защитника. Там, где в итоге и провел всю взрослую карьеру!

Там еще интересное стечение обстоятельств было. До Вадика у нас в команде играл Ромка Шаронов. Да-да, тот самый, который потом стал двукратным чемпионом

России с «Рубином» и съездил на два чемпионата Европы. Но тогда как было – если ты родился после 1 августа, то имеешь право играть за команду следующего года рождения.

А Шарон тут как раз начал относиться к тренировкам спустя рукава, балбесничать. Фраерок такой стал – и тренеры убрали его в команду 1977 года, где он стал лидером и вырос в серьезного футболиста. Рома ушел – Вадик пришел. Команда у нас очень дружная была, не помню, чтобы мы не то что дрались, а ругались между собой. Кликуха тогда у Евсеева была – Толстый. И не потому что лишний вес имелся, а потому что он всегда такой коренастенький был.

Он из очень бедной семьи. С его мамой и братом я на играх наших познакомился, они все время ходили за него болеть, и мама очень переживала. Не избалованный совершенно, сам себя сделал. И, сделав, помог всем своим родным. Купил брату и маме с сестрой по квартире, машины. Редко таких людей найдешь.

Вадика наш тренер Геворгизов, царствие ему небесное, очень любил. Один раз в выпускной год, когда Вадик уже был в дубле «Спартака», он в воскресенье улучил время, чтобы приехать сыграть за школу. Идет такой с сумкой, а мы сидим на трибуне, ждем, пока младший год закончит играть. Евсеев не говорил, что приедет, – а тренер, как его увидел, так встал и к нему пошел: «Вадик, Вадик!» Подошел – и начал по голове гладить. Мы потом над ним за это в раздевалке ржали…

Как человек Геворгизов был очень хороший и всем нам после школы пытался помочь с трудоустройством. А как тренер… Он в возрасте был, под 70, болел, давление скакало. Тяжело ему приходилось. До сих пор осадок, что он умер уже довольно давно – а я даже не знаю, где он похоронен. По-человечески он очень много тепла в нас вложил.

Вадик – цельный человек. Никто его не подстегивал – ни родители, ни тренеры, – он сам себя сделал. Родные не накачивали его, чтобы футболистом стал, – главное, чтобы хорошим человеком. Но он сам был настроен на игру: если мы могли нахулиганить где-то, улица тянула, то его – нет. Для него существовал только футбол.

Разве что в автоматы поиграть любил – в морской бой. Как-то захожу в сувенирный магазин на Новомытищинском и вижу его. «Ты чего делаешь,

тренировка же скоро!» – «Да успею!» И успел, никогда не опаздывал.

Обиделся на тренера в динамовской школе – и в «Локомотив» ушел. Хотя мы были пятым колесом в телеге московского футбола. Вместо душа гидрант стоял, его откручиваешь – струя холодной воды бьет. В туалете двери не было. Ты по-большому хочешь сходить, взгромоздился – и все смотрят. Маленькие сразу травить начинают, смеяться. Ужас!

А поля на Лосиноостровской какие были? Мы называли это – барханы. Кочка на кочке, трава на них нарастет – вот и весь газон. Лучше уж на «гарюхе» играть, чем на таком натуральном. А мячи? Мы их называли – НЛО. Овальные. Чуть ударишь – «грыжа» вылезает. Где такие брали – бог его знает.

Никаких заруб с тренером у него в «Локомотиве» не происходило. Чтобы огрызнулся, что-то сказал – ни-ни. В детстве он очень положительный парень был, и история с Труниным в «Динамо» – это исключение. А пихать ему не за что было – он на голову сильнее нас всех играл. Это мне пихать могли – игрок я был плохой, таких, как я, по рублю за ведро в базарный день. А его тренер очень любил.

При этом Вадика не вызывали ни в одну юношескую сборную России или СССР, ни даже в сборную Москвы. Анатолий Королев брал туда своих «спартачей», динамовцев, армейцев. А у нас – только последнего защитника. Вадика же – нет, хотя он и от природы был силен, и ног никогда не убирал, и технически неплохо оснащен, и голова варила.

Хотя, конечно, такого суперталанта, как у Егора Титова, у Вадика не было. Меня перед выпускными годами персонально против него ставили – но куда там! Без шансов, настолько он выделялся. Как и Андрей Шевченко, который нам в финальном турнире чемпионата СССР пару положил. Вот это – таланты.

А Вадик был просто восприимчив, быстро соображал, весь опыт через себя пропускал и делал правильные выводы. В том числе по жизни.

У всех у нас знакомые были, кто в криминал пошел. Мы всё это видели. Мы в футбол играли, ни черта не зарабатывали, – а они уже на «БМВ» ездили, в одежде дорогой ходили, с девушками шикарными. Чуть-чуть тоже всего этого хотелось. Смотришь, думаешь – ты же его в детстве гонял, а сейчас… Чем он лучше тебя? Такие

мысли закрадывались, и хорошо, что хватило внутреннего стержня туда не пойти. Росли с кем-то вместе, а потом, как у Высоцкого, их «ветрами сволокло прямиком в остроги»…

* * *

Есть детские тренеры, которые внимательно следят за тем, как ребята учатся, делают все, чтобы они в институты поступили. Потому что понимают: не все двадцать человек будут играть, а вот людьми они должны стать развитыми. Пример таких специалистов – братья Горбачевы, которые тренировали в «Локомотиве» 1974-й и 1975-й годы. Оттуда вышли Олег Пашинин и Вова Маминов.

У Горбачевых в футбол, включая первую лигу, заиграло четверо-пятеро человек – не сумасшедший, но нормальный показатель. Зато в институты из сорока человек поступило тридцать! Это о многом говорит. Проверяли дневники, если все было плохо – общались с родителями и наказывали какими-то футбольными вещами, что для маленького футболиста болезненнее всего. Пашинин, кстати, на пятерки учился, Маминов – тоже хорошо. Я Пашинина хорошо знал, поскольку Олег тоже из Мытищ.

Трунин в «Динамо» тоже уделял внимание учебе, и поначалу учился я хорошо. Но потом, с усложнением предметов, труднее стало. И Геворгизов, при всем моем к нему уважении, сильно на учебу не давил. Он был уже пожилой, за всем следить ему было сложновато. Футболистам, как я уже сказал, дали полный карт-бланш.

Вот с этим-то карт-бланшем я, почувствовав вольницу, начал параллельно в футзал поигрывать. Там денежку, пусть и небольшую, можно было заработать, а чем старше ты становился, тем больше росла потребность хоть что-то, но в кармане иметь. Я и в «Локомотиве», и в футзале ухитрялся и тренироваться, и играть. Может, оно и к лучшему: если бы был только в одном месте, после тренировки начиналась бы улица, а там – как знать. Тут же времени вообще ни на что не оставалось.

Присматривалась ко мне мини-футбольная команда «Минкас», я и с ними иногда тренировался сразу после футзальщиков. И был на игре, когда они на улице Лавочкина, во дворце спорта «Динамо», в финале Кубка «Дину» обыграли – 5:4.

Из-за этих футзала, мини-футбола я начал потихоньку пропадать. Геворгизов все это замечал. Говорил: «Ты чего, Вадик,

какой еще мини-футбол?!» Значит, видел во мне потенциал. Ему было уже далеко за шестьдесят, он не первого футболиста в своей жизни тренировал. А я в «Локомотиве» выделялся, был лидером. И он убеждал меня, что я не должен хоронить свои способности. Нет, мини-футбол – тоже достойная разновидность игры, но Александр Иванович считал, что я достоин большего.

Сам я тогда еще не знал, чего достоин. Никакой уверенности в светлом футбольном будущем у меня не было. «Локомотив» тогда не слыл школой, каждый выпускник которой был нарасхват. Достаточно сказать, что в матчах чемпионата Москвы у нас иногда играло четыре восьмых номера, два шестых. Одновременно на поле! Нормальной формы с разными номерами не было.

Как на это реагировали судьи? Никак. Им-то какое дело? Протокола-то в детском футболе тогда никто не вел. Сами тренеры потом приходили в судейскую, говорили – кто забил, кто желтую или красную карточку получил. Раньше не то что трех судей на этом уровне не было, один появлялся – уже счастье. Иногда арбитр вообще не приезжал, и матч судил тренер одной из команд…

В общем, будущее было в тумане. Я поступил в ПТУ, и с футболом все могло скоро закончиться. До окончания локомотивской школы оставалось полгода.

И вот – 31 декабря 1992 года.

Готовлюсь к Новому году, никаких сюрпризов не жду. И вдруг меня находит Геворгизов. Домашнего телефона у нас на Новомытищинском не было, а мобильников в ту пору никто и вообразить не мог. В квартире телефон появился только в 1997-м, когда я попросил об этом администратора «Спартака» Валерия Жиляева. Он приехал в Мытищи, с кем-то связался и помог все организовать. Я к тому времени уже стал чемпионом России, но найти меня, если что-то срочное, можно было только по пейджеру…

В 1992-м и пейджеров никаких еще в помине не было. Но Геворгизов меня нашел. Я жил на четвертом этаже в 195-й квартире, а он позвонил соседям на пятый, в 196-ю. Слава богу, я оказался дома.

«Вадик, я договорился с тренером дубля «Спартака» Виктором Евгеньевичем Зерновым, что 3 января ты придешь к нему на просмотр. Он ждет тебя в манеже в «Сокольниках».

Я сразу понял, что это переломный момент всей моей жизни.

Шанс воплотить детскую мечту, какого у меня, скорее всего, больше не будет никогда.

И ухватился за этот шанс мертвой хваткой.

Глава третья
Восемь бутылочек для дедушки Горлуковича

Я топтался на январском морозе у входа в манеж, когда к нему подрулил автобус с дублем «Спартака». Хотя нет – уже зашел в холл и на лавку сел. А то начал подмерзать.

Многих ребят 76-го года рождения я знал в лицо, поскольку играл против них за локомотивскую школу. Но из того автобуса вышли не только дублеры.

Я и так-то те три дня, с 31 декабря по 2 января, ходил как завороженный, все думал: неужели моя мечта осуществится? А тут прямо мимо меня идут Черенков, Родионов, Тихонов, Стауче…

Я словно во сне, в сказке. Не мог даже шелохнуться.

В конце шел лысый тренер, но я не знал, как его зовут, и подойти постеснялся. Словно в ступор впал.

Он прошел мимо, потом обернулся: «Ты Евсеев? К нам тренироваться приехал?»

Я промычал: «Ну да».

«Что сидишь, пошли в раздевалку!»

Так мы и познакомились с главным тренером спартаковского дубля Виктором Евгеньевичем Зерновым. У которого мне суждено было провести три года, но я еще об этом не догадывался.

Если бы Зернов не сказал этих слов, я так и остался бы в холле. В раздевалку к Черенкову и Родионову, кумирам детства, точно не рискнул бы зайти.

Посмотрел он на меня – и после тренировки говорит: «Ну ладно, приходи на следующие занятия. Попробуем». Большого впечатления я на него явно не произвел – но, видимо, был не безнадежен. И благодаря рекомендации Геворгизова он решил дать мне шанс.

Оценивал я себя здраво – потому что было с кем сравнивать. Как может понравиться футболист, который из школы «Локомотива» пришел в спартаковский дубль, а там из самого «Спартака» – одного только моего 1976-го года такая банда, которая всех на части рвала? А ведь в дубле были еще и 1974-й, и 1975-й. Такие техничные ребята – даже сам Романцев головой качал.

Иногда, помню, Олег Иванович делал тренировки на технику. Так там двое ребят были – младший брат Володи Бесчастных

Миша и Костя Веселовский (сейчас он в школе «Локомотива» в Перово работает), о которых Романцев говорил, что таких техничных в жизни не видел.

В завершение тех тренировок мы должны были удерживать мяч в воздухе, стоя друг напротив друга, в одно или два касания. Кто дольше всех? Я там надолго вообще не задерживался, да и все обычно скоро заканчивали – и всё ждали, когда у младшего Бесчастных и Веселовского мяч упадет. Ждали долго. Иногда даже у Романцева не хватало терпения, он свистел: ладно, все понятно, вы выиграли. Но в итоге ни один, ни другой в большом футболе себя, как должны были, не проявили…

Я тогда учился в ПТУ, которое в тот момент напрочь забросил. Потому что просмотр в «Спартаке» мог закончиться в любой день. И не так, как мне того хотелось.

Каждую неделю – игра, где меня выпускали только на замены. Минут на десять-пятнадцать. Играл куда поставят: на краю полузащиты, в нападении. Пять раз подряд выходил – и в каждом матче забивал.

Причем первый раз – в свой день рождения, 8 января! Через пять дней после того, как вообще там появился. В команде никто не знал, что у меня праздник – не такой я тогда был человек, чтобы незнакомым еще, по сути, людям об этом рассказывать.

Но подарок себе этим голом сделал – лучший в жизни. Играли с командой «Трестар» (Останкино). На 74-й Зернов выпустил меня на замену. На 79-й я заработал пенальти и сам вызвался его пробить. Понимал, что надо выгрызать каждый шанс. Счет был к тому времени – 6:0, и никто особо не возражал. Забил!

Счета матчей, в которых я забивал, конечно, были крупные – 7:1, 8:0. Но что-то тренеры, наверное, во мне все-таки увидели. И однажды начальник команды Валентин Покровский, ближайший человек Николая Петровича Старостина, поэт, чей вариант рассматривался на конкурсе нового текста гимна России, говорит: «Приезжай в клуб, подпишешь бумаги».

Тут я и понял, что остаюсь. И чуть не умер от счастья.

Я ведь мечтал надеть спартаковскую форму с того дня 1984 года, когда восьмилетним первый раз сходил на футбол. «Спартак» играл с московским «Динамо». И, кстати, проиграл – 0:2. Помню, за динамовцев там альбинос Вася Каратаев бегал, длинноногий защитник Буланов… Но я видел, как болеет за «Спартак» брат, – и уже не мог иначе. Ведь и отец был яростным «спартачом».

Когда я впервые сказал маме, что хочу футболом заниматься, она задумалась, куда ехать, но знала только одну школу в Москве

– «Динамо». Ну как школу – метро «Динамо» всегда проезжали, значит, и спортивное общество, и футбольная школа там. А где находится школа «Спартака» – мама не знала, да и никто из знакомых объяснить не мог. Интернета же тогда не было…

Помню, приехали – и в первый раз меня не взяли! Это был второй класс, я еще без спортивной формы играл. Просмотр проходил на улице, так я в школьной форме и бегал. Коробка семь на семь. Гол забил, потом в какой-то момент в ворота встал. «Где играешь?» – спрашивают. «В воротах». – «Ну, иди и приходи в следующем году».

Узнал бы я тогда, где «Спартак», поехал бы – кто знает, может, и взяли бы. Но я послушался и приехал туда же, на «Динамо», через год. Просмотр был уже в манеже. А тренер тот же! Играю, ударил – а там не ворота даже, а две стойки деревянные. В одну из них попал – она сломалась.

«Иди сюда», – говорят. Думаю, всё, стойку сломал, надо будет деньги платить. Но просто сказали – садись, жди. Больше часа прошло, наконец спросили, где родители. Я указал на маму – и ей сообщили, что меня берут!

А потом оказалось, что те, кому год назад говорили: «Приходи в следующем году», спокойно приходили через неделю-две – и их брали. То есть и мне можно было быть понастойчивее. Но я послушался и потерял год. Тоже ведь урок.

Жалко только, что про «Спартак» так и не узнал. Слишком уж он мне казался чем-то далеким и невозможным. И все-таки он от меня не ушел…

Потом уже узнал, что меня во время того просмотра в «Спартаке» еще сам Старостин заметил – он на каждой игре бывал. Николай Петрович любил тех, кто бьется и, видимо, обратил внимание. И произнес фразу: «Вот этого парня – не трогайте! Это наше будущее!» Мне Покровский потом об этом рассказывал.

За два месяца просмотра в дубле «Спартака» я намертво ухватился за свою мечту детства. Просто не мог ее упустить. И не упустил. Сейчас уверен, что это и был главный, переломный момент в моей жизни.

* * *

Договор мне предложили самый крохотный, какой только был. В трудовой книжке значилось, по-моему, «стажер». Зарплата – если не ошибаюсь, 15 тысяч рублей, что означало, кажется, 20 долларов. Кто первый раз подписывал с дублем, тот столько и

получал. Дальше шел «Инструктор физкультуры» и 30 тысяч, потом 40, а у людей из основы было 200. Такие деньжищи для нас казались вообще недостижимыми, да мы о них тогда и не думали.

При этом в «Спартаке» оплачивалась победа в каждой игре, даже товарищеской. Премиальные составляли те же 15 тысяч, и в итоге за месяц выходило примерно 100 долларов. Это, кстати, для молодых правильный подход: побеждаешь, заслужил, – получай! А не автоматом, ничего не делая.

На первую зарплату, по-моему, кроссовки купил: «Адидас». А когда в конце года перерасчет был – то ли видеоплеер, то ли телевизор, а на следующий год – магнитофон. Дома-то техники не было, телик стоял старый, советский…

Когда в 1996-м в основу взяли, по тогдашнему курсу зарплата составляла около 400 долларов, хотя платили в рублях. При этом, что официально было написано в контракте, даже не знаю. Я ничего не смотрел. Мне давали бумагу, я не глядя подписывал. Деньги меня тогда не интересовали, я играл в любимой команде и получал от этого удовольствие. Да и обмана никакого не было: что говорили, то и платили.

К моменту просмотра в дубле «Спартака» я в ПТУ отучился уже полгода. Знакомые туда устроили после десятого класса. К тому же брат до меня той же специальностью овладел. Причем не так, как я, а по-настоящему. Для него в машинах секретов нет.

Эти первые полгода учился достаточно прилежно. Но из-за просмотра в «Спартаке» на училище, откровенно говоря, забил, и меня оттуда уже собирались выгонять. Пришел, объяснил, что теперь играю в дубле «Спартака». Они мне все равно: «Учись!»

В дубле тренировки проводили утром и вечером, так что о серьезной учебе можно было забыть. Но из ПТУ все-таки не выгнали. Потому что выяснилось: директор любит футбол. Болел он, правда, за ЦСКА, но тогда они со «Спартаком» еще не были такими яростными оппонентами. Он меня понял, и в дальнейшем я в училище только справки приносил. Диплом дома лежит – вместе со вторым, из института физкультуры в Малаховке.

По профессии я вообще-то автослесарь, если ту учебу брать. Правда, коли машина забарахлит – не починю. Только ездить могу – ну, еще колесо поменять. Впрочем, сейчас такие машины, что туда внутрь руками лезть не стоит. А в училище, помню, меня в декабре 2003 года, после Уэльса, директор пригласил. Я с удовольствием приехал…

Окончил ПТУ в 1994-м, в разгар лета. Мне восемнадцать лет, до института оставался еще месяц, и вдруг однажды в семь утра – звонок в дверь. Бабушка открыла – там два майора на пороге. Она сразу испугалась, подумала, будто я что-то наделал. А они

вопросов не задают, просто строго представляются: «Майор милиции, майор армии такие-то. Собирайся». И в военкомат.

Там прошел медкомиссию, и уже почти отправили в ВДВ. Всего одного сантиметра роста не хватило! Под конец дали повестку: «Через три дня с вещами». Я до конца всерьез все это не воспринимал – и стал, смеясь, объяснять им, что не приду. Ведь я футболист дубля «Спартака», у меня все только начинается, впереди институт… Но повестку, конечно, подписал.

Приезжаю в Тарасовку. Понимаю все-таки, что вопрос серьезный, и на цыпочках захожу к Романцеву, на тот момент еще и президенту клуба, посоветоваться. Олег Иванович, мол, так и так… Он повестку в руках повертел, прочитал и говорит: «Сейчас Старостин приедет, ты к нему обратись. Да, и недельку тут на базе поживи. На всякий случай».

Приезжает 92-летний Николай Петрович. Входит в курс дела и произносит два слова: «Я разберусь». Кому он там звонил, что говорил – никто мне потом так и не рассказал. Но больше по армейской части вопросов ко мне не было.

Так сам основатель «Спартака» спас меня от армии. А ведь если бы туда загремел, скорее всего, не было бы у меня никакой футбольной карьеры. Но потом я сдал экзамены в институт физкультуры в Малаховке – и вопрос с армией закрылся.

Учеба, конечно, та еще была. Если бы не начальник команды Жиляев, не знаю, как и что сдали бы. Он туда и с нами ездил, и без.

Из «Спартака», основы и дубля, там аж двадцать три человека училось. Один Андрей Мовсесян – в Черкизово, в РГУФКе. Мы часто целый автобус от Сокольников брали – и на учебу. Утром все вместе туда, в два часа дня оттуда – чтобы к вечерней тренировке успеть. Машин еще не ездило столько, сколько сейчас, можно было время рассчитать.

С первого по третий курс сам все сдавал, а ближе к окончанию «хвостов» накопилась уйма. Впрочем, как и у всех. Решался вопрос просто. Заходил наш куратор, денег давал – зачет ставили. Иногда и сами давали.

Допустим, предмет – массаж. Мы приезжали, куратор заносил преподу подарок. В зависимости от того, мужчина или женщина, – бутылку водки или шампанского. Или деньгами. Я подсчитал, что закрыть четвертый курс и сдать все экзамены вышло две тысячи долларов.

Сейчас в этом смысле не то что преподаватели – дети требовательные пошли! Тут недалеко, под Плёсом, дача премьер-министра Дмитрия Медведева. Недалеко – детский дом, которому его жена помогает. Ребята из команды рассказывают – приехали

туда в первый раз, привезли подарки. Те так придирчиво смотрят: «А чего вы нам подарите?» – «В смысле?» – «Ну, нам плазма нужна».

Такой вот детский дом.

* * *

А на базе пришлось тогда пожить дней десять. Как раз чемпионат мира в США шел. Помню, с Липко и Коноваловым смотрели матч против Камеруна, который наша сборная 6:1 выиграла. Тогда я еще и подумать не мог, что сам пусть не «на мире», но «на Европе» сыграю.

А Старостин в свои за девяносто ездил с дублем на автобусе на все выезды! Ехали ли мы в Воскресенск или Александров, что довольно прилично от Москвы, – везде колесил. В Новомосковск, что под Тулой, играть против «Дона» – была такая команда. И туда Николай Петрович с нами ехал. Он всю жизнь в футболе, и даже в таком возрасте ему это было интересно.

Виктор Евгеньевич Зернов – добрейшей души, интеллигентнейший, воспитанный человек. Даже когда повышал голос, было видно, что делал это без всякой охоты. Может, он даже слишком добрый для футбольного тренера. Но совершенно точно знаю: в спартаковском дубле он находился на своем месте. Лично мне он дал дорогу в большой футбол, за что я ему очень благодарен.

Почему пошел к нему в «Спартак», а не в дубль «Локомотива»? Туда я захаживал, когда еще в школе локомотивской последний год учился. Но там приоритет ребятам постарше отдавался. Да и тренировались мы не на поле, а за стадионом, где были «резинки», всякие теннисные, гандбольные, баскетбольные площадки. Особого желания играть за дубль «Локомотива» я не испытывал, да и приглашения конкретного я в общем-то не получал. Так что спасибо Геворгизову, у которого были хорошие отношения с Зерновым…

О работе с Виктором Евгеньевичем остались самые теплые воспоминания. Бросалось в глаза, как он любил техничных игроков. Мишу Рекуца, например, царствие ему небесное. Или Мишу Бесчастных.

Интересно было наблюдать за хитростями Зернова, когда ему из основы передавали игроков – дисквалифицированных или тех, кто в состав там не проходил и кто хотел набрать игровой практики в дубле. А мы же все слышим, только виду не подаем! Кого-то Зернов брал, кого-то – нет. А происходило это так.

Подходит, например, Валера Величко – был такой крупный нападающий. «Виктор Евгеньич, можно за дубль сыграть?» Тренер отвечает: «С удовольствием! Но только…» Тут берет паузу, делает значительное лицо и веско добавляет: «…Олег Иванович сказал: «НЕ НАДО!»

При том что Романцев, конечно, ничего не говорил, а Величко просто Зернову стилем не нравился. Зато подойдет техничный Олег Надуда, тоже попросится – и вот тут уже Зернов реагирует иначе: «Конечно-конечно, поехали!» А его земляк украинец Нагорняк, силовой форвард, спрашивает: «Можно, ну Евгеньич, Надуда же играет?» Зернов отвечал: «Нельзя. Олег Иванович сказал, что тебе лучше тренироваться…»

А еще выпало мне счастье в 1993 – 1994-м с Федором Черенковым и Сергеем Родионовым, завершавшими карьеру, в дубле поиграть.

Какие это люди, какая школа! Я бегу, открываюсь, Черенков спиной к чужим воротам с мячом – смотрю, а мяч уже у меня в ногах. Все видел! Играл в одно-два касания, не обводил, лишнего ничего не делал. Вот она, спартаковская игра как она есть!

А как у Родионова удар был поставлен! Сейчас у нас никто так не бьет. И человек интеллигентнейший. Сколько всего в футболе достиг, а злого слова от него молодые не слышали. Наоборот, подсказывал, что да как. Сергей тогда как раз из Франции вернулся – и хоть ему 33–34 было, на него любо-дорого было посмотреть. Недаром, выходя иногда за основу, он весной 1994-го, например, в Лиге чемпионов не кому-нибудь, а «Барселоне» забил. Очень рад, что он сейчас стал генеральным директором «Спартака». Достойный человек.

А с черенковского паса я даже забил однажды, помню. Играли в Лужниках, на тех полях, что левее центрального входа. Когда-то там была футбольная школа «Салют», а сейчас на этом месте автостоянка. Играли с «Чертаново», одержали уверенную победу – и сам Черенков отдал мне голевой пас. Я представить себе такого не мог.

И человеком он был просто добрейшим. Таких мало, почти нет. Больше мы общались, конечно, не тогда – в дубле я еще очень скромным был, – а когда за ветеранов вместе играли. Но и как дублеру всегда какие-то советы очень спокойным, тихим голосом давал, никогда не кричал.

Тогда, в 1993-м, мы играли два матча с коломенским «Авангардом» – одну на Кубок, другую в чемпионате. Едем обратно на «Икарусе» после второй игры, сажусь ближе к задним местам, вдруг унюхал курево. Оказывается, Черенков курил!

Я поражен был: кумир детства – и курит. Ну так все – живые

люди. Тогда и начал это понимать. Представить себе не мог, что Лев Яшин вообще при тренерах спокойно курил, и ему никто не мог запретить, потому что он – Яшин.

* * *

Передали мне как-то, что Александр Тарханов в большом интервью «Спорт-Экспрессу» рассказал следующее: мол, когда я был в дубле, Романцев хотел меня оттуда убирать – не уровень, мол, – но Зернов меня отстоял. Сказал главному тренеру: ну играет парень в дубле, кому мешает-то?

Никогда об этой истории раньше не слышал и не знаю, правда это или нет. Зато отлично помню другой момент. То ли в 1993-м, то ли в 1994-м, незадолго до ухода Тарханова на пост главного тренера ЦСКА, основа и дубль «Спартака» тренировались вместе в манеже в «Сокольниках». Основной состав на одной половине поля, мы – на другой.

Делали так называемую «венгерку» – передачи в парах, на месте и в движении, минут по двадцать. Ее как раз и проводил Тарханов. Мы работали в паре с Саней Ширко, и тренер дал упражнение на жонглирование.

Подходит Александр Федорович к нам, смотрит. Хвалит Ширко, а мне довольно раздраженно говорит: «Не так жонглируешь!» И так он это сказал, так себя повел, что стало совершенно понятно, о чем он подумал. Мол, ты не будешь футболистом – нет у тебя чувства мяча. Хотя впрямую таких слов не прозвучало, но имел в виду Тарханов именно это.

А все потому, что я в напряжении был, а Ширко делал упражнение спокойно, на расслабоне. Да и вообще-то, по правде говоря, жонглирование, или, как в детстве говорили, чеканка, никогда к моим сильным сторонам не относилась…

Словом, вбилось мне тогда в голову, что из меня футболист не получится, а Ширко им легко станет. Задело меня это, конечно. А когда меня что-то задевает, заводит, я всегда с утроенной энергией стараюсь доказать обратное. Такой характер.

В «Спартаке», если плохо с мячом обращаешься, – ты вообще не футболист. Но ведь в команду приходили и те, кто с мячом был на «вы», зато имел другие качества. А потом со временем тренировки добавляли этим игрокам техники, а те, другие свойства никуда не пропадали. И люди начинали приносить пользу команде.

Говорят, что именно так произошло в свое время с Валерой Карпиным, да и я помню еще как болельщик «Спартака», что

первое время он с мячом особо не дружил. Зато потом уроки Романцева впитал – и со своей работоспособностью оказался в полном порядке. Что потом и в Испании доказал.

Кстати, на первом матче Карпина за «Спартак» в 1990 году – том самом, знаменитом, с ЦСКА в «Олимпийском», когда он вышел на замену при 3:4 и сделал две голевые подачи, – я на трибуне сидел. В «Олимпийский» захаживал еще когда занимался в динамовской школе – мы там часто мячи подавали. Половина из нас за «Динамо» болела, половина, включая меня, за «Спартак». Но на тот матч я просто купил билет, – был тогда уже в школе «Локомотива».

А насчет техники – со мной, наверное, произошло то же, что и с Карпиным. За исключением того, что за границу я так и не уехал. Никогда не забуду эти сумасшедшие романцевские квадраты четыре на четыре в два касания. Пять минут подряд ты работаешь на износ. Доходило до того, что ты не дышишь, а шипишь. Но отдавался я полностью. Пять минут, потом небольшая пауза, смена – и еще пять минут. Уф-ф…

Но в этих квадратах все росли, и я тоже. Вот только настоящий эффект я почувствовал уже позже, в двадцать пять – двадцать шесть лет. Когда стал поопытнее – и понял, что во многом благодаря тем тренировкам читаю игру совершенно иначе, чем раньше.

В «Локомотиве» тоже квадраты были, но все-таки не такие. Там (в отличие от каких-то других упражнений у Семина) можно было позволить себе чуть-чуть расслабиться и поработать вполноги. А у Романцева – попробуй только! Это же главное упражнение было, и интенсивностью отличалось адской.

Если хоть кто-то у него из квадрата выпадал – доставалось по первое число не только этому несчастному, но и всем. Поэтому халтурить было невозможно – твои же партнеры от тебя бы мокрого места не оставили. Не нравится Иванычу, как мы работаем в квадрате, – запросто мог «максималку» дать. А это – смерть.

Хотя тоже не всегда. В зависимости от того, как мы готовы. Помню, в 1999-м были на сборах в Анталии, в отеле «Мираж». Поле узкое, сетка его огораживает. Конец сбора, играем в футбол. Видимо, поднаелись, и что-то Романцеву не понравилось. Свистнул: «Всё плохо, давайте на бровку». И побежали «максималку».

Это бег минут на двадцать пять. Поперек поля – от одной бровки до другой. Туда по пути какое-то упражнение, а обратно включаешь полную скорость. Потом повторяешь. Раз семь без пауз. После короткий отдых – и по новой. Иногда людей

выворачивало – правда, почему-то обычно в манеже.

Но в тот раз дал бы он ее нам на первом или втором сборе – умерли бы. А тут конец третьего, и физически мы готовы. К тому же поле, повторяю, узкое, и, чтобы не врезаться в сетку, заранее сбрасываешь скорость – а это позволяет чуть-чуть отдохнуть. В общем, бегаем себе и бегаем, ничего нас не пронимает.

А Романцев зачем все это сделал? Чтобы мы задохнулись, поняли, что в игре недорабатывали. Но тут видит: не помогает. Громко говорит: «Тьфу!» – и заканчивает тренировку. Обиделся, что решил нас наказать, а не прокатило. Мы терпим и бегаем…

Что такое спартаковская игра, я начал понимать еще ребенком – но еще неосознанно. Ходил на стадион и видел, что «Спартак» играет в один футбол, а все остальные – в другой. А когда уже пришел в дубль, во всем разобрался – тренировки-то у Зернова были такие же, как в основном составе. Технический комплекс, квадраты, забегания, стеночки – как от этого не получать удовольствие?

Когда уже перешел в основу, постоянно слышал от Романцева: «Хозяин не тот, кто с мячом, хозяин тот, кто без мяча». Если ты правильно открылся, то не прав будет тот, кто с мячом, – почему тебе мяч не отдал?

В дубле были ребята, которые этот футбол чувствовали гораздо лучше меня. Тот же Миша Рекуц – техничный, с головой, читал игру как азбуку. Физически слабенький, а видение игры потрясающее. Но не воспользовался своим шансом, а потом не туда, видимо, человека утянуло. Как и многих других.

А я знал, что шансов в жизни упускать нельзя – не упустил во время просмотра и дальше не собирался. И шел к мечте шаг за шагом. В 93-м году забил за дубль три мяча, в 1994-м – уже двенадцать. В 1995-м – шесть, но тогда уже перешел из средней линии в защиту. У нас не хватало защитников, и в середине сезона, в матче с командой «Красногвардеец» Зернов поставил меня на край обороны. Получилось, причем в том матче я еще и забил, и голевой пас отдал.

Мы выиграли – 2:1, и тогда тренер сказал: «Всё, это – твоя позиция». Увидел, что из глубины мне играть лучше, и это оказалось правдой. Вот что такое – тренерский глаз.

* * *

В межсезонье-95/96 из дубля убрали Зернова. Главным там на какое-то время стал Вячеслав Грозный, с форвардами работал Сергей Родионов, с полузащитниками – Федор Черенков, а с

нами, защитниками, – Виктор Самохин. Он мне много и по делу подсказывал. Спокойный, уравновешенный человек, приятный в общении.

Две недели поработал с ними, а потом основной состав приехал со сборов, и по рекомендации Грозного меня взяли туда. Видимо, неплохо на тренировках выглядел.

Нет, не то чтобы он сказал штабу первой команды: вот есть парень, берите. Просто беда случилась – на мини-футбольном турнире в Германии с тяжелым переломом ноги на весь сезон вылетел Дмитрий Хлестов. Потребовалась срочная замена, и я поехал с командой на второй сбор в Израиль. Даже испугаться не успел.

Хотя к тому времени на такой поворот и близко не рассчитывал. Многие говорят, что, если бы Дима ногу не сломал, то я так в дубле и продолжал бы играть. Думаю, это правда.

Это был в моей жизни еще один шанс. И, как и на просмотре в дубле, я тоже его использовал.

Наверное, помогло мне и то, что в межсезонье Олег Иванович решил, оставаясь президентом «Спартака», сосредоточиться на работе со сборной, а главным тренером назначил Ярцева. Романцев не давал молодым столько играть, сколько Георгий Александрович. Дубль же играл хорошо, за три года я с ним, играя во второй лиге против взрослых мужиков, занял три призовых места. И омолаживать команду решили за счет нас.

А тогда многие из основы поуходили: Онопко, Кульков, Юран и Черчесов уехали за границу, вскоре, уже по ходу сезона, за ними последовали Никифоров со Шмаровым.

Когда я еще был в дубле, Черчесов часто просил после тренировки поработать с ним отдельно – он, например, на ближнюю штангу встает, а я ему в дальний бью. Или под углом, или еще как-то. Он здорово чувствовал ворота, и ему важно было тренировать не просто броски, он работал, чтобы суметь прочитать, прочувствовать любую игровую ситуацию.

А я бил сильно и точно – может, поэтому он меня и просил. Особенно мне запомнилось, когда он одну руку сломал – и, насколько мог, тренировал другую. На один бок прыгал, мяч одной рукой доставал. Это впечатлило очень сильно.

И общаться с ним было интересно, перед тренировкой или после. Он всегда говорил красиво, формулировать умел. И игровиком был – у нас в Тарасовке в одной комнате лежали домино, шашки, шахматы, так ему по домино равных не было. Даже там игру лучше всех читал!

В шахматы они с Зерновым всегда рубились. Но это вечерами. А в день игры перед установкой обычно в ход шло домино – все

же попроще, особо сосредоточиваться не надо. Но во что бы ни играли – Черчесов был номер один.

А тут и он, и большинство других опытных игроков уехали, да еще и Хлестов сломался. Он никогда ног не убирал. Злой защитник, изначально не обладавший какой-то техникой, но постепенно в «Спартаке» научили: еще один пример того, что в этой команде ты волей-неволей начинал со временем понимать игру.

Хлестова я ни разу в подкате не видел, потому что он никогда позицию не проигрывал. Всегда стоял на ногах, читал игру, смотрел в глаза сопернику и предугадывал по его взгляду, что он дальше сделает. А в 1999-м поразил всех пасом через полполя на гол Панова французам на «Стад де Франс». Никто глазам своим поверить не мог, что это Хлёст сделал!

С Димой мы уже позже сошлись, когда он поправился и к команде присоединился. Объединили нас видеоприставки, игры разные – хоккей, «стрелялки»… Он чаще выигрывал, особенно в НХЛ. Я обычно за «Детройт» играл, потому что там наших много было. Но настоящий «Ред Уингз» побеждал намного чаще, чем я Хлестова во всех этих игрищах.

Помню, на сборах в 1997-м каждый день одно и то же: оттренировались, пришли – и играть. Пообедали, поспали, поработали – и опять играть. К тому же похожи были на тот момент: молчаливые, закрытые.

Прозвище в команде у него было – Барези. Меня-то до поры все от фамилии называли – Евсеем, Евсом. А потом я волосы длинные отрастил, и тренер Грозный прозвал меня Батюшкой.

Основа «Спартака» не была каким-то недостижимым миром, на который мы, дублеры, смотрели снизу вверх, задрав голову. Что хорошо, в команде основа и дубль жили на базе вместе. Это сейчас два состава могут встретиться в лучшем случае в самолете, когда на игру выездную летят. А тогда тренировочный процесс у дублеров был такой же, и это помогало потом легче влиться в основу. Ну а когда были перерывы на матчи сборных, тогда и вовсе тренировались все вместе.

Поэтому не стоит удивляться, что столько народу из дубля середины 90-х попало в основу. Процесс адаптации для нас был очень мягким. Да и вел я себя аккуратно – обязательно спрашивал, куда можно сесть в автобусе или раздевалке, или просто заходил последним, когда все уже рассядутся.

Дедовщины особой не было – ну, разве что молодые всегда носили мячи. Егор Титов, как только за основу стал играть, мячи сразу носить перестал. А мне-то чего, жалко, что ли? Мы с Артемом Безродным, который совсем еще юным был, их обычно и

таскали. И не только мячи, разные вещи – сумки с формой, доктору и массажисту помогали.

Безродный талантом обладал, недаром он в 2000 году несколько мячей в Лиге чемпионов забил. Но человеком он всегда был довольно странным. Вообще никого не слушал: как решил – так и буду. Как в игровом плане, так и в житейском. Со старшими всегда пререкаться любил. Ну вот и пропал быстро, хотя имел все шансы заиграть на очень высоком уровне.

А я попал в первую команду и поставил себе цель: только бы отсюда уже не выпасть. И ни дня больше в дубле не провел. А то ведь кто-то здорово играл в основе, а потом опять оказывался в дубле – или вообще в другие команды поскромнее уходил. Например, два моих приятеля – Андрюха Коновалов и Саня Липко. Саня – тот вообще после 1996-го ушел, Андрей – годом позже. Хотя он в 1996-м в золотом матче голевой пас Илье Цымбаларю отдал.

Мы с Липко и Коноваловым подружились в дубле, когда я летом 1994-го, скрываясь от армии, по совету Романцева десять дней на базе жил. Делать было нечего – мы в Санины «Жигули» садились и ездили по Тарасовке. Липко – краснодарский пацан, балагур, рот у него не закрывался. Жалко, быстро из «Спартака» ушел…

Больше ни у кого из нас, молодых, тогда машины не было. Права-то я только в 1995-м получил. Хотя как получил – Рамиз Мамедов мне их сделал за 500 долларов. Полгода ждал! У него завязки были в каком-то городе – то ли Рязани, то ли Тамбове. Сказал, что может сделать, – и я согласился.

А машину свою первую я как раз у Липко купил – «семерку» кремового цвета. Ей на тот момент лет десять было. Как-то она на Кутузовском возле дома Цымбаларя заглохла – ну он прямо там и решил ее мне продать. Мой брат приехал, что-то там поделал – и все, завелась. А обошлась она мне в тысячу долларов за все про все.

Ездил я на ней довольно долго. До 98-го года точно. Потом отдал ее брату, а себе купил 99-ю модель «Жигулей». А вскоре мне дико повезло. 17 августа 1998 года в полдень я продал машину за шесть тысяч долларов. А тут – дефолт! И рубль понесся вниз с такой дикой скоростью, что в три часа дня я за эти деньги мог купить себе уже три такие машины.

Потом у Хлестова третью модель «БМВ» купил, которую он еще в 94-м году на ВДНХ приобрел. А когда однажды я решил ее продать – выяснилось, что это невозможно. Это была какая-то машина-гибрид, чуть ли не из двух разных собранная! Так что отдал я ее Димону обратно, а он уже кому-то толкнул.

* * *

Прошли мои первые сборы с основой «Спартака». Показал я себя на них, видимо, хорошо – раз сначала на третий сбор взяли (в чем уверенности никакой не было), а потом…

Первый же матч в сезоне нас ждал убойный – четвертьфинал Лиги чемпионов с французским «Нантом». Ведь предыдущей осенью опытный состав с Черчесовым, Онопко и компанией шесть побед в шести матчах группового турнира Лиги одержал. Чемпион Англии «Блэкберн» два раза прибили – и в гостях, и дома! В «Лужниках» их так возили, что два игрока соперника, Ле Со и Бэтти, прямо на поле между собой подрались.

Вот, с одной стороны, очень жалко, что такой классный состав у нас на весну не сохранился. А с другой, останься все они в команде – я бы и мечтать не мог, чтобы с «Нантом» сыграть. Да вообще в дубле продолжал бы сидеть. А так…

Не то чтобы был уверен, что выйду на поле стадиона «Божуар», но понимал: скорее всего. Потому что в товарищеских матчах меня наигрывали в основе. Романцеву и Ярцеву уже было ясно по тренировкам, кто выйдет на поле. Если в квадраты четыре на четыре выходят, например, четыре защитника и четыре хава, значит, составы задней и средней линий известны. Я там работал постоянно. Вот впереди нельзя было знать заранее, кого они поставят.

На установке Ярцев объявил: «Евсеев – слева, Мамедов – справа, по центру Никифоров и Липко». И тут я понял, что моя первая официальная игра за основу «Спартака» будет в четвертьфинале Лиги чемпионов!

Нет, в штаны не наложил. Но волнение и переживания, конечно, были – сильнее, наверное, не нервничал никогда – разве что перед золотым матчем с «Аланией». Но перед «Нантом», наверное, все-таки сильнее. Не ударить в грязь лицом. Ничего не «привезти». Да и просто – не перегореть. Все-таки 30 тысяч на трибунах – я при таком количестве народу в жизни еще не выходил.

Ни Ярцев, ни Романцев ничего мне отдельно перед игрой не говорили. Не помню уже, летал ли на игру Олег Иванович, а на сборах накануне точно был. Но никаких отдельных бесед не было. Не хотели лишний раз дергать, наверное.

Я и сам понимал: главное – не допускать ошибок. И старался играть проще: отобрал – отдал, отобрал – отдал. Так и освоился. Да, моментов мы в первом матче не создавали и проиграли – 0:2. Плохо, конечно, но, по крайней мере, голевых ошибок не сделал и другие проблемы из-за меня тоже не возникали.

Зато ошибся в ответном матче с тем же «Нантом». При счете 2:0 в нашу пользу мы с Липко вместе пошли на верховой мяч, помешали друг другу, не попали – и получили голевую контратаку…

В том матче на «Локомотиве» Ярцев неожиданно для всех, в том числе и для французов, поставил Никифорова опорным полузащитником. Мы это уже на тренировках поняли, что так произойдет, хотя сам Юра сначала был этой позицией недоволен и много спорил.

Но Ярцев знал, как здорово, мощно и точно Ника бил – пушка у него просто сумасшедшая была. И переставил его в центр поля, сказав как можно чаще подключаться к атакам и не стесняться бить издали.

И к концу первого тайма Никифоров забил два мяча! Один – как раз мощным ударом, другой – головой после углового. И по итогам двух матчей уже было равенство.

Во втором тайме я первый раз в жизни столкнулся с большой судейской несправедливостью. При счете 2:0 швейцарский судья Мументалер не назначил стопроцентный пенальти в ворота французов. Мы в тот момент играли с таким куражом, что при 3:0 они никогда в жизни бы не отскочили! И мы вышли бы в полуфинал Лиги чемпионов…

Я четко видел, что Кешу, Валеру Кечинова, сбили, сзади в него въехали. Как мог судья этого не разглядеть – до сих пор не понимаю. А потом как раз и случилась наша с Липко ошибка, и Уэдек один мяч отыграл. И закончилось все ничьей 2:2 и нашим вылетом.

Кто мог подумать, что ни один российский клуб с того момента и до сих пор до полуфинала Лиги чемпионов не доберется.

Впрочем, не думаю, что нас тогда убивали. Это была просто одна ошибка. А вот в ответном матче «Локомотива» против «Монако» в 1/8 финала весной 2004-го их была целая серия. Но с худшим «убийством» в жизни, наглым и неприкрытым, я столкнулся, когда играл за «Торпедо» в Екатеринбурге. Занимался им известный специалист по этому делу Юрий Ключников. Работал он «качественно», если переехал из Ростова в Москву жить…

А после ответного матча с «Нантом» разочарование было такое, что я думал: все пропало, все закончено. С игрой за основу можно попрощаться, сейчас на мне поставят крест.

Ждал резкой критики за тот гол, был готов ко всему вплоть до отправки обратно в дубль. Но ничего не случилось. Всё как и прежде, спокойная обстановка, все тренируются и готовятся к

следующему матчу.

Через три дня играли дома с новороссийским «Черноморцем», и мои опасения начали сбываться: в составе себя не нашел. Но, видимо, тренеры просто дали переварить случившееся. Потому что в следующем туре я вновь вышел на поле.

Причем с кем – со «Спартаком-Аланией», действующим чемпионом России! И мы своей молодой командой не просто выиграли, а разгромили владикавказцев – 4:1, а я прилично сыграл. И даже голевую передачу отдал.

* * *

Это было 30 марта, а 1 мая, то есть через месяц, в полуфинале Кубка России с очень сильным тогда «Ротором» у меня случилась большая радость. Первый гол во взрослой карьере!

У этого гола была своя предыстория, как раз связанная с тем самым разгромом «Спартака-Алании» в чемпионате. В том матче мы разыгрывали штрафной, Цымбаларь отдал пас мне, я откатил мяч назад под удар Никифорову, и он сравнял счет.

А тут, с «Ротором», уже он мне выкатил. До сих пор помню его слова: «Это тебе за «Аланию»!»

А ведь он был уже очень опытным игроком и летом уехал за границу. А я-то кто? 20-летний пацан, только в состав попавший. С момента того моего паса больше месяца прошло. И вдруг Никифоров мне говорит, что должок возвращает. У меня все это в голове с трудом укладывалось. И радость дикая была – не где-нибудь, а в полуфинале Кубка забил!

Кстати, перед ответным матчем во Владикавказе мы с Сергеем Горлуковичем, моим соседом по номеру, опоздали на установку. Я перепутал время и сказал ему – спи спокойно. Когда спустился в зал, увидел, что дверь приоткрыта, все Ярцева слушают. Тут же помчался наверх Горлуковича трясти.

Под шумок узнали, что в составе, и пошли чаек пить как ни в чем не бывало. Думали, Ярцев просто не заметил нашего отсутствия, но уже потом, после игры, он все высказал. Мол, неужели вы думаете, что я ничего не вижу?

Но он не стал устраивать из этого скандал. Хотя соперник сравнял счет в добавленное время и настроение было поганым – победа прямо из рук уплыла. После такого могло по-всякому повернуться – но, к нашему счастью, не повернулось. Дед-то, Горлукович, ладно, он в своей жизни и не такое повидал, ему

вряд ли могло влететь. А вот мне, молодому…

Опоздаю я за всю карьеру только один раз – на тренировку в «Локомотиве». Команда уже минуты две выслушивает Семина, чем заниматься будем. Он дает свисток: «Побежали!» И тут влетаю я: «Минуточку…» Палыч напрягся, думал, стряслось что-то. А я протягиваю сто долларов: «За опоздание»…

Перед самым перерывом на чемпионат Европы в Англии, куда Романцев сборную повез, я и в чемпионате первый мяч забил – сочинской «Жемчужине». При 1:1 – а учитывая, что мы выиграли 3:1, гол этот оказался победным. С лета попал. Коновалов навесил, Тихонов крикнул: «Оставляй!» – наверное, головой хотел пробить. Но я все-таки рискнул и ударил. Попал в ближний угол. А потом тот же Тиша забил третий, так что праздника мне ничто не испортило.

В том сезоне, кстати, я забивал больше, чем когда-либо в «Спартаке». Четыре мяча за сезон. На следующий год – один, в 1998-м – ни одного, в 1999-м – один. Но, что интересно, постоянно забивал «Динамо». Дважды за «Спартак» и трижды за «Локомотив». И эти пять мячей за карьеру были результатом личной обиды. За ту самую детскую историю…

А в финале Кубка попали на мою будущую команду и будущего тренера – «Локомотив» и Семина.

Жара несусветная. 0:1 проигрывали, потом 2:1 вели. Сначала Санька Липко ударил чуть ли не от центра поля с небольшим рикошетом, а Босс, Сергей Овчинников, мяча не увидел и пропустил, а затем Никифоров реализовал пенальти. «Локо» сравнял тоже с пенальти – 2:2. Мы наседали весь второй тайм – и тут вдруг Юрка Дроздов из-за штрафной в одно касание как пальнет. Причем «щекой» – но с такой силой!

Наверное, он тогда первый свой гол в жизни забил: Саня Филимонов не среагировал. Времени отыграться у нас уже не оставалось. Это был первый трофей Семина, и, когда я перейду в «Локомотив», мы с ребятами о том матче вспомним.

Смешно, что в том финале я под 10-м номером играл. У меня тогда вообще постоянного номера не было – какой давали, такой и надевал. Фамилий на спинах ведь не писали. Это началось, когда я уже в «Локомотиве» был. Дали 16-й – и всё, стал моим. А в 1996-м в «Спартаке» я, по-моему, под всеми номерами переиграл. И не придавал этому никакого значения. Лишь бы выпускали…

Кубок уплыл, мы расстроились, конечно. Но тут тренеры умно себя повели. Если бы начали нашу молодую команду шпынять, во всех грехах смертных ее обвинять – может, мы и сломались бы. А Ярцев с консультировавшим его Романцевым

никаких разборов полетов не делали. Мы сразу начали спокойно готовиться к следующей игре. И в итоге от поражения команда не то что не сломалась, а наоборот – окрепла.

* * *

Тот чемпионат для нас начался скверно. После первой игры с «Нантом», еще не отойдя от нее, поехали на первый тур в Калининград, играть с только вышедшей из первой лиги «Балтикой». И неожиданно проиграли.

В жизни, как мы знаем, случаются дежавю, и когда одиннадцать лет спустя я перейду к Ярцеву в «Торпедо», первый матч в первом дивизионе мы тоже будем играть с «Балтикой» в Калининграде. И тоже проиграем. Мы с Санычем тут же вспомним, с чего у нас все когда-то начиналось в «Спартаке»…

В команде начало нарастать напряжение – начать сезон с двух проигрышей подряд никому не понравится. Новый состав, новый тренер. Нет, никто нас не накручивал, что мы обязаны выиграть чемпионат – хотя, может, перед началом сборов и говорили, просто меня в первой команде еще не было. Но это же «Спартак», тут и так понятно, что, кроме первого, никакого другого места нет! Так всегда было, и даже говорить этого не нужно!

Нам сильно помогла вторая игра – с «Локомотивом». Горлукович головой забил, Аленичев – и мы выиграли 3:1. И на ответный матч с «Нантом» уже совершенно с другим ощущением выходили. Да, не смогли в полуфинал пробиться, но играли-то здорово. Ну а после того, как «Аланию» грохнули, почувствовали, что у нас есть команда. А я успокоился, поняв, что не так страшна эта высшая лига, как ее малюют. В ней играют такие же живые люди, и если не бояться, играть в свою игру и выкладываться до конца – все будет нормально.

А за победы и деньги платили, каких я до того никогда не видел. Зарплаты у молодых были маленькие, зато на премиальных можно было что-то скопить – только выигрывай! Они составляли от одной до трех тысяч за матч. Больше трех не было никогда – даже за золотой матч со «Спартаком-Аланией».

В конце сезона делались окончательные расчеты и что-то нам еще доплачивали. Правда, всем по-разному и по какому принципу – непонятно. В 1996-м я сыграл из тридцати четырех матчей двадцать восемь – и за первое место в итоге получил 5 тысяч долларов. А Титову, сыгравшему столько же матчей, дали, по-моему, 30. В 1997-м я получил пять с половиной тысяч за

двадцать две игры, вратарь Филимонов – ноль, а его коллега по амплуа Нигматуллин – 500 долларов. И не знаешь, сколько и почему тебе заплатят – просто берешь конверт и подписываешь. И радуешься, что тебе хоть что-то дают.

Первые деньги за футбол я, кстати, получил в пятнадцать лет, играя за… «Спартак». Только футзальный. Футзал – это разновидность футбола с маленьким мячом, который не отскакивает от поверхности. У знакомых была как раз команда «Спартак», не имевшая, впрочем, никакого отношения к большому футбольному клубу. Меня туда позвали – и помню, как тешило мое сознание, что я играю за «Спартак»!

Если же возвращаться к деньгам, то нормальные зарплаты всем молодым положили только на третий сезон, в начале 1998 года, – после того как один из нас, Саня Ширко, забил три гола «Аяксу». Во-первых, перевели всё в валюту, хотя до этого получали в рублях. Во-вторых, Косте Головскому, Мелешину и мне сделали зарплату в три тысячи долларов, а если чистыми, то две с половиной. Ширко, которого в газетах назвали «победителем «Аякса» (он амстердамцам два гола на выезде и один дома забил), – 5 тысяч.

Кстати, когда во второй половине того года в аренду в «Торпедо» перешел, мне там те же 3 тысячи платили, только еще и чистыми. Плюс премиальные. То есть я и играть стал постоянно, и в деньгах ничего не потерял, а даже приобрел.

А еще футболисты «Спартака» чуток подзаработали на продаже машин. За выход в групповой этап Лиги чемпионов в 98-м году всем подарили по «Дэу Нексии». И сразу начался процесс перепродаж – причем зачастую друг другу, внутри команды. Цымбаларь, например, продал Матвеичу, нашему водителю автобуса Николаю Дорошину. Кто-то из ребят – Славке Сапогу, то есть мастеру по обуви Зинченко. Ширко вообще машину как-то ухитрился по телефону продать. И ведь ничего, не кинули…

* * *

Осенью 1996-го я открыл для себя и Кубок УЕФА. В гостях проиграли – 1:3, причем соперникам записали автогол, хотя это мой мяч был. Но дома Дима Аленичев два забил, и мы прошли дальше. А там нас ждал знаменитый матч с датским «Силькеборгом».

Это любимая команда Сереги Горлуковича. Потому что нам за победу премиальные почему-то так и не заплатили. Он всегда Ярцеву говорил, даже год-два спустя (пародирует картавость

Горлуковича. – *И. Р.*): «Геойгий Саныч, а когда за «Сийкебойг» мы получим деньги?» У нас это была одна из любимых фраз, мы с нее тут же угорать начинали. Ярцев ничего не отвечал…

Дома вели спокойно – 3:0, гоняли их в одни ворота – забивай не хочу. И тут – один вдруг пропустили, другой. Потом Нигматуллин рукой за пределами штрафной играет, его удаляют, а замен у нас больше нет! Опаснейший штрафной в наши ворота – и кому-то из полевых надо в рамку вставать. Но кому? Никто такие моменты, конечно, на тренировках не обговаривал и не репетировал – это был чистый форс-мажор.

Андрей Тихонов, который в том матче два гола забил, даже не дал никому задуматься об этом. Тут же взял перчатки, надел свитер и пошел. Мог ли я встать? В тот момент, наверное, нет. Молодой, двадцать лет, трудно взять на себя такую ответственность. Но никто и не успел начать обсуждать – Тихонов как лидер все решил сам и взял удар на себя.

Сначала мяч в стенку попал, а потом кто-то добивал, и удар-то был хороший, в угол. Но Тишка намертво поймал! На спокойнячке!

Пять минут оставалось – и победу мы удержали, а матч тот благодаря Тихонову в историю вошел и всем запомнился. Мы его все, конечно, поздравили, но от игры радости никакой не было. Вести 3:0 и довести до такого…

В ответной встрече я оказался 19-м лишним и даже не попал в заявку. «Горели» 0:1, то есть на тот момент вылетали. Но тот же Тихонов сравнял счет, потом забили еще – и прошли этот «Сийкебойг». Но понервничать пришлось.

* * *

«Сийкебойг» навел на воспоминания о Горлуковиче. О Дедушке, с которым мы в Тарасовке в одном номере жили. О дядьке-наставнике применительно к той нашей команде 96-го года, когда так и говорили: «Ярцевский детский сад и вожатый Горлукович».

Мне с ним было и легко, и тяжело. С одной стороны, у нас в номере всегда все было, начиная от тейпов и заканчивая конфетами, которые Горлук очень любил. Все, что было на базе или в столовой, перемещалось в его тумбочку.

Мы прекрасно ладили, и как-то я на кровные купил видеодвойку, поставил в своей комнате. Потом вернулся с обеда и увидел, что мой телевизор перекочевал в комнату к Горлуковичу. Я взял телевизор и понес обратно к себе. Сергей поразился: «Ты

что делаешь?!» В итоге он остался у Дедушки. Зато я пользовался привилегиями: конфет я у него из тумбочки мог брать в неограниченном количестве.

Еще, помню, тянулся где угодно. Хоть на балконе базы, хоть в центре города. Идем по магазинам – вдруг останавливается и начинает пахи растягивать. На тренировку выходил в какой-то ветхой форме. И машина у него была такая же – «Ауди-80».

Но Горлук – человек противоположностей. Как-то на базе появилась чья-то навороченная «Ауди А6». По Москве такие еще не ездили, только в Германии. Мы всё присматриваемся – это кто ж купил-то? Кто у нас Корейко? А на третью неделю видим – Горлукович выходит! Это была сенсация.

Учился я у него всему. Безобиднейший в жизни, на поле он становился сумасшедшим. Бутс на тринадцати шипах у него не было, только на шести – как и у Юры Ковтуна. Злющий, неуступчивый. Встает в квадрат, вроде благодушен, хи-хи да ха-ха. Но начиналось упражнение, и, если его кто-то обидит или начнет возить, мог так вставить, что мало не покажется.

Но всё в мяч, никогда не летел именно в ноги. Ну а уж если ноги вместе с мячом вынесет, тот тут уж извините – кто не успел, тот опоздал. Тем не менее умышленно Серега никогда никого не калечил, и эту предельную жесткость, но не переходящую в костоломство, я у него, думаю, перенял. Не просто так же прожил с ним три года в одном номере…

А в быту – просто добрейший человек. Когда играли в карты, ты мог его по-разному обзывать и ничего тебе за это не было. И Дедушкой, и еще как угодно. Панибратством он это не считал. Было у него еще смешное ругательство, которого я больше ни от одного человека никогда не слышал – «сапайло».

Но он даже «сапайлом» нас добродушно называл. Разозлиться чуть-чуть мог, только если кто-то к нам присоединялся и, когда мы играли в карты, начинал советовать, как ходить. Как тут не разозлиться – не на фантики же играли, а на деньги. Там каждая ошибка могла к потере привести, а когда помогает кто-то – это уже не по правилам. Так что – смотри сколько хочешь, но не советуй. Я один раз так «попал».

Играли в основном Горлукович, Титов, Тихонов, иногда присоединялся Кечинов, хотя Валерка больше со стороны смотрел. Если в бридж рубились, то выигранное очко равнялось доллару. То есть за вечер можно было выиграть или проиграть долларов триста. При наших тогдашних скромных заработках – серьезная сумма, то есть на кону стояло многое и приходилось думать. А Горлукович думал дольше всех, и мы над ним из-за этого всегда издевались. Но в меру.

Но вот если Дедушке на поле кто-то что-то неуважительно скажет – берегись. Там и в жизни – два разных человека!

До сих пор перед глазами стоит, как однажды в Самаре после матча он Титову что-то сказал, тот ему ответил – видимо, в хамской форме. Тогда Горлук ему при всех напихал: «Ты чего, сынок? Знай свое место!» Тит промолчал. Понял, что для него же лучше будет, если эта ситуация дальше не зайдет.

А почему только на шести шипах? Потому что, когда защитник поскальзывался, Романцев бывал этим крайне недоволен. А с тринадцатью шансов на это имелось гораздо больше. Есть в футболе маленькие такие вроде нюансы, но которые на многое повлиять могут.

И если оказывалось, что ты на тринадцати шипах, то мог у него даже из команды вылететь. Олег Иванович, сам защитник, всегда играл на шести и нас убеждал, что у защитников должна быть точка опоры. И никакого «если». Просто должна. Поэтому мы, линия обороны, всегда играли на шести.

Выпить Горлукович мог немало. О том, как он уберет с вечера бутылочку коньяку, а наутро натянет два шерстяных костюма и побежит кросс, всю эту гадость из организма выгонять, легенды ходили. А у меня со свадьбы он ушел с сеточкой вина, бутылочек восемь. Взял и уехал с ними… на базу. Интересно, как он их проносил.

А еще многие ребята рассказывали мне историю, как сборная России в 1994 году летела со сбора в Австрии на чемпионат мира в США. Перелет долгий – и вот прибыли в Калифорнию, команду торжественно встречает мэр города. У самолета – камеры, телевидение. И тут первым на трап, пошатываясь, выходит слегка помятый Горлукович… Кто-то говорил, что его после этого чуть сразу обратно не отправили.

А еще была знаменитая история на проводах Аленичева в «Рому» – меня там, к сожалению, не было, поскольку я тогда в «Торпедо» в аренде играл и графики команд не совпадали. Но знают о ней все футболисты – это точно не байка.

В конце праздника Алень собирался оплатить счет и увидел, что половину его составляют две бутылки самого дорогого из возможных коньяков. ХО, по полторы тысячи долларов каждая. Горлук их прямо там прикончил! А на вопрос: «Серег, ты что заказываешь?», ответил: «Димочка, что, жалко тебе для Дедушки хорошего коньячку? За твое здоровье? За успехи за границей?» Дима только руками развел – ну как можно на такого злиться. Любил Горлук на этом поиграть, на своей старости. А когда тренером стал, штрафует, говорят, вообще за все!

Это именно на том банкете наш мастер по обуви Слава

Зинченко, рассказывали, Москву-реку на спор за гонорар переплывал. Меня эта новость не удивила. Я-то сам помню, как в Швейцарии, когда мы готовились к «Аяксу» зимой 1998-го, жили на озере в часе езды от Лугано. И тоже, когда был выходной, ребята постарше пообещали Славе триста долларов: «Давай, прыгай в озеро!» Прыгнул. Это был конец февраля. Ему все было нипочем. Он и целый банан с кожурой за сто долларов съедал. В основном над ним Тихонов, Аленичев и Цымбаларь прикалывались.

Слава с Аленем по-прежнему вместе. В тульском «Арсенале» у него с любительской лиги работал – только теперь уже не сапожником, а администратором. И живут недалеко друг от друга – Аленичев в Мамонтовке, Зинченко поблизости. Но он уже не юн, и прыгает ли зимой в водоемы – не знаю. Надо бы при случае спросить.

Замечательные в той команде люди были – тех, кого принято называть обслуживающим персоналом. Тот же Зинченко, Жиляев, администратор Александр Хаджи… Допустим, многим не нравились гетры, толстые были. Еле в бутсу залезали, мозоли натирали. Тихонов гетры обрезал, просил потоньше найти.

Хаджи откуда-то доставал, привозил из Израиля старые модели. Работящий, все находил – и шутил заодно. А Жиляев что угодно по быту футболистам обеспечивал. Как я уже говорил, телефон мне домашний поставил…

* * *

Тогда, в 1996 году, борьба в таблице была очень плотной, вперед ушли сразу пять команд – «Ротор», ЦСКА, мы, «Спартак-Алания» и «Динамо». Когда в октябре динамовцев 3:1 обыграли, а я в том матче счет открыл – уверенности в том, что можем взять «золото», прибавилось. Никто в том году на нас не ставил – но мы-то знали, что можем!

Причем гол у меня очень красивый получился – со школы таких не забивал. Да и потом за всю карьеру – вряд ли. По-спартаковски вышло – отдал пас Джубанову и не встал в ожидании того, что Вова будет делать дальше, а тут же рванул открываться под удар. Получил мяч обратно от Джубанова, положил корпус и с полулета пробил. Мяч в самую девятину влетел – просто сумасшедший гол получился! Сравнить с ним могу разве что победный мяч за «Локомотив» в ворота «Динамо» в 2004-м при счете 1:1 – с левой из-за штрафной, уйдя от игрока…

Потом был чумовой матч с «Торпедо», когда после первого

тайма мы горели – 1:3, а во втором три мяча забили. Причем победный, четвертый, – Вова Джубанов, для которого это был звездный час. Быстрый, юркий, маленький – но долго не продержался, конкуренция большая. Уже в следующем году ушел в нижегородский «Локомотив». Но тогда – помог, сделал свое дело. А меня в том матче Ярцев заменил еще до перерыва. Такие вещи всегда неприятны. Очень. Но что я ему скажу? Мне же двадцать лет было, а в этом возрасте надо не говорить, а слушать и делать то, что тебе говорят.

Ведь вообще в том сезоне в «Спартаке» прилично играло немало ребят, которые потом на таком уровне себя не проявили. Нашел Ярцев к ним подход, дал им шанс, сумел раскрыть. Хотя, казалось, есть более опытные игроки, которые после отъезда лидеров имеют куда большие шансы занять их места.

Еще когда я был в дубле, например, в основе уже вовсю играл Сергей Чудин. Рыжий, хитрый лис. Данные были сумасшедшие. Удар, пас, техника, мощь – все на месте! С 30 метров мог засадить – мяча видно не было.

Но ленивый. Лень все в итоге и переборола. Дали ему в «Спартаке» трехкомнатную квартиру – и всё. Его звали в «Динамо», он остался, выбив квартиру, – но не было больше на поле никакого Чудина. В 1996-м он сыграл всего шесть матчей, и это оказались его последние матчи за «Спартак».

С Чудиным связан эпизод, после которого я зарубил у себя на носу, что подкат для защитника – последняя мера, в него нужно идти, только когда других вариантов выбить мяч уже нет. Ведь если ты не успел, и тебя пробросили – всё, у соперника к твоим воротам красная ковровая дорожка, как на Каннском кинофестивале. Когда меня только взяли в основной состав, на сборе в Израиле мы играли контрольный матч. В какой-то момент в центре поля потеряли мяч – и Чудин, игравший в центре обороны и в том эпизоде подключившийся к атаке, пошел в подкат. Соперник прокинул мяч, и возник опаснейший момент. Так на следующий день Романцев, который в том сборе наряду с Ярцевым участвовал, такой разнос устроил! «Ты думаешь, хорошо сделал? – говорил он Чудину. – Ты просто не хотел назад бежать, поэтому и сыграл в подкате. То есть не захотел терпеть. Все остальное – рассказы в пользу бедных». Это я навсегда запомнил.

Зато сколько пользы в том сезоне да еще в паре следующих команде принес Леха Мелешин! Вот это – настоящий трудяга. Играл правого хава и своей активностью перебарывал соперников. Тоже всего одним трудолюбием добился, как и я. Играл довольно долго и полезно – в «Спартаке», потом в «Сатурне»… Классический пример того, что если человек очень хочет, то и без

особого таланта может многого в футболе добиться.

Да тот же Андрей Тихонов, мой сосед из Королева – тоже ведь не какой-то суперталант. А забивал в 1996-м пачками такие мячи, что вообще понять было невозможно, – с нулевого угла, как мы, футболисты, выражаемся, «из песочной ямы». У него удар поставлен, он очень много работал над ним на тренировках. Трудолюбивый, быстрый, с огромным желанием. Его еще в 1992-м взяли в «Спартак», он поварился с большими мастерами – и когда те уехали, в 1996-м вышел на свой пик, забил в том сезоне шестнадцать голов. И потом стал одним из символов «Спартака».

А вот Тит – это был настоящий талант. И Романцев Егора обожал, всегда в пример всем ставил. Что бы ни делал Титов – он всегда лучший. Впрочем, у Романцева любимчик – это ничто. Если бы Тит повел себя не так, начал пить, Иваныч бы его быстро убрал. Для него не было вообще никаких авторитетов. Цымбаларя-то он тоже любил…

Вот кого действительно жалко было – так это Андрея Пятницкого. Это был мой самый любимый игрок из того состава «Спартака», когда я только в дубль пришел. Все умел! И пахал в середине поля, и отдавал, и забивал – причем чем важнее матч, тем лучше играл.

Недавно включил телевизор, а там запись матча Лиги чемпионов 1995 года «Блэкберн» – «Спартак». Того, где Сергей Юран единственный гол забил. Вася Уткин комментирует и не слезает с бедного Пятницкого – сколько потерь, как плохо играет. При том что было все совсем не так. Вася в своем репертуаре – если уж за кого-то взялся, вовсю гнобить начинает.

Они с Игорем Ледяховым мне больше всего в «Спартаке» первых российских сезонов нравились. Когда в 1992-м Романцев взял их в команду, Пятницкий играл под нападающими, Ледяхов – опорным. Полсезона ничего не выходило. Потом Олег Иваныч поменял их местами – и у обоих пошло!

Это ведь большое дело, когда тренер игроку правильное место находит. Мне вот в «Сатурне», под занавес карьеры, Андрей Гордеев тоже новую позицию нашел – в опорной зоне. И получилось.

А Пятницкого травмы замучили. Только от одной восстановится – следующую получает. Из-за них и не раскрылся даже на половину своего таланта. Как и Валерка Кечинов. Техничный был – ой-ой-ой. Пластичный, гибкий, всё на паузах, на ложных замахах. Какой гол на выезде с «Аяксом» ван дер Сару забил, посадив его на пятую точку! И таких мячей Кеша немало забил. Все при нем было. Но травмы, травмы…

Пятницкого однажды я на поле достал. Поставили его в

одном из матчей с моей стороны. Так я не умолкаю: «Пята, лево, Пята, право!». Он и сам-то на поле все время говорил, «пихал» всем – а тут молодой взялся ему подсказывать. В конце концов это ему надоело, Андрей повернулся ко мне и выдал по полной программе. А мне-то просто видно сзади, как атака у соперника идет, – ну, я и предупреждаю, чтобы не ошибся. Но с того момента я предпочитал делать это не каждый раз, а только при крайней необходимости. Чтобы опять не нарваться.

* * *

Отдать «золото» мы могли в предпоследнем туре, в матче, казавшемся самым легким, – дома с «Ростсельмашем», который занял в том году 11-е место. Ему уже ничего не было нужно. Такие игры часто самыми коварными оказываются. Вот как в 2014-м «Локомотив», кстати, тому же Ростову (правда, в гостях) и в том же предпоследнем туре вообще «попал». И проехал мимо не только чемпионства, но и второго места, то есть Лиги чемпионов…

И мы с ними играли очень тяжело, а когда на 83-й минуте со штрафного получили гол, мелькнула мысль – вот и все, закончилась наша мечта. Но на 88-й назначили штрафной уже в нашу пользу.

И тут произошло невероятное. К мячу подошел Горлукович, который штрафные вообще никогда не бил.

Впрочем, ему еще надо было отодвинуть от мяча Тихонова, штатного исполнителя стандартов. А Андрюха отреагировал грубо: «Куда ты лезешь, ну не идет же у тебя удар!» Но если Горлук что задумал – сопротивление бесполезно. Сдвинул Тишку и всадил мяч в сетку!

Теперь оставалось выиграть в Питере у «Зенита» – и, если Владикавказ тоже берет свои очки, будет золотой матч. Мы проигрывали – 0:1, но ошибся Рома Березовский, и «Спартак» выиграл.

И вот – золотой матч. 16 ноября 1996 года.

Я страшно хотел выиграть еще и потому, что в Питер на переигровку поехал мой брат Серега. Он и в Москве часто на матчи ходил, а тут решил, что такую игру пропускать нельзя.

Отец – нет, он по телевизору смотрел. Когда я только попал в основной состав, он немного ходил на стадион, но потом уже перестал. Здоровье начинало подводить. Правда, он все равно был очень доволен, что я в «Спартаке» играю. Отца не станет восемь лет спустя, в декабре 2004-го, через месяц после того, как я с

«Локомотивом» второй раз чемпионом стану. Хорошо, что успел порадоваться…

Помню, как он радовался, что я уже в «Локомотиве» в 2002-м золотой матч у ЦСКА выиграл. Они с братом с детства приучали меня, что ЦСКА – это плохо. До сих пор, например, ставить деньги на победу армейцев – никогда в жизни! Даже если ты уверен, что они выиграют.

Правда, вначале такое отношение больше к хоккейным армейцам сложилось. Футбольные-то тогда вообще не конкуренты «Спартаку» были – то вылетали из высшей лиги, то возвращались. Но в хоккее-то я тоже за «Спартак» болел! Почему-то вспоминается, что я всегда ходил на выездные матчи в Сетуни с «Крыльями Советов» – и «Спартак» там всегда проигрывал…

Это сейчас я к хоккею пристрастился и регулярно в разных матчах играю – помню, например, одну благотворительную игру, где у меня в команде в нападении играл министр внутренних дел Нургалиев и Саня Овечкин. Тогда в Сокольниках команда Ковальчука играла против команды Овечкина. И в Магнитогорск ездили – там было «Малкин-тим» против «Ковальчук-тим», а я играл в паре с Сергеем Гончаром. На одни его коньки посмотрел и понял, что мне там делать нечего. Но ничего, не обделался – Гончар, он спокойный, не кричал. Подсказывал – а я слушал…

Альтерантивы – заниматься футболом или хоккеем – у меня в детстве не было. Хоккей мне всегда нравился, но коньки мама подарила только в пятнадцать лет, поэтому встал на них поздно. А произошло бы это в детстве – может, и в хоккей бы пошел. По характеру он мне подходит. Хотя вот смотрю, как люди бегут спиной вперед точно с такой же скоростью, как лицом, – и не понимаю, как смог бы так…

Сейчас мы часто выходим на лед со старыми корешами по «Локомотиву» – Лоськовым, Сычевым. Сыч неплох, ну он сибиряк, омский, так что это понятно. Лось тоже занимался хоккеем в детстве каждый день и только потом уже на футбол перешел. Так что он такие же передачи на льду раздает, как и на поле. Но лучше всех из тех, кого видел, играет Вова Бесчастных. Он говорил, что до двенадцати или тринадцати лет занимался хоккеем параллельно с футболом. Очень приличный уровень.

* * *

А в золотом матче со «Спартаком-Аланией» нам надо было показать не просто приличный – запредельный уровень. У владикавказцев-то команда была опытнее нашей, да к тому же в

прошлом году чемпионом стала. То есть уверенности в любом случае больше.

Жили мы в дни золотого матча в гостинице «Прибалтийская» на Финском заливе. Там хотела остановиться и «Спартак-Алания», это я точно помню, но мы свое место отстояли! Это была первая часть войны, которую мы выиграли…

Спал перед игрой спокойно. Завтрак – по желанию, так что выспаться можно было всласть, что мне и удалось. Послушали в гостинице установку, сели в автобус и поехали. Как всегда, в спартаковском автобусе по дороге на игру стояла мертвая тишина. Ни о какой музыке там никогда речи не шло. А уж тогда – тем более.

Приехали на «Петровский», посмотрели поле, пошли в раздевалку, я почистил бутсы, поменял шипы. Переоделись – и на поле. Ничего сверхъестественного, никаких фраз вроде «Позади Москва!» не припоминаю.

Помню, что Романцев тогда был и сидел с Ярцевым на лавке – в белом шарфе и пальто. А Саныч на установке просто, как всегда, рассказал все по позициям, изложил свои требования и задания. Я играл слева в защите, надо мной – мой приятель Коновалов.

С его подачи мы и открыли счет. Это сделал Цымбаларь, светлая ему память. Илюха сам забросил мяч на край Коновалову, а потом с лета замкнул – в дальний угол. Классный гол!

Цыля был одним из немногих игроков атаки, кто тоже всегда на шести шипах играл, как защитники. Правда, размер ноги у него был маленький-маленький. Левая нога – волшебная. Не игрок – уникум! И со своими вечными одесскими шутками-прибаутками.

Когда мне говорили: «Дай передачу!», я все время отвечал: «А я чё?» Цымбаларь дразнил: «Ты что, легионер из французского «Аяччо»?»

Еще он услышал, как тренер Вячеслав Грозный однажды назвал меня Батюшкой за длинные волосы, – и подхватил. Мы с ним в один год перешли из «Спартака» в «Локомотив», и там он любил над врачом Савелием Мышаловым по-доброму издеваться. Подходил к нему или с утра, или после тренировки со страдальческим выражением лица, живот надувал – получалось, как у беременной. «Савелий Евсеич, что-то у меня с животом плохо».

Мышалов велся на это: «Ой, что такое, надо срочно к врачу!» За таблетки брался. После чего Цыля начинал смеяться, и все остальные – за ним вслед. Он вообще за любой розыгрыш брался моментально. Как-то раз, еще в «Спартаке», после взвешивания, на котором у всех ребят были нормальные показатели, Романцев с

Ярцевым вызвали Цымбаларя и Рамиза Мамедова. Надели на них пятикилограммовые пояса и отправили в свою комнату.

Потом вызвали доктора Юрия Василькова. Сказали: «Что-то сомневаемся, что у этих двух раздолбаев все нормально с весом. Давайте-ка их вызовем, проверим!» Вызвали, поставили на весы – у каждого по пять лишних. Юрий Сергеич, ребята рассказывали, был на грани обморока. Особенно после того, как Романцев грозно ему сказал: «Значит, игроков покрываешь, Сергеич?» Но потом все захохотали, и розыгрыш вскрылся…

Раков он мог съесть сколько угодно. А самая смешная история, о которой все знали, – когда Илюха в тапочках на Кутузовский проспект пошел мусор выносить, а оказался на свадьбе в Одессе. Причем я знаю, что это было на самом деле, потому что Романцев его после этого в дубль сослал, а я там как раз играл.

Они с Мамедовым с нами какое-то время там тренировались, потом Иваныч их простил. Рамиз тоже весельчак был, брился по два раза в день. Спрашиваю: «Зачем?» – «Утром, чтобы нормально выглядеть, вечером – чтобы милиция не останавливала». Меня вот вообще никогда не останавливали – наверное, лицо доверие вызывает…

Мамедову с Василием Кульковым я в 97-м году по глупости тысячу долларов проиграл. Поспорил с ними, что пробегу пятнадцать кругов вокруг поля за полчаса. Был уверен в своих силах и как-то не рассчитал, что это в принципе невозможно. Они поставили по 350 долларов каждый, а я – тысячу. Горлукович у поля стоял, круги считал, а Кульков и Мамедов смотрели с балкона. До двенадцатого круга я более или менее держался, но потом сдулся. И это при зарплате в 400 долларов! Но поскольку я ничего не тратил, а деньги копил, отдать смог. Но уроком мне эта история стала.

А если возвращаться к Цымбаларю, то отчислили его из «Спартака» за нарушение режима. Это при мне случилось, я был в той же второй сборной, куда вызвали Илью, и вышел на поле за полчаса до конца. Заехали на базу в Ватутинки, Сергею Павлову поручили готовить команду к игре со второй сборной Германии. Цыля приехал на сбор не в очень адекватном состоянии, и его тут же убрали – с командой он не остался.

А потом и из «Спартака» отправили – Павлов же был одним из наших тренеров и, видимо, обо всем доложил Романцеву. Тогда с игроками, даже такими именитыми, вообще не церемонились – незадолго до того еще Серегу Юрана убрали. Не помню, за что, хотя догадываюсь – причина, очевидно, та же. При том что Цымбаларь месяца за три до того отдал решающий

голевой пас – и какой! – за первую сборную Валере Карпину, когда мы одержали знаменитую победу 3:2 над французами на «Стад де Франс»…

Очень жалко было. Но мы с Цылей встретились уже следующей зимой в «Локомотиве», за который он успел забить победный гол ЦСКА в финале Кубка. Говорю все это – и комок в горле. До сих пор не могу представить, что Илюхи с нами больше нет…

* * *

В первом тайме золотого матча мы могли и пропустить, но Дима Ананко выбил мяч из пустых ворот. Надежный защитник, оплот обороны, единственный футболист из «Спартака», у которого все девять золотых медалей чемпиона России – пусть далеко не во всех сезонах он был постоянным игроком стартового состава. Злющий, жесткий. В Тарасовке они с Саней Филимоновым жили напротив нас с Горлуковичем. По любому поводу, если что надо, к нему можно было зайти. И вот в той ситуации он команду спас.

Во втором тайме шли качели – забить могли и они, и мы. Я уже к тому времени не играл. Первый тайм провел, все нормально, но, когда начался второй, почувствовал боль в задней поверхности бедра. Несколько минут проходит – боль не унимается. А если из-за нее проиграю кому-то в скорости? Хотел, конечно, играть, но разум возобладал – чтобы не подводить команду, решил попросить замену.

И уже, стоя за воротами, увидел, как Тихонов забил Крамаренко гол «из песочной ямы». Угол-то острейший был! Но я же говорю – Андрюха работал над такими ударами. Ничего в футболе не берется из воздуха.

При 2:0 подумал, что всё, выиграли – но тут Канищев, который потом к нам перешел, забил. И тут же Сулейманов не попал по мячу с линии вратарской. Тогда казалось, что он был далеко от ворот, но потом посмотрел повтор – очень близко, очень. Мы могли за пару минут потерять всё, что добывали весь матч.

Говорят, Валерий Газзаев, тренировавший владикавказцев, Сулейманова за тот промах так и не простил. Потом уже Крамаренко рассказал, что накануне матча Назим вернулся в гостиницу после 11 вечера. Видимо, именно в тот момент Газзаев и подумал, что тут что-то не то. Или просто уже спустя время припомнил Назиму, что тот перед золотым матчем пришел после

отбоя.

Потом куча-мала на поле, качали Ярцева. Эмоции сумасшедшие. Хотя, сейчас понимаю, и не такие, как в 2002 году, когда я выиграл второй золотой матч из двух – с «Локомотивом» против ЦСКА того же Газзаева. Вот там все прочувствовал до конца. А здесь – мальчишество. Я же первый сезон в высшей лиге играл, и настоящую цену этой победе еще понимать не мог. Иные футболисты всю карьеру о таком мечтают – и даже не подбираются. А я в двадцать лет с ходу получил.

В раздевалку набились десятки людей, в том числе и телевидение, корреспонденты. Что нас весьма удивило, ведь все знали отношение Романцева к таким вещам – в нашу раздевалку никогда никого лишнего не пускали. Но здесь, видимо, был особый случай. Ярцев всех по очереди обнял, расцеловал. Сколько наших болельщиков тогда из Москвы на матч приехало – по-моему, рекорд установили, который до сих пор не побит!

А вот шампанского в раздевалке не помню. Вот когда Кубок в 1998-м взяли – да, там было. А на «Петровском» – нет. Видимо, напряжение перед матчем было слишком велико, чтобы кто-то рискнул и заранее поехал его покупать. В Питере никто не выпивал. И, по-моему, даже в самолете алкоголя не было.

В Москву вернулись, и уже на следующий день встретились всей командой, многие жен взяли. На Кутузовском проспекте был ресторан «Ангара» – там и отметили. И Ярцев с Романцевым тоже с нами там сидели. Сезон закончился, мы выиграли, и уже никто особо себя не сдерживал…

* * *

Александр Маньяков:

– Мы с Вадиком всегда за «Спартак» болели и не скрывали этого, даже когда занимались в локомотивской школе. На сам-то «Локомотив» тогда в старое Черкизово сто человек ходило, половина которых – работники клуба, жены игроков и мы, мальчишки из школы. Играли там, а ходили еще и на «Спартак», за который и Сергей, брат Вадика, как теперь выражаются, «топил», и отец. Вадик поначалу вообще во всем с брата пример брал – у них и шутки одинаковые были, и манера разговора. Это он уже потом самостоятельной личностью стал.

Но попасть в «Спартак» – это казалось чем-то запредельным. У них по 1976 году рождения под руководством тренера Анатолия Королева команда-мечта

была. Хотя заиграли из выпуска, по сути, два человека – Титов и Мелешин. Многие другие ребята считались намного более талантливыми, чем Вадик.

Он сам себя сделал. И если ему давали шанс – вгрызался в него и не отпускал. Так и случилось с тем просмотром в спартаковском дубле. Долго терпел, но желание остаться огромное было. Это же мечта! Он – фактически парень с улицы. А здесь на тебе – «Спартак»!

Геворгизов всем нам пытался помочь с трудоустройством. Меня вот в «Асмарал» отправил, в молодежную команду, но мне характера не хватило, и я быстро затух. Тоже был просмотр – месяц, два. И я плюнул. А Евсей в гораздо более сложных условиях дотерпел.

Зернову он про него сказал: «Это лучший у меня в году, посмотри». Но это не означало вообще ничего. Как мне рассказывали, Вадик какое-то время вратарей разминал – большего ему не доверяли. В квадрате нейтральным был. Но рук не опустил, продолжал работать – и его признали.

Мы, те, кто дальше в футболе не пошел, просто радовались за ребят. Что у Евсея в «Спартаке» поперло, что Андрюха Попков в шестнадцать лет в высшей лиге по мини-футболу начал играть. Помню, как я гордился за Вадика, когда он против «Нанта» в Лиге чемпионов в двадцать лет вышел. Наш, мытищинский пацан – в главном еврокубке под музыку эту на поле появляется!

Мы просто радовались за них – и не думали, что это сулит какие-то материальные блага. Это сейчас молодые только начинают головы поднимать – и уже контракты, бутсы навороченные. А мы просто кайфовали от того, что в нашей жизни есть футбол. Адидасовские бутсы (какое там – цветные, просто адидасовские) изредка встречались, но когда их куда-то завозили, об этом уже все знали. Родители тебе дадут последние деньги, прибежишь – а твоего размера нет. Помню до сих пор, как я на два размера больше взял – на вырост. Все так делали – и Вадик тоже.

Тогда он короткую стрижку носил. Мы же мытищинские. Не только в Люберцах – во всем Подмосковье в 90-е годы длинные волосы не приветствовались. Полубокс – вот это другое дело. Только в «Спартаке» Вадик начал прическу отращивать, и потом у него волосы стали такие длинные, что их на

матчах приходилось банданой перевязывать. Как и на той самой игре в Кардиффе…

То, что на футболе можно еще и зарабатывать, Евсей, думаю, только в «Спартаке» понял. Когда в дубле начал какие-то премиальные получать. Но в «Спартаке», даже в основе, он все равно копейки зарабатывал, на имя работал. Нормальные заработки уже в «Локомотиве» начнутся.

В «Спартаке» он вообще молчал, правдорубство в нем еще не взыграло. Это потом уже, в «Локо», к нему пришло понимание своей значимости того, что он чего-то достиг и имеет право голоса. Тогда уже и заговорил. А в «Спартаке» молчал как рыба. А дружил, – даже не то что дружил, а приятельствовал – с такими же молодыми: Липко, Коноваловым, позже Бахаревым. Настоящая дружба футбольная – у него уже в «Локомотиве» сложилась, и у Тани с женами ребят – тоже…

Вадька всегда был расположен к полноте, так что ему этот момент все время приходилось учитывать. У него это наследственное – мама, брат. Рассказывал: они с Димкой Хлестовым сдружились в «Спартаке», на сборах на Кипре над ними все ржали. Сядут играть в футбольную приставку «Денди», которая тогда только появилась, – и лимон жрут. Чтобы накануне взвешивания весь лишний вес сжечь. У Олега Ивановича жестко было: лишний килограмм – соточка долларов штрафа. Наедятся лимона, приходят на весы – все нормально!

Я ходил на 2:2 с «Нантом», когда Евсей гол «привез». И на золотой матч 96-го года ездил в Питер, как и Серега, брат Вадика. Из футбола я к тому времени уже ушел, бизнес пытался начинать. Причем не Вадик мне билет сделал, а сами с друзьями как-то взяли. В поезде напились как свиньи, я отравился. Весь следующий день было плохо, и на футболе я представлял собой жалкое зрелище. Стоял и думал: когда все это кончится?

Но когда выиграли, о своем состоянии забыл и к автобусу спартаковскому подошел. К ребятам, с которыми мы вместе выросли, – Евсею, Титову, Джубанову, Мелешину. Прыгали, скакали, кричали…

В 1997-м весь «Спартак» во главе с Романцевым и Ярцевым пришел к ним с Таней на свадьбу – в Мытищи, в ресторан, где когда-то был пивной бар «Орион». Помню, еще после экзаменов в восьмом классе мы ходили туда пиво пить – в пионерских галстуках, белых рубашках.

Набирали в большие банки пиво, шли в кусты и там всем классом пили. На нас косо смотрели, так мы тех, кто поздоровее, посылали. А на свадьбе, помню, Саня Филимонов у меня спросил: «В Мытищах где-нибудь разливное пиво продается?» Надо было ему туда на несколько лет раньше прийти…

Теперь там гуляли свадьбу Евсеича. И прямо на ней Олег Иванович подарил ему однокомнатную квартиру в Медведково. До сих пор помню, как все зааплодировали – Тихонов и Горлукович, Аленичев и Титов… И все действительно за него рады были, потому что видели – он сделал себя сам, никто его не тащил. Это история простого парня из простой семьи, который реализовал свою мечту.

* * *

В начале межсезонья-96/97 нам объявили, что главным тренером вновь становится Романцев, а Ярцев превращается в его помощника. Справедливо это или нет, с учетом того что с Санычем стали чемпионами, – не задумывались. Во всяком случае, я как молодой – уж точно. Во-первых, потому что они и так все время были вместе и авторитет обоих в моих глазах был незыблем. А кто уж из них главный, пусть сами разбираются.

Во-вторых, мы тогда так в «Спартаке» были воспитаны, что все слова и решения тренеров безоговорочно принимали на веру. То же самое касалось и подписания контрактов. Вот зимой 2015-го, когда упал курс рубля, зашел разговор о том, чтобы в Премьер-лиге зарплаты в евро выплачивались по какому-то фиксированному курсу, иначе, если евро вырастет еще больше, у клубов никаких денег не хватит. И Дима Комбаров из «Спартака» заявил, что если курс зафиксируют, он может подать в суд.

Меня в интервью «Спорт-Экспрессу» спросили, как поступил бы, будучи игроком, я сам. Ответил: смотря когда. В двадцать лет подписал бы все что угодно. Особенно если предложение исходило бы от Романцева – тогда это даже не обсуждалось. А вот в тридцать сказал бы: есть контракт – выполняйте.

Романцева мы все, конечно, боялись. Индивидуально он разговаривал с футболистами очень редко, и если звал тебя в свой кабинет на базе – волнение было страшное. Ты входил – и плохо тренера видел, потому что оказывался в клубах дыма. Олег Иванович курил не переставая.

Когда мы плохо играли, он не либеральничал – и телевизоры

с приставками из номеров уносили, и в карты запрещали играть, и на сборы могли на неделю спокойно засадить. Ветеранов тренер домой мог еще на денек отпустить, а молодые так на базе и сидели. Пока не начинали опять выигрывать. Да тогда-то предматчевые сборы двухдневные были.

Представляете, неделями сидеть на базе – и вообще без развлечений?! Даже по телефону не поговорить – мобильников еще не было, а у единственного стационарного аппарата на первом этаже жилого корпуса всегда стояла очередь.

Первый мобильный, помню, в 1998-м купил – «Нокиа». Длинная, но не громоздкая, относительно удобная. А цены тогда были! 800 долларов за аппарат и двести за подключение. Горлукович у меня ее тоже забирал, по нескольку часов с кем-то трепался и вопросов о том, сколько это стоит, не задавал. В 1996-м же мобильников еще и близко не было…

В Тарасовке имелась комната складского типа, куда все эти телевизоры ставили. Проходила неделя-другая, мы выигрывали, наказания смягчались. Нет, никто нам телевизоры обратно не приносил – просто кто-то самый смелый пойдет, возьмет да поставит обратно. Все смотрят – никакой реакции. Значит, можно!

Много было примеров, когда вроде футболист в команде есть, а на следующий день приходишь, а его уже нет. Когда я начинал, такое нечасто бывало, а вот Димка Хлестов рассказывал – жуть что творилось. Был такой Бакшеев из Красноярска: играл, играл и вдруг – нет. Да даже и при Ярцеве: в 1996-м Шмаров высказал на разборе игры свое мнение по какому-то моменту – и на следующий день его среди нас тоже не оказалось.

Потом уже, когда я в «Локомотив» ушел, Олег Иванович убрал из команды Тихонова. Поверить в это было сложно, но я же был в «Спартаке» и знал, что все возможно. Они повздорили в раздевалке после поражения от «Реала» с Витей Булатовым – тогда Романцев ничего не сказал, а на следующий день после возвращения из «Спартака» выгнал. Такое вот подтверждение тех слов, которые мне когда-то говорил Хлестов.

Поэтому я больше молчал. Не хотел, чтобы меня убрали, и старался не давать для этого никаких поводов. Романцев всегда советовал меньше говорить и больше делать.

При этом на крик он никогда не переходил. Голос Олег Иванович мог повысить, но чаще одного взгляда было достаточно, чтобы понять: ты сделал что-то не то. Для него никогда не существовало мелочей – он все видел. Никогда не позволял никому вполсилы тренироваться. Как ему удавалось замечать, когда человек хоть чуть-чуть себя берег, – не знаю. Но удавалось.

Казалось бы, в его требованиях ничего сложного не было: отдай мяч своему и откройся. Вот мы и работали, доводя это до автоматизма. Но как только начинались потери – он тут же принимался нас гонять. Что-то в игровом упражнении не идет – свисток, встали на линию и побежали. Туда-сюда пробежались, продышались – и снова тренироваться.

Но не могу сказать, что мы разбегались по базе, как только он вдали мелькнет. Много раз Олег Иванович и в домино с нами играл. В Тарасовке всегда была игровая комната, и он спокойно мог с нами постучать костяшками. А с предыдущим поколением, Онопко, Радченко и другими, в шахматы нередко играл. То, что от него все по номерам прятались, это миф.

И улыбался он достаточно часто. Провели тренировку хорошо – значит, и он в хорошем настроении. Почти всегда после занятия, когда была индивидуальная работа и кто-то забивал хороший гол, и пошутить мог. С Тихоновым, Цымбаларем, Аленичевым, Титовым…

Когда с чемпионата Европы 1996 года ребята приехали, то рассказывали, что он там выпивал. Я реагировал: «Да ладно, не может быть!» Просто не думал – правда это или нет. По крайней мере, когда Романцев подзывал меня на замену, я никогда никакого запаха не чувствовал. Да и вообще не помню, чтобы такое хоть с кем-то было у меня за всю карьеру.

К Ярцеву относились с уважением, но без какой-то особой боязни. С интересом шли на разбор любого матча, потому что Саныч всегда что-нибудь такое вворачивал, от чего мы под стол сползали. Излагал он более эмоционально, чем Олег Иванович.

Помню, например, период, когда мы проиграли, сыграли вничью – в общем, серия неудачная была, хоть и короткая. И корреспонденты писали нехорошее. Так Ярцев пришел и с ходу говорит: «Крышка люка с говном над нами уже закрывается. Надо ее чуть-чуть отодвинуть, чтобы мы не захлебнулись». Мы: ха-ха-ха! Но видите, раз запомнилось – значит, образ был яркий. И подействовал. Все представили себе этот люк…

Он пытался нас образовывать, Александра Галича, например, цитировал. А мы и знать не знали, кто это такой.

Романцев в команде в том сезоне появлялся регулярно, в тренировках участвовал. Только не на все выезды ездил. И подчеркивал, что главный тренер – Ярцев. Но в 1997-м они поменялись местами, а через полтора года Георгий Саныч ушел главным в «Динамо».

Олег Романцев:

– Умение работать и отдаваться своему делу без

остатка – это тоже своеобразный талант. А может, даже больший, чем природный. Да, Евсеев, возможно, не совсем координированный. Да, вероятно, у него не очень спринтерская скорость. Но он все компенсировал своей работой и самоотдачей.

И был очень внимательным. Смотрел, тренировался рядом с великими футболистами – начиная с Черенкова и Родионова, с которыми он пересекся в дубле в 1993 году. И все впитывал. С ним было удовольствие работать еще и потому, что он с детства болел за «Спартак» и мечтал играть за эту команду. С такими футболистами всегда намного легче иметь дело, чем с теми, кто приходит в команду ради квартиры или машины.

Поэтому говорить, что он не был талантлив, я не могу. В плане работы, самоотдачи и умения обучаться он талантлив. Не могу, кстати, сказать, что мне как бывшему крайнему защитнику приходилось лично показывать ему какие-то элементы. Он умел учиться сам.

Не согласен и с тем, что его вклад в чемпионства 1996 и 1997 годов был не основным. Человек с характером, по-моему, всегда вносит основной вклад. Есть те, кто носит рояль, а есть те, кто на нем играет. Последние все время играть хорошо, по нотам, не могут, иногда проваливают игры. А вот эти игроки, которые умеют носить рояль и этим не гнушаются… Кстати, и я таким же футболистом был. Не брезговал таскать рояль, поскольку знал, что в команде есть люди, которые на нем сыграют гораздо лучше меня.

Отлично помню, как однажды именно его назначил «счетоводом» при выборах капитана. Друг ему кто-то или не друг, но Евсеев будет считать честно. Я это знал и без тени сомнений попросил это сделать.

Неправильно говорить, что мы с Ярцевым подарили Евсееву на свадьбе квартиру. А правильно – что Евсеев ее заработал. Все было заслуженно, и я ни о чем не жалею. Некоторые футболисты – ну это, к счастью, не в «Спартаке» – приходят в команду из-за квартир. Человек еще ничего не сделал, а ему уже дают жилье. Вот это называется – получил. А Евсеев, как и некоторые другие наши футболисты, – заработал.

Я тогда согласился с тем, чтобы свадьба прошла в середине сезона, и теперь признаюсь: не был уверен, что прав. В глубине души, честно скажу, был против этой свадьбы в тот момент. Команда набрала ход, он – игрок

основного состава… Мои учителя, те же Константин Бесков и Николай Старостин, говорили: когда футболист женится, его где-то на год можно потерять. Поэтому побаивался, конечно. Но, зная Вадика, – что мог сделать? В личную жизнь футболистов не вмешивался и никогда не буду. А он, если что решил, то доведет до конца.

Сейчас читаешь, и почти все футболисты говорят одно и то же – что меня боялись. И Вадик туда же. Чего меня бояться? Я просто требовал дисциплины. Элементарной. Да, не позволял вещей, которые мешали бы играть. И эту дисциплину я требовал не столько для себя и даже не для команды, а прежде всего для самого человека, который хочет стать футболистом.

Ведь если он чуть-чуть вправо-влево дернется, значит, может покатиться по наклонной. Ой, сколько у меня футболистов было – вроде бы и талантливых, и работящих, – которые не могли элементарно соблюдать дисциплину. Я с ними не хотел работать и считаю, что был прав – они больше никогда и нигде из-за своей расхлябанности не заиграли.

А вот у Вадика таких срывов никогда не было. Это футболист, на которого можно положиться. Если бы, не дай бог, у него что-то случилось, и он сказал: «Мне нужно домой», я бы его свободно отпустил. И ни капли у меня сердце не екнуло, что он может что-то не то сделать.

* * *

8 января у меня день рождения, и в 1997-м ребята уже ожидали какой-то проставы. Годом ранее я еще в это время выступал в дубле, а теперь-то уже – игрок основного состава, чемпион страны. Зажать праздник было бы неправильно.

Но в начале января мы каждый год были на сборах, а у Олега Иваныча, как известно, не забалуешь. Поэтому все те три года я использовал один и тот же трюк, который всякий раз проходил – никто нас не «накрывал». Потому что если бы штаб узнал – это было бы все. По крайней мере, мало точно бы не показалось.

Я давал сто долларов официанту отеля, чтобы во время вечерней тренировки, пока все на поле, он принес ящик-другой пива в номер. Там и отмечали. Поскольку из тренеров по номерам никто с проверками не ходил, главным было не увлечься и не начать разгуливать в уже слегка «подогретом» состоянии по коридорам. В 1999-м, помню, два ящика заказал. Входим после

тренировки в номер – а там уже все стоит. Красота! Хорошо, официанты стукачами не были…

Хоть я и вел себя в «Спартаке» тише воды и ниже травы, но однажды меня выделили. В начале 1997-го в Тарасовке мы первый и единственный на моей памяти раз выбирали капитана. Каждому дали ручку и листок бумаги, попросили написать фамилию. А потом Романцев с Ярцевым все собрали и передали мне. Сказали: «Уверены, что ты честно считать будешь». Капитаном тогда стал Цымбаларь, вице-капитанами – Горлукович и Тихонов.

Ну а главным событием того года, конечно, для меня стала свадьба.

Наши с Татьяной родители были знакомы, ее мама тесно общалась с моей старшей сестрой. Однажды Таня пришла к нам домой по какому-то делу к сестре. Так получилось, что я ей дверь открыл. Потом говорю ей: «Пойдем, провожу тебя». Уже поздно было, темно…

Проводил, потом месяц не виделись. А потом встретились – так все и закружилось… Но до свадьбы еще года два прошло – она же школьницей была, когда мы встречаться начали. Поженились летом 1997-го, когда она как раз школу окончила.

Я-то хотел расписываться зимой, как все футболисты. Но она говорит: «Какая свадьба зимой? Зимой холодно…» Ну и решили летом отгулять, 12 июля. Назначили между домашними матчами с «Ротором» и «Жемчужиной». Кстати, кассету со свадьбы я так и не смотрел. Как не пересматривал целиком и матч с Уэльсом…

Свидетелем сначала хотел позвать Димку Хлестова. Но тот руками замахал – и, более того, на свадьбу даже не пришел, узнав, что на ней Романцев будет. Так его боялся. Говорил: «Все будет по старой схеме – после свадьбы Иваныч выгонит кого-нибудь!» Вроде бы раньше такое уже случалось: какое-то торжество, а после него игрока в команде недосчитались…

Самое смешное, что Олег Иванович заметил его отсутствие и прямо там, в ресторане, спросил: «А где Хлестов?» Я дипломатично ответил: «Он не смог прийти». Почему – к счастью для Димона, объяснять не стал. А в свидетели позвал Саню Маньякова. Он же потом и крестным Полины стал…

Потом я узнал, как Романцеву пришло в голову квартиру мне подарить. Оказалось, что мои теща с тестем сидели как раз напротив Олега Ивановича, и за разговором он невзначай так спросил их: «А где они будут жить?» Они ответили: «Да нигде, квартиру снимут».

Тогда Романцев встал и произнес тост: «Клуб дарит вам квартиру!» Сам бы я никогда ничего не попросил. В «Спартаке»

такое вообще не было принято. Следовало квартиру заслужить – и если считали нужным, тебе ее давали…

А ветеран наш, Василий Кульков, невесту украл – при помощи Леши Бахарева. Я потом на белом лимузине раскатывал по городу, искал ее. И кстати, почти сразу же после моей свадьбы Кульков перешел в «Зенит», который тогда тренировал Бышовец. Кто мог знать, что мы однажды пересечемся – Бышовец главным тренером, Кульков помощником, я игроком – и после первого же сбора Анатолий Федорович выгонит меня из команды…

* * *

Александр Маньяков:

– Долгое время мы были просто хорошими приятелями, но не сказать, чтобы близко дружили. Ни он меня домой не приглашал, ни я его. И вдруг в один прекрасный день подъезжает Вадик к моему дому на баклажанной «девятке», сигналит. А я в футбол уже не играл, бизнесом занимался. Тем вечером сидел на кухне, собирался с дружками куда-то пойти.

И тут Вадик заходит, причем не один, а с девочкой! Он с детства скромняга был, думаю: «Ни фига себе». А он еще и говорит: «Это Татьяна, моя будущая жена». – «Евсей, ну ты красавчик!» Мама моя, которая Вадика хорошо знала, потому что на игры ездила, чаю нам всем наливает. Сидим, пьем, и вдруг он спрашивает: «Будешь свидетелем?» Я чуть-чуть обалдел от неожиданности, но ответил: «Давай!»

С тех пор и сдружились. Он не успел испортиться, в тусовках погрязнуть, как многие молодые футболисты – потому что рано женился. Таня так вообще только школу окончила – и сразу замуж. Даже не знаю, встречался ли он с кем-то до нее – не знаю, он не делился. Уже много лет мы дружим семьями, я стал крестным Полины…

Какое-то время они жили с Таниными родителями. Мытищи раньше были маленьким городом, но разрастались и захватывали близлежащие деревни. А ближайшая в ту пору звалась Ядреево. Там и находилась новостройка, где Таня выросла, и Вадик туда к теще и тестю переехал. Тоже отнюдь не в шикарные условия, но в любом случае было попросторнее, чем там, где сам Евсеич с родителями жил.

Тут все-таки Танин папа, военный, от Министерства обороны квартиру получил – то ли трех-, то ли четырехкомнатную. С ними еще Танин брат жил. Все – простые, абсолютно открытые люди. Мы ведь родом из Советского Союза, где не принято было запираться, всё – в коллективе. И в гости мы к ним приходили, и кормили они нас, и попивали чуть-чуть…

Потом, когда Романцев на свадьбу подарил Вадику квартиру, они через полгода ее получили, но долго там прожить не смогли. Татьяна беременная была, и они к родителям вернулись.

Вот от машин и вождения Вадик был без ума. Помню, как он копил на свою первую иномарку. Всю куцую спартаковскую зарплату откладывал. У него была коробка, он туда доллары складывал. И пересчитывал их каждый вечер. Если Татьяна вдруг стырила соточку на что-нибудь, он сразу: «Та-аня, где деньги?»

А первая тачка вообще у него была белая, тонированная, то ли «пятерка», то ли «семерка». С краснодарскими номерами, поскольку он ее у Сани Липко купил, а тот как раз из Краснодара. Помню, ездили на ней на базу в Тарасовку, кайфовали… Тогда по первости не было понимания, хорошая машина или плохая. Машина есть – уже здорово! Это потом, начав зарабатывать в «Локомотиве», он стал разборчивым…

Ездить он умеет и любит. Причем едет быстро, но ни разу не случалось такого, чтобы мне с ним было страшно. Из-за фуры на встречку он вслепую никогда не полезет, все грамотно рассчитывает. Хотя не сказать, что всегда спокоен. Может ехать и молчать, а найдет на него что-нибудь, так начнет сигналить: «Баран!» Ну, это же Евсеев, он не может всегда быть на расслабоне…

Когда он в конце карьеры в Белоруссии играл, мы частенько туда ездили по делам. Спрашивал его: «Какой у тебя рекорд до Минска доехать?» – «Четыре с половиной часа». А там ехать 750 километров, и обычно пилишь туда часов восемь! «Как ты так умудряешься? Там же камеры?» Он отвечал: «Ну так и штрафов на 25 тысяч рублей». Мы хохотали.

А квартиру он в итоге купил все равно в родных Мытищах. И я его понимаю. Мы коренные, нам легче там. И любые житейские вопросы там решаются проще, чем в любом районе Москвы. Вадик может зайти к мэру города, к главе района, и его всегда примут.

Он же почетный житель Мытищ. Их не очень много – космонавт, писатель и вот он, футболист. Каждый год в декабре их глава района собирает, Евсеич на все эти мероприятия ходит. Сити-менеджер Казаков Александр Михайлович, глава города и президент мини-футбольного клуба «Мытищи», тоже любит с Вадиком встретиться и поговорить. Живет-то Евсеев уже давно не в городе, а недалеко, в Вешках, но это все равно фактически Мытищи. И до родителей, и до дачи близко.

Но то, что он стал знаменитым футболистом, почетным жителем города и так далее, его как человека совершенно не изменило. Помню, когда я что-то зарабатывать стал, у Вадика – он в «Локомотиве» играл – был «Мерседес», на нем Таня ездила, и он собирался его продавать. Машина стоила 25 тысяч долларов, а мой «Фольксваген Пассат» – 10 тысяч.

Я «Фольксваген» продал, говорю Евсею: «Давай я у тебя «мерин» заберу, десятку отдам, а оставшиеся пятнадцать – постепенно буду отдавать, по мере заработанного». Он мог запросто продать его сам, может, даже за большие деньги, и все получить сразу. Но, чтобы мне помочь, сказал: «Вопросов нет». – «Понимаешь, что быстро не отдам?» – «Понимаю. Когда сможешь, тогда и отдашь».

Но я смог заработать и за два месяца расплатился. Эта история его в полной мере характеризует. Он вообще по жизни много мне помогал. В ресторанах вообще не дает расплатиться. Вообще уважаю его как мужика настоящего. Он и для своих близких сделал все, что только было возможно и даже больше. И портиться ни разу не начал, остался таким же простым и нормальным парнем, каким я знал его в детстве. Все мы меняемся, с жизненным опытом матереем – но главное, чтобы принципы человеческие оставались прежними. У Евсеича они не менялись никогда. Если бы было иначе – никогда бы ребята из «Локомотива» не собрали для него 30 тысяч долларов на операцию Полинки…

* * *

1997-й стал сезоном Димки Аленичева, которого по всем опросам лучшим в стране признали. Двадцать голевых передач – и по сей день рекорд чемпионата. Он забегал – и на дальнюю

давал, и никто с этим ничего сделать не мог. Один Мира Ромащенко, который никогда особой результативностью не отличался, сколько забил с его передач в том году! Не говоря уже о штатных нападающих и атакующих полузащитниках.

Неудивительно, что к нему начали присматриваться из-за границы. А когда мы прошли «Аякс», и Алень забил в Милане «Интеру», поступило предложение от «Ромы». Дима, видимо, очень хотел уехать, раз пошел к Романцеву – не каждый бы на это решился. Но если бы не пошел – вряд ли бы потом выиграл в составе «Порту» под руководством Жозе Моуринью Лигу чемпионов и забил гол в финале.

Я с Аленем всегда с удовольствием играл. Он не жадничал, мячом всегда делился. И по жизни человек был очень добродушный и незвездный, таким же остался и сейчас. Спросите всех людей, кто близко с ним знаком, – ни один о Димке слова плохого не скажет. По сей день хорошо общаемся, никакое сенаторство его вообще не изменило. А уж тренерство и подавно не изменит.

Когда слышу, что у Титова нет характера, и поэтому он не пошел к Романцеву и в итоге так и не уехал, – не соглашаюсь. Характер у Егора есть. Просто, видимо, в момент, когда «Бавария» или «Милан» интересовались, условия в «Спартаке» у него уже были очень хорошие.

От 1997-го много памятных матчей осталось. И тот, когда «Ротор» дома обыграли – 3:2 и наш новичок Макс Бузникин хет-трик сделал.

И конечно, переигровка со швейцарским «Сьоном». Помню первый домашний матч: я не играл из-за швов на ноге, которые мне наложили после травмы в матче с «Локомотивом», и стоял за теми самыми воротами, которые измеряли. Мы, запасные, не понимали, что происходит – уже полчаса как матч должен был начаться, а они всё что-то меряют. Погода еще, помню, была мерзопакостная.

Ладно, померили, игра началась – и забыли. А потом матч заканчивается, и вдруг выясняется, что «Сьон» подал протест из-за неправильной высоты ворот! Причем не до игры, а после – когда мы уже думали, что вышли в следующий этап.

Какие же мы злющие вышли на переигровку! Тогда я уже в состав попал, и настрой у нас был – сумасшедший, тренерам даже ничего говорить не пришлось. И народу в Черкизово собрался полный стадион – старый еще «Локомотив». Трешку им в первом тайме Бузникин, Титов и Кечинов положили и всё закончили. А потом во втором тайме добавили еще два, причем последний Ромащенко с передачи как раз Аленичева забил. Нельзя нас было

так злить!

Никогда не забуду одну сцену перед решающим матчем с «Ротором». Волгоградцев, чтобы выиграть чемпионат, устраивает только победа, нам и ничья сойдет. Как сейчас помню – выходим из гостиницы в автобус, время до посадки еще есть. И вдруг Димка Хлестов начинает делать из бумаги самолетики и запускать их: тю, тю!

У меня это в голове и осталось – спокойствие, полнейшее спокойствие у всех! Такое, что самолетики запускали. И никаких накачек – ни от тренеров, ни от руководителей, ни от кого-то еще. А волгоградцы потом рассказывали, что к ним сначала одни начальники придут, потом другие: «Надо для города!» Виктор Прокопенко, главный тренер «Ротора», все видел, но ничего с этим поделать не мог.

И они перегорели. Причем первый тайм тяжелый был – 0:0, и моментов у «Ротора» больше. Но Кечинов с Ширко в середине второго тайма за три минуты два гола забили – и все, мы опять чемпионы!

В двух последних турах, с «Аланией» и «Ротором», я не играл, сидел на скамейке. А может, за воротами стоял – тогда запасным можно было там разминаться. Помню, что, когда меня заменили в золотом матче 1996-го, Тихонов забил второй мяч именно в те ворота, за которыми я находился…

Травм не было – просто выпал из состава. Но переживал за команду точно так же, как если бы бегал по полю. Как в «Спартаке» мне, 21-летнему, могло стать обидно, что не играю? Тогда для меня еще за счастье было, что я в команде.

Это уже через год-другой отношение к таким вещам сделается другим, восторг пройдет, и главным для меня будет – играть…

После того чемпионства нас пригласили в мэрию Москвы, и Юрий Лужков вручил каждому часы и конверт с 3 тысячами долларов. Вернее, про сумму у других сказать не могу, но у меня было именно столько. Часы не какой-то серьезной фирмы, а простые, с гербом Москвы. Не надевал их ни разу, но дома по сей день.

Из известных политиков вживую видел еще Владимира Жириновского, который в 2004 году пришел на чествование «Локомотива» и подарил именной одеколон – опять же не только мне, а всем. Знакомы с Александром Жуковым, а с Рашидом Нургалиевым и губернатором Подмосковья Андреем Воробьевым и в хоккей доводилось играть. Аркадий Дворкович – тот даже в моем прощальном матче участвовал. Ярцев поспособствовал.

А вот с президентами и премьер-министрами как-то не

сложилось – никогда с ними не встречался, и, например, о легендарном приходе Бориса Ельцина в раздевалку «Спартака» после победы над голландским «Фейеноордом» в Кубке кубков весной 1993 года знаю только по рассказам ребят. Ни Виктора Черномырдина, ни Владимира Путина тоже лично не видел.

И на приемах в Кремле ни разу не был – ходил туда только на экскурсию и в концертный зал. А вот в выборах всегда участвую. Голосую по-разному – так, как думаю, вне зависимости от того, что по телевизору говорят. На последних президентских вот проголосовал за Михаила Прохорова, тогда как раньше поддерживал Путина.

* * *

Георгий Ярцев:

– Впервые я увидел, точнее, разглядел Евсеева в молодежном составе «Спартака» в начале 1996 года. Честно скажу: в трех предыдущих сезонах, когда ходил на матчи дубля, не особо его замечал. Скорее бросались в глаза Саша Липко, Костя Головской. Может, фактурно они были помощнее. А в совсем молодом возрасте это сказывается на восприятии игрока со стороны.

А в 1996-м формировалась новая команда, новое поколение. Была поставлена задача омолодить «Спартак». Поколение дублеров уже рвалось в основной состав, их нельзя было больше сдерживать. Каждому следовало дать шанс, посмотреть, как они справятся с ответственностью. Когда я дал его Вадику, он его использовал на полную.

Парень заинтересовал меня своей техникой. Для защитника он был очень техничен и подвижен. Когда я спросил его, то выяснил, что он поиграл в футзал. Тогда все стало ясно: та техника сохранилась и пошла ему на пользу. Он мог ошибиться в отборе или перехвате, но все, что касалось исполнения технических приемов, было на очень высоком уровне.

Мало того, виден был характер. А также запредельная работоспособность и самоотдача. Все это меня в нем привлекло. Я доверил ему место левого защитника, поскольку он очень хорошо играл тактически. В отличие от нынешних крайних защитников, очень умело держал позицию, грамотно подключался к атакам. И, что самое главное в игре футболиста такого амплуа,

чрезвычайно редко обрезал атаку. Мог правильно продолжить ее, а это очень ценное качество.

На первый сбор он не ездил – тогда оставалась еще вся линия обороны. И Никифоров, и Онопко, и Хлестов, и Мамедов. Я не хотел их дергать, хотя Ананко, Липко, Горлукович могли основных игроков достойно заменить: пусть не на сто процентов, а на шестьдесят-семьдесят. И тут на мини-футбольном турнире в Германии очень тяжелую травму, выбившую его на весь сезон, получает Дима Хлестов.

Естественно, иду на тренировку дубля и начинаю внимательно смотреть на защитников. И вижу Евсеева. И понимаю, что этот парень страшно напоминает мне Генку Морозова из моего, бесковского «Спартака». Очень техничного, быстрого и, самое главное, очень цепкого защитника. Вадик ведь тоже обладал очень неплохой скоростью, от него редко кто уходил.

У меня не было сомнений, что это игрок с потенциалом для основного состава. Я сразу забрал его из дубля, и он основную обойму больше никогда не покинул. Решение выпустить его против «Нанта» и выпускать далее в стартовом составе было никаким не импульсивным – Вадик очень хорошо провел сборы, достаточно уверенно себя чувствовал. И, получив поддержку от опытных игроков, быстро освоился в коллективе.

На Евсееве положительно сказалась дружба с Горлуковичем. Оба – молчуны, но на них можно было опереться. Возможно, именно у Сергея он взял многое и в первую очередь подготовку к играм. Знал я, что к матчу Вадим подготовится очень тщательно и подойдет во всеоружии. Расхлябанности у него не было вообще никогда! В футболистах это качество очень ценно.

Они как-то сами приросли друг к другу. Дед ведь вообще был великий профессионал. В таком возрасте сохранять такие качества… Никогда не сомневался: какой бы серьезности матч ни предстоял, Горлукович подготовится к нему на сто процентов. И Евсеев по отношению к тренировкам был одним из лучших.

Наверное, они сходные по характеру люди. У них всегда стояла тишина в комнате, если они и разговаривали, то тихо. Ведь когда человека немножечко замкнутого характера поселить с балагуром, может получиться разбалансировка – и с одной, и с другой

стороны. А у них всегда был покой. Никто не мешал отдыху, восстановлению другого. Потом уже, может, ему потребовалось стать более раскованным, и этому, как вы говорите, помогло соседство с Терехиным в «Локомотиве» (улыбается). *Ну и хорошо, если так.*

Его вклад в «золото» 1996 года был, конечно, не основной, но эта команда была очень хорошо сбалансирована. Одно и то же поколение! Они играли для себя и друг для друга, очень сильным был командный дух. Они никогда не сдавались и никого не боялись. Психологически с ними очень хорошо работалось, потому что по мастерству, пониманию футбола, умению воспринять сказанное тренером с этим поколением мало кто мог сравниться. Они учились на ходу!

И то, что ты им давал, очень быстро впитывали и выполняли на поле. А это всегда радует, когда наигрываешь какую-то комбинацию и она проходит. Значит, люди услышали и приняли ее. Импровизация – это тоже замечательно, но красивая наигранная комбинация – еще лучше. Недаром говорят, что лучший экспромт – тот, который тщательно подготовлен.

Отлично помню, как мы с Романцевым вместе со всей командой были у Вадика на свадьбе в Мытищах. Тогда ведь очень немногим футболистам разрешалось во время сезона провести свадьбу. Такой праздник – это потом всегда выключенное время из тренировочного процесса, тем более когда в веселье участвует вся команда.

В нашем присутствии, конечно, чувствовалось какое-то стеснение. И количество возлияний было не то. Но в какой-то момент мы покинули свадьбу, понимая, что игрокам нужно остаться одним. На следующий день дали выходной, а через сутки назначили тренировку. Явились все до единого – сначала на взвешивание, а затем мы попросили их пробежать максималочку. Штука серьезная – но увидели, что народ в порядке. Вопросов к ним не было. Если бы мы не знали, что позавчера гулялась веселая свадьба – в жизни бы не догадались.

Помню и то, как в 1997-м в Тарасовке выбирали капитана команды и именно Евсеева попросили считать голоса. Не сомневался, что он будет самым честным «председателем ЦИК». Ведь он быстро завоевал авторитет и стал своим в команде. Да, он рос с этими ребятами, играл в дубле. И авторитет не зарабатывается одним днем.

В «Спартаке» тогда была осознанная дисциплина. Тот же Андрей Тихонов, живший рядом с Тарасовкой, в Королеве, мог ночевать дома – я его отпускал. Но утром на зарядке он был первым – и на взвешивании тоже. Всему этому поколению я мог доверять, и Вадик был одним из тех, кто вызывал наибольшее доверие.

Подошел человек – и если ему нужно даже перед игрой поехать домой, разрулить какие-то семейные заботы – я не сомневался, что он поедет, все сделает, вернется, и я смогу на него рассчитывать. Вадик и относился к такому типу людей. Я все время им говорил: «Я вам не волшебник, три попытки давать не буду. Один раз доверяю, подвел – больше даже не подходи».

Есть примеры тех, кто после 1996 года немножечко корону на голову надел и думал, что достиг всего. Не буду называть фамилий, конечно. Но эти люди далеко в футболе не пошли. Наверное, Вадика эта общая атмосфера среди молодых тоже коснулась. Но за счет трудолюбия и упорства он это дело преодолел.

Но и конкуренция возросла. Уже вернулись после травм Мамедов и Хлестов, и доказывать свою состоятельность стало труднее. Не думаю, что его вклад в 1997 году был маленьким. Может, не таким, как в 1996-м, но свою лепту в новое «золото» он тоже внес. Почему не играл в решающем матче в Волгограде? Доверие к нему было всегда, просто на тот момент другие казались сильнее.

* * *

В первой половине 1998-го на поле выходил очень мало. За первый круг всего шесть игр провел, и то в основном на замене.

Вот и на финал Кубка против «Локомотива» не поставили. Впрочем, я реально оценивал свои силы. Справа был Парфенов, слева Хлестов, в центре, по-моему, Ананко и Бушманов. Обиды не держал, хотя играть, понятное дело, хотелось.

Матч равный был – и мы могли забить, и они. Но кто «Локомотиву» всегда забивал? Тихонов. Он и тут уже в концовке забил. С рикошетом. Да какая разница – как? Забил – и Кубок наш.

И вот вручают нам трофей, бежим мы из центра поля на круг почета, я радуюсь. Димка Хлестов рядом. Смотрю, что вокруг творится, и вдруг вижу электромобиль, на котором за

травмированными игроками на поле выезжают. И говорю Барези: «Гляди, вон машина, ключи в ней. Давай, Димон, угоним!» Он: «Да ну тебя!»

Еще вдруг вспомнил, как праздновала свое очередное чемпионство «Барселона». Полузащитник Иван де ла Пенья точно так же влез в электромобиль, а команда к нему присоединилась.

Так что все-таки побежал, сел, включил и погнал по беговым дорожкам. Управление оказалось легким. Газ да тормоз – будто у машинки на аттракционе. Но быстро ехала, скоростной оказалась!

Ребятам, как и следовало ожидать, понравилось. Первым сел Хлестов. Народ из команды ко мне садится и садится – она начинает ехать уже медленнее. На борта подсаживались – человек десять где-то. Писарев, Кечинов – да кто только не садился.

По прямой проехали, повернули – и на следующей прямой уже слезли. Но за это время фотографы наснимали на всю оставшуюся жизнь! До сих пор периодически фотки той поездки встречаю. А врач «Локомотива» Александр Ярдошвили еще долго вспоминал: «Мало того что обыграл, так еще и начудил». Хотя я тогда в запасе сидел…

А на следующий день Олег Иваныч мне говорит совершенно спокойно: «Вадим, там счет пришел от «Лужников» на твое имя. 15 тысяч долларов. Автомобиль взяли, туалеты побили…» И ребята тоже подтравливать начали.

Тут меня слегка затрясло. Не понимал, он так шутит или говорит всерьез – по нему же не поймешь! Думаю, какие туалеты-то? Из раздевалки уходили – все целое было. С чего это «Лужники» счет-то прислали?

Это был в общем-то конец истории, больше никто с этим не подходил и меня не штрафовал. Вот таким шутником Романцев оказался, причем мастером этого дела – я ж реально поверил и испугался. 15 тысяч долларов для меня на тот момент серьезными деньгами были. А счет не за что было выставлять.

В начале сезона я еще хоть иногда, но играл. Посчастливилось, например, выйти в стартовом составе в ответном четвертьфинале Кубка УЕФА с «Аяксом» в Москве. И провести всю игру.

А за тем, как мы 3:1 в Амстердаме выиграли, смотрел со скамейки. Круто было! «Аякс»-то нас всех впечатлил еще в 1995-м, когда Лигу чемпионов выиграл. И футболисты там почти все те же самые остались – ван дер Сар, братья де Бур, против которых я потом за «Локомотив» играл, когда они уже в составе «Барселоны» были. Блинд, Литманен, Микаэль Лаудруп – «Спартак» потом тренировавший.

Ширко два гола забил, Кечинов в очко ван дер Сару мяч

пустил – 3:1 выиграли. И это при том что чемпионат Голландии был в разгаре, а у нас первенство еще не началось!

Шота Арveладзе у них был на острие атаки. Когда в Москве играли, он скидывал, Литманен с Лаудрупом на подборе, крайние защитники помогали… Приходилось бросать своего, переключаться. Голова кругом шла – классная команда. Но разобрались и выиграли – 1:0. Опять Ширко забил. После этого всем нам, молодым, зарплату и подняли.

Оба матча провел и в полуфинале Кубка УЕФА против «Интера». На «Сан-Сиро» в пять защитников играли, что Романцев очень редко практиковал. В Милане в конце первого тайма при 0:0 Иван Саморано как раз из-под меня и забил. Продавил. Роста мы с ним одинакового, даже, пожалуй, он чуть ниже меня.

Но выпрыгнул он раньше, чем я. Он уже в полете – и, считай, на мне. Один из лучших, кого я видел когда-либо, по игре головой. Потом Алень сравнял, но в самой концовке Зе Элиас забил победный. Сохрани мы тогда на «Сан-Сиро» результативную ничью – и шансов выйти в финал имели бы намного больше.

Дома, на «Динамо», поляна была – полная катастрофа. Кто видел, тот не забудет. Но Тихонов забил, как всегда, с острейшего угла, мы повели. При 1:0 мы создали еще кучу моментов. И все было бы хорошо, если бы забили.

Но не смогли. А за них играл Роналдо. Великий Зубастик.

Внешне казалось, что против бразильца легко играть. Легче, чем против любого другого нападающего. Почти весь матч он стоит и вздыхает, что ему пас не отдают. Но только пару раз за игру на секунду зазеваешься – и он уже убегает, с мячом или без мяча. А если без – то потом этот мяч получает и делает результат. Вот Роналдо нам два и забил. Не было бы его – может, и сыграли бы в финале Кубка УЕФА.

* * *

Да, мы победили «Аякс», на равных играли в полуфинале с «Интером», выиграли Кубок России. Но выходил на поле все реже и реже. Может, чем-то Романцева не устраивал, а может, сказывалось то, что он все-таки больше доверял опытным игрокам. При Ярцеве молодые играли часто, была постоянная ротация. Олег Иванович же в основном делал ставку на один и тот же состав. Но раз выигрывал, и это приносило титулы – значит, он был прав. Верно говорят, что, если тренер побеждает, то его правда выше правды отдельного игрока. Как начинающий тренер, уже это понимаю.

А тогда мне, конечно, хотелось играть, но в «Спартаке» было девять сильных защитников на четыре места. И видя, что нередко я даже не попадаю в заявку, согласился уйти на полгода в аренду в «Торпедо». Костя Головской, оказавшийся в той же ситуации, летом 1998-го ушел в московское «Динамо» к Ярцеву. Но меня Саныч не позвал, за что я на него, признаться, немного обиделся. Потом объяснились, и никакого осадка не осталось.

А «Торпедо» мной активно интересовалось, к тому же эту тему в «Спартаке» продвигал вице-президент Григорий Есауленко, очень влиятельный тогда человек. Может, тоже почему-то был в этом заинтересован. Говорил, что Романцев в курсе и возражений не имеет.

Сам я никуда не просился, но когда предложили, сказал: «С удовольствием!» Ну то есть не в ту же секунду, а где-то спустя полчаса, которые я взял на размышление. В половине первого Есауленко предложил мне аренду в «Торпедо», в час я согласился. Когда решение было принято, заехал в Тарасовку, попрощался с Олегом Ивановичем и ребятами.

Тренировал торпедовцев легендарный Валентин Козьмич Иванов. С зычным голосом, мог и матерком хорошо пройтись – но человек, главное, хороший. Прямой – а для меня это главное. Кстати, я спросил Есауленко, кто конкретно меня приглашает. И когда услышал, что Иванов, то сомнения отпали. С листа сыграл первый матч с «Локомотивом», и на пресс-конференции Козьмич назвал меня лучшим игроком команды. Хоть и проиграли, слышать такое было приятно.

У нас с ним хорошие отношения сложились – он же видел, что я пашу, не отлыниваю, и на поле бьюсь, а он это считал главным. Комбинационный футбол в «Торпедо» особо не приветствовался, но я-то на чистых мячах никогда не играл, поэтому перестроился быстро. Поначалу, правда, тренировки у него были очень нагружающие, при том что ведь сезон был в разгаре. Бегали столько, что после этого мне уже ничего стало не страшно.

А тогда из-за этого тяжеловато приходилось. Тем более что нагрузка увеличилась из-за позиции: играл я у Козьмича левым полузащитником. Готов был нормально, но нагрузки он давал такие, что уже перед вторым матчем с «Динамо» я почувствовал: будет трудно. И после первого тайма уже еле ноги волочил, что со мной вообще-то редко случалось. На второй тайм выйти не смог, попросил замену. Зато потом десять игр просто летал, физически чувствовал себя великолепно! Так что Иванов в этом вопросе толк знал.

Стадион «Торпедо» на Восточной улице, правда, был моим

самым нелюбимым – но ничего, можно и потерпеть. На старом «Локомотиве» мне больше нравилось играть – он был уютнее. А больше всего любил «Динамо» – где и мячи когда-то подавал, и забивал много. И трибуны там ближе всего к полю. Когда новый «Локомотив» построили – конечно, на нем. Но это еще не скоро произошло…

Время забавное было. Помню, играл за «Торпедо» в Элисте с «Ураланом». Выходим на игру и удивляемся: как будто поле расширили, боковые линии чуть ли не у трибун. При том что до этого они со «Спартаком» играли (и выиграли у него, кстати, за что вратарю Саморукову и автору победного гола Игнатьеву «Героев Калмыкии» дали), и там поле было намного более узким. То есть они поле под соперника подстраивали – чтобы не дать тем же спартаковцам комбинировать, сужали!

А с нами – аж метров на двадцать расширили. Игорь Семшов шел угловой подавать, я ему кричу: «Не добьешь же!» Он смеялся. В итоге мы 2:3 проиграли. Тоже чудеса творились – конец игры, наш игрок падает в штрафной, судья свистит, из центра поля бежит, показывает на 11-метровую отметку. Но чем ближе подбегает, тем больше у него рука в сторону смещается. Когда добежал – пенальти превратился в штрафной.

После того матча Иванов обвинил Андрея Чернышова в сдаче игры. Прямо в раздевалке. Я пытался за Андрея заступиться, потому что на поле видно, когда человек отдается игре, а когда нет. Так и сказал тренеру: «Не может такого быть». И по сей день считаю, что он не сдавал. Но Козьмич остался убежден в обратном. Чернышов тренировался с командой, но играть ему больше не давали.

После поражения от «Локомотива» Иванов и Призетко обвинил в сдаче, его тут же из команды убрали. Для меня все это было непривычно, ни до, ни после с такими подозрениями не сталкивался. Но лично у меня никаких разногласий с Валентином Козьмичом не имелось, и работу с ним, великим в прошлом футболистом, я вспоминаю с удовольствием.

Почему? Потому что игроку всегда нравится, когда он постоянно выходит на поле и ему доверяют. С чем в «Спартаке» к тому времени у меня возникли проблемы.

Хорошо ко мне и президент «Торпедо» Владимир Алешин относился, предлагал заключить полноценный контракт. Но у меня еще год соглашения со «Спартаком» действовало, да и вообще я хотел вернуться в родной клуб и еще раз попробовать в нем закрепиться. Что Алешину и сказал.

Кстати, золотую медаль за тот сезон в «Спартаке» мне не вручили, хотя я в первом круге играл, и не один-два матча.

Поэтому считаю себя шестикратным чемпионом России.

* * *

Татьяна Евсеева:

– С тех пор, как мы с Вадиком начали встречаться, он все время мечтал играть в «Спартаке». И потом уже, когда переходил в «Локомотив» и другие команды, душой все равно болел за «Спартак». Да и сейчас, наверное, болеет…

Он даже в интервью об этом говорил, когда у Семина играл. Никто его за это не наказывал. Наверное, сейчас, в нынешнее время, он вел бы себя по-другому. Ломал бы себя. Вот помню еще Влада Радимова – мне кажется, в наше время вообще не осталось таких, как они с Вадиком, тех, кто за правду. Может, и есть единицы – но тогда, в 90-е и начале 2000-х, их было намного больше. А сейчас все за деньги трясутся.

Но вначале-то он очень робкий был. Мне кажется, уверенность в себе у Вадика появилась только по мере развития карьеры. Может, уже и в «Спартаке», но тогда он все равно еще многого боялся. Помню, Олег Романцев на свадьбе пообещал ему квартиру подарить, и я все время ему говорила: «Ну когда, ну когда? Иди сходи!» Он: «Не пойду». Очень стеснялся.

В итоге вызвали и просто дали. Около года подождать пришлось, пока весь процесс оформления шел. Но мы там очень недолго прожили. Потому что я тогда уже родила, он уехал на сборы. Это был второй этаж, без лифта, я одна, телефона домашнего нет… Не говоря уже о мобильном, который тогда еще очень дорого стоил. Поэтому и решили меня к маме обратно переселить. А ту квартиру через какое-то время продали.

В день свадьбы мы сначала поехали, как все, на Поклонную гору. По дороге в Мытищи, где в ресторане проходило торжество, в пробке застряли. Все нас ждали часа полтора-два – Романцев, Ярцев… Смешной момент был, когда Вадик меня не в тот лимузин понес.

Место для свадьбы мы выбирали из тех соображений, что по деньгам в тот момент не шиковали. Зарплата у Вадика тогда была – 500 долларов. На такую сумму не больно разгуляешься. Дарили какие-то сервизы, чайники… Моя мама холодильник подарила, еще какую-то мебель. У

нас же на съемной квартире вообще мебели не было. А вот ребята из «Спартака» деньгами скидывались.

Пока руководство не ушло, все сидели зажатые, вели себя скромно. Потом Романцев с Ярцевым попрощались – но все равно откровенно никто не зажигал. 12 июля, середина чемпионата… Самым остроумным, помню, был Горлукович. А кто-то, уже не помню кто, меня украл.

А потом, уже после сезона, отправились в очень интересное романтическое путешествие. Бурною толпою мы полетели на Мальдивы! Все, что сами скопили и другие подарили, на эту поездку потратили. В то время туда еще никто не летал, и когда добрались, обалдели от одного вида этих сказочных островков.

Кроме нас, полетел Аленичев, Кечинов, Титов, Головской, Мелешин. Было ужасно весело! Ребята танцевали, в теннис играли, с масками плавали… Невероятный отпуск. Мы на тот момент с Юлей Мелешиной сблизились, вот недавно виделись у Аленичева. Теперь не созваниваемся, настоящая дружба с девочками случилась уже позже, в «Локомотиве». А вот с Вероникой Титовой почему-то не сложилось.

С Аленичевым Вадик в «Спартаке» приятельствовал, и у них остались отличные отношения. Дима с тех пор как человек вообще не изменился. Два раза ездила с Вадиком к нему перед Новым годом на традиционный товарищеский матч ветеранов «Спартака» и «Динамо». Очень душевно все проходит. Димка – большой молодец, не забывает своих друзей. Наверное, он единственный такой человек, который собирает всех бывших, настоящих и будущих партнеров, накрывает столы. Очень гостеприимный и хозяйственный.

А Романцева Вадик очень боялся, и я вместе с ним. Ведь все передается: что родной человек чувствует – то и ты. До свадьбы я его не видела. Но даже когда жены и девушки на базу в Тарасовку приезжали ребят проведать, зайти можно было, только когда Романцева нет. И даже без него – нежелательно. Приехали – встречайтесь за воротами. Даже когда еще забора не было, заходить не положено было, или как минимум не приветствовалось.

На сборы они при Олеге Ивановиче ужасно надолго садились. Ни в одной команде такого не было. Хотя, может, и правильно делали – недаром они все выигрывали. Помню, проиграют один матч, что случалось нечасто, – и их домой не отпускают. Причем всю неделю, а если плохо

и следующий матч проведут, – то две. Сейчас к молодым подойди, попробуй их на базе на неделю оставить…

Романцев и телевизоры у них из номеров порой забирал, и видеоприставки, от которых они тогда были без ума. Но результат это приносило, тут не поспоришь.

К Олегу Ивановичу Вадик относится с очень большим уважением – и я тоже. Это тренер с большой буквы. Думаю, если бы сейчас ему клуб доверили, он смог бы работать на том же уровне. Да, он и Ярцев – разные люди. Георгия Александровича муж не боялся, а Романцева – еще как. Но любит и уважает Вадик обоих.

* * *

1999 год начинался многообещающе. Я вернулся из аренды в «Торпедо», был полон надежд, и в финале январского Кубка Содружества мы обыграли принципиального соперника еще по советским временам – киевское «Динамо» Валерия Лобановского. До того дважды проиграли им в манеже ЦСКА, а тут финал перенесли в более крупный зал, пришло битком народу – и мы выиграли.

Общаться с Лобановским мне никогда не доводилось. Но у нас была такая традиция на сборах: мы разглядывали подъезжающий автобус киевлян из нашего автобуса. Так каждый год происходило в Израиле, в Кейсарии, где мы проводили первый сбор, а Киев заезжал туда на второй. И как-то так получалось – подгадывали, что ли? – что мы выезжали из гостиницы на трассу к аэропорту, а их автобус прямо в этот момент как раз поворачивал к отелю. Это уже как шоу какое-то стало, без которого сборы в Израиле были немыслимы.

А один раз я случайно узнал, в каких условиях тренеры живут. Там, в Кейсарии, номера все сквозные – можно было из номера в номер зайти, не выходя в коридор. Двери мы всегда держали открытыми, и все так и шастали туда-обратно. Наш с Хлестовым номер был крайним, и как-то рядом начали что-то долбить и сверлить.

Приятного в этом мало, и в конце концов любопытство взяло верх – что же это такое там делают? Часов в десять вечера сильно нажал ручку – дверь открылась. И оказалось, что в угловых номерах сломали перегородку, сделали большой зал, объединили аж четыре номера в один. Потом выяснилось, что этот номер готовили для Лобановского. Так я понял, в каких хоромах тренер будет жить.

Что же до финалов Кубка Содружества, то у меня до сих пор в памяти матч в 1997-м, который мы обидно проиграли со счетом 2:3. Я тогда сломался – оступился, когда с Шевченко за мяч боролся. Боль в большом пальце ноги была сильная, и в перерыве я попросил врача Юрия Василькова уколоть меня прямо в этот палец. Сразу полегчало, я сказал: «Отлично!» – и хотел выйти на второй тайм, но меня не выпустили, заменили на Дуюна.

А в конце той игры Нигматуллин пропустил нелепый третий мяч – видит уже, что кто-то открывается, машет ему, и в этот момент после удара Белькевича, царствие ему небесное, мяч между ногами у него в ворота пролетает. По-моему, после того матча Романцев окончательно и предпочел Филимонова Нигматуллину, при том что в 1996-м они играли примерно поровну.

Но в 1999-м мы взяли-таки реванш. 0:1 горели, потом Мелешин сравнял, а в самом конце Титов забил победный. Почему все помню – я в той игре в первом тайме сделал столько рывков, сколько, наверное, никогда в жизни. Киевское «Динамо» с их физподготовкой перебегать было невозможно, но в тот день нам это каким-то образом удалось. А ведь кто за них тогда играл – впереди Шевченко с Ребровым, в полузащите Белькевич с Хацкевичем!

Даже Романцев, по-моему, был под впечатлением от моей активности. Потому что даже в перерыве сказал: почему, мол, не даете, когда крайний защитник открывается? А это все происходило возле его лавочки, он все четко видел.

Нет, я так бегал в первом тайме не из-за этого, а то для некоторых фланговых игроков активничать как раз в той половине матча, когда они играют возле тренера, а потом сбавлять обороты – известная хитрость. Я так никогда не делал, и во втором тайме бегал, по-моему, еще больше. В итоге Романцев даже на разборе поставил меня в пример: «Евсеев тридцать рывков за тайм выдал».

Мне иной раз, наоборот, лучше было рядом с тренером не играть. А то я мог сказать ему что-то лишнее. Конечно, не Романцеву, а уже на более поздних этапах карьеры. Мне до сих пор стыдно за тот момент, когда мы в «Локомотиве» в начале декабря 2005 года при Владимире Эштрекове играли в Израиле последний перед отпуском матч Кубка УЕФА. Вели – 4:0. Центральный стадион, вечер, прекрасная погода, поляна изумительная.

А он все кричит: «Вперед! Назад! Шире! Уже!» И в какой-то момент я не выдержал. Сказал ему громко: «Сядь на лавочку и радуйся!» Он сначала, видимо, не понял, дал паузу. А потом я

услышал в свой адрес: «Ты чего себе позволяешь?!» Матч так и закончился, потом я извинился, и ситуацию быстро уладили. Но чувство стыда осталось.

Ну а после той победы над киевлянами в 1999-м Романцев полгода меня в сборную России приглашал, чего до того не было ни разу. И в марте с Андоррой, когда мы выиграли – 6:0, я провел свой первый официальный матч за национальную команду. Самое интересное, что в чемпионате слева постоянно играл приглашенный из московского «Динамо» Юра Ковтун, которого на момент игры с Киевом в «Спартаке» еще не было. Но в сборную Романцев отчего-то вызывал не его, основного левого защитника клуба, а меня, запасного. Думаю, это все был отзвук той игры с киевлянами.

Вот только сборная сборной, а настроение становилось все хуже.

В том году на левом фланге обороны весь сезон играл Ковтун. Справа – сначала Хлестов, потом его тезка Парфенов. Передним центральным защитником – сначала Витя Булатов, перешедший позднее в опорную зону, затем сдвинувшийся с фланга Хлестов. Либеро – сначала Эдик Мор, потом Женя Бушманов. В общем, только на одной позиции в обороне по ходу этого непростого сезона – «Локомотив» бился с нами за чемпионство уже всерьез – не произошло перемен.

И только мне из всех защитников так и не дали реального шанса. За весь чемпионат я выходил на поле лишь 11 раз, семь из которых – на замену. Вроде какой-то просвет наметился в середине сезона. Правда, в первом же своем матче в стартовом составе – в мае дома против «Ростсельмаша» – так хотел себя проявить, что эмоции перехлестнули, и я схватил красную карточку. Пять матчей пропустил, но потом пришла очередь Ковтуна пропускать матч из-за дисквалификации. А был как раз матч с моим «любимым» «Динамо», которому я опять возьми да забей. Олег Иванович после такого не стал сажать меня на лавку, выпустил на следующую игру в Самаре. Там мы попали – 1:3.

И все. Я оказался на скамейке, команда начала выигрывать – и в основе в следующий раз я вышел только в последнем туре с «Аланией». Опять же потому, что Ковтун перебрал карточек…

Ясно было, что Романцев на меня как на основного игрока не рассчитывает. Другим он доверял больше. В «Спартаке» и так крайних защитников хватало, а тут еще одного, Щеголева из «Факела», решили брать, он с нами уже тренировался. Да и Ковтуна сезоном ранее не стали бы приглашать, если бы по-настоящему верили в меня. Попыток поговорить с ним все это время я не делал, потому что в принципе индивидуальные беседы

у Олега Ивановича с игроками не практиковались. И если он принимал какие-то решения, то никогда ничего не объяснял. И это было его полное право.

Мне было двадцать три года, скоро исполнялось двадцать четыре. Возраст такой, что надо играть, и главным моим желанием было получать намного больше игрового времени. И я видел, что «Локомотив» мне его даст. Встречался с главным тренером Семиным, с президентом Филатовым – стало понятно, что во мне всерьез заинтересованы.

Первый раз мы встретились с Юрием Павловичем у него в машине. Разговор мне понравился. И ему, и Валерию Николаевичу при подписании контракта говорил: «Деньги для меня не на первом месте. Главное, чего я хочу, – обыграть «Спартак» и стать с «Локомотивом» чемпионом». Так в итоге и произошло.

Агента у меня не было, решение принимал я лично, ни с кем не советовался. Просто решил, что так будет лучше для моей футбольной карьеры. И ни разу об этом не пожалел. Хоть и мечтал всегда о «Спартаке». Так бывает…

А получилось, что контракт с «Локомотивом» я подписал после того, как вышел в последнем туре чемпионата 1999 года против «Алании». «Спартаку» еще оставалось сыграть в декабре два матча на Кубок УЕФА с «Лидсом». То есть я тренировался и играл за «красно-белых», а на руках уже имел контракт с «Локо», который действовал с Нового года.

Никому об этом не говорил – но как-то прознали. Уже после ответного матча с «Лидсом» шел на очередное собрание в клубе, еще в старом его помещении, на «Сухаревской», возле Института имени Склифосовского. И увидел бегущего навстречу по лестнице Вячеслава Грозного.

Он мне с ходу: «Ты куда-то уходишь?» И сказал подняться к Романцеву. Стало ясно, что они уже в курсе.

Вхожу. Олег Иванович смотрит на меня. И произносит интересную фразу: «Мы же ничего плохого тебе не делали?»

Подтверждаю: «Ничего плохого не делали».

Главный тренер помолчал-помолчал – и, чтобы окончательно удостовериться, спрашивает: «Ты какие-то бумаги с «Локомотивом» подписывал?» – «Да, подписал».

Затем он произнес только одно слово.

«Свободен».

Развернулся и ушел. Видимо, обиделся, что я ни с кем не посоветовался и поставил всех перед свершившимся фактом.

На этом карьера в любимом клубе моего детства и закончилась. Кстати, и страх перед Романцевым ушел ровно в тот

момент, когда я в последний раз закрыл дверь базы.

Потом мы еще много раз виделись с Олегом Ивановичем. Вместе с ветеранами «Спартака» удалось съездить в пару городов – Волгоград, Орел. Отличные отношения, никаких обид.

Романцев – великолепный тренер, у которого я многому научился. Он первый вызвал меня в сборную и поставил на официальную игру. А то, что произошло тогда, в конце 1999-го, – нормальная футбольная жизнь. Я все жду, когда Олег Иваныч в профессию вернется. Его очень сильно не хватает. Такие тренеры порой встречаются, что в голове не укладывается, почему Романцев не возвращается…

Тему моего ухода в «Локомотив» мы с ним никогда не обсуждали. С моей стороны это было чисто футбольное решение, я никого не обманывал, не предавал и не вводил в заблуждение. Думаю, остыв, Романцев меня понял.

А тот разговор дал мне понять, что отпускать меня не хотели. Скажи я, что ничего не подписывал – наверное, начали бы убеждать остаться. И если бы действительно не подписал – подозреваю, убедили бы. Однако подпись уже стояла. Передумывать было поздно.

Почему, спрашивается, в «Спартаке» раньше о новом контракте не задумались, если старый заканчивался? Это актуальный вопрос сейчас, когда за полгода до конца действующего соглашения уже можно подписывать с другим клубом, поэтому, если не удалось договориться, то чаще всего тебя продают уже за год до конца контракта.

Но тогда в «Спартаке» было принято по-другому. Заранее ничего не делалось, потому что считалось, что это большая честь – играть за «Спартак». Так оно, в общем-то, и было.

Только в этом заключалась одна большая опасность, которую в «Спартаке» в нужный момент не просекли. В клубе, который постоянно становился чемпионом, были уверены: если ты не ведущий игрок, то тебе делают одолжение, в принципе предлагая подписать контракт.

Но ситуация в российском футболе, в том числе и финансовая, уже начала меняться, а сознание спартаковских руководителей – еще нет. Из-за этого они за несколько лет потеряли немало футболистов, которые могли либо остаться в команде, либо ее усилить.

В моем случае вопрос зарплаты, хоть и был актуален, занимал не первое место – в первую очередь, я хотел играть. Но если бы «Спартак» заблаговременно задумался о том, чтобы продлить со мной контракт, у «Локомотива» просто не возникло бы шанса подписать меня как свободного агента. И еще большой

вопрос, смог бы я уйти или нет. Даже если бы хотел.

Выходил после такого разговора от Романцева я в несколько подавленном состоянии. Еще не представляя, что начинается лучшая часть моей жизни как игрока.

* * *

Олег Романцев:

– Если честно, не помню, почему Евсеев не вышел на два решающих матча 1997 года – с «Аланией» и «Ротором» в двух последних турах. Но у меня всегда был принцип – играет сильнейший на данный момент. Может, Евсеев подустал. Может, кто-то сильнее его выглядел на тренировках. Но я всегда на сто процентов объективно определял состав. Правда, это лишь на мой взгляд. Может, и ошибся. Хотя раз выиграли – значит, наверное, нет…

Уверен только в одном: на поле Евсеев не вышел не из-за того, что пожаловался на какие-то незначительные травмы. Это человек, который мог скрывать какие-то болячки. Один выпячивает их и держится за что-то, стараясь показать, как ему больно и какой риск будет поставить его на матч. Такие люди тем самым показывают, насколько боятся ответственности. А этот – наоборот, ничего не показывал, даже если у него по-настоящему болело.

Сесть на электромобиль и поехать по полю «Лужников» после победного финала Кубка 1998 года – это была интересная находка, ее все до сих пор вспоминают. Для меня этот поступок Вадика тоже стал неожиданностью. И хорошо, что его правильно восприняли работники стадиона, которые позволили Евсееву сделать это. У меня есть фотография этого момента, и я с удовольствием на нее смотрю.

Рассказы по поводу счета на 10 тысяч долларов, который якобы пришел после этого в клуб, – конечно, неправда. Это ребята шутили так. Потому что неожиданно все получилось. Футболисты подначивали его: «Евсеев, за тебя счет пришел». Не было такого, конечно.

Во второй половине того года он ушел в аренду в «Торпедо». Причиной, конечно, стало количество игровой практики. Это один из тех игроков, которые без практики

оставаться не должны. Ему нужно играть. И поскольку в «Спартаке» такая возможность предоставлялась не всегда, мы с ним договорились, что он временно поиграет там, где будет иметь постоянное место в составе. А потом вернется.

В 1999-м он мало играл в чемпионате, но вызывался в сборную и дебютировал в игре с Андоррой. Вадим полагает, что меня впечатлила его игра в финале Кубка Содружества против киевского «Динамо», в которой «Спартак» победил принципиального соперника? Скорее всего, так и было.

Но конкуренты у него обалденные были. И Парфенов, и Ковтун – игроки очень высокого уровня. Знаете, иметь на одну позицию двух отличных игроков – это, с одной стороны, хорошо, а с другой, ужасно плохо. Нужно, во-первых, угадать, а во-вторых, объяснить тому, кто не играет, почему так происходит. И чаще всего, хоть они и кивают, но сказанное тобой не воспринимают. Они – футболисты, им хочется играть, а не сидеть.

Так произошло и с Евсеевым. Конечно, когда он ушел в «Локомотив», я переживал, мне не хотелось этого. Но держать игрока такого уровня на лавке я не имел права. И думаю, в итоге все получилось к лучшему для всех.

Георгий Ярцев:

– Смог бы я удержать Евсеева от перехода в «Локомотив» или клуб от расставания с Вадиком, если бы на конец 1999 года находился в «Спартаке»? Это все равно что на кофейной гуще гадать.

Конечно, таких людей нужно сохранять. Он обладал большим опытом. И если не доставалось места в стартовом составе, то, конечно, он был не в восторге и хотел играть как можно больше. Поэтому и случился сначала уход в аренду в «Торпедо», а потом уже на постоянной основе – в «Локомотив».

В конкурентах у него были Юра Ковтун, Дима Парфенов, Дима Хлестов. Может, на тот состав его игра не совсем ложилась: всякое бывает в футболе. Но то, что он игрок уже опытный и профессиональный – все понимали. И как и любой играющий, да еще и в расцвете сил, футболист, он стремился выходить на поле, а не сидеть на скамейке запасных.

К моменту ухода из «Спартака» это был уже серьезный, взрослый, испытавший европейские турниры и

вызывавшийся в сборную человек. Ему просто требовалось постоянное место в составе, и Юрий Семин ему таковое предоставил. А Вадик отплатил ему прекрасной игрой.

Глава четвертая
Семин и Филатов сделали меня личностью. А Бышовец – испугался

Звонит мне в ноябре 2014 года Юрий Палыч. И говорит: «Вадик, ты помнишь, что у нас десять лет с чемпионства 2004 года?» Выяснилось, что я даже не помню, какого числа мы в Ярославле с «Шинником» играли! Оказалось – 11 ноября.

В этот момент был перерыв на матчи сборных, и Семин проводил со своей «Мордовией» сбор. У меня же в Иваново осенняя часть сезона уже закончилась. И он говорит: «Собирай народ, встретимся на Рублевке в ресторане «Царская охота». Отметим юбилей, вспомним. Я угощаю!»

Я ему: «Палыч, да у меня даже телефонов половины ребят нет!» Он своей хрипотцой отвечает: «Не-ет, давай собирай, ты у нас самый ответственный». На все про все он отвел мне пару дней.

Вот оно, оказывается, как – если я много говорю, значит, самый ответственный. Но, если серьезно, я такой и был. А есть те, кто говорит-говорит, но на поле – ноль. Меня же он в первую очередь ценил за то, как я играю. А насчет того, что я творил за пределами поля, порой не сдерживался, один раз даже сказал: «Заканчивай со своим дебильным юмором!»

Но я как начал – так уже и не мог остановиться. Помню, своему другу Самедову говорил, что его в Москву привезли в «КамАЗе» с арбузами. Он не обижался. А как-то позвонил Радимову, представился Марущаком, председателем КДК. Это было после того, как Влад сказал в интервью: «В КДК сидят дебилы», да и сам я на этот КДК гнал, нас это объединяло. Он, хоть меня сначала и не узнал, но не купился. После этого Радимов через Диму Хохлова с тех пор регулярно стал приветы слать. И когда встречаемся, он меня иначе как Марущаком не называет.

А по поводу встречи в итоге созвонились с Димкой Лоськовым, и он помог – нашел Пашинина, Пименова. Нижегородову в Одессу, где он сейчас вторым тренером «Черноморца» работает, звонили-звонили, но он трубку не брал. Жалко, поскольку потом узнали, что они с женой очень хотели бы приехать. И было что вспомнить.

Он же у нас по картам считался безоговорочным номером один. Когда еще в 2001 году Цымбаларь был в команде, стадион и

базу перестраивали и мы жили в Новогорске. В двухэтажной деревянной пристройке, где обычно жила волейбольная «Уралочка» из Екатеринбурга со своим знаменитым тренером Николаем Карполем. А в тот момент мы заехали: две трети команды жило в кирпичном здании, а человек восемь, в том числе я, – в деревянном. И как раз собралась картежная компания.

Как-то не на шутку схлестнулись Нижегородов и Соломатин, и Солома умудрился проиграть 60 тысяч долларов! Потом разошлись по комнатам. Там перегородки деревянные между номерами по два человека, и все слышно. Солома лежит на кровати и вздыхает: «Как я буду отдавать деньги?!» А из другой комнаты Нижний реагирует: «Потихонечку, Андрей, потихонечку». Одессит! В итоге, по-моему, Солома тысяч 20 отдал, а остальное Генка ему простил.

Нижнего в некоторые московские казино не пускали – он их обчищал, все выигрывал! Мастер. Думал быстро, просчитывал все варианты. Причем никакого мухлежа.

Представляю, каково ему пришлось, когда Илюха умер: ведь их жены – родные сестры. Я в тот момент в Таиланде был, узнал и пришел в ужас. Тяжело такое пережить. Ты человека с 93-го года знаешь, помнишь, как двое его пацанов по Тарасовке носились, – а тут раз и нет человека…

А если возвращаться к нашей встрече, то еще кое-кто не смог к нам выбраться. Макс Бузникин, который теперь селекционную службу «Краснодара» возглавляет, даже в аэропорт тамошний приехал. Но там был густой туман, и самолеты долго не вылетали. Так, к сожалению, и не успел.

Зато даже Малхаз Асатиани из Грузии добрался. Еще – Лоськов, Сенников, Хохлов, Пашинин, Гуренко, Сычев, Билялетдинов, Пименов, я… Овчинников со сборной России был, врач Ярдошвили с ЦСКА на сборах, а Савелий Евсеич Мышалов, к сожалению, заболел.

Звонил начальнику команды Владимиру Короткову, но он же у Смородской работает – узнала бы, могла и выгнать. Я ему сразу сказал: «Петрович, если у тебя могут быть какие-то проблемы, то не надо – сам решай». Потом встретил его на матче с «Уфой», подхожу, начинаю травить: «О-о, Петрович, что ж вы, испугались?» Он сразу: «Нет-нет, что ты, просто не смог, дела…»

А на встрече я встал и произнес тост. Говорил долго. «Когда я решил переходить в «Локомотив», все меня отговаривали. Но я принял это решение и ни капли о нем не пожалел. Да, может, какую-то роль сыграл и финансовый момент, то, что вы, Палыч, пообещали мне квартиру, подъемные и более высокую зарплату, чем в «Спартаке».

Тут все засмеялись и начали меня подкалывать: «А, так ты из-за квартиры перешел!» Нет, ну а почему за дружеским столом я не мог об этом сказать? Рос-то пусть и в четырехкомнатной, но 60-метровой квартире, где нас жило восемь человек. А благодаря «Локомотиву» и маме с сестрой, и брату с семьей по «трешке» купил, и себе дом построил. Обо всем этом тоже ведь забывать нельзя…

Но сквозь смех ребят продолжил: «На тот момент я уходил из лучшей команды страны, которая четыре года подряд становилась чемпионом, и мне было что терять. Но главное, что обрел, – не квартиру, машину и подъемные, а лучший коллектив в моей жизни».

Хохлов рассказывал, как ему приятно оказалось играть в комбинационный футбол «Локомотива», когда он к нам перешел из «Реал Сосьедад». А я в ответ напомнил, как летом 2003 года встретил его у дверей клуба, открыл сумку, достал пачку – тогда же наличными еще зарплату выдавали – и сказал: «Дим, ты к нам собрался? Смотри – вот 20 тысяч долларов. Тут все хорошо с деньгами. Так что приходи!» Не знаю уж, что он обо мне подумал – мы тогда еще не были хорошо знакомы, только по сборной, – но я оказался прав. В «Локомотиве» он первый раз в жизни чемпионом какой-либо страны стал…

Лось говорил Семину: «Спасибо, что вы меня терпели, потому что знаю: вначале я показывал не то, что вы хотели видеть». В Ростове-то он, как признавался, привык на чистых мячах играть, а Палыч от всех требовал биться и в оборонительных действиях участвовать. Но потом Дима перестроился: да, главной его ценностью оставались пасы и голы, но никогда такого не было, чтобы Димка играл вопреки команде и заставлял нас пахать за него…

Ох, хорошо посидели. Жалко только, никаких контактов легионеров не нашлось. Если не считать Малхаза Асатиани, который признавался, что после первого сезона, в котором играл мало, хотел уходить, но остался и не прогадал, потому что стал игроком основного состава, выиграл чемпионат – а потом еще и в киевском «Динамо» у Палыча поиграл…

А так было бы радостно того же Лиму увидеть. Да всех – и Паркса, и Обиору. Хоть нигериец только первый год отыграл так, что человеку цены не было, а потом все – ныть стал, болеть, косить.

Или вот помню, как с костариканцем познакомился: приезжаем на первый сбор в Италию, добираемся до отеля уже ближе к ночи, дают мне ключ от номера, включаю свет – а там куча чемоданов и на кровати здоровенный негр спит. Выяснилось

– не тот ключ мне дали. А негр в номере и был Паркс. Лоботряс – но осенью 2003-го в Лиге чемпионов при счете 2:2 забьет победный гол киевскому «Динамо» в Черкизове, и мы из группы выйдем…

А больше всех из иностранцев хотелось бы увидеть Джейкоба Лекхето, Бобо, Яшку – как его только ни называли. Но уже не судьба. На встрече помянули его, конечно. Дико представить, что ты играл с человеком плечом к плечу, он столько для команды сделал, даже русский язык выучил – а потом умер, как говорят, от СПИДа, его давно уже нет в живых.

Палыч рассказывал, как все когда-то у «Локомотива» начиналось, как даже автобуса клубного не было. А каждый из нас сидел и думал, какое же мы классное время в этом клубе провели. И как же нам повезло, что в какой-то момент мы в нем оказались. И сам Семин – одна из главных тому причин…

* * *

Я уже упомянул, что первый разговор с Семиным у нас состоялся в Сокольниках, в его «Мерседесе». Было это еще в сентябре 1999 года, за пару месяцев до конца сезона.

«Хочу, – говорит, – тебя в команде видеть, вижу в стартовом составе и очень на тебя рассчитываю». А потом об условиях рассказал. Сколько, спрашивает, ты получаешь в «Спартаке» – три тысячи? Будут тебе шесть, а может, и больше. А самая большая зарплата в «Локомотиве», как потом выяснилось, тогда была то ли 12, то ли 15 тысяч долларов. Кажется, у Лоськова.

Еще квартиру пообещал. «Спартак» в свое время, как я уже говорил, на свадьбу дал однушку в Ясном проезде, на северо-востоке Москвы. А тут Семин про квартиру спрашивает, и я возьми да брякни, что мне четырехкомнатная нужна.

Юрий Палыч реагирует тут же: «Сто квадратов!» А я даже и не знал тогда, сколько это. Жил в однушке и такими категориями не мыслил. Но на всякий случай решил чуть-чуть поторговаться: «Нет, сто десять!» – «Ну хорошо». И подъемные по тем временам хорошие.

Договорились. В последнем туре «Спартак» обыграл «Аланию», Семин мне звонит: «Приезжай». Встречаемся, вижу, он «Спорт-Экспресс» держит: «Ну что, пишут, лучший ты был вчера?» А там, смотрю, оценка – 7,5. Такие редко кому ставили, особенно когда матч ничего уже не решал.

Показывает – и обращается к сидящему рядом Филатову: «Да-а, Николаич, сейчас, наверное, больше будет просить!»

Посмеялись. Больше просить я не стал. Там же и подписали контракт на два года.

Игровая практика для меня имела огромное значение, но и семью надо было обеспечивать – ребенок уже родился. В 1998-м, через полтора года после свадьбы. Квартиру мне предлагали в Крылатском, потом на «Войковской», где многие локомотивцы живут. Но в итоге мы взяли в Мытищах готовую, сто пятьдесят квадратных метров.

Просто попросил в итоге то, что выделялось на квартиру, отдать деньгами. А в Мытищах метр стоил гораздо дешевле, чем в Москве. Поэтому и удалось купить в полтора раза больше.

Подъемные по контракту были – 50 тысяч долларов в год. В первый раз столько и дали. А на следующий сезон – уже меньше. Я за этим следил. Помню, первая игра в 2001 году была на выезде с «Ростсельмашем», утром звоню начальнику команды Владимиру Короткову: «Владимир Петрович, это Евсеев. Где подъемные?» Он: «Ну сегодня же игра будет!» – «Так я и звоню поэтому, у меня же написано в контракте – до первой игры! Давайте!»

Получил уже после возвращения в Москву, конечно. Хотя Петрович об этом долго еще всем рассказывал. А фразы про подъемные и премиальные быстро стали моими фирменными. Вижу, начальник какой-нибудь в раздевалку входит, и завожу пластинку нарочито скупердяйским тоном: «Где-е-е премиальные? Когда уже мы их полу-у-учим?» Команда уже ждет этого шоу – и угорает…

Попал я на деньги только раз – после дефолта 1998 года в банке остались шесть тысяч долларов. Года через три их, к счастью, отдали, но все равно пришлось понервничать. Тогда для меня это была приличная сумма.

* * *

Филатову и Семину я благодарен за то, что они сделали из меня не только футболиста, но и личность. То, что я стал называть вещи своими именами, и научился нехорошему человеку в лицо говорить, что он нехороший человек, – это их заслуга. Отношение к игрокам в «Локомотиве» вообще было намного лучше, чем в «Спартаке».

Там мы на предматчевых сборах сидели по два-три дня, в «Локо» за день до игры заезжали. И атмосфера была раскрепощеннее. Базу всегда оставляли открытой для жен. Шашлыки делали, за жизнь говорили. Когда Овчинников в команду вернулся, рассказывал, что в середине 90-х после матчей

ехали на автобусе на базу – так Палыч останавливал его возле магазина, на свои деньги пиво покупал, молодым давал, чтобы несли. И Пашинин, и Дроздов такими воспоминаниями делились.

И на базе они потом общались под это дело. Никто не напивался. Но главное, что все были вместе. Кто-то рассказывал историю про Валерия Лобановского, которая задела меня до глубины души. Ему звонят, говорят: «Вот там-то ваши пьют». Он спрашивает: «Кто?» – «Все». – «Ну, раз все, тогда пускай пьют». Это же здорово и правильно, когда команда вместе. Начнут разговаривать, выяснять отношения – так пусть лучше выяснят их за столом, чем затаят.

Потом уже всякий раз после игр мы собирались в ресторане поговорить – вне зависимости от того, выиграли или проиграли. Особенно когда Овчинников пришел в команду. Садились, причем вместе с женами, – и вперед! Инга, бывшая Серегина жена, в создании такой атмосферы большую роль играла. Компанейская, всегда жен вместе собирала.

Поводов собраться всегда хватало. Помню, праздновали день рождения Беллы, жены Давида Шагиняна, коммерческого директора команды, сына Филатова. В «Локо-фитнес», что забавно, сидели – на «Ботаническом саду», как раз Валерию Николаичу принадлежит. В разгар празднества узнали, что в Москву приехал отец шведа Маркуса Розенберга, который потом много лет в «Аяксе» играл. Мы уже махнули, и я говорю: «Давайте, везите его сюда!» Потом помню, как старый любитель хоккея кричал ему: «Тре Крунур! Бёрье Сальминг!» Я-то хоккей, в том числе и шведский, знаю, уважаю.

Достойно, в общем, человека приняли, он был впечатлен. Удивительно даже, что он с «Локомотивом» так и не подписал контракт. Все-таки «Аякс» для сына выбрал. Может, испугался, что мы так зажигаем каждый день…

В «Локо» оттренировался – и делай что хочешь. Рассказывали, что как-то на сборе в Германии ребят с лишним весом отсадили за отдельный столик, листьями салата кормили – Джанашия, Черевченко, Арифуллина и Соломатина. Вот только рядом с гостиницей был ресторан с колбасками, и никто не мешал там парням наверстывать… Не проверяли, кто там сидит, не стучали – такое у Палыча вообще не в чести было. Стукачей у него в команде отродясь не было. Это потом, при Бышовце, все изменилось.

С Семиным, в отличие от Романцева, всегда можно было свободно поговорить, более того, он сам любил подискутировать, где-то нас даже заводил. И ты мог не бояться, что скажешь что-то лишнее и потом это тебе нехорошо аукнется. А раскрепощенность

– она даже в том выражалась, что на матчи мы в «Спартаке» ехали при мертвой тишине в автобусе, никто не рисковал что-то сказать. А в «Локо» не только говорили – музыка играла постоянно.

Поселили меня в номере с Олегом Терехиным, тем еще балаболом. А я же из «Спартака» пришел – молчун молчуном. И вообще считал, что раз пришел в новую команду – надо не разговаривать, а дело делать.

Но Терехин – он мертвого разговорит. Все время старался болтовню нашу на какие-то темы вывести. Вот так и из меня постепенно говоруна сделал. За год я в этом плане очень изменился. А Тереха, который до этого за «Динамо» забивал не переставая, за что и получил приглашение, в «Локо» быстро сел в запас и потом ушел в «Кубань»…

Да, я мог использовать в разговорах, в том числе и с тренером, и с президентом, разные слова. Если в горячке, во время игры или тренировки, – не всегда хорошие. Но никогда такого не могло быть и не будет, чтобы сейчас я говорил тебе комплименты, а едва ты повернулся ко мне спиной, тут же начал твоему соседу рассказывать о тебе гадости.

С Семиным почему так легко? Потому что он очень открытый человек, простой и легкий в общении мужик. Да, может накричать, отругать. Но зла не таит, и если, остыв, понимает, что не прав, всегда извинится. Пусть он тренер, а ты игрок. Ему это не стыдно и не зазорно, несмотря на весь его авторитет. Многим другим людям его уровня через свое «я» трудно переступить, вслух признать свою ошибку. А с Семиным это случалось не раз.

Еще удивляло то, что он очень часто ездил на зарубежные стажировки в знаменитые клубы – тогда очень мало кто из наших тренеров это делал. Прямо перед тем, как я перешел в команду, Палыч побывал у Алекса Фергюсона в «Манчестер Юнайтед». После чего, поговорив с сэром Алексом, здорово расширил обойму игроков – понял важность ротации. Потом был в «Баварии», «Челси», «Барселоне» – и всякий раз привносил в тренировочный процесс какие-то новые упражнения. Порой даже возвращался из таких поездок с новым вариантом разминки.

* * *

На поле Палыч всегда требовал предельной боевитости. Говорил: «За весь сезон вы играете только матчей пять, когда идеально себя чувствуете. В остальных матчах нужно себя переламывать, перебарывать». Я эти слова запомнил, и так оно и

есть.

То, что у этой команды характер есть, я понял, еще когда за «Спартак» играл. «Локомотив» два года подряд в полуфинал Кубка кубков выходил, и поскольку игры проходили в разные дни, мы смотрели их, а они – нас. И однажды они в четвертьфинале играли с греческим АЕКом. В гостях 0:0 сыграли, дома было 1:1, судейство, помню, очень плохое было.

И в самом конце игры, когда команда Семина пошла ва-банк, случился эпизод, когда грек в контратаке должен был забивать в пустые ворота, но решил спижонить, убрал мяч под себя. Его выбили. А в ответной атаке капитан команды Игорь Чугайнов – а шло уже добавленное время – забил победный мяч. Так греческий вратарь побежал на этого нападающего, который под себя убирал, с кулаками – и даже побил. Но как же «Локомотив» до последней секунды бился!

Знаете, как он учил команду не бояться «Спартака»? Когда Романцев был тренером «Спартака», Семин говорил так: «Представьте, что сегодня игру никто не посмотрит, но завтра все возьмут в руки «Спорт-Экспресс». Если тренеры «Спартака» будут расписывать, как хорошо «Локомотив» играл, – значит, мы точно проиграли. Зато, если с их стороны начнутся сотрясания кулаками: «Костоломы! Агрессоры!» – значит, все в порядке».

Против «Спартака» тогда можно было выстоять только так. Жестко, не давая ни метра свободного пространства и ни секунды времени. И ведь стало получаться в конце концов! А слова Семина сбылись, когда после одного из матчей с ними, когда мы не проиграли, пресс-атташе «Спартака» (!) назвал Вову Маминова «спецназовцем». Хотя он грубо вообще никогда не играл.

По-моему, это было после моего первого дерби со «Спартаком» в составе «Локомотива», ранней весной 2000 года. В предыдущем сезоне, когда я еще играл за «Спартак», «красно-белые» два раза по 3:0 выиграли, а тут – 0:0 в почти полных «Лужниках». Такое рубилово было!

Радости от ничьей было много, потому что к тому моменту «Локомотив» четыре года подряд в чемпионате «Спартаку» все матчи проигрывал. Хотя из-за меня могли и тут в самой концовке уступить. Я в штрафной случайно толкнул Титова, судья Бутенко показал на одиннадцать метров, а мне – вторую желтую карточку.

Повод для назначения пенальти был, но верно и то, что Тит умело подставился. Я специально расставил руки, чтобы его не трогать, но он вовремя притормозил. И тогда я упал на него всем телом – избежать столкновения я никак не мог.

Меня удивило, что за негрубое нарушение судья показал мне вторую желтую. Как удивило и то, что некоторые журналисты

заявили, будто Димку Парфенова до того удалили ни за что. Я выбил мяч, а уже потом он прямой ногой ударил меня чуть выше голеностопа. Это называется «ни за что»?!

Кто бы мог подумать в том матче, когда нас обоих с поля выгнали, что через десять с лишним лет я буду его ассистентом в «Текстильщике» из Иванова. Вот судьба, да?

Тот матч, конечно, для меня особенным был. На первых минутах чуть гол не забил – с нулевого угла в штангу попал. Вообще-то пас делал, но мяч неожиданно полетел по такой замысловатой траектории, что чуть в ворота не залетел.

Романцев на пресс-конференции сказал, что меня нужно было выгонять с поля уже минут через пятнадцать после начала матча. Я, правда, не понял, за что вообще мне дали первую карточку. Так что те слова Олега Ивановича отношу скорее к еще не остывшей на тот момент обиде на мой уход из «Спартака».

Но настрой у меня действительно был запредельный. Но не потому что я «красно-белым» хотел за что-то отомстить – я же оттуда не со скандалом ушел, а по собственной воле. У меня было только желание играть. В «Локомотиве» мне давали это делать, а в «Спартаке» – нет. Я и с ребятами спартаковскими продолжал перезваниваться – с Хлестовым, Васей Барановым.

Просто сразу же после прихода в «Локомотив» усвоил, что, играя там, нельзя расслабляться ни на минуту. Тем более если встречаешься со «Спартаком». Дошло до того, что травмировал собственного партнера – Андрея Соломатина. Игровой момент – Солома поднимал голову, а я хотел через него перешагнуть. Убрать ногу уже не успевал…

Когда Бутенко назначил пенальти, Семин был так возмущен, что хотел увести команду с поля. С большим трудом его успокоили.

Мне пришлось уйти с поля, и я не мог успеть подсказать Нигматуллину, куда будет бить Тихонов. Впрочем, Руслан играл несколько лет в «Спартаке» – и сам это прекрасно узнал. А может, просто угадал. Удар Андрея Нигма из нижнего угла отбил, и матч закончился вничью. Радость у нас была сумасшедшая.

А для Тихонова тот незабитый пенальти, как потом выяснилось, продолжился неудачным сезоном – и отчислением из «Спартака» еще до его окончания. Но в тот момент такое вообще никому в голову не могло прийти – ведь в предыдущем году он забил девятнадцать голов и был лучшим игроком чемпионата. Но вот такая штука – футбол, что сегодня ты в полном порядке, а завтра тебя уже в команде нет.

Впрочем, это было скорее характерно для «Спартака». В «Локомотиве» людей ценили больше. После игры думал, что мне

скажут по поводу этого удаления и пенальти Филатов с Семиным? Отругают? Но все вышло наоборот – оба поздравили меня и остальных игроков с хорошей игрой. И уже только на разборе спустя пару дней Юрий Палыч отметил, что зря мы ближе к концу игры ушли в оборону. Он ведь говорил на установке, что не надо этого делать. Но желание не пропустить пересилило – «Спартака» тогда все-таки боялись.

Это потом уже наступит время, когда в «Локомотив» придет группа техничных игроков, Семин перестроит под них стиль игры, и мы даже в Лужниках будем полностью доминировать и громить «красно-белых» – 5:2. А тогда, в 2000-м, «Спартак» еще считался явным фаворитом, и помню, как перед той игрой Владимир Маслаченко в интервью «Спорт-Экспрессу» сказал, что «Спартак» выиграет 2:0, на чем интрига чемпионата будет исчерпана. А ведь шел март месяц! Нас это здорово завело.

Кстати, спартаковские болельщики мне всегда аплодировали, когда я в форме «Локомотива» против них выходил. Помнили, что я играл за «Спартак». Как всегда поддерживали и локомотивские, когда выходил за «Сатурн» против «Локо». И то, и другое было очень приятно, и никогда у меня с болельщиками двух моих главных команд в жизни не то что конфликтов – даже недопонимания не случалось.

* * *

В случае чего Семин не давал нам спуску. По раздевалке сумки летали. Ребята рассказывали, как однажды – кажется, во Владикавказе в 1999 году – Палыч даже ногу повредил: ударил по сумке, а там что-то тяжелое лежало.

При мне таких случаев не было. Но, когда он заводился, иногда аж пена изо рта шла. И ведь действовало! Это на сильные команды нас настраивать не надо было. Со слабыми все обстояло сложнее. Но встряхивать игроков в разных ситуациях приходилось. Когда прямо на поле старого стадиона «Динамо» команда готовились к дополнительному времени финала Кубка 2001 года с «Анжи», телекамера находилась прямо рядом с Женькой Харлачевым и зафиксировала то, как Семин ему напихал. Очень жестко и громко, но, как сам Женька в интервью верно заметил, без единого слова мата.

Юрий Палыч сам эмоционален и понимает эмоции других. У меня они иногда, что скрывать, били через край. Особенно сильно это проявилось в одной истории, о которой я уже вскользь упоминал, а теперь расскажу поподробнее.

В «Локомотиве», причем на раннем этапе моей тамошней карьеры, приключилась моя первая тяжелая травма – разрыв крестообразной связки левого колена. Причем сломался я уже на первой минуте июльского матча с «Ротором». Правда, степени серьезности травмы не понял, сказал доктору: «Перевязывай!» – и отыграл в таком состоянии сорок минут. Только после этого попросил замену. Врача Ярдошвили в той ситуации не виню: я сам никого не слушал, встал и сказал: «Играть буду».

До того месяц-другой боль чувствовал – делали уколы в сустав. Но и после того, как заменился, тяжесть травмы определили не сразу. Когда уезжал в Штутгарт лечиться, сказали, что полетел мениск. А там доктор ногу посмотрел, поболтал ее в разные стороны – и замахал руками: «Ноу мениск!» Мениск у меня только на правой летел, а на левой – два раза «кресты»…

Проходит полгода, я к январю восстановился – и еду с командой на сборы в Израиль. Сначала месяц работаю индивидуально, потом перехожу в общую группу. Первая игра на втором сборе – с какими-то то ли «пивняками», то ли лесорубами, для разгона такое лучше всего. Выхожу в основе. И где-то на пятнадцатой-двадцатой минуте Семин меня меняет. И ничего не говорит, хотя я понять не могу – в чем дело.

На следующей тренировке подзывает и говорит: «Слышь, у тебя все пропало». Я пожимаю плечами: «Ну я не знаю, тренируюсь, все делаю». – «Нет. У тебя все пропало. Скорость пропала, резкость пропала. Вообще все».

А я ведь месяц сам пахал, потом – с командой. И после этого он такое сказал. Меня эти слова здорово задели. Как это – все пропало?!

Но я рук не опустил. Пропало – значит, надо работать. И возвращать навыки. Чем и занимался.

На третьем сборе в Ла-Манге жили в номере с Семеном Семененко – молодым защитником одного года рождения с Пименовым, он был как бы между дублем и основой. Первая команда играет турнир, те, кто мало выходит на поле, – товарищеские матчи. Я – во второй команде, а в первой на замену максимум на десять-пятнадцать минут выхожу.

Сбор заканчивается, остается два матча. И тут меня вдруг вечером ставят в основу на все девяносто минут. А наутро играет второй состав, и я уверен, что на поле не выйду – раз накануне играл. На завтраки я обычно не ходил, предпочитал высыпаться.

И тут стук в дверь. Я сплю; молодой, который готовился к своей игре, пошел открывать. А оттуда второй тренер Эштреков, как всегда, тянет слова в нос: «Ва-а-ади-и-ик!» – «Что такое?» – «Поиграй, пожалуйста!». Что делать – просыпаюсь, иду за формой,

бегаю первый тайм. Жду замены.

Никто ничего не говорит. И второй тайм целиком отыграл. Вот, думаю, молодцы. То даже на двадцать минут не готов, то на два матча вечером и утром ставят. Вы уж определитесь для себя, готов я или нет! С момента той фразы Семина, правда, уже месяца полтора как прошло…

Так мне никто ничего и не объяснил. То ли травму кто-то из дубля получил, то ли затемпературил с утра. Я и спрашиваю после игры у Семененко: «Что, все пропало у меня?» Он отмахнулся: «Да ладно, хорош ты. Что у тебя могло пропасть?»

Вот так мне те слова Семина врезались в память и задели. Наверное, так и надо было. Не сказал бы – я продолжал бы тренироваться, как обычно. А тут разозлился.

Тем не менее в первой половине 2002-го выходил только на замену. В основном на десять-пятнадцать минут, максимум – на полчаса. И вот в последнем туре перед перерывом, связанным с чемпионатом мира, играем дома с «Ротором».

За неделю до того нас разбили в Самаре – 0:3. А тут еще и выбыли несколько защитников, Джейкоб Лекхето, игравший на фланге в основном составе, уехал в сборную ЮАР на сборы перед чемпионатом мира, кого-то дисквалифицировали. И Семин мне за неделю до «Ротора» сказал: «Готовься, будешь играть».

Я настраивался, как зверь, всю неделю только об этом и думал. А на установке узнал, что остаюсь в запасе. Видимо, по тренировкам в ту неделю он сделал такой выбор. Но как же я разозлился! Правда, до поры держал эту злость в себе.

В результате у нас два человека травмировались, и мы с Дроздовым вышли на замену еще в первом тайме. Я – вместо Сереги Игнашевича, который получил сотрясение мозга.

А на 88-й минуте при счете 1:0 я забил. Не бог весть как – все сделал Макс Бузникин, и мне оставалось только попасть головой в пустые ворота.

Но я испытал в этот момент такие эмоции, что подбежал к скамейке и заорал: «Семин, сосать!»

Это было, конечно, за гранью допустимого. Причем далеко за гранью. И когда я пришел в себя, ожидал чего угодно. Но он как будто ничего не услышал. По крайней мере, ни в раздевалке, ни потом эта тема вообще не поднималась.

Хорошо, что в тот момент наступила пауза в чемпионате, иначе какого-то объяснения было бы не избежать. Но мы разъехались по отпускам, кто-то полетел на чемпионат мира в Японию. И только потом – во Францию, готовиться ко второй части сезона.

А знаете, чем все закончилось? После перерыва, связанного с

чемпионатом мира, я до конца сезона выходил в стартовом составе и забил девять голов. Вытеснил из состава Обрадовича – самого дорогого футболиста команды. И в конце года оказалось, что я, крайний защитник, наравне с Лоськовым и Пименовым – лучший бомбардир команды. По семь мячей забили в чемпионате. А в целом за сезон у меня девять было – еще два в Лиге чемпионов.

И Семин приводил меня всем в пример. Говорил: «Разозлитесь на меня так же, как Евсеев! И на поле это покажите!»

С катушек меня, что скрывать, периодически срывало. Думаю, Юрию Палычу и ребятам того «Локомотива» некоторые мои фразы врезались в память. В газете и даже книге такого не напечатаешь. Я очень обижался, когда меня Семин в состав не ставил. Но он такой человек – любил людей, которые доказывают. И не было случая, чтобы я не доказал свою правоту.

Или, например, однажды я некрасиво уходил с поля, когда в Ярославле меня выгнали. Меня почему-то в основном Станислав Сухина удалял – причем я этого не замечал, ребята подсказали. Он мне вторую желтую показал, красную – и пошел стенку при штрафном ставить. А я остался на поле с игроком соперников, держу его. Не хотел никуда уходить.

Судья уже собирался начинать игру, а ему подсказали: «Слышь, он не ушел». Сухина ко мне, я говорю: «Не пойду никуда». Так массажист Шаман, Володя Ткаченко, вышел, убирал меня с поля. Причем карточку, может, и по делу показали. Просто замкнуло.

Палыч знал меня и не обращал внимания на мои высказывания. Я мог сказать что угодно – и ему, и в интервью. Говорил, например, что по-прежнему переживаю за «Спартак». Нет, ну а правда, разве кто-то из футболистов моего поколения, когда рос, болел за «Локомотив»? Ручаюсь: ни одного такого не найти. Кто-то, как я, был болельщиком «Спартака», кто-то – «Динамо» московского, кто-то – киевского. Тот же Овчинников – воспитанник «Динамо», за него и болел. На «Локомотив» ходило-то по сто человек – работники РЖД да родственники игроков.

А за «Локо» люди стали потихоньку переживать уже в 90-е годы, когда предыдущее поколение Семина начало Кубки брать и медали выигрывать. А в массовом порядке – уже когда мы чемпионами становились и в Лиге чемпионов из группы выходили и «Интер» громили.

Вот я честно о том и говорил. Так ведь правда же! Мне с детства привили любовь к «Спартаку», и менять свои убеждения в зависимости от обстоятельств, как некоторые футболисты, я не собирался. При этом со «Спартаком» играл еще более яростно,

чем с иными командами. Одно на другое никак не влияло.

И на личные отношения все эти вещи никак не переносились. Например, тот же Овчинников, с которым мы дружили, терпеть не мог «Спартак». Известна его фраза, что в жизни он не переносит две вещи: хлебные крошки на столе и московский «Спартак». А я за «красно-белых» всегда переживал. И это нам не мешало. Не могут же все болеть за одну команду!

С Серегой мы уже после «Локомотива» по жизни разошлись. Общаться стали меньше после его ухода в «Динамо», которого я, как и многие в команде, не очень понял. Рассказал он все нам в ресторане после матча последнего тура чемпионата 2005 года со «Спартаком». Меня годом ранее отговаривал, сам же поступил наоборот. Но мы-то еще ладно, а вот Филатов просто оскорбился. Хотя объяснил Босс все логично: «Я с Семиным всегда работал, я к нему и иду». Но у Николаича-то тогда с Палычем как раз конфликт был…

Еще меньше у нас общения стало, когда он с Ингой разошелся. Нет, никаких скандалов, развелись они по-человечески, все разделили, но вот так сложилось. Моя жена по сей день с ней близко дружит – может, из-за этого. Но не только.

Еще – из-за того, что я ездил из «Сатурна» на просмотр в «Кубань», которую тогда Босс тренировал. Олег Терехин, который там в клубе работал, позвонил: «Приезжай на просмотр». – «А меня не видели, что ли? Тем более Овчинников?» Постановка вопроса удивила – но ладно, приехал. Потренировался две недели. Серега ничего мне не сказал. Вернее, бросил: «Позвоню». Так и не позвонил. Этого я не понял. Не нужен – так не нужен. Но почему позвонить нельзя, прямым текстом сказать? Я не девочка, не обиделся бы. Причем сами ведь позвали, я не напрашивался!

Потом мы с Овчинниковым пару лет не общались, а встретились случайно в Белоруссии. Он там минское «Динамо» тренировал, а я у своего друга Сереги Гуренко доигрывал. Столкнулись в кафе. Мимо друг друга, конечно, пройти не могли, сели, кофейку попили, поболтали. По поводу той истории он на спортивного директора «Кубани» Сергея Доронченко кивал: тот, мол, не захотел. Но несколько кнопок на мобильном нажать что мешало?

После этого стали немного общаться – и по телефону, и видимся. Отношения нормальные. Но былой близости нет.

А в Штаты съездить – мечта. И к Инге в гости, она американское гражданство получила: из ста вопросов на девяносто девять правильно ответила! И на хоккей – НХЛ очень люблю. Мой близкий друг, хоккеист Георгий Пуяц туда часто в отпуск ездит. Я в Китае был, в Таиланде был, в Америке – нет.

Пока из тех мест только до Доминиканской Республики добрался как-то в отпуск. Один из самых неприятных перелетов был. Десять часов в воздухе, сели – я тут же к выходу рванулся. Меня Кержаков и Пименов, с которыми мы путешествовали, держат: «Стой, это не наша остановка». – «Как?!» – «Сейчас на одном острове приземлились, а наш – следующий»…

А Инга в Москву три года назад на Новый год приезжала, у нас жила, а жена с дочкой к ней прошлым летом в Америку ездили. А еще они с Таней часто в Юрмале встречаются, где и она живет, и у нас есть квартира. Единственное жилье, которое я когда-либо брал в кредит. Это в России любой кредит начинается минимум с двадцати процентов годовых. А в той же Латвии – три процента. Условия божеские. Поэтому отдавать всю сумму целиком не имело смысла.

В соседях у нас – Семшовы. И люди из артистической среды. На втором этаже Игорь Николаев живет, на первом – Виторган. Во дворе под окнами какие-то кустарники посадил – чтоб никто его не видел. Таня с Полиной и жена Семшова с детьми почти все лето проводят в Юрмале. Я же бываю урывками.

* * *

Сергей Овчинников:

– Горжусь тем, что играл с Евсеевым. Он – одна из ключевых фигур в том «Локомотиве» и по человеческим качествам, и по игровым. По самоотдаче, по честности, по отношению к игре – настоящий пример для футболистов. Хотелось бы верить, что такое же воздействие он оказывает и сейчас, став тренером, на игроков «Амкара». Не могу говорить за них, но логично предположить, что и для молодого поколения он такой же пример.

До «Локомотива» мы были мало знакомы, но в той команде все быстро находили общий язык. Коллектив, атмосфера – все тому способствовало. Происходило это благодаря главному тренеру и президенту клуба. Много общались, причем большим количеством футболистов, да еще и семьями – и это сближало. В том числе и нас с Вадимом. Семин и Филатов по-человечески относились к игрокам – и те отвечали взаимностью.

О Евсееве у меня сложилось мнение быстро – и как у вратаря о защитнике, и просто как о человеке. И это мнение с годами не изменилось. Очень надежный

футболист высокого уровня. Цепкий, самоотверженный, умный – он хорошо читал игру и подключался в атаку. Он был очень современным защитником, многие его качества и сегодня актуальны в футболе. Мужественный человек. И хороший друг – как на поле, так и за его пределами. В памяти остались только позитивные моменты, а негативных не помню. Думаю, что их и не было.

К тому, что Вадик болел за «Спартак» и говорил об этом в интервью, будучи игроком «Локомотива», я относился нормально. Мы живем в свободной стране, и никто никого не неволит о чем-то молчать или за кого-то не переживать. Я, говоря о «Спартаке», высказывал только собственные соображения. При том что у меня со спартаковскими игроками всегда были хорошие отношения. Просто это принципиальный соперник – вот и все.

Мы с Вадиком и в отпуск часто вместе ездили – в Латвию, Италию, другие страны. На определенном этапе мы были близкими друзьями. Но жизнь – она иногда разводит людей, у каждого – своя работа и свои заботы. Мы, безусловно, в хороших отношениях, но общаться стали меньше. Такое происходит в жизни, и ничего плохого в этом нет.

Уверен, это не имеет ничего общего с моим переходом в «Динамо». Потому что я не уходил из «Локомотива» сам: у меня закончился контракт и меня выгнали. Думаю, что это ни для кого не секрет, и повлиять на эту ситуацию я никак не мог. Мы с Вадиком после этого общались, и никаких вопросов это не вызывало. Уж игроки-то точно знали, как все было.

Повлиял ли на наши взаимоотношения с Евсеевым мой развод? Не знаю. Думаю, что это уж точно не имеет никакого отношения к футболу. А вот насчет ситуации в «Кубани»… Она была очень простая. Он знал, что едет на просмотр. Я хотел видеть его в своей команде, и мы достаточно долго с ним общались. Но финансовые вопросы решал не я, а руководство клуба. Это все и предопределило.

Не помню, чтобы я ему не позвонил. Но каждый человек реагирует на определенные ситуации по-разному. Если я не посчитал нужным сделать такой звонок, и для меня это не явилось чем-то серьезным, то Вадим мог обидеться. И если это его реально задело, то сейчас, в этой книге, готов перед ним извиниться. И признать, что

был не прав.

Пообщались мы уже в Белоруссии, в ресторане на общей встрече. Посидели, поговорили. Но поймите правильно: у нас отношения никогда и не портились. Никаких объяснений не было, мы вообще на другие темы разговаривали…

Осенью 2014-го Евсеев звонил мне, звал на вечер в честь десятилетия последнего на сегодня «золота» «Локомотива». Но мы где-то играли или тренировались с ЦСКА, нас физически не было в Москве. А так, конечно, с удовольствием встретился бы с ребятами. С некоторыми поддерживаю контакт – например, с Лоськовым.

Уверен, выражу общую мысль за всех игроков того «Локомотива»: это было прекрасное время. Вспоминаю его всегда очень тепло – и радуюсь, что оно случилось в моей жизни. Но не готов сравнивать его с сегодняшним днем. Клуб выбирает свой вектор развития. Может, многие вещи мне непонятны, но в жизни не все, что тебе непонятно, – неправильно. Только желаю нынешнему «Локомотиву» развиваться и радовать победами своих болельщиков. Рад уже тому, что команду возглавил отечественный тренер.

А у Евсеева, думаю, достаточно и опыта, и знаний, чтобы стать хорошим тренером. И огромный игровой опыт у него есть, и человеческие качества на самом высоком уровне. Все, конечно, зависит от Вадима, но всем необходимым, чтобы преуспеть в этой профессии, он обладает.

* * *

Зимой 2001 года работали на предсезонном сборе в испанской Ла-Манге. Там есть норвежский футбольный центр, где проходят разные международные турниры. Как сейчас помню, жил я там в одном домике с Максом Бузникиным, Олегом Терехиным, Игорем Чугайновым и Игорем Черевченко.

Что такое пиво, я на тот момент знал весьма приблизительно – хоть и двадцать пять исполнилось. Нет, знал, конечно, – но вот то, что оно бывает разное, не очень себе представлял. Меня послали в магазин, купил банок пятнадцать. Холодненьких, думал – самое оно. Прихожу, все уже в нетерпении. «Купил?» – «Да».

Вынимаю. Чуг и Тереха смотрят и за голову хватаются: «Вот

ты идиот! Сам его и будешь пить». – «А что такое-то?» Показывают куда-то на банку. Там написано – двенадцать градусов алкоголя. А я-то откуда знаю, сколько нужно было? Не предупредили…

Отыграли матч, пошли в баню, потом по домикам. Ребята в карты играют, а я пивко попиваю – что добру пропадать. И со спины Семин в домик аккуратненько так заходит. Смотрю, Терехин, который лицом ко входу сидел, сделал мастерское движение – свою банку спрятал. Опыт, реакция!

А я не успел. Палыч со спины подходит и со своей хрипотцой насмешливо: «Чё, может, тебе и водочки?» Я не растерялся: «Нет, Юрий Палыч, я водочку не люблю. Только пиво». Санкций никаких не последовало.

На свой день рождения я тренерский штаб отдельно угощал. Как-то виски им покупал. А Юрий Палыч – он же вино любит, так однажды я купил пару бутылочек красного по сто евро каждая, поставил на балкон – и потом на ужин принес. А во Франции в горах в январе холодно – вот и вино остудилось прилично. Само вино-то Семин одобрил, но как прикоснулся к бутылке: «Оно же холодное! Что ты сделал?!» – «На балконе стояло». – «Ну ты дурак!» – «Так это вы, Юрий Палыч, в вине разбираетесь. А откуда мне, футболисту, в нем что-то понимать?»

В «Торпедо», помню, однажды пиво игрокам даже раздавали. Это было в 1998-м, когда я там в аренде был. Летели с какого-то выезда, по-моему, из Сочи. Обыграли «Жемчужину» 4:0, Иванов был очень доволен и неслыханно расщедрился. В самолете отправил помощника, чтобы он вручил каждому игроку по бутылке пива!

Через какое-то время после перехода в «Локомотив» я мог сбиться с правильного пути. Но совсем не из-за пива – это для меня проблемой как раз никогда не было.

Деньги с неба на голову упали, пусть и далеко не такие, как сейчас молодые ребята зарабатывают, – и крыша немножко поехала. Нет, я, конечно, знал, что с этими деньгами делать, поскольку мы только что купили квартиру и начали в ней ремонт. У меня было запланировано, куда потратить премиальные за каждую победу. Так, значит, сегодня выиграли – на премию покупаем диван. За следующую победу – стенку. Чтобы купить кухню, надо было игр четыре-пять выиграть…

В какой-то момент перестал чувствовать грань допустимого – нет, не в плане спортивного режима, а в бытовом поведении, в том, что порой говорил и делал. Продолжалось это, к счастью, недолго, но, наверное, и было той самой звездной болезнью, о которой я столько слышал.

Плюс, когда перешел в «Локомотив» из «Спартака», появилось очень много свободного времени, к чему я не привык. В «Локо», в отличие от «Спартака», тебе доверяли, никто над тобой не стоял. И с непривычки стали возникать разные эксцессы. В частности, на дорогах.

Дважды за месяц в 2000 году случалось, что бил окна, когда меня нагло подрезали в пробках. В одном случае я погнался за умником на «Опеле Омега» с литовскими номерами. Он рванул в район «Медведково», «Бабушкинской», а я там все места знаю – квартира от «Спартака»-то как раз в тех краях была. Думал, оторвался от меня – а я его в тупик загнал, к подъезду.

Ну и в лицо ему дал. Отоварил как следует. А потом сел в машину, уехал и думаю: «А смысл? Для чего?»

Другой, на «четверке», подрезал меня в Черкизове на глазах у милиционера, который ноль внимания! Я в районе полудня на тренировку ехал – занимались тогда прямо на стадионе.

Так я вместо того чтобы повернуть к стадиону, за ним поехал. Жена на соседнем сиденье в нашем «Ниссане Тиана» сидит, говорит: «Ты куда? Вон стадион!» А я за ним дальше. Встали на светофоре, где трамвайные пути. Тут я говорю Татьяне: «Садись за руль».

Добежал до него. Ногой бью в его водительское стекло – но не разбил. Потом дал рукой – теперь получилось. Он вышел из машины, начал кричать: «Милицию вызову!» – «Вызывай!» Тут жена рядом останавливается. Я сел в машину и уехал. Как же она на меня кричала: «Что ты творишь?!»

Во двор заехали, сумку взял, говорю: «Езжай». А сам пешком пошел. Рука в крови. В Черкизово прихожу и сразу к Савелию Мышалову: «Савелий Евсеич, со мной что-то происходит. Дайте мне чего-нибудь успокоительного». – «Что такое?» Показываю руку, объясняю. Он говорит: «Вон Семин идет. Ему скажи».

Поскольку стыдно было, и я действительно испугался, что со мной что-то происходит, согласился. Говорю: «Юрий Палыч, что-то я не то творю», рассказываю. Он спокойненько так: «Все-все, понял. Доктор, дайте ему что-нибудь. А по игре я тобой доволен, не волнуйся».

Сильно подозреваю, что Мышалов дал мне нечто совсем простенькое вроде обыкновенного анальгина. Как это называется в медицине, когда пациент сам себе внушает, что таблетки действуют, – эффект плацебо? Вот и у меня то же самое было. Попил с недельку и успокоился.

Опять же – Семин мог раскричаться, узнав об этих ситуациях, но отнесся по-человечески. Да я и сам понимал, что надо пересмотреть отношение к жизни, не быть таким агрессивным. По

крайней мере, за пределами поля. Щелкнуло: делаю что-то не то. Подумал – а если попадется такой, что не ты ему, а он тебе? И опустился с небес на землю.

В детстве-то я вообще не дрался. За себя постоять мог, но чтобы по своей инициативе драться, да еще и до крови, – такого не бывало. Занимался футболом, меня драки не интересовали. Хотя если доходило, старался всегда ударить первым. Так же, как и в спорте, – хотел быть только первым…

А еще через несколько лет был день рождения у дочки. Где-то как раз незадолго до операции. 21 декабря, теща пришла. Я пылесосил, а они сидели на кухне. Выхожу из гостиной – и вижу, что входная дверь открыта, а в комнате какой-то кекс сидит, у жены в сумке роется.

Спрашиваю: «Ты кто?» – «Я мебель собираю». Подхожу к теще: «Этот с тобой?» – «Нет». Я все понял. Он встал, начал что-то рассказывать. А я же знаю, что он сейчас побежит – дверь-то не закрыта. Только он рванул – я сразу его повалил, и он упал.

Бить я его не стал, а просто скрутил и жене говорю: «Милицию вызывай». А потом выяснилось, что он наркоман и у него СПИД! Поэтому жена до сих пор благодарна мне за то, что я его не ударил. Она даже говорила: «Только не бей!» Видно, чувствовала что-то…

А он, пока милиция ехала, и угрожал мне, и совсем уж неожиданно предлагал: «Давай я тебе денег дам, чтобы ты меня отпустил». Я поразился: «А зачем ты сюда залез, если у тебя деньги есть?» Потом на суд пришел, меня спросили: «Что вы хотите, чтобы с ним сделали». Говорю: «Накажите по закону». Чем закончилось – не знаю. Мне это не было интересно.

Вообще-то со мной всякое приключалось. Зимой 2003-го произошел инцидент на сборах. В испанской Ла-Манге, на той же норвежской базе, где Семин годами раньше нас за пивом поймал. Играли контрольный матч с каким-то клубом из Норвегии, а там рыжий нападающий – все время бил, провоцировал, что-то явно мерзкое кричал.

Ну и допек меня. Я ему сначала кулаком в лицо дал, а потом еще ногой добавил. Семин бежит: «Ты что делаешь, сумасшедший?!» Меня уже держат, а у этого рыжего глаза такие: уберите, мол, отсюда этого ненормального!

Когда красную дали, я пошел оттуда в гостиницу через все поля, на которых люди другие матчи играли – вообще себя не контролировал. Но никто слова не сказал.

Через какое-то время Семин ко мне в домик заходит, садится и говорит: «Ну что, идиот? И тебя дисквалифицируют, и всю команду!» А ведь турнир проходил под эгидой норвежцев, они все

и организовывали. Но я-то еще не остыл, говорю: «Мне все равно».

Он злится: «Нас же сейчас отсюда выгонят, кто сборы будет оплачивать – ты, что ли?» – «Я заплачу, успокойтесь!» Вроде бы главный тренер говорил разумные вещи, которые должны были меня смутить. А я сижу спокойный как танк: ну, нужны деньги – значит, отдам. Палыч, видимо, ждал другой реакции, а так только рукой махнул, буркнул: «Иди извиняйся…» и вышел из домика.

Ну, через пару дней, успокоившись, я пошел извиняться. Прямо к этому парню. Уладили всё. За сборы «Локомотива» как-то не хотелось платить…

* * *

Я относился к ЦСКА примерно так же, как Овчинников – к «Спартаку». И фанаты армейцев отвечали мне взаимностью. Во время одного из матчей они выпустили в воздух надувную куклу с надписью «Евсеев». По ходу матча я этого не заметил – увидел только потом в газетах. Видимо, они так отреагировали на какие-то мои обидные слова о ЦСКА в прессе.

По-моему, однажды я на эмоциях назвал «красно-синих» «командой-выскочкой». Конечно, ЦСКА – не выскочка. Я потом еще в газете принес им свои извинения и признал, что был не прав. Но от того, что именно их мы обыграли в золотом матче 2002 года, получил особое удовольствие.

А тогда на меня и Газзаев обиделся. Некоторое время не вызывал в сборную. Потом, в середине 2003-го, вызвал – на товарищескую игру против сборной легионеров чемпионата России. А у меня травма была – заднюю дернул. Врач ЦСКА, совмещавший должность со сборной, на это сказал: «Халявщиков вас что-то много развелось, не хотите играть!» Слышать это было обидно, но пришлось ехать на базу в Бор – по крайней мере, чтобы они удостоверились: у меня действительно травма. Иначе за неявку и в чемпионате дисквалифицировать могли.

Газзаев вызывает, я захожу к нему в кабинет. И у меня возникает ощущение полнейшего дежавю. Точно так же я когда-то заходил в Тарасовке к Романцеву. У того комната всегда была в тумане от дыма сигарет, а у Валерия Георгиевича – от сигар.

Газзаев смотрит на меня и говорит: «Почему ты так плохо отзываешься о ЦСКА? Ребята читают, всерьез воспринимают».

Думаю – сложный разговор предстоит, судя по началу. Но нет – разговорились, напряжение спало. Я даже извинился и пообещал, что впредь буду нормально говорить в прессе о ЦСКА. Уважаю Газзаева за то, что он переступил через личное, по-

человечески повел себя и решил поговорить. А то, что у меня реальная травма, он понял быстро. И врачи посмотрели, и вышел я только через два тура.

Надо сказать, вовремя – когда «Локомотив» в Лужниках грохнул «Спартак» – 5:2. У «Спартака» тогда стоял «один из лучших вратарей Европы», как уверяли Андрей Чернышов и Сергей Юран – венгр Шафар. Он до этого в Новороссийске получил три, а тут и мы пятерочку отгрузили. Больше Шафар за «Спартак» не играл…

А Газзаеву за что надо отдать должное – на тренировках он своих, армейских, не щадил. В первом отборочном матче Евро-2004 с Ирландией он заменил Ролана Гусева минуте на 25-й – не знаю уж, почему, меня тогда не вызвали. Но потом пригласили на матчи с Албанией и Грузией, хотя в «списке 59», который Газзаев опубликовал после своего прихода в сборную, меня не было. Видимо, к концу 2002 года я его своей игрой заинтересовал…

Помню предматчевую тренировку накануне игры с Албанией в Волгограде. Газик, как мы его между собой называли, поставил меня на левый фланг обороны и на двусторонке сказал играть против Гусева. Причем подчеркнул: «Пожестче». И когда я в одном из эпизодов Рола как следует окучил, он аж подскочил от радости: «Правильно! Продолжай в том же духе!»

И это при том что я – игрок «Локомотива», а Гусев – ЦСКА, который сам же Газзаев и тренирует! Это вызвало уважение.

На следующий день он выпустил меня на замену на 80-й минуте. И как-то так получилось, что футболка у меня была с 15-м номером, а трусы – с 16-м, тем, который я в «Локомотиве» носил. Почему так вышло – уже не помню. Но перед самым выходом на поле это обнаружилось, и массажист Михаил Насибов с пресс-атташе Алексеем Андроновым срочно заклеивали скотчем кусочек в цифре «6» у меня на трусах…

В том матче мы выиграли – 4:1. А через три дня мы играли в Тбилиси с грузинами. Я в заявку на матч не попал, на трибуне сидел. Во время игры на стадионе погас свет, и включить его так и не смогли. Помню, что, когда мы уезжали со стадиона, в наш автобус бросали яйца. Откуда болельщики их взяли – ума не приложу. Да и почему кидали – не мы же виноваты, что у них свет выключили.

* * *

Ни один человек – ни из руководства, ни из тренерского

штаба, ни из ребят – мне по поводу моих слов о любви к «Спартаку» замечаний никогда не делал. Потому что, во-первых, на поле я бился, а во-вторых, не лукавил, и все это знали. В ту пору, а главное – в том «Локомотиве» это можно было себе позволить.

Как и поспорить с Палычем. Семин – человек прямой. Если что-то накипело и скажешь в сердцах – поймет. Лучше пусть так, чем держать в себе, злиться и саботировать работу. Помню, он выговаривал мне в 2001-м: «Сегодня против «Торпедо-ЗИЛ» ты сыграл хорошо. А в предыдущем матче, с «Соколом», – слабенько». Я ответил: «Нет, Юрий Палыч, с «Соколом» играл отлично, вот с «ЗИЛом» – плохо…» Он только рукой махнул: «Ладно, иди тренируйся».

Был памятный момент, когда мы встречались с московским «Динамо» и горели к концу первого тайма – 0:2. В перерыве Семин нас, команду, обвинил в том, что сдаем игру. Овчинников вспылил, вскочил: «Вы не имеете права так говорить!» В итоге мы выиграли – 4:2. А тренер потом извинился…

Теперь не сомневаюсь, что Палыч таким образом нас просто заводил. Но после игры мы всей командой минут пятнадцать не заходили в раздевалку. Устроили забастовку. А Семин с Эштрековым сидели одни и понять ничего не могли: где все?

Не раз Семин во время занятий на меня кричал. А я в ответ уходил с тренировки. Но потом главный тренер ставил меня в состав, и я играл. Хорошо, когда у тренера на первом месте не личные амбиции, а футбол. Таких людей нельзя не уважать.

Был, правда, эпизод перед матчем с киевским «Динамо» в Лиге чемпионов. Накануне – двусторонка на втором поле стадиона в Черкизове. Минут за десять до конца Марат Измайлов пытался меня обвести, а я прыгнул двумя ногами. Сыграл в мяч, Марата не задел. Но он перелетел через меня, упал. К нему помчались доктора. Семин тут же дал финальный свисток. Я не сдержался: «Что, сынульку побили?» Но вот тут Палыча, видимо, это всерьез задело, потому что с Киевом в стартовый состав я не попал. Это, пожалуй, был единственный случай, когда я реально пострадал за свои слова.

Марата Палыч оберегал – он же очень талантливый, но «хрустальный». Помню, перед игрой на базе сидим, посмотрели телевизор, идем спать – а утром он с мениском просыпается. Бывало, тренировался только индивидуально, в командных упражнениях не участвовал – но на матчи выходил. А тут по нему вообще каток проехал…

У нас такое трепетное отношение Палыча к Марату воспринималось неоднозначно. С одной стороны, талант его

прекрасно знали – достаточно вспомнить, какой шикарный гол он «Монако» в плей-офф Лиги чемпионов забил. Но, конечно, хотелось, чтобы человеку можно было больше доверять и чтобы не было такого, что он засыпает здоровым, а просыпается больным. Страннее никогда никого в этом смысле не встречал.

Но не думаю, чтобы это было специально – наверное, действительно такое строение организма. Многое же от головы идет – а он еще очень мнительный. В общении – совершенно нормальный. Но то тренируется, то нет, то вдруг говорит: «У меня болит» – и уезжает в Германию лечиться. Нет, ну вот как может человек заснуть здоровым, а проснуться с мениском?! Это не преувеличение, такая история действительно была. Что для этого нужно сделать – упасть с кровати?

Талантов-то таких мало – вот Марат вернулся в Россию, в «Краснодар», и я поразился, какой он гол «Спартаку» забил. Шедевр! Тройную, по-моему, «стеночку» разыграли, и он мяч в ворота закатил. Но «Краснодар» – он же как старый «Спартак» играет, и Измайлову такой стиль очень подходит. И сам он, видно, в Португалии возмужал, опыта набрался.

«Краснодар» – это вообще явление в нашем футболе. Владелец клуба Сергей Галицкий, когда их еще Муслин тренировал, показывал мне всю их инфраструктуру, академию детскую. Это же с ума можно сойти – такое построить. Недаром Фабио Капелло сказал, что это лучшая детская академия в мире.

Будь Димка Лоськов на несколько лет младше, наверняка тоже бы в «Краснодар» попал. Под умный футбол, который любит Галицкий и ставит Олег Кононов, он подходит идеально. И ветеранам там не боятся давать шанс – и Широков в «Краснодаре» возродился, и Измайлов, и Быстров. У Лося-то уж это точно там получилось бы. А когда он заканчивал, в «Локомотиве» таких людей не чтили, а другой команды для него не нашлось.

* * *

Помню, как в последнем туре чемпионата 2000 года мы разгромили «Уралан» – 9:0. Вообще все залетало, я тоже отметился. А установка Семина была простая – все играем на Лоськова, чтобы он стал лучшим бомбардиром чемпионата. Три из первых четырех мячей Лось и забил. На этом, правда, остановился. Но и того хватило.

От Димы в нашей игре невероятно много зависело. Когда его изредка по каким-то причинам не было, мы чаще всего проигрывали. Поражала его «двуногость» – мало есть

футболистов, которые могут забивать дальними ударами и с левой, и с правой. Лось – один из таких уникумов, ему совершенно все равно было, с какой бить.

Из футболистов Лоськов – по сей день мой лучший друг, из того «Локомотива» мы только с ним по-прежнему семьями общаемся. Спокойный, надежный, с юмором. Настоящий мужик, который, если что-то сказал, – значит, так и будет. Иной ляпнет, что-то пообещает – ты знаешь, что обращать внимания на это не надо, так как слово этого человека не значит ничего. Лось – совершенно другой. Говорит немного, но каждое слово весит максимум.

Я не удивился, когда Лоськов попросил Филатова стать крестным его ребенка – а тот, конечно, согласился. Валерий Николаевич очень многое для Лося сделал. Когда-то и звал его настойчиво из «Ростсельмаша» в «Локомотив», и Дима только на второй год уговоров согласился. И уж точно потом об этом не пожалел.

У них с президентом клуба сложились великолепные отношения, и тот терпел некоторые вещи, которых другой руководитель терпеть бы не стал. В 2003-м, во время Лиги чемпионов, Димка развелся, очень переживал и в какой-то момент сорвался.

Дня два-три перед домашним матчем против киевского «Динамо» Лося не было, и никто не мог его разыскать. Где-то все-таки нашли, привезли. Под капельницу положили…

Ситуация вышла из-под контроля, и тогда Семин собрал актив команды. Были Овчинников, Хохлов, Сенников, Гуренко, я, еще, по-моему, Пашинин. Сидели в номере Палыча на базе и обсуждали, что с ним делать. Было предложение убирать – но мы попросили дать ему шанс. В итоге у Димки тогда отобрали капитанскую повязку, передали ее Овчинникову. Но в команде оставили. Допускаю, что и Николаич сыграл в этом не последнюю роль.

Лоськов на предыгровую тренировку вышел, и на Киев Палыч его все-таки выпустил, но уже не как капитана. И видно было, как бедному Лосю тяжело играть. Первый гол из-за его ошибки пропустили, и во втором тайме Палыч его заменил. Тем не менее выиграли – 3:2, и тема потихоньку сошла на нет. К нашему облегчению. А повязка к нему вернулась после того, как Овчинников ушел в «Динамо».

Сейчас в гости с Лоськовым друг к другу приезжаем, еще с игровых лет на охоту выбираемся. Компания обычно неплохая подбирается. Помню, в 2004 году после чемпионства ездили километров за триста от Москвы с Лосем, Вовой Маминовым и

бывшими локомотивцами – Сашей Смирновым по прозвищу Война, Алексеем Арифуллиным и нынешним главным тренером «Локо» Игорем Черевченко.

Проводить так время очень понравилось, но в плане добычи особо похвастать было нечем. Сколько раз с Димоном на кабана ездили – но зверь на меня не выходил. А вот одна охота ужасно обидно закончилась. Стрелков расставили в поле через тридцать метров, у каждого – своя тропинка. Смотрю вдалеке – откуда столько собак? Пригляделся – да это ж кабаны! Стадо несется прямо на меня.

Присел, жду, когда поближе подойдут, – остается сто метров, пятьдесят… Вскидываю ружье. И тут сосед все обломал. Зачем-то начал стрелять, промазал. Зверь ушел. И не вернулся.

Страха не было, кстати. Наоборот, чувствовал прилив адреналина. Важно помнить – когда завалишь зверя, подходить к нему сразу нельзя. Лежит и лежит. Дождись опытного егеря, который, если что – ножом его добьет. Мне рассказывали, как один охотник не утерпел, подбежал к кабану. Думал, мертвый – а тот раненый. Как дал с копыт – мужик к дереву отлетел и отключился. Когда в себя пришел, вращал ошалело глазами и не понимал, где находится. И это он еще легко отделался.

Я стрелял из «браунинга», который в 2002-м обошелся мне в три тысячи долларов. А вот у Лося оружия много. И нарезное, и двустволки. Димон – профи. А у меня был период, когда за три года ни единого выстрела не сделал. Зверь-то не выходит. Вот когда на уток охотились, я оторвался. Правда, из девяноста выстрелов в «молоко» ушли все, кроме первого. Если бы я в футбол так играл, меня быстро бы отовсюду выгнали…

Лось и по части рыбалки человек знающий. Тут, правда, в «Локомотиве» не было равных Нигматуллину. Это вратарское, вот Лев Яшин, говорят, рыбалку просто обожал. Как-то раз Нигма с Лосем поймали огромного карпа, когда вдвоем ездили на платную рыбалку на ВДНХ – есть там такой прудик. Рыбина – шестнадцать кило! Привезли его на базу, кинули в маленький фонтан, который у нас в Баковке на улице был. Но прожил карп недолго. Места мало.

Несколько раз с Нигматуллиным и я ходил на рыбалку. Он и так, и эдак, и насадку меняет – и ловит, ловит, ловит. А я закинул удочку, сижу и жду, когда будет клевать. Минут через тридцать вытащил – а червяка уже нет. Самое раздолье для Руслана было, когда Баковка реконструировалась, «Локомотив» снимал базу в Новогорске, а там внизу пруды были. Он оттуда не вылезал, нервы свои вратарские успокаивал.

А то, что диджеем после карьеры стал, – меня совершенно не

удивило. Он всегда искал себя в чем-то необычном. Молодец, что своим путем пошел. В «Локомотиве», кстати, он всегда ходил в наушниках, но для команды музыку в раздевалке никогда не ставил.

Сам-то я в музыкальном плане всеядный – что включено, то и слушаю. В машине предпочитаю спортивную радиостанцию. Вот дочка – меломан, да еще и танцами занимается. Правда, названия эти мудреные никак не запомню. Тяжело, не успеваю вникнуть. Это раньше было просто – брейк-данс, хеви-метал. А сейчас под одну песню шесть танцев станцевать можно…

Лоськов легко мог меня подбить на любые авантюры. Один такой прикол многие до сих пор вспоминают. Зимой 2004-го поехали на три недели на сборы во Францию, в среднегорье. Местечко Фон-Ромё, два часа на автобусе от Барселоны, час – до Андорры. Силенок набирали – вначале в горку ходили, чтобы привыкнуть к разреженному воздуху, потом уже начали бегать. Вверху бегали, внизу – игровые тренировки.

А там, где бегали, – горнолыжная база. В магазине лыжи стоят 700 евро, ботинки – 500. Я уже горными лыжами к тому времени увлекся, поэтому на второй неделе сбора не выдержал – купил. И очки горнолыжные тоже. Принес в номер, Лось увидел: «Отдам тебе тысячу долларов, если ты в этих ботинках и очках весь путь со сбора домой проедешь». По очкам, правда, договорились, что их только в самолете нужно носить. А вот ботинки – от гостиницы до Шереметьева. Семнадцать часов. Сели в автобус и поехали.

А Семин в аэропорт на машине рванул, он всего этого безобразия не видел. Встретил команду уже в очереди к металлоискателям. Палыч подходит, команда ржет, он вначале не поймет: что такое? Ему на меня указывают. Он за голову хватается: «Ой, ё..!» Это его любимое выражение.

Через рамку он прямо передо мной проходил – и тут уже настал его черед шутить. Он, смеясь, говорит полицейскому: «Проверь вот этого. Наверняка в ботинки что-нибудь припрятал». А тот все всерьез воспринимает: «Снимай ботинки!» А их, поди, снимешь. Пытался отбиться, говорил, что по-английски ничего не понимаю. Не вышло – пришлось снимать, а после рамки надевать по новой.

Так, в ботинках, и в duty free пошел, народ в аэропорту Барселоны повеселил. И в Москве тоже. Лось за выполнением условий спора внимательно следил, приговаривал перед посадкой: «Очки не забудь». Жена вместе с Ингой нас встречала, и они увидели меня в таком виде через монитор, когда мы багаж ждали. Таня заплакала и убежала – она у меня такие фокусы не

любит. В машине ждала. Говорила: «Почему у тебя детство еще не прошло?» Я думал: «А что, разве это плохо?»

А еще до этого, когда прошли зал прилета, Лось уже начал было звать: «Такси, такси!» Я ему: «Подожди со своим такси. Давай тысячу». Отдал…

Сейчас Лось учится в Высшей школе тренеров, в хоккей играет, воспитывает сына, который тренируется в футбольной школе «Локомотива». Постоянной работы у Димы пока нет, и для меня это поразительно: у нас что, много таких людей в футболе, чтобы ими разбрасываться и ничего дельного не предлагать? Конкретно – в «Локомотиве», для которого Лоськов, может, лучший игрок всех времен.

А пари устраивали мы часто. Серега Овчинников однажды на спор выпил графинчик оливкового масла. Оглядел всех и сказал: «Могу и табаско выпить». Но рисковать не стали.

Ну а я тем более не по части экстрима – ни пищевого, ни воздушного. Это в детстве на электричку сзади мог вспрыгнуть и одну остановку проехать – голова была дурная. И в Тарасовку ездил так, когда за дубль играл и на тренировку опаздывал. Хотя до такого, как у Хохлова с Липко, которые в пятнадцать лет свешивали ноги с крыши девятиэтажного дома и начинали пихаться, у меня не доходило.

А с едой я и в раннем возрасте экспериментировать боялся. Помню, по Китаю с молодежной сборной ездили – тот же Саня Беркетов пробовал всяких червячков-паучков. Я не рискнул.

Горные лыжи – это максимум. Никаких парашютов, тарзанок и так далее. Мне и на земле экстремальных вещей хватает. Как-то ехал по пустому автобану в Германии со скоростью 250–260 км/ч. Сердечко поднялось куда-то в область горла. Тут-то и подумал: «Зачем?» Тут же до двухсот сбросил. Адреналинчика хватило.

В России с Парфеновым в Иваново по хорошей Ярославской дороге развил 226 км/ч. От МКАДа доехали за два сорок пять. Опаздывали на тренировку, надо было чуть-чуть нажать на газ. Машина позволяет…

Поездить-то быстро люблю, хотя сейчас уже, с возрастом, спокойнее стал. А когда-то даже из «семерки» «Жигулей» 140 выжимал. В 2000 году привезли 420-й «Мерседес» – так я как 200 втоплю! У меня в той машине теща, ребенок, собака – всех тошнило. А мне хоть бы хны.

У меня с машинами особые отношения были. Как-то «Милану» в Лиге чемпионов дома проиграли – так я на следующий день пошел и «Лендкрузер» купил. Обиделся, что проиграли. Но я никогда машины не коллекционировал, возможностей для автопарка не имел. Всегда было два

автомобиля на семью – один мой, другой жены. Без излишеств. И спортивных супермашин вроде «Феррари» или «Ламборгини» у меня никогда не водилось, хотя однажды и возникло желание. Но тут как раз «Сатурн» обанкротился и с деньгами больше чем за полгода кинул – так что от идеи пришлось отказаться, причем, видимо, навсегда.

Помню, однажды «Локомотив» с «Ауди», который был его спонсором, устроили конкурс, кто лучший автогонщик команды. Сделали трассу на территории стадиона, посадили нас за «Ауди А4» – и мы в парах гнали по три круга наперегонки. Причем не только игроки, но и Коротков, и Мышалов. Молодой Ванька Старков только права получил – так чуть в ограждение не врезался и людей, там стоявших, не сбил.

В финал мы с Сычевым вышли. У него есть спортивная машина, он знает в этом деле толк, в перчатках пришел специальных. Но это Димону не помогло, я все равно выиграл. «Ауди» за победу, правда, не вручили. А шампанское было. Награждала нас Яна Чурикова, ну, я бутылку там и открыл, как в «Формуле-1», когда гонщик выигрывает. Всех, кто под руку попался, облил.

* * *

Если говорить о рейтинге самых нелепых травм на моей памяти, то с Измайловым и его мениском после сна может поспорить Женька Харлачев. Это случилось на сборе в Чокко, в Италии. В тренажерном зале, когда мы штангой занимались. Каждый блин был по 5 кг, и вот один там чуть-чуть отошел со штыря, и он решил поправить. А в зал пришел в сланцах.

Но поправить блин он решил не просто так, а ногой, главным образом – большим пальцем. После чего сразу несколько блинов, то есть 30–40 кило, упали ему на этот самый палец. Сломали, естественно. Он вылетел где-то на один сбор – но самое интересное, что именно с этого момента у него карьера и пошла наперекосяк. А ведь парень рассудительный, думающий. Но вот бывают же такие вещи!

И забавного много было. Шаман, наш массажист Вова Ткаченко, рассказывал, что в день той игры с Киевом, о которой я вспоминал в связи с Измайловым и Лоськовым, Борис Петрович Игнатьев, помогавший Семину, зашел к нему. И сказал, что накидал около пяти вариантов состава на игру и пять разных схем – выбирай, мол, одну. А играть надо через пять часов! Палыч засмеялся: «Да все уже давно решено, а ты мне за несколько часов

до игры схемы рисуешь…»

Народ у нас в «Локомотиве» был интересный, разнообразный. И ребята, и сотрудники команды, которых принято обслуживающим персоналом называть. Но это как-то неуважительно звучит по отношению к людям, которые вносят огромный вклад в успехи команды – такой же, как футболисты.

С тем же Шаманом сначала месяца на три-четыре в «Спартаке» в 1996-м пересеклись, а потом по новой – в «Локо». Шаман – потому что иголки нам ставил, по-нашему – шаманил. Еще мы его называли – Чикатило. Потому что очки носил, похожие на те, что на фотографиях у этого серийного убийцы были.

Но Вова – добрый. Рыбак, охотник. Как-то раз с одного выстрела уложил… охотничью собаку егеря. И массажист отличный. Правда, больно после его массажей было. Хочешь расслабиться – а он, наоборот, как втопит! И приговаривает: «Вот она, пошла, чувствую, чувствую!» Иной раз так больно, что еще сто раз подумаешь, идти ли к нему на массаж…

А Егорыч, легендарный администратор «Локомотива» Анатолий Машков? У него всегда все находилось. На старом «Локомотиве» была каморка, куда только он мог пройти, не нагибаясь. Что ни попроси – все оттуда выудит.

Это я знал, еще когда в «Спартаке» играл. В 1996-м, когда Лужники закрылись на реконструкцию, мы домашние матчи тоже на «Локомотиве» проводили. Мне что-то из экипировки потребовалось, и администратор «Спартака» Александр Хаджи, для которого не существовало слова «нет», к Егорычу за этим обратился. Тот мигом нашел!

А когда я уже в «Локомотиве» играл, стал канючить у него бутсы «Адидас» на тринадцати шипах – так называемые копочки. Их не было нигде – а он мне принес. То ли с кем-то поменялся, то ли у кого-то попросил. Позже сказал, что со стадиона «Динамо» их взял.

В общении дядька очень простой. Я и не знал до поры, что он сидел. Оказалось, много лет назад он не сдал людей, которые работали тогда в «Локомотиве» и на чем-то проворовались, взял всю вину на себя. Приговорили его то ли к пяти, то ли к семи годам.

А потом, когда он вернулся из заключения, клубом уже руководили Филатов с Семиным – и взяли его к себе. Никто его не трогал, он был символом команды. Не трогают и по сей день, хоть в клубе почти все люди сменились. Да, может, его и отодвинули, но в команде оставили. Нам он тюремных историй не рассказывал. Но многозначительно говорил: «Если будут

какие-то проблемы – обращайся».

С огромным уважением отношусь к врачу Савелию Евсеевичу Мышалову. Сколько раз он, уже находясь в почтенном возрасте, ставил меня на ноги! И ту клинику в Мюнхене для Полины нашел, и вообще помогал очень много. Мог спокойно точнейший укол в колено сделать – и ты совершенно по-другому начинал себя чувствовать.

И мне его всегда приятно встречать, и ему меня. Он постоянно говорит: «Таких людей, как ты, я мало видел». В смысле – бойцов. Сколько раз я, Евсеев, говорил Евсеичу: «Давай, коли – и я буду играть. Ничего не хочу знать!» И играл ведь.

В 2005-м получил мениск, на следующий день уехал в Германию, тут же сделал операцию. Через две недели встал и побежал – а ровно спустя месяц, день в день, после разрыва мениска уже играл на Кубок УЕФА против «Палермо» и чувствовал себя великолепно. И Мышалов был этим очень горд.

Быстрее – и это я видел своими глазами – после мениска восстановился только Валера Карпин. Это было, когда он играл в «Спартаке». Я это помнил – и верил в то, что такое возможно.

А Мышалов, по-моему, до сих пор работает в интернате «Локомотива». Там есть медицинский центр на первом этаже. Дай Бог ему здоровья. В Бога я, кстати, верю, хоть обряды и не соблюдаю и в церковь хожу редко. Думаю, что без веры не будет ничего…

Еще один наш доктор той поры – Александр Ярдошвили – известный весельчак. Мы его называли – Сказочник. Такие захватывающие истории рассказывал! А Овчиников говорил: «Что вы ему верите, уши греете?»

Правда, кое-каким из этих историй я сам был свидетелем. Когда-то для «Локомотива» купили и привезли из Германии машину «Скорой помощи», «Вольво», Эдуардыч на ней ездил по Москве с сиреной. Включал и гнал без пробок, хотя никаких пациентов в машине не было. А что, удобно!

Чем Ярдошвили хорош – над ним всегда пошутить можно было, и он юмор нормально воспринимал. Не случайно же мы всегда собирались в медкабинете, и Семин это приветствовал. Я начинаю Эдуардыча травить: «Чё ты колешь? Чё ты даешь?» Изображаю, что с агрессией, хотя абсолютно без нее. Он дает таблетки, я реагирую: «Что, я без таблеток не побегу? Нет? А если выпью, побегу, да? Ребят, значит, всё спокойно, доктор обещал: завтра выиграем!»

Таких историй, как с бромантаном в «Спартаке» в 2003-м, у меня в карьере не было. Слышал от ребят, как Максим Деменко после замены пошел на другую скамейку, и много других

историй. Но сам в них, к счастью, не попадал.

Хотя, в свою бытность в «Спартаке», помню, мы кровь ездили переливать в какой-то медицинский центр на Павелецкой – кажется, Институт хирургии имени Вишневского. Сдавали, а перед Лигой чемпионов переработанную кровь нам переливали. За нее клуб платил в клинику по тем временам хорошие деньги – 4 тысячи долларов. Позже это переливание запретили, допингом объявили. А в «Локомотиве» вообще напрямую делали: из вены брали – в задницу кололи. Потом так тоже стало нельзя делать. Еще неотон кололи, но это обычное средство для сердца. Хотя, по-моему, и его с какого-то момента в спорте запретили.

В целом же я врачам, с которыми работал, всегда доверял – и, слава богу, я ни в чем замешан не был, в отличие от того же Егора Титова, попавшего в неприятную историю с бромантаном. К счастью, в «Спартаке» я был не во времена тех горе-специалистов, из-за которых Тит на целый сезон оказался дисквалифицирован. Нашему врачу в «Спартаке» Юрию Сергеевичу Василькову доверял абсолютно, и даже много лет спустя в сборной, когда он предлагал выпить какую-то таблетку или порошок, не спрашивал его, что это такое. Потому что знал: это надежный человек, он отвечает за свою работу. Так же было с докторами и в «Локомотиве», и потом в «Сатурне».

* * *

Ну и игроки, конечно, тоже людьми были интересными – каждый по-своему. Тот же Заза Джанашия – вот колоритный экземпляр! С ним не соскучишься. Лучшие его годы в «Локомотиве» случились еще до того, как я пришел, но легенды о нем ходили – например, что, только приехав в Москву и сев за руль, Заза три круга подряд по МКАДу дал…

Вначале, правда, он попытался меня на место поставить, когда я в команду пришел. Говорит: «Слюшай, ты кто такой вообще? Я в Кубке забивал, там-то, там-то…» Я смеюсь: «Слышь, я четыре раза чемпионом был. Это ты кто такой?» А Палыч, оказалось, рядом стоял, весь этот диалог слышал. И как заржет! Мы с Зазой в тот момент походили на Паниковского с Балагановым из «Золотого теленка». А дискуссия эта возникла перед тренировкой в квадрате, когда решалось, кому из нас с ним внутрь заходить.

Я от Зазы не раз в осадок выпадал. Спрашивает меня: «Ты вообще откуда?» Честно отвечаю: «Из Подмосковья». Он: «Вот и сиди в своем Подмосковье! А я – москвич!» Вся команда упала.

Семин на тренировках с Джанашией всегда на деньги играл – например, когда надо было попасть в маленькие ворота с центра поля. И, что поразительно, тренер всегда выигрывал!

А Заза с такой свитой всегда на своей машине приезжал… Иногда машина была покоцанная, да и на лице у него какие-то следы. Он нам всегда сказки рассказывал: «Вай, ехал, ехал, меня закрыли с двух сторон – а я их всех раскидал вперед-назад и уехал!» Я говорил ему: «Пока у тебя деньги есть, вся эта публика рядом с тобой, а закончишь играть – и где они будут?» Так и вышло.

Жили они всегда в номере с Андрюхой Соломатиным. Захожу иной раз к ним в номер, там все разбросано, вещи чуть ли не на потолке висят. Надевали первое, что под руку попадется. И подходили в этом плане друг другу, потому что человек, привыкший к порядку, с кем-либо из них не выдержал бы и пары дней. Зато видеокассет с фильмами – в основном старыми советскими, вроде «Мимино» – Солома брал с собой целый чемодан. Так что нам было на что убить время сборов, да и в автобусе, пока, скажем, часов пять от Милана до базы в Чокко ехали.

Еще Солома был игроманом, проигрывался иногда – мама не горюй. Я уже рассказывал о том, как его обыграл Нижегородов, но это был далеко не единственный случай. Он вообще во все играл – от казино до спортивных ставок, причем на все, что только можно. Помню, прилетели с «Торпедо» из Владикавказа в Кисловодск на восстановительный мини-сбор. Так он на тренировку ноутбук притащил. Бежим вокруг поля, и на каждом круге Соломатин, пробегая мимо скамейки, в компьютер заглядывает, на пару кнопок нажимает – и дальше бежит. Оказалось, он теннисные ставки онлайн в этот момент делал.

Сам-то я только один раз поиграл как следует – вместе с Зауром Хаповым в Марбелье. Пошли втроем с Неманьей Вучичевичем – но тот был в спортивном костюме, и его в казино не пустили. Играл в основном Хап. И мы выиграли тысячи четыре долларов! И нашли в себе силы уйти, денег не спустив.

Да, так о Джанашия. В какой-то момент он растолстел, а потом в Корею играть уехал. Вернулся – совсем другой, худой! Спрашиваем: «Что с тобой?» – «Ну не буду же я этих собак есть!» Какое-то время после возвращения еще прилично играл.

В финале Кубка 2001 года против «Анжи» именно Заза нас спас. На 90-й минуте Нарвик Сирхаев, который потом в «Локомотив» перешел, открыл счет, а на четвертой добавленной Джанашия с лета сравнял, хотя у махачкалинцев в воротах, по-моему, полкоманды стояло. «Анжи» три замены подряд сделал в

добавленное время, но на 95-й от судьбы не ушли. Черевченко прострелил, Заза пробил, а я от мяча увернулся. Надо бы Гаджи Муслимычу эту историю напомнить – чуть-чуть из-за меня, получается, Гаджиев без трофея остался. Мы выиграли по пенальти, но я уже за серией со скамейки наблюдал – меня заменили. Что, может, и к лучшему: пенальти – вообще не моя тема.

Мне, кстати, пару важных кубковых голов за «Локомотив» тоже довелось забить. В том розыгрыше, когда победили «Анжи», полуфинал играли в Саратове против «Сокола» – и я при 0:0 на первой добавленной минуте победный забил. А годом ранее в финале против ЦСКА сравнял счет, и мы в итоге 3:2 в дополнительное время выиграли. Отобрал мяч, рванул из глубины, Лось забросил за голову защитнику, и я, ворвавшись в штрафную, первым касанием как дал правой с подъема – Окрошидзе, их вратарь, ничего не смог сделать.

Думаю, тот гол тоже помог мне быстро самоутвердиться в «Локомотиве». Тем более что мы красиво тот финал выиграли – сначала в дополнительное время Булыкин рванул со своей половины поля и забил, а потом, когда у них в обороне людей вообще не осталось, – Цымбаларь так же с полполя один на один убежал и вратаря обвел. Тот Кубок стал для меня первым трофеем в «Локомотиве».

Моего мытищинского земляка Олега Пашинина до такой степени все называли Пашей, что я (да, думаю, и не только я) в какой-то момент забыл, как его реально зовут. Вроде Паша, а вроде и нет. А, точно, Олег!

Ему довелось не просто в Японии поиграть, а в самой Хиросиме – той самой, на которую американцы во время Второй мировой атомную бомбу сбросили. Пашинин рассказывал, что город там отстроили просто сказочный. Но люди помнят то, что произошло, и никогда про тот день не забывают.

Дрозд, Юра Дроздов – работяга, очень колючий, был всегда заряжен на борьбу. Если с ним близко играешь, то он, пробегая рядом, может даже тебе на ногу наступить. Совершенно случайно. Просто такой у человека настрой, что, когда идет на мяч, никого не видит и ногу ни при каких обстоятельствах не уберет.

Его вытеснил из состава Вова Маминов, который до того то играл, то нет, а в начале 2000-х закрепился в составе. Интеллигентный парень, важную роль играл в том «Локомотиве». И техника, и пас, и обводка, и удар – все при нем было.

Я очень удивился, когда узнал об их недавней размолвке в штабе «Рубина», где он помогал Ринату Билялетдинову. Причем узнал от нескольких людей сразу.

Ринат Саярыч показывал, что надо делать, а Вова даже при нем или в стороне говорил: «Да это все не то, неправильно». Я сейчас тоже тренерским делом занимаюсь – и знаю, что если главный тренер на поле показывает, что надо делать так, то помощник не имеет права возражать. Не дело это, а вот за пределами поля как раз хорошо, когда тренеры спорят. Но это должно оставаться внутри штаба.

Эту историю и Дима Кузнецов рассказывал, бывший капитан ЦСКА и другой помощник Билялетдинова, и экс-капитан «Рубина» Рома Шаронов, с которым мы в локомотивской школе вместе занимались, а потом на чемпионате Европы 2004 года играли. Футболисты-то между собой общаются, поэтому шила в мешке не утаишь.

Может, у Маминова и получится в роли главного тренера. А за Саярыча, который столько лет дубль «Локомотива» возглавлял, я рад: у него в Казани вроде бы все пошло (автобиография записывалась до того, как в сентябре 2015 года Билялетдинов после неудачного старта в новом сезоне был уволен. – *И. Р.*). В него же после Бердыева никто не верил, давайте откровенно. Многие люди косо смотрели на то, как он тренировки проводит, какие задания дает. А он на молодых ставку сделал и не прогадал.

Вот кто мог подумать, что тренер того же Руслана Камболова реанимирует? Когда-то пересекался с ним в дубле «Локомотива» – и думал, что он уже закончил, едва начав. А он сейчас выходит – и в порядке! Это заслуга Билялетдинова, который в него верил.

Это его видение! Нас так и учили в школе тренеров: «Мы вам даем азы, шаблон, чтобы у вас какая-то база была. А тренировать вы, конечно, будете по-своему». Никогда ты не сможешь кого-то скопировать – и получить тот же результат. Только свое!

Очень жалко, что Игорь Чугайнов чемпионом так и не стал. Наш капитан, самый авторитетный в команде человек, с которым всегда было интересно поговорить – и о футболе, и о жизни. Умный человек. Как раз в начале чемпионского 2002 года он почувствовал, что возраст берет свое, и решил уйти в «Уралан».

Неожиданное для меня было решение. Может, деньги там хорошие предложили… Подождал бы годок, может, даже не всегда в основе, – но выиграл бы «золото», которого более чем заслуживал. Одним только тем голом АЕКу, который вывел команду в полуфинал Кубка кубков, да и еще много чем…

А заменил его в центре обороны Сергей Игнашевич, перешедший из «Крыльев». С первого же дня в команде не тушевался, хотел себя показать. В чемпионство 2002 года он вложил многое. К его решению уйти в ЦСКА мы отнеслись

нормально. А что можно было сделать? Ведь он сам потом в интервью говорил, что ему предложили зарплату в семь раз больше, чем у нас?!

Леху Смертина я в «Локомотиве» совсем чуть-чуть застал – в сборной видел его гораздо больше. Мотор, не переставая и оборонялся, и атаковал. Да и приглашение из «Челси», и то, что он у Жозе Моуринью там чемпионом стал, многое о нем как игроке говорит – пусть он и не был в Лондоне основным игроком.

Но вопросы вызывает то, чем он занялся после карьеры. Работал в «Локомотиве» у Смородской, сейчас в «Динамо» – но что именно он делал, никто точно сказать не может. Зато вот убрал из дубля Дроздова – при том что в разговоре с ним удивлялся, почему с Юрой не продлевают контракт.

Мы обо всех этих странностях говорили на встрече, посвященной десятилетию чемпионства 2004 года. И тогда Семин произнес на эту тему фразу: «Для меня его больше не существует». Тут нам многое стало понятно.

Булыка, Дима Булыкин, не реализовал свой талант и на десять процентов. Какой он гол в финале Кубка 2000 года ЦСКА забил, причем в овертайме! Взял мяч на своей половине, протащил метров шестьдесят и под перекладину вколотил. Пока под сотку не стал весить, от кого угодно убежать мог, если ему на ход дать.

Но слишком уж он был на позитиве, слишком уж его было трудно разозлить. В жизни это, может, и хорошо, но в спорте – не очень. И лень все перевесила. Переоценил свои способности. Уже в «Динамо» Семин кричал ему фразу, ставшую знаменитой: «Булы-ыкин, ва-арежки сними!» Прежде чем что-то сделать на тренировке, спрашивал: «А зачем?», «А почему?» И не потому что реально разобраться хотел, а потому что лень было работать…

Зато по-английски говорил и в мобильных телефонах разбирался, как профессионал. Чуть что случится, Палыч ему: «Ну-ка посмотри, что тут с телефоном». Пять минут – и он разбирался. Если б еще на поле так!

Но Булыка-то хоть до тридцати с лишним доиграл – ему помог переезд в чемпионат Голландии, где футбол открытый, об обороне никто не думает – только об атаке. Он и в «Аяксе» здорово играл, и в других командах. Но я тогда еще сказал – если в Россию вернется, опять перестанет забивать. И точно – в нижегородскую «Волгу» перешел, и как отрезало. Так больше пока команду и не нашел.

А Руслан Пименов до тридцати вообще не доиграл. Он любил не футбол, а себя в футболе. Хотя в двадцать лет на чемпионате мира в основе сборной в Японии играл! И Палыч повторял:

«Пименов динамику дает».

Как он начал – все за голову схватились. «Локомотив» рвет «Гамбург» на сборах – 6:1, Пименов три кладет. «Байер» – 6:0 – опять трешка. Короче, он там назабивал, его немцы сразу покупать хотели – а его только в первую команду «Локо» взяли!

В 2000-м ему было восемнадцать. В первом туре минуте на тридцатой аут ему кидаю, от него мяч отскакивает, и в кутерьме Лоськов ему коленом в висок попадает, и Руслана с поля уносят. Потом ребята рассказывали: он сидит на лавочке, спрашивает: «А что я тут сижу? Почему?» Такое вот у него было боевое крещение. На месяц выбыл, лежал по больницам. Но в начале карьеры никогда не останавливался, бегал, «душил» защитников. Но недолго это продолжалось.

Они уже в «Динамо» с Андреем Кобелевым зарубились. Съездил после травмы на реабилитацию в Германию, вернулся, тренер попросил его пройти проверочную беговую программу подготовки. Так Пима проверяться не захотел, заявил: «Я и так готов». На этом все и закончилось.

Нет, я не скажу, что он сильно не дружил с режимом. Со здоровьем у него не все хорошо было. Аритмию сердца, например, нашли. Давление и пульс поднимались резко. Когда беговую работу делали – Семин ему всегда ее либо сбавлял, либо вообще убирал.

Но по ночным клубам и Пименов, и Булыкин были специалистами. Все места знали. В том же «Гараже» с Пимой много кто тусовался – то Измайлов, то Билялетдинов, то Сычев…

* * *

Легионеры у нас были разные, но вспоминаю больше о хороших. Из южноамериканцев и африканцев на ум прежде всего приходят Джейкоб Лекхето и Франсиску Лима. Бойцы и отличные ребята!

Когда люди видят, как футболист отдается игре, ни для кого не имеет значения, из какой страны он приехал. А вот если кто-то начинает баклуши бить – местные об этом сразу вспоминают. Это закон, и работает он везде.

А Лима не только самоотдачей, но и мастерством брал. Все-таки бразилец поиграл в серьезных клубах итальянской серии А. Очень мастеровитый, здорово «Локомотиву» помог в 2004-м.

Потом перешел в «Динамо» – и то, что у него там не получилось, думаю, вина не его, а разобщенного коллектива, в который он попал. Один человек, тем более иностранец, не может

собрать команду воедино, если в ней есть несколько лагерей. Пришел Лима в и без того единый коллектив в «Локомотиве» – и сделал его еще сильнее. А в «Динамо» изменить что-то оказалось не в его силах.

Приятно было прочитать, когда Лима, уже играя в «Брешии», давал интервью «Спорт-Экспрессу» и сказал: «Не предполагал, что Евсееву, душе команды, придется ее покинуть. Он один из тех, кого можно было назвать несущей конструкцией «Локомотива» и на ком во многом держался характер этой команды». Со своей стороны могу сказать, что в сезоне 2004 года этот характер держался и на Лиме.

Со всеми, кто адекватно относился к клубу, у меня были нормальные отношения. Не любили меня только те, кто вел себя некрасиво, ставил себя выше коллектива. Я говорил им об этом прямо. А Лима чем-то на меня похож. Или я на него. Поэтому у нас и сложились такие добрые отношения. И он, и я достигли в карьере того, чего достигли, не какими-то особыми техническими качествами, а желанием играть, биться и побеждать. Лима в «Локомотиве» всем все доказал на поле. А как он радовался тогда в чемпионском автобусе из Ярославля, как врубил на весь автобус свою бразильскую самбу и полуголым под нее отплясывал! Просто красавец.

Я и к соперникам-иностранцам относился хорошо или плохо в зависимости от того, как они себя вели. Кто достойно – вопросов нет, у меня было только уважение. Но вот играл в «Динамо» серб Короман, трусливый парень. Сам из стыков ножки убирал, а исподтишка бил. Раз специально в меня шипами въехал – футболисты такие вещи точно чувствуют. Так потом я с ним не церемонился. В каждом матче получал от меня по ногам, хотя, как я уже говорил, по полной программе поквитаться с ним не удалось.

Таких игроков не уважаю. На поле всегда видно, кто и что представляет собой в обычной жизни. Полной противоположностью Короману, например, был молодой парень из «Рубина» Ленар Гильмуллин. Вот это был футболист. Когда играли друг против друга, у нас шла хоть и жесткая, но настоящая мужская борьба. Оттого так близко к сердцу принял его гибель…

Но вернемся к нашим легионерам. Сколького же мог добиться Джеймс Обиора! До сих пор помню, как его привезли на просмотр в Баковку. Играли двусторонний матч, и он с ходу из самих Игоря Чугайнова и Игоря Черевченко, основных наших центральных защитников, обормотов сделал. Обоих там по два раза обыграл, убежал и забил. Сразу стало понятно, что это – игрок, и его взяли.

Легкий, со сменой скоростей, такие переступы делал… Четырнадцать голов в первом же своем сезоне за «Локомотив» забил.

А потом бездельничать начал. Думаю, он просто хотел за границу уехать, поэтому так себя и вел. Но его вовремя не продали, что так здорово умеет делать Гинер в ЦСКА. Взять случай того же Думбия…

Обиору с Лекхето, бедных, на сборах на гладких лыжах заставляли кататься. Однажды Семин во Франции всю команду на лыжи поставил. Джеймс с Бобо как встали – так и остались стоять. Не знали, как и куда двигаться. Шаман в спину их подталкивал, чтобы катились. А потом мы всей командой на гладких лыжах поднимались на горнолыжный курорт, и люди на нас как на идиотов смотрели. Но мы-то люди советские, привыкли с горок на обычных лыжах съезжать. А югослав Вучичевич, которого привезли в нагрузку к Обрадовичу, как увидел какую-то крутую горку, снял лыжи и пешком вниз пошел.

Обычно ошибок с легионерами Филатов с Семиным не делали. Правда, изредка на просмотр таких «пассажиров» привозили… Димка Хохлов в интервью вспоминал, что как-то на сбор «Локомотива» приехал защитник из Южной Америки. Мощный, рост под два метра. Поглядывали на него с уважением. Но когда вышли на поле, выяснилось, что он чуть ли не впервые мяч увидел. Останавливал так, что казалось, проткнет его шипами. Даже не уровень второй лиги!

А под конец тренировки он еще с двух ног мне засадил, я рухнул и долго не поднимался. Думали – перелом. Не подтвердилось, но больно было прилично. Врачи сделали заморозку, я встал, поковылял к раздевалке. Обернулся к Семину: «Палыч, надо брать!» От смеха вся команда согнулась пополам. После тренировки парня моментально отправили восвояси. А Семин с кем-то из агентов потом громко ругался по телефону: «У вас совесть есть? Кого привезли?!»

Кстати, как-то вот так получалось, что все легионеры в том «Локомотиве» так или иначе учили русский – с командой-то надо общаться! Даже Кингстон – и тот говорил. А Лекхето – вообще как будто здесь родился.

Дима Сенников был единственным, кто принял его приглашение и сгонял к Бобо в гости в Южную Африку. Он вообще любит экзотические путешествия. И вообще выделяется в плане развлечений – дружит, например, со всем Comedy Club и вообще многими актерами. Стихи пишет – он нам читал, я в шоке был! Я как-то в Питер заезжал домой к Димке Бородину – и Сеня тоже появился. У меня, говорит, пятьдесят пять стихотворений!

Вот что жизнь с людьми делает.

«Надо песни, – говорю, – записать, чтобы было написано: «Стихи Дмитрия Сенникова». Отвечает: «Для этого припев нужен, чтобы все его запомнили. А у меня его нет». Серьезные стихи, про любовь. Или в Прагу съездил – про столицу Чехии написал. Во фантазер! В команде он всегда самым интеллигентным был, по нашим представлениям – странным. Чтобы он кричал или матерился, я от него и в игровые годы не слышал.

Более того, в последнее время он вроде как начал рисовать картины. По телевизору даже показывали его портрет Фабио Капелло в должности тренера сборной России. Правда, некоторые из наших начали сразу смеяться – да ладно, какое там, кто-то за него нарисовал, а они договорились, что за Сенино творчество выдавать будут. Ничего по этому поводу сказать не могу – но кто знает? Сам я его на эту тему не спрашивал, а когда мы играли вместе, он ничего не рисовал. Разве что соперникам по ногам…

В 2003-м мы играли последний матч сезона в Лондоне с «Арсеналом», а оттуда Сеня с женой полетели прямым рейсом в ЮАР. За ними приехал Лекхето на «Мерседесе» – и повез к себе в деревню. Страшновато, конечно, но съездил вроде без приключений. Приехали к нему в трущобу, народец черный окружает такси, Бобо выходит: «Это со мной». Разошлись. А так бы – не разошлись…

Когда и где он заболел СПИДом – понятия не имею. Вообще, информация шла противоречивая – то говорили, что он умер, потом – что жив, затем – что теперь уже точно умер.

Крайнего защитника Милана Обрадовича в команду взяли, когда я в 2001-м сломался. Может, его и так хотели купить, но тут еще такое совпадение с моей травмой случилось. Я увидел это дело – и понял, что будет тяжело. Что надо начинать все сначала. И начал. И мне плевать было на разговоры, что у него чуть ли не самая высокая зарплата в команде. Будешь играть лучше – все равно место отвоюешь, какой бы зарплата ни была.

Так и вышло. Обрадович играл в основном составе, вроде нормально, я через полгода приступил к тренировкам. А с лета 2002-го вернулся в состав и место свое уже никому не отдал. Милан был в ротации, потом стал запасным, а затем ушел в «Боруссию» из Менхенгладбаха. Потом он много лет играл в харьковском «Металлисте». Хороший защитник, но конкуренцию у меня выиграть не смог.

Наверняка все время находиться в составе – то на одном краю, то на другом – мне помогало то, что я «двуногий». Правая получше, но левая тоже ничего. И голы ей забивал, и передачи результативные отдавал – проблем не возникало. И не сказать,

что я левой что-то сверхъестественное делал, чтобы ее подтянуть. Просто и во дворе ей старался бить и пасовать, и в школе на тренировках, и в играх. Не убирал все время под правую, как многие.

Чуть позже я нашел общий язык с двумя другими отличными защитниками из бывшей Югославии – Браниславом Ивановичем и Эмиром Спахичем. Они и по-русски спокойно говорили, и мы их за легионеров как-то и не считали. У меня с обоими сложились хорошие отношения, но люди они были очень разные. Например, Иванович – боец, терпит боль, а Спахич – нет. Может в сторону уйти, сразу замену просит.

Гуренко убежден, что Спахич однажды сдал игру в Самаре. Дескать, принесли от «Крыльев» на команду, но он как ветеран сказал: «Эти деньги нам счастья не принесут». Однако потом вроде как Спахич и еще один футболист все-таки втихаря взяли. Но это было уже после моего ухода из «Локомотива», игры этой не видел, и сказать, как было в действительности, сложно. То, что я не видел своими глазами, – для меня все равно слухи. Гуренко вправе это утверждать, потому что он находился в команде, а я – нет. Игрок же Спахич был сильный.

Но все-таки с гнильцой. По характеру непростой, колючий, поговорить любил, и не всегда мирно. На поле исподтишка мог сопернику какую-нибудь гадость сделать. Да и в коллективе разное случалось. У меня до сих пор перед глазами его конфликт с Шамилем Асильдаровым. Того понять можно – человек южный, вспыльчивый. Спахич ему: «Я твою маму…»

В раздевалке Асильдаров ему вмазал разочек – и тот сразу побежал жаловаться председателю совета директоров Сергею Липатову, с которым у него были особые отношения. И на следующий день Шамиля из команды убрали. До этого никогда такого не было.

Нет, драки случались: Руслан Пименов с Андреем Лавриком на сборе в Германии во время двусторонней игры поцапались, Семин их прогнал с поля и сказал бегать по кругу. Они побежали в разные стороны – а когда встретились, Лаврик Пименову как дал – губа в кашу превратилась. Лаврика оштрафовали тогда. Нормальный, кстати, парень – после моего прихода он ведь сел на лавку, но на меня не окрысился. Конкурировали, но отношения были совершенно обычные.

А к таким вещам, как та драка Пименова с Лавриком, Семин спокойно относился. Более того, у него была фраза, типичная в конце сезона: «Вы что, морду не можете друг другу набить? Значит, что-то не то в команде происходит!» Он имел в виду, что все слишком гладко. В конце сезона многие друг друга уже видеть

не могут, и какие-то страсти должны быть.

Палыч считал, что если какая-нибудь драка случается, значит, все в порядке, коллектив живет естественной жизнью. А когда тишь да гладь – это не то. При нем Асильдарова точно бы не отчислили.

Впрочем, лично у меня к Спахичу никаких претензий не возникало. Для меня по гнилости и неуправляемости никого равного Бикею за все время в «Локомотиве» и близко не было. А с Эмиром мы общались нормально.

Бранислава Ивановича, или Бано, как его все называли, за пределами поля не видно, не слышно. Человек спокойный и рассудительный – кроме одного эпизода, когда они с Малхазом Асатиани сцепились. Зато как на поле работал! Великолепный парень – и в футболе, и в быту. Не зря потом не просто в «Челси» оказался, а закрепился и уже много лет незаменим в таком клубе. Все по справедливости.

Очень приятно было однажды прочитать в «Спорт-Экспрессе», что Иванович сравнил меня по самоотдаче и характеру с Джоном Терри. Иногда с Бано созваниваемся. В тульском «Арсенале» сейчас играет черногорец Младен Кашчелан. Как-то позвонил ему, а они, так сложилось, вместе тренировались. Младен передал трубку Ивановичу, поболтали.

Бано всегда был мужиком. Ребята в интервью рассказывали, что уже после моего ухода в 2007-м, когда Анатолий Бышовец отправил Лоськова в дубль, он в знак протеста отказывался выходить на полуфинал Кубка со «Спартаком». Сам я этого, не будучи в команде, не видел – но, если так, абсолютно не удивлен.

Кстати, тот же Бышовец гордится раскруткой Ивановича, везде рассказывает об этом. Но отчего-то не упоминает, что в команду его взял Муслин…

> ***Бранислав Иванович,*** *защитник «Челси»:*
>
> *– Вадим Евсеев и Джон Терри немного похожи – не знаю уж, кто на кого. Всегда говорят то, что думают, много шутят. Иногда, наблюдая за Терри, ловил себя на ощущении, что Вадик сделал бы то же самое. Он – огромная часть истории «Локомотива». Как и Дима Лоськов, Володя Маминов, Олег Пашинин. И конечно, Юрий Павлович Семин…*

Для меня не стало большим откровением, что Бано смог в «Челси» так себя проявить. Бывали ведь подобные примеры с игроками из бывшей Югославии, выступавшими в России, и раньше – Неманья Видич в «Манчестер Юнайтед», Ивица Олич в «Баварии». Тогда как наши игроки, если и уезжали, то могли

сверкнуть ненадолго, а потом затухали.

Тот же Аршавин сделал за «Арсенал» «покер» в ворота «Ливерпуля» на «Энфилд Роуд» – я видел это в прямом эфире и был в шоке. А потом, наверное, он переоценил свои возможности. Там же каждый день пахать надо, на каждой тренировке, в каждом матче. По играм же «Арсенала» было видно, что, начиная с какого-то момента, он уже больше стоял, чем бегал.

Он стал больше в оттяжке играть, передачи раздавать. Но чем Андрей был более всего ценен? У меня перед глазами до сих пор стоит домашний отборочный матч сборной с Уэльсом на «Локомотиве» в 2008-м. Аршавин тогда два раза протащил мяч, взрывную, скоростную работу провел, – и валлийцы дважды забили в свои ворота после его обостряющих передач. Поработал как следует на команду – и вот результат. А беречь себя и только передачки раздавать – это в Англии не пройдет…

Аршавин, наверное, действительно лучший игрок России двухтысячных. Но с сильнейшими ребятами из 90-х, считаю, его не сравнить. Тем же Мостовому, Шалимову, Добровольскому – по «голове», то есть игровому интеллекту – Аршавин все же немного уступает. Шалимов в «Спартаке» квадрат пять на три мог десять минут катать и ни разу внутрь не зайти. Вот это было понимание игры! Недаром он играл в «Интере» в то время, когда там всего три иностранных футболиста на поле могли выходить. В заявке могло быть четыре, а играть – три. И он был среди них. Это же о чем-то говорит.

* * *

На банкете после победы в матче Лиги чемпионов в Стамбуле над «Галатасараем» я мог запросто сказать, что такой стандарт, с которого я забил победный гол, мы с Лосем в сборной у Газзаева наигрывали. Знал, что Семин мне за это ничего не сделает. А многие другие тренеры поступили бы по-другому. Тем более что мы и в «Локомотиве» наигрывали то же самое…

В той Лиге чемпионов мы в первых четырех матчах набрали всего очко – но два из них провели с явным фаворитом группы «Барселоной», которая в итоге одержала в группе шесть побед. И вот, когда мы играли с ними на «Ноу Камп», как раз в себя и поверили. Да, может, у каталонцев был и не стопроцентно основной состав, но и Пуйоль играл, и братья де Буры, и Рикельме.

И мы играли с ними на равных, создавали моменты. Обиора при 0:0 не забил, когда вратаря уже обыграл и в воротах

оставался один Пуйоль, – в него мяч и засадил. А в итоге мы атаковали-атаковали, но на 82-й минуте с углового получили в свои ворота. Тем не менее в том матче и поняли, что даже с такими командами можем играть в свой футбол. И на том, как мы чувствовали себя во время встречи с «Галатасараем», это стопроцентно сказалось.

В Турции было вообще нечто. Это, пожалуй, самая крутая победа в Лиге за все те годы, что я играл в «Локомотиве». Да, невозможно забыть и 3:0 в Черкизове у «Интера», но на «Али Сами Йен» все было гораздо сложнее. Это был предпоследний тур группового турнира, мы к тому времени успели набрать одно очко, они – пять, и чтобы выйти из группы, нас устраивала только победа. В Турции, представляете?

Шла осень 2002 года, в котором турецкая сборная стала бронзовым призером чемпионата мира в Японии и Корее. И полсостава там было как раз из «Галатасарая», и все они вышли против нас. Хакан Шукюр, Хасан Шаш…

Этот матч проходил спустя три дня после теракта в Москве, когда захватили заложников на мюзикле «Норд-Ост» и много людей погибло. Фон был очень тяжелый, вот до сих пор у меня такая ассоциация сразу всплывает. Было очень неприятно, не хотелось людей огорчать…

Палыч как мог старался нас успокоить и раскрепостить. В гостинице к нам, пяти-шести игрокам, подошел и сказал, что просит нас просто поиграть в футбол в свое удовольствие. Приехали на стадион – он за полтора часа до игры был уже полный. Жгли файеры, пели, вывешивали плакаты вроде знаменитого: «Добро пожаловать в ад!»

Овчинников потом вспоминал, что, оказывается, я увидел это и сказал: «Они не знают, что такое ад. Сейчас узнают». Может, вслух так и сказал. Но на самом деле первая мысль была: «Сколько нам здесь забьют?» По крайней мере, у меня. Вспомнил, что мы и в Москве им проиграли, а тут-то, при этих болельщиках…

Потом читал слова Босса: оказывается, перед игрой мы стояли и ржали прямо на поле, анекдоты травили. Может, так и было – не помню. Мне кажется, что начался матч – и вдруг мы успокоились. Совершенно не зажато играли! Действовали неплохо и победили.

Какой первый гол Лось забил, как защитника и вратаря «Галатасарая» ложными замахами уложил! Пас голевой, кстати, я ему отдал. Мне отпасовал Игнашевич, я – Димке, и, если честно, ожидал обратную передачу. Но он вместо этого посадил на пятую точку вратаря Мондрагона, который много лет спустя стал самым

старым футболистом в истории чемпионатов мира.

Турки, правда, потом сравняли. Нижегородов ошибся позиционно, а я не успел его подстраховать. Вроде и узко играл, правильно, но этот лысый Хасан Шаш все сделал мастерски, двумя касаниями – принял и пробил. Не зря его тогда в какой-то момент в «Реал» хотели забрать!

В общем, пришлось мне забивать победный. В следующей же атаке после того, как пропустили. Заработали угловой, Лось подал на ближнюю – куда я всегда и бежал. По тому сезону это был мой типичный гол. Поэтому удивительно, что меня никто не держал. Я в свою точку ринулся, соперники прозевали – ну я прямо лбом по мячу и попал. Мондрагон ничего не смог сделать – и «Галатасарай» с нами в оставшиеся минуты тоже.

Когда праздновал гол, такой адреналин бил, что вспрыгнул на сетку, где находился сектор с нашими болельщиками. Увидел, что там местных нет, – и прыгнул, за что мне потом желтую показали. Если бы там турки были, конечно, не рискнул бы – я же не самоубийца!

Ведь по ходу игры на стадионе творилось черт-те что. Не будь перед трибунами за воротами сетки, точно чем-нибудь тяжелым попали бы. Фанаты швырялись всем, что под руку попадалось. И наверняка выбежали бы на поле. Тем более что мы выиграли. И потом вышли из группы…

Тогда я уже играл под первым своим за всю карьеру постоянным номером – 16-м. Кстати, второй, под которым я играл в Кардиффе с Уэльсом, мне почему-то никогда не нравился. Третий – гораздо больше.

А стал я 16-м так. Еще в 2001 году номера у футболистов на каждый матч были сменные – и без фамилий на майках. В том году я порвал «кресты», выбыл на полгода, за это время команда первый раз заявлялась под постоянными номерами на Лигу чемпионов. В 2002-м их уже и в чемпионате России ввели.

Зимой начинаю тренироваться, смотрю в заявку – а у меня 16-й номер. Видимо, по остаточному принципу. 16-й традиционно носили запасные вратари. А я что, вратарь, что ли? Что за номер дали? Я поначалу негативно это воспринял.

Начал даже искать, кто в этом виноват. Сказали – начальник команды Коротков. Я к нему: «Петрович, ты чего? Я вратарь тебе, что ли?» Но деваться было уже некуда. А потом вдруг оказалось, что это – *мой* номер.

Забивать я под ним начал намного больше, причем в том же 2002-м – кроме того гола «Ротору», после которого Семину нехорошее крикнул, вообще раздухарился. Два «Зениту», два «Соколу», в последнем туре «Динамо»… Плюс два в Лиге

чемпионов.

И два чемпионата под 16-м выиграл… Вот так бывает.

А Петрович, кстати, когда-то напророчил мне возвращение в «Локомотив». Когда я уходил из школы в спартаковский дубль, зашел именно к нему в клуб за документами, объяснил, что иду в «Спартак». «А почему?» – «Ну это же – «Спартак». Тогда такое объяснение в «Локомотиве» воспринималось в порядке вещей. «Ладно, иди, – сказал Коротков. – Но мы ждем тебя обратно».

Дождались – через семь лет. У нас с Петровичем до сих пор в ходу шутка, что он продал меня в «Спартак» за две бутылки водки. Нет, это не я ему принес, чтобы он мне документы отдал. А, как я понимаю, «Спартак» заплатил «Локомотиву» за меня такие деньги, на которые можно было пару пузырей купить – не более…

* * *

Александр Маньяков:

– Как-то Вадик в «Локомотиве» травму получил – время прошло, он вернулся в строй, но из состава вылетел. В тот момент в команду пришел Джейкоб Лекхето, начал очень здорово играть. Однажды Юрий Палыч пообещал выпустить Евсея в стартовом составе, но не выпустил. Тот только на замену вышел. И забил. После чего подбежал к Палычу – и покрыл его на весь стадион!

Семин потом говорил: «Пусть все злятся на меня, как Евсеев, и так же в футбол играют!» Думаю, это был первый раз, когда Вадик позволил себе эмоции наружу выплеснуть. Даже с перебором. Показал, что у него, как говорится, есть яйца.

Но Палыч! После этой истории я его очень уважаю, шляпу снимаю. Почти любой тренер на его месте Евсеева бы зачехлил. А Семин – красавчик, для него главным было дело, а не слова. И я не удивился, когда узнал, что он именно Вадика попросил народ собрать на десятилетие «золота» 2004 года. Тренер его любил и любит. Помню, Евсей звонил, телефоны ребят спрашивал, какие у меня есть. По-моему, номер Сереги Гуренко ему дал, чем смог – тем помог.

У них в «Локомотиве» все слилось воедино. Коллектив классный, примерно один возраст у всей команды. Помню, Вадик был поражен, как тепло его в команде встретили. Когда пришел в 2000-м из «Спартака», не было никакого барьера – из команды-конкурента, кто-то выше, кто-то ниже. Все были вместе.

А жены как дружили! В «Спартаке» не было ничего подобного, а тут – совсем другое дело. Инга Овчинникова собирала их после каждой игры. И в випе в Черкизове все красавицы вместе сидели – Евсеева, Овчинникова, Лоськова, Сенникова, Нижегородова…

Тогда Вадик ближе всех дружил с Овчинниковым. Помню историю. 12 июля у Евсея с Таней годовщина свадьбы, до сих пор они друзей в этот день зовут. А в те времена вся команда у него всегда на даче собиралась. И однажды это было за двое или трое суток до игры с ЦСКА. На следующий день Палыч команду на сборе

закрывал, а тут можно было оттянуться. Золотой состав, вся банда.

Приехали с женами. Пироговское водохранилище, лужайка у воды, конкурсы какие-то – в общем, посидели здорово. И выпили прилично. В какой-то момент все стали в футбол играть – и мужья, и жены. Тут мяч на соседний дачный участок перелетел. А среди гостей был хоккеист – не на слуху, но здорово физически подготовленный! Там забор двухметровый, все пьяненькие стоят: что делать? Хоккеист говорит: «Спокойно». Прыгнул через забор – и там. Еще раз прыгнул – и обратно. Уже с мячом. Весь «Локомотив», команда-чемпион, в шоке: вот это да. Ничего себе у хоккеистов подготовка.

Один Овчинников тогда не пил. Говорил: «К ЦСКА готовлюсь». В итоге проиграли. Общались потом с Серегой, он вздыхал: «Блин, да лучше бы выпивал. Может, тогда выиграли бы…»

Через год по тому же поводу опять собрались. Мы с Евсеем выпили крепко, а утром ему на тренировку. Сидим, болтаем, детство вспоминаем, а уже светает. Говорю: «Вадь, мне-то что, я высплюсь. А тебе уже через два часа вставать». Только я заснул на первом этаже, как со второго – тук-тук, кто-то бежит. Просыпаюсь, вижу Вадика, спросонья не понимаю: «Ты куда?» – «Как куда? На тренировку». – «Ну ты монстр!»

После тренировки Олегу Пашинину, нашему, мытищинскому, звоню: «Евсей живой? А то мы вчера под утро разошлись». – «Да ничего, вроде двигался. Только все время говорил Ярдошвили: «Доктор, доктор! С водичкой не уходите отсюда, будьте рядом со мной».

В юности он совсем не выпивал. Начал в понимании футболистов очень поздно, когда уже в сборную стали приглашать. До этого максимум кружку-другую пива мог выпить или бокал вина. К закату карьеры уже и вискаря готов был махнуть, и сигару выкурить.

А вот в «Локомотиве» компания такая собралась, что все вместе еще как выпивали. Может, потому и выигрывали, что коллектив такой дружный был. Первый предсезонный сбор Палыч всегда в Марбелье проводил, потому что у него там недвижимость. Никто не был против. У ребят уже и свой любимый ресторан появился. Человек четырнадцать, практически вся команда, собирались, шли туда. Заказывали морепродукты, вино,

пиво – как же первый день сбора не отметить!

Евсей говорил: «Как обычно, половину не съедали». А на следующий день Палыч объявлял: «Двухразовая». Все – ох, ё…! Побегали, пропотели, умирают. Первый тренировочный день после отпуска – да еще и после такого вечера. Пашинин ему говорит: «Вадик, сегодня пойдем?» Он, уставший, еле идет, усмехается: «Я с вашей б…дской компанией дела больше не имею!»

Сейчас они постоянно созваниваются и часто встречаются с Лоськовым. Тут еще общие интересы – и Евсей поохотиться любит, а Лось – тот просто профессионал. Это увлечение в свое время многих затянуло, причем как! Как-то, рассказывает, спят они на базе. Утром слышит выстрел, думает: «Оп-па, что это такое?» Выяснилось, что массажист Володя Ткаченко по прозвищу Шаман с балкона по воронам из ружья фигачит, к охоте готовится.

Один раз вместе поехали. Там футбольный народ собрался – Сергей Овчинников, бывший полузащитник «Локомотива» Саня Смирнов по прозвищу Война. С вечера крепко поддали. И я утром не встал, сказал: «В гостинице буду». Так они подстрелили просто огромного кабана! Лоськов отличился. А Евсей за мной приехал, семьдесят километров на машине от того места, где они охотились. Увидел я эту свинью, глазам своим не поверил: страшно же, когда такая на тебя несется. А на Евсеича однажды лиса вышла, он как начал по ней палить – и зверь от него ушел на Лося.

С Лоськовым Вадика одно время даже путали. Как-то был прикол. Когда Вадик уже карьеру закончил, сидели с ним на каком-то матче в випе на «Локомотиве». Подходит к Евсею пьяный болельщик, говорит: «Диман!» – «Я не Диман, я Вадик», – «Что ты мне рассказываешь, что я Евсеева не знаю?!» Мы упали.

Команда была очень дружная, но когда легионеры начали в «Локомотив» приезжать, не каждый в команду вписывался. Лекхето, Лима – те да, абсолютно свои ребята оказались. Выкладывались в каждой игре, искренние, душевные. А были и другие – Обиора, Паркс, Бикей, Кингстон. Себе не уме. Вот с ними конфликты случались. Лидеры команды – серьезные ребята, им палец в рот не клади. Если кто-то начинал на коллектив откровенно класть, тому мало не казалось. Сейчас во многих командах этого не хватает.

* * *

В том, что в 2002-м мы стали чемпионами, конечно, огромную роль сыграло возвращение в «Локомотив» из-за границы Сергея Овчинникова. Босс – он и есть Босс, такие прозвища из воздуха не придумываются.

Руслан Нигматуллин, конечно, тоже был в порядке, а переигровка в Инсбруке с «Тиролем», благодаря которой «Локомотив» попал в Лигу чемпионов в 2001-м, – это он что-то невероятное исполнил. Я тогда не играл, уже «кресты» порвал, и с поля оценить всю эту атмосферу не мог. Но ребята были злые – примерно как в случае с матчем «Спартак» – «Сьон».

Тогда нас за неправильную высоту ворот наказали, теперь – за то, что судья минут за десять до конца показал Пименову вторую желтую карточку, а красную забыл. И Пима с поля не ушел. О чем он сам думал, тоже непонятно – футболисту трудно забыть, что ты на желтой висишь. Но виноват-то все равно судья. С ним и надо было разбираться, а не команду задним числом наказывать.

Дома мы 3:1 выиграли, а в переигровке 0:1 проиграли – и в Лигу все-таки попали. Но сколько Нигма там вытащил – уму непостижимо. Недаром на следующий день «Спорт-Экспресс» вышел с заголовком на первой полосе: «Нигматуллин – 10,0 от России!» Хотя не могу сказать, что это была лучшая игра в исполнении вратаря, которую я видел в жизни, – вот и на последнем чемпионате мира костариканец Навас или мексиканец Очоа выдавали спектакли и поярче.

А зимой он уехал в «Верону», и тут как раз вернулся Овчинников, с которым «Локомотив» два первых своих Кубка России в середине 90-х взял. Было интересно – человек все-таки в таких командах, как «Бенфика» и «Порту», поиграл.

Разница между ними стала ясна быстро. Нигматуллин очень хорошо играл в воротах. А Овчинников – руководил! И читал игру намного лучше. Серега не спасал ворота так красиво, как Руслан, – но команда пропускала меньше. Он просто правильно нас расставлял, подсказывал, даже орал – и оказывалось, что не надо никуда прыгать. Потому что мяч до него долетал гораздо реже. От Нигмы такого подсказа не было.

Нигматуллин перешел в «Локомотив» в 99-м году, когда Овчинников играл в Португалии. Руслан сразу здорово заиграл, и по ходу сезона Романцев, который в «Спартаке» с определенного момента вообще его не ставил, начал приглашать его в сборную. Но опять же на роль запасного: безоговорочно основным был Филимонов. Он и вышел на ту злосчастную игру с Украиной.

Думаю, в том эпизоде Филю самоуверенность подвела. Сезон-то у него классный был, и с той же Францией на «Сен-Дени» он сыграл здорово. А в тот момент Филимонов решил, что Андрей Шевченко будет навешивать, и заранее пошел на перехват. Но не рассчитал и на заднем шаге принял неправильное решение, затолкав в итоге мяч в свои ворота. А сыграй кулаком, мяч полетел бы вверх – и поехала бы Россия на Евро-2000. Я тогда на трибунах полных «Лужников» сидел. И помню, как в ту секунду на них воцарилась жуткая тишина.

Не знаю, за что именно Филе такая участь выпала. Он всегда был работягой, оставался после тренировок, работал дополнительно. Запомнился только с хорошей стороны, никогда не дурковал.

Следующий отборочный цикл у Романцева начинал уже Нигматуллин, и с ним в воротах сборная вышла на ЧМ-2002. Он здорово играл и в Швейцарии, и в Югославии, где сборная ни разу не пропустила. Олег Иванович верил в него до такой степени, что продолжал ставить и в год чемпионата мира, когда Нигма уехал в «Верону» и сел там на лавку.

А Босс-то в том году был сильнее, но его на мир даже не взяли. Там была какая-то запутанная ситуация, Серега сам рассказывал. То Романцев ему звонил: «Едешь». То Гершкович: «Не едешь». Он хотел поехать, но сказались другие факторы. Нигматуллин же весь цикл отыграл, и, наверное, Иваныч посчитал, что не нужно его нервировать. В итоге в запас взяли сорокалетнего Черчесова и Филимонова, который в киевском «Динамо» не закрепился и в «Уралане» из Элисты без особого блеска играл. С Овчинниковым на тот момент они, при всем к ним уважении, и в сравнение не шли. Как и Руслан.

Серега просто заряжал всех своей энергией. С ним стало как-то легче играть в защите, потому что он постоянно подсказывал сзади, не замолкал ни на секунду. Игрок соперника собирается бить по воротам, Босс успевает тебе крикнуть: «Правее!» И ты понимаешь, что надо закрывать для удара правую сторону, и тогда ему будет легче сориентироваться, куда мяч может полететь. То есть ты сокращаешь угол обстрела – и он может попасть в любую точку не всех семи метров ворот, а только четырех-пяти.

Как выражался Владимир Маслаченко, это такие «маленькие футбольные хитрости». Но они нам тоже здорово помогали играть. Как и то, что напихать Серега мог – мама не горюй. Нет, никого не оскорблял – но высказывался очень авторитетно. Так, что слушались. Недаром в том сезоне Овчинников установил рекорд по количеству сухих матчей в чемпионате, который, по-

моему, держится до сих пор.

Это он уже потом, в «Динамо», сорвался, судью Захарова толкнул, был удален, бросил капитанскую повязку на газон, после чего получил длительную дисквалификацию и закончил карьеру. Помня, как вел себя Босс у нас, видеть такое по телевизору было удивительно.

В том сезоне нам и другие новички помогли. Бразилец Жулио Сезар забивал много и вообще играл полезно. Жора Деметрадзе – хотя тот больше на ставках играл, чем в футбол. Ну и Олег Пашинин, вернувшийся из Японии, большую пользу принес. Как приехал – сразу стал игроком основного состава, хотя до того больше в запасе сидел. Видимо, поездка в Страну восходящего солнца уверенности придала.

Вокруг Пашинина, кстати, создалась спорная ситуация перед золотым матчем. В 30-м туре он получил желтую карточку, которая оказалась у него сверхлимитной. Но поскольку в регламенте не было прописано, пропускает ли игрок золотой матч, или дисквалификация переносится на следующий сезон, возникла дискуссия. И тут надо отдать должное президенту ЦСКА Евгению Гинеру, который заявил, что его клуб не против участия Пашинина в этом матче. И Олег сыграл здорово, внес большой вклад в наше первое «золото».

Армейцы для меня как спартаковца и локомотивца всегда были врагами, но невозможно не признать: Гинер – это специалист, который разбирается в футболе и, как никто сейчас в стране, умеет управлять клубом. Приятно видеть, что хоть в каком-то клубе есть такой руководитель. Никакой лишней информации оттуда не выходит, все трансферы они сначала делают и уже только потом афишируют – а не наоборот, как во многих командах.

Поэтому и ЦСКА все доказывает делом, то есть результатом. Нет ведь у них каких-то очень уж больших денег, а вот в 2013-м и 2014-м, при живом «Зените» с его бюджетом, взяли и выиграли два чемпионата подряд. Конечно, главный тренер Леонид Слуцкий большой молодец – но если бы не такое управление со стороны Гинера, всех этих достижений не было.

* * *

Летом 2002-го мы на свой новый стадион перебрались, который еще долго оставался самой современной ареной в России. И я уверен, что наше «золото» в том году – во многом результат того, что мы получили свой дом и такой по тем

временам великолепный. Болельщик-то сразу пошел, посещаемость при таком антураже резко рванула! А до этого – то Раменское, то «Динамо»…

Еще в 2000-м мы полсезона на старом «Локомотиве» играли, а боковые трибуны уже рушили. И сразу же на их месте начало что-то появляться. Строили быстро: для России построить тридцатитысячник за два с половиной года – это очень быстро. Мы еще иногда тренировались на соседнем зеленом поле и видели, как стадион растет. «Динамо» вон в 2008-м разрушили, и до сих пор строят…

Хотя наш первый матч на новом стадионе, против «Уралана», был очень тяжелым, еле-еле 1:0 выиграли за счет автогола Семочко. Потом еще с «Анжи» вничью сыграли. А дальше привыкли к раздевалке, к атмосфере, вкатились. Народ попер, и чем лучше были наши результаты – тем активнее поддерживал.

Но все-таки более фартовым в том сезоне было для нас «Динамо». Мы на нем, если учитывать первый круг, десять матчей сыграли – и все выиграли. Две последние игры, так вышло, тоже там проводили – сначала в гостях с динамовцами, потом переигровку за «золото» с ЦСКА.

Матч с «Динамо» надо было непременно выигрывать, и мы сделали это – Женька Харлачев мне голевой пас тогда отдал. Играя за «Динамо» – он же перешел туда после сезона 2001 года. Я принял мяч в центре поля и пошел с фланга наискосок в центр. Мяч к кому-то отлетел, потом к Харлачеву, он какое-то неудачное движение ногой сделал – и мяч опять оказался у меня. После чего я с левой сразу пробил по воротам. И забил.

Прикалываться над ним некогда было – вовсю шла игра. Я счет открыл, потом «Динамо» сравняло, а Лоськов забил победный. Так мы обеспечили себе право на золотой матч.

До того «Локомотив» три раза подряд брал «серебро». Но не помню, чтобы у нас было истерическое чувство: «Сейчас или никогда». Как-то вообще об этом не думали, что все время останавливаемся на пороге. Если бы нас такой мандраж охватил – точно проиграли бы. ЦСКА-то при Газзаеве командой по-спортивному наглой был. Слабину у соперника почувствовал бы – тут же съел бы и не поперхнулся.

А все потому, что Палыч себя правильно вел. Абсолютно спокойно.

Никогда не забуду установку на золотой матч. Семин тогда пространно не рассуждал, был краток: «Если проведете этот матч точно так же, как последние игры, то все будет хорошо. Вперед, на поле». Там и не нужно было перегибать, все сами всё понимали.

Это было 20 ноября 2002 года. Золотой матч. Для меня – уже второй в жизни. Для всех моих партнеров по «Локомотиву» – первый. А второй еще – также для главного тренера ЦСКА Валерия Газзаева и полузащитника армейцев Игоря Яновского. Они были в «Спартаке-Алании», когда мы со «Спартаком» их в 1996-м в таком же матче обыграли.

Не понимаю, почему после этого золотые матчи отменили, и чемпион в случае равенства очков стал определяться по количеству побед. Это же украшение чемпионата! Две команды закончили первенство ноздря в ноздрю – зачем цифирки считать, дайте им сыграть между собой и в очном споре решить, кто сильнее. Вся страна же от двух этих игр с ума сходила, ими жила! Но кто-то, видимо, оказался недоволен результатом золотого матча 2002 года – и с тех пор их отменили и больше не возвращали.

Газзаев, кстати, до сих пор считает, что он тот чемпионат выиграл. Как он говорил в интервью: «Мы одержали больше всех побед, мы забили больше всех мячей, так что для меня ЦСКА – чемпион». Но это все разговоры в пользу бедных. Тем более что в очных матчах регулярного чемпионата было 0:0 и 1:0 в нашу пользу – кстати, тот же Лось забил…

Какой из этих двух золотых матчей считаю более важным? Тут как посмотреть. Лично у меня эмоции били через край сильнее в 1996-м, потому что я стал тогда чемпионом в первый раз. Но «Спартак»-то «золото» и без меня брал спокойно! А для «Локомотива» тот чемпионский титул стал первым, и для команд важность этих золотых медалей была несопоставимой. Но сам я чувствовал себя чуть поспокойнее, чем шестью годами ранее…

Для двух команд на кону стояли совершенно разные деньги. По нашей сетке премиальных мы за победу в золотом матче должны были получить по 7 тысяч долларов каждый. А футболисты ЦСКА, насколько я слышал, – по 75. Мы перед игрой этим интересовались, все же общались друг с другом. То ли Ролан Гусев рассказал, то ли еще кто.

Обстановка была накаленная, даже Семин с Газзаевым, друзья по жизни, в какой-то момент сезона перестали друг с другом разговаривать. Этот накал перекинулся и на болельщиков. В первую очередь – армейских. Помню, мы с Лосем были шокированы реакцией армейских фанатов на нашу победу. По пути со стадиона они избивали всех подряд – и болельщиков «Локомотива», и обычных прохожих…

Газзаева я уважаю. Да, эмоциональный, заводной, злился, когда проигрывал, потому что очень этого не любил – в том числе и тогда на нас злился. Но, кто бы что ни говорил, именно он

Кубок УЕФА выиграл, а не кто-то другой. И я тогда, в 2005 году, абсолютно ребятам из ЦСКА не завидовал, а наоборот, радовался, что наконец-то наш клуб выиграл еврокубок.

В золотом матче в воротах у ЦСКА стоял Нигматуллин, вернувшийся летом из «Вероны» – уже не в нашу команду, в которой вратарское место твердо занимал Овчинников, – а к нашим главным конкурентам. И это создавало дополнительный азарт. Нет, никакой ненависти к Руслану не было – он вообще не из тех людей, которые способны вызвать к себе такой негатив. Но сама ситуация добавляла эмоций – хотелось его обыграть. А учитывая, что фигура Босса, человека, более сильного психологически, всегда Нигму нервировала, это и уверенности лишней придавало.

Нам хватило одного гола, который мы забили в самом начале. На шестой минуте будущий армеец Игнашевич отдал мяч Лосю, тот прошел и пробил с левой ноги примерно с радиуса штрафной. Причем помню, что мяч вроде полетел несильно, говняшкой такой. Но залетел – и это было удивительно. Как Нигматуллин не вытащил – мы сами не поняли. Не то чтобы это был прямо «его» гол, но выручить он мог бы.

Никакой мысли о том, что этот гол станет единственным, у нас и близко не было. 84 минуты плюс добавленные – вся игра впереди! Потом моментов было мало, обе команды предпочитали не рисковать, а мы-то уж, ведя в счете, – тем более. Главным виделось – не проиграть борьбу, выиграть максимум единоборств, и вот этого добра хватало с лихвой. Но хоть и шла война, но честная. Никто друг другу не пакостил, все было по-мужски.

Уже спустя пару лет мы играли с ЦСКА у нас на стадионе, и Семин меня подзывает: «Вот этого – убей!» В хорошем смысле, конечно. Говорил он об Элвере Рахимиче. Тот был король мелких фолов и все время срывал наши атаки, при этом не получая карточек. Но указание Палыча я в тот раз выполнять не стал. Потому что знал: он – человек эмоциональный и говорил это просто в запале.

А в золотом матче я до конца поверил, что мы выиграли, только с финальным свистком Валентина Иванова, который отсудил без вопросов. Могло это произойти и раньше – если бы я в концовке свой момент использовал. Начал что-то придумывать, под себя мяч убрал, хотя мог бить сразу. В итоге ударил с опозданием – и Нигматуллин мяч отбил.

Еще был момент у армейцев, когда Гусь бил. Мы в том матче на разных флангах играли – я на нашем правом, а он – на армейском. Поэтому как этот шанс возник, уже не помню. Но удар у Ролика, к счастью, совсем не получился.

Помню, минут за двадцать Семин меня подзывает: «Будешь мяч от ворот выбивать». Видимо, у Овчинникова нога заболела. Никогда прежде этого не делал, но, к счастью, ни разу не киксанул. А может, и не в ноге Босса было дело, а в желании Палыча время таким образом потянуть.

В том матче у нас тяжело было кого-то отметить – кроме Лося как автора золотого гола, конечно. Все умирали друг за друга. И взяли этот чемпионский кубок, который в тот год первый раз вместе с медалями вручали. За несколько месяцев до того Лекхето обещал, если выиграем, забраться с кубком на крышу базы. На следующий или через день после золотого матча собрались журналисты, и он полез. Потом во всех газетах появились снимки Бобо с кубком на крыше. Не помню уже, этот кубок Лоськов сломал или другой какой – но и такое было…

…Входим в раздевалку. Глава тогда еще не РЖД, а МПС Николай Аксёненко, человек, который построил наш новый стадион и очень переживал за команду, поздравляет. Лоськову как лучшему игроку золотого матча и автору победного гола вручает ключи от «Мерседеса».

В чемпионской раздевалке, кстати, шампанского не было! Я, помню, удивлялся: «Наверное, это потому, что первенство выиграли в первый раз». Перешли в грузинский ресторан с другой стороны стадиона «Динамо» – и там уже все было накрыто по полной.

Но прошло два года, мы победили в Ярославле, взяли чемпионство 2004 года, заходим в раздевалку – и опять нет шампанского. Да что же это такое?!

Потом выяснилось. Оказывается, в 98-м году, когда я еще играл в «Спартаке», администраторы «Локомотива» заранее купили два ящика. Но Тихонов забил победный гол, и после этого Семин с Филатовым постановили: никакого шампанского до победы!

Но администраторы у нас – люди прыткие, и после «Шинника» быстро за всем нужным сбегали. А продолжилось на хоккейной «Арене-2000», где и состоялся главный банкет. Помню, сказал там какой-то дурацкий тост – непонятно о чем. Сам запутался, пока говорил. Углубился куда-то в дебри. Видимо, очень много уже выпил. Народ посмеялся. Хотя и смеяться-то ребятам уже было трудно – все находились примерно в таком же состоянии.

Зато там я эту сигару, которая попала в прессу, раскуривал. На месте ее прямо и купил. Помню это фото – Филатов, Семин, у меня в одной руке – сигара, в другой – графинчик шампанского. Сигареты-то я вообще не курю, только пару раз в детстве

пробовал. Это Овчинников, Чугайнов, в меньшей степени Лоськов – после игры, чтобы стресс снять – дымили. А мы, например, с Пашининым, Бузникиным, Сычевым – не по этой части. А вот сигару – другое дело…

В них я немного разбираюсь. Могу понюхать и сразу определить – крепкая или не очень. Обычно беру кубинские «Ромео и Джульетта». На них подсадил меня Макс Бузникин. Мы большой компанией – с ним, Сенниковым, Пименовым, Кержаковым – через Париж на Доминикану поехали, увидели, как их закручивают. Я по неопытности первую сигару курил в затяг. Бузя увидел – за голову схватился: «Ты что, идиот?» А теперь мне сигары многие даже дарят.

Потом сели в автобус – и поехали в Москву. Только отъехали от ледового дворца – видим ларек. «Тормози!» Весь целиком скупили и в автобус загрузили, выручку им на год вперед сделали. Лима подошел и пачку купюр 500 евро швырнул на прилавок: «Давай все!» Мы ему: «Эй, стой, чё кидаешься, ты на эти деньги можешь ларьков пять купить! Вместе с их хозяевами». Еле убрали. А Лима продолжает по-русски орать: «Дава-ай!» В итоге мы спокойно рублями заплатили. Пиво, виски, шампанское – все, что горит. По дороге еще раза четыре останавливались, докупали…

Много тогда тостов сказали, многое проорали. Я со своим шестым чемпионством тоже с ума сходил, примерно как Хохлов, Гуренко и Сычев, для которых то «золото» стало первым. Отрыв-то у ЦСКА сумасшедший был, все говорили, что армейцы – чемпионы.

В автобусе мы много раз скандировали: «Па-лыч! Па-лыч!» Наше отношение к Семину без всякого преувеличения и пафоса можно назвать любовью. Каждый – по-своему, но мы его любили. Потому что он – простой мужик в хорошем смысле слова. Ему можно было довериться, и он никогда нашего доверия не обманывал и им не пользовался.

Сыч с красно-зеленым шарфом на шее пел с молодежью: «Мы – паровозы!», а мы все скандировали его фамилию после новости о том, что ему дали звание лучшего игрока сезона по версии «Спорт-Экспресса». Все правильно, не зря болелы вывесили в поддержку Сыча баннер «Ты нашел свою команду!».

Лима, как я уже рассказывал, разделся по пояс. Причем на все четыре часа поездки – при том что за окном было пятнадцать градусов мороза. Он всё время орал что-то по-португальски и по-итальянски с нашими сочными вкраплениями: научили на свою голову… А из приличных слов только: «Харашо!» Ему и правда было хорошо. Как и всем нам.

Палыч в микрофон желал мне когда-нибудь стать мэром Мытищ. А моему земляку Олегу Пашинину – вице-мэром. Но с этим делом мы как-нибудь подождем, хотя я тогда Палычу и пообещал. Тем, как город развивается и управляется, я сейчас вполне доволен. Метро вот скоро будет – за «Медведково».

А мне лучше любимым делом заниматься, как я сейчас. Оба мы – вторые тренеры в Премьер-лиге: Олег помогает Игорю Черевченко в «Локомотиве», я – Гаджи Гаджиеву в «Амкаре».

Потом еще поехали на базу, затем – в ресторан «Сам пришел» на Юго-Западе Москвы…

* * *

А в 2002-м после «золота» был еще потрясающий декабрьский матч второго группового этапа Лиги чемпионов с «Реалом» на «Сантьяго Бернабеу». К нему мы готовились в Марбелье, там же и киевское «Динамо» тренировалось, с которым мы контрольный матч сыграли. В Москве уже холод собачий, а там – сказка.

На набережной облюбовали один ресторанчик – хозяин, старенький дедушка-грек в салатовом пиджаке, сумасшедшие креветки готовил. Под них мы, конечно, себе позволяли – но не больше трех бокалов пива. Никто нас не контролировал, Семин нам доверял. Меру каждый знал, но сумма у этого грека почему-то одна и та же всегда набегала – приходило пять, восемь или пятнадцать человек. После чего мы вничью в Мадриде сыграли и даже чуть не выиграли…

На тот матч Семин поставил в основу парня из ЮАР, соотечественника Лекхето, Беннета Мнгуни. Мы сильно удивились, потому что этот опорник за весь тот сезон в основе почти не выходил. А тут – «Реал», на «Бернабеу»! Но Палыч-то знал, кого и когда выпускать. Это нам было странно, а Мнгуни обвел Зидана, еще пару человек и шикарный гол забил. Мы аж рты пооткрывали – ничего себе товарищ скрывал, что в футболе умеет. Правда, потом больше ничего подобного он не делал. Удивительно.

2:2 сыграли – а ведь даже выиграть тот матч могли. В добавленное время Обиора убежал один на один, и в этот момент английский судья Барбер дал финальный свисток. Не захотел, чтобы «Реал» на своем поле проиграл.

Меня чуть-чуть удивило, когда Обиора, услышав этот свисток, просто оставил мяч на газоне и спокойно пошел в раздевалку. Я бы, наверное, поступил по-другому. Но, оценивая вещи реально, даже 2:2 от нас на «Бернабеу» никто не ожидал, а уж о победе

всерьез никто не думал. Этим и можно объяснить хладнокровную реакцию нигерийца. Конечно, мы были рады – хотя «Спартак» в 1991-м на том же «Бернабеу» 3:1 в четвертьфинале Кубка чемпионов «Реал» прибил и в полуфинал вышел, Радченко тогда дубль сделал…

Кстати, не факт, что Обиора этот выход реализовал бы. Если он с «Барселоной» на «Ноу Камп» мимо полевого игрока ударить не смог, а потом с «Монако» – выкатить Парксу на пустые, то какие гарантии могли быть против Касильяса?!

Потом мы «Реал» и дома похоронить могли – отобрали бы очки, и они в четвертьфинал бы не вышли. Гоняли их весь матч, у меня два момента было на угловых – один раз вообще с метра по мячу точно не попал. А у них один момент – один гол. И прошли дальше.

Для меня большим облегчением было, что в ответном матче не вышел Роберто Карлос. А то мы в Мадриде друг против друга на краю играли, и он меня мячом избил. Удары, передачи – все почему-то в меня попадало. А как бьет Роберто Карлос, все знают. Один раз мяч попал мне ниже пояса, и я несколько минут в судорогах корчился – до сих пор не забуду. Ощущения были скверные – хорошо еще, что с выполнением супружеского долга после этого проблемы не начались…

Кто мог подумать, что спустя много лет Роберто Карлос приедет играть в Россию и в 2012 году даже поучаствует в моем прощальном матче? Десятью годами раньше, когда «Локомотив» с «Реалом» в Лиге чемпионов рубился, а бразилец был лучшим левым защитником мира, такое и в голову не могло взбрести.

А в Мадриде уже после игры случилась одна интересная история. Моемся в душе, пива страшно хочется. Сил-то против «Реала» и Зидана с Роберто Карлосом сколько потратили, да еще и не проиграли!

В душе на «Сантьяго Бернабеу» форточка была. Мы ее открыли, кто-то курил – а прямо за окном стоит чувак, пиво продает. Мы тут же здоровую пластиковую баклажку с водой тащим, воду оттуда на фиг выливаем и подставляем этому парню: давай, мол, лей пиво! Он налил. Мы по кругу ее пустили – а потом он снова налил, и снова пустили. Красиво!

Из душа выходили уже восстановившиеся. И так-то настроение было отличное – последний матч года, 2:2 на «Бернабеу», скоро отпуск. А тут еще и пиво через форточку…

Из матчей Лиги чемпионов, конечно, не забыть еще домашний разгром «Интера» в 2003-м – 3:0. «Спорт-Экспресс» на следующий день вышел под огромной «шапкой» на первой полосе: «Локо», мы тебя любим!!!» Такое раньше только о

«Спартаке» писали. Например, после победы над «Реалом» в 1998-м, когда я в аренде в «Торпедо» был, в разгар дефолта та же газета вышла с заголовком: «В России нет денег, зато есть «Спартак»!»

С итальянцами наши команды всегда играли со скрипом, и даже когда действовали лучше – как мы в «Спартаке» против того же «Интера» в 1999-м, – все равно в итоге терпели поражение. То Роналдо нам решающий забивал, то в самой концовке – Симеоне, тот самый, что сейчас «Атлетико» так здорово тренирует…

Но тут мы им не дали ни шанса. В воротах у них стоял Тольдо, в защите играли такие монстры, как Каннаваро, Матерацци и Хавьер Дзанетти, в атаке были Вьери и Рекоба – но мы и не подумали испугаться.

Смяли их сразу – и забили в первой же атаке. На 2-й минуте я сделал забегание по правому краю, Макс Бузникин кинул мне мяч на ход, я прострелил на Лося – получите от перекладины первый гол! И девяносто девятый в карьере – для самого Димки.

В начале второго тайма я еще одну голевую отдал – теперь Ашветия. Опять по флангу подключился и прострелил – но гол состоялся благодаря тому, что тот же Лось вовремя сориентировался и пропустил мяч на Мишку, который в лучшей позиции находился.

Но самый смак – это был третий гол. Лоськов со стандарта навесил на линию штрафной, и Димка Хохлов, который пришел в «Локомотив» тем летом, оттуда засадил мяч под перекладину над головой Тольдо! Причем Хохол тогда перед штрафным подбежал к Лосю и сказал: «Навесь мне на голову – я забью». Не понимаю как, но он это сделал. Никогда не видел, чтобы люди с такого расстояния головой забивали!

Потом еще Киев обыграли и вышли из сложнейшей группы – с «Арсеналом», «Интером» и киевским «Динамо». А весной еще в первом матче и у «Монако» выиграли. До сих пор досада берет, что не прошли их тогда. В первом матче гоняли в одну калитку, вели – 2:0, Измайлов сумасшедший гол положил. Причем он всю зиму проболел, не тренировался, вышел на игру – и на тебе. Классический Марат. На замахе двоих убрал, включая не кого-нибудь, а Эвра, и грохнул под перекладину – экскаватором не вытащишь! Тот мяч УЕФА признала лучшим голом тура в Лиге чемпионов, а саму игру – лучшим матчем.

Потом я Маминову под удар откатил – 2:0. Не раз могли третий забить – но не использовали моменты, зато пропустили от Морьентеса, которому одного шанса хватило. А минут за пять до конца Обиора и Паркс вышли двое на одного вратаря, и нигериец, вместо того, чтобы отдать Парксу на пустые ворота, пробил в

небеса.

За это потом и были наказаны. Ехать в Монако с разрывом в два мяча – совсем не то, что в один. Ну и судейка нас прибил. Тот самый Кортеш Батишта, который еще по Португалии Овчинникова терпеть не мог и дал ему желтую карточку в первом матче Россия – Уэльс, из-за чего Босс не смог сыграть во второй. Серега говорил, что у этого судьи к нему особые чувства. Посильнее даже, чем у Сухины – ко мне.

Батишта и пенальти на 19-й минуте у Пашинина выдумал, но Босс его от хорвата Пршо взял, причем из угла; и две желтые Лосю к 22-й (!) на ровном месте придумал и оставил нас в меньшинстве – хотя фол на Морьентесе в центре поля, за который Димке показали вторую карточку, был абсолютно рядовым. Но «Монако» все никак не мог забить, и гол в наши ворота португалец засчитал тоже не по правилам – у нас во вратарской лежал Адебайор и закрывал вратарю обзор. Чистый офсайд!

В итоге уступили – 0:1 и не вышли в четвертьфинал. А «Монако» дошел до финала, но там проиграл «Порту» Жозе Моуринью и Димки Аленичева. Перед выходом Димы на замену Моуринью его поцеловал – и Дима сначала голевую передачу отдал, а потом и сам забил. 3:0! Можно сказать, что Алень отомстил за свою бывшую команду – ведь, прежде чем перейти в «Спартак», он в высшей лиге начинал как раз в «Локомотиве» у Семина…

Противостояние с «Монако» стало для меня самым большим разочарованием в карьере. Но это если говорить о результате команды. А что касается персонально меня, то до сих пор перед глазами момент в матче «Зенит» – «Локомотив» в конце 2003 года. Играли в Питере за два тура до конца. Хозяев ничья устраивала, чтобы занять второе место, а мы могли за него зацепиться только в случае победы. В первом тайме Лось сделал подачу с углового, а я находился прямо по центру, бил головой без помех. И не попал, хотя должен был. Так 0:0 в итоге и сыграли, после чего даже не третье, а четвертое место заняли. «Бронзу» отдали Казани – «Рубин», тогда новичок Премьер-лиги, в последнем туре в матче с немотивированным ЦСКА выиграл на последней минуте за счет автогола Евсикова.

Денис потом на один сезон в «Локомотив» перешел. Мы его на тему того гола не травили. Он сам себя затравил. Перейдя в «Локомотив». Потому за сезон ни минуты не сыграл…

Жалею и еще об одном незабитом голе. Играли со «Спартаком», на который я всегда настраивался как следует, и я как дал с левой ноги с сорока метров! Никогда так левой не бил. Мяч, казалось, летит точно в девятку, когда вратарь Ковалевски

за ним прыгал. Но в последний момент мяч чуть вильнул и попал в штангу. Так и сыграли 0:0, а я лишился самого красивого гола за всю карьеру.

* * *

Когда сидели с ребятами в конце 2014-го и вспоминали чемпионство десятилетней давности, сошлись на том, что в него никто не верил. После обиднейшего домашнего поражения от «Ротора» в 23-м туре отставали от ЦСКА, действующего чемпиона, кажется, на 7 очков. За семь туров такое не отыгрывается.

А следующий тур – как раз с ЦСКА. В первом круге мы их обыграли – 1:0, Димка Хохлов забил. И тут вдруг – то же самое, только теперь Лоськов, на 73-й минуте.

Меня фанаты ЦСКА крепко «любили» после некоторых моих фраз в прессе в адрес этого клуба. Так вот, в том матче молодой Динияр Билялетдинов, проводивший свой первый сезон в высшей лиге, прострелил, я отбросил мяч под удар Лосю – и он забил. Эмоции клокотали, я кое-какие жесты фанатам армейцев показал. Не самые приличные. Можно сказать, устроил сурдоперевод своего высказывания после матча с Уэльсом.

Это все я делал из кучи-малы футболистов «Локомотива», радовавшихся голу. И тогда в эту кучу-малу бросился Семин. И сделал это не только для того, чтобы порадоваться голу вместе с нами. Палыч успел крикнуть, чтобы я успокоился. Потому что у меня уже была одна желтая карточка и за этот жест запросто могли показать еще одну. Тем более что судил Сухина, который меня столько раз удалял. Но в этот раз – пожалел, и мы довели игру до победы.

Дэн Билялетдинов, сын нашего тренера дубля, а потом главного тренера «Рубина» Рината Саяровича Билялетдинова, тот сезон провел здорово. Хорошо к нему отношусь, мы общаемся, но считаю, что в футболе по своим способностям он мог добиться намного большего. Мне кажется, рано Бышовец дал ему капитанскую повязку – может, это на него повлияло. В команде было достаточно более опытных игроков – например, не было кандидатуры для капитанства лучше, чем Серега Гуренко. Но тот отказался из солидарности с Лоськовым…

Кстати, Гурик, вернувшийся как раз в 2004 году из Италии, очень нам тогда помог. И вообще, команда хорошая сложилась. Уже во многом другая, чем двумя годами ранее – Лима, Гуренко, Хохлов, Сычев, Билялетдинов. И Малхаз Асатиани в центре защиты, где он заменил ушедшего в ЦСКА Игнашевича. Вроде был

человек атакующим полузащитником, но Палыч увидел у него задатки защитника и перед «Монако» возникшую дыру заполнил им. И тот раскрылся в том сезоне просто великолепно!

У него ведь и первый пас, как у плеймейкера, и голова светлая – то есть и на перехватах здорово играл, из обороны благодаря этому мы быстро выходили, и сам он по центру рывки делал. Считаю, в 2004-м у нас самая сильная и зрелищная команда за все время собралась. Мы всегда играли с позиции силы.

А над Гуриком, помню, Заур Хапов знатно поиздевался. Серега-то из Италии приехал – и рассказывал нам о том, какой он ценитель вина. Нюансами выращивания винограда делился: левый склон, правый склон… Как-то в Хосте сидели, Гуренко взял бутылку итальянского вина – год посмотрел, он его устроил. Понравилось.

Заказали еще. А Хапов официанту втихаря дал пустую бутылку, которую только что выпили, и шепнул: «Налей туда какого-нибудь нашего». Тот принес, разлили, выпили. Гурик: «Вот это хорошее, настоящее итальянское!» Тут мы как заржали: «Гурик, давай заканчивай эти свои выкрутасы! Левое, правое, южное, северное – нам все теперь понятно!» Мы уже все были веселенькие, и Серега не обиделся. Он вообще человек замечательный, и не случайно я к нему в Белоруссию поехал карьеру заканчивать…

Ну так о концовке 2004-го. На нашей встрече спустя десять лет Палыч вспоминал, что после поражения от «Ротора» сказал Филатову: «Давай все-таки попробуем довести дело до конца». Намекнул, чтобы продолжили финансово стимулировать соперников ЦСКА, чтобы они против армейцев бились с удвоенной энергией. Сам ЦСКА тоже этим занимался, то здесь все было по-честному.

В 27-м туре мы дома сыграли вничью с «Рубином», и мечта о «золоте», казалось, опять уплыла на почти безнадежное расстояние. За три тура до конца мы отставали на три очка. Поэтому то, что в двух из трех последних туров армейцы сыграли вничью: с находившимся внизу таблицы «Динамо» и дома с «Крыльями Советов», было настоящим чудом. Обе команды, кстати, возглавляли люди, которые большую роль в моей жизни сыграли, – Романцев и Гаджиев. Так что спасибо и им!

В последнем туре нам достаточно было выиграть в Ярославле у «Шинника» – и «золото» опять наше.

Что мы и сделали. Уже на 4-й минуте Билялетдинов открыл счет, на 21-й наш лучший бомбардир в том сезоне Дима Сычев – удвоил. И дальше мы без особых проблем удержали победный

счет.

Сыч, приехав из «Марселя», вообще как влитой в команду вписался – словно всегда в ней играл. Нам не хватало такого нападающего – агрессивного, забивного. Они с Лоськовым на поле очень быстро понимать друг друга начали: один Дима открывался, другой – ему отдавал за спины защитникам. Это сыграло очень большую роль в том чемпионстве.

В следующем году Сычев порвет «кресты» в Казани, в безобидной ситуации столкнувшись с вратарем Харчиком, и больше уже никогда не будет играть, как тогда. И не потому что плохо тренировался – он-то всегда был работягой. Просто скорость и резкость после этой травмы пропали, и вернуть их уже не удалось.

А то, что его сгубили ночные клубы, – это все ерунда. Да, он мог туда зайти. Но заядлым тусовщиком вроде Булыки, как я понимаю, он не был. Но я вообще не по этим делам. Разве что в караоке с женой изредка выбирались – но пела только Таня, потому что из меня тот еще певец…

Ну, ресторан Сыч открыл – и что? Отчего не вложить деньги в какое-то дело? Тем более что и заведение неплохое. Без пафоса и слишком высоких цен. Правда, когда «Локомотиву» было что реально отмечать, этого заведения еще не существовало. Мы предпочитали грузинский ресторан на проспекте Вернадского, где нас всегда ждали. Оба чемпионства там обмывали.

Сычева не так давно Смородская оригинально оштрафовала. Она заявила, что он закончил карьеру, ему позвонили за комментариями, Сыч только и сказал: «Нет, я не закончил». А она его – на ползарплаты. За то, что дал интервью без согласия клуба!

А за несколько минут до конца матча с «Шинником» на поле вдруг выскочил ярославский фанат в неадекватном состоянии. Я его скрутил, потому что он бежал к судье Владимиру Петтаю и явно собирался ему что-то нехорошее сделать. Более того, этот человек что-то в арбитра бросил. Кто знает, что могло ему в голову прийти?

После матча уже наши болельщики на поле выскочили – но уже с добрыми намерениями. Кто-то бутылками потрясал, кто-то накидывал на нас красно-зеленые шарфы. А мы с Сычом, Лимой, Чеснаускисом и еще несколькими ребятами, намертво вцепившись в круг, подпрыгивали, как могли, и орали: «Мы – чемпионы! Мы – чемпионы!» И уже вообще не чувствовалось, что на улице – минус двенадцать. Нам было тепло, даже жарко.

Когда я спустя годы читал ехидные слова Смородской, что, мол, она знает, что это были за чемпионства, – глаза кровью наливались. Потому что вспоминал вот то наше счастье.

Вспоминал, как бросали в небо Семина, как он кричал Лосю: «Филатова, Филатова зови!» Капитан позвал – и в небо полетел уже президент клуба. Настоящий президент…

Почему Смородская так сказала? А она же тогда спортклуб ЦСКА возглавляла. Видимо, обида и осталась. За то, что мы у них два раза «золото» увели. Мы все в шоке были от этой фразы. Такие слова не красят человека. Тем более когда президент дискредитирует, причем совершенно несправедливо, главные достижения его клуба в истории. Это нормально вообще?!

За все семь лет в «Локомотиве» только в одном случае допускаю «договорняк» – с одноклубниками из Нижнего Новгорода в 2000 году. Но мне никто не говорил – просто, когда смотрел на то, что происходит на поле, возникали такие мысли.

Конец сезона, туров за пять. Дома играли, 2:0 победили. Нижний уже безнадежно вылетал, а нам очки нужны были. Обычно они бились как черти, по ногам прилично лупили, а в том матче я этого не заметил. Может, потому что одно ведомство?

Точно в этом смысле было что-то нечисто, когда в молодежной сборной играл – с болгарами в 1997 году. Тренировал нас тогда Михаил Гершкович. Последний матч отборочного турнира, Болгария уже не вышла, ей ничего не надо, а мы с Израилем боремся за первое место и выход из группы.

Первый тайм заканчивается, ведем – 3:0. В перерыве ко мне подходит Саня Беркетов и говорит: «Ты что делаешь-то?» – «В смысле?» – «Чё их бьешь-то?»

С недоумением отвечаю: «Играю я так». И слышу: «Все нормально, не беспокойся!» Мне только и оставалось сказать: «А что, нельзя было мне заранее сказать?» То есть не впрямую сказал, а намеком – но таким, что не понять было невозможно. В итоге 3:2 выиграли и вышли на чемпионат Европы, где России потом много лет еще не было… Седьмое место в итоге заняли.

А насчет матча последнего тура 2004 года в Ярославле, с которым были связаны какие-то претензии, – играли нормально, я никаких разговоров ни до, ни во время, ни после матча не слышал. Да, можно предъявлять претензии вратарю «Шинника» за первый мяч Билялетдинова – двухметровый парень мяч над собой пропустил. Но это будет притянуто за уши – так любую ошибку можно договорняком объяснить. Играли и мы, и они.

С Филатовым мы поддерживаем отношения, иногда с ним и Лоськовым в хоккей на «Локомотиве» играем. Как такой человек и профессионал может столько лет оставаться без дела своей жизни – понять невозможно. Но как быть, если нынешний президент устраивает главного акционера – Владимира Якунина? А в другие команды почему-то не зовут.

Вот и приходится бизнесом заниматься. Но душой Филатов, конечно, в футболе. В «Локомотиве». Будь он во главе клуба, в нем и работали бы все его бывшие футболисты, и «Локо» все эти годы оставался бы такой же семьей, какой был при нем. Как в «Баварии» или «Аяксе», где благодаря Беккенбауэру и Кройфу работают только свои.

У Филатова я в «Локомотиве» точно работал бы. Тренировал бы – не знаю уж, помощником в главной команде, дубль, детей. А при Смородской я получил только одно предложение, и весьма специфическое. Когда в 2011 году играл в Белоруссии, в Жодино, она с подачи Алексея Зинина, работавшего в клубе, предложила мне отвечать в «Локомотиве» за работу с болельщиками.

Я спросил: «А чем конкретно заниматься?» – «Всем. Быть связующим звеном между клубом и болельщиками».

Сказал, что подумаю, и быстро отказался. Да и, честно говоря, никаких размышлений не было. Если бы я согласился, то не знаю, работал бы я сейчас в футболе или нет и как относились бы ко мне болельщики. Потому что совершенно ясно, зачем меня звали, – чтобы за счет хорошего отношения ко мне поклонников «Локомотива» сгладить конфликт, который возник с ними у Ольги Юрьевны. Руководству хотелось, чтобы его урегулировал я. А мне это удобно не было.

При этом считаю, что фанаты по отношению к Смородской ведут себя некрасиво. Потому что они должны помнить: на трибунах находятся и другие, нормальные люди, в том числе дети, которые не обязаны слышать весь этот мат и оскорбления. Любой отдельно взятый человек имеет право на любую фразу, но когда матерные скандирования идут от нескольких тысяч человек – слышать это неприятно.

А отношения с болельщиками «Локомотива» у меня действительно всегда были хорошие. Иногда встречал их в неожиданных местах. Как-то прихожу в дилерский офис «БМВ», разговариваю с человеком – и выясняется, что он в барабан в Черкизове стучит. То есть там хватает небедных ребят. Приятно пообщались.

Еще раз в кинотеатре, «Атриуме» на «Курской», с другим парнем из фанатской группировки «Барабанщики» столкнулся. Некоторые футболисты, особенно сейчас, предпочитают с болельщиками в общественных местах не пересекаться: им ведь и предъявить кое-что могут, и в не самой приятной форме. Я таких страхов никогда не разделял. Потому что стесняться нечего было.

* * *

Контракт у меня тем временем в конце 2004 года истекал. «Локомотив» ничего не предлагал, я нервничал. Сезон уже заканчивается – а никто не подходит, ничего нет. А вокруг «Спартак» вьется, «Динамо» московское и киевское.

Пригласили на разговор Александр Старков и Юрий Первак, главный тренер и генеральный директор «Спартака». Вышли они на меня через Диму Аленичева. Сначала они очень хотели меня еще до чемпионата Европы-2004, но тогда у меня был действующий контракт, и они сказали: зимой вернемся к этому разговору. Потом встретились в «Крокус Сити», обсудили условия. Показалось, они меня поняли. Пообещали позвонить. Но не позвонили, и мне эта пауза не понравилась. Хотите – зачем сомневаться?

Встречался с Юрием Заварзиным, с которым еще в «Спартаке» когда-то пересекся. На тот момент он был гендиректором московского «Динамо». Я сказал ему сумму, он сидел, высчитывал. Потом встал: «Ты же у нас тогда будешь самым высокооплачиваемым футболистом!» Может, они хотели меня взять, чтобы я больше им не забивал. Однако до конца всерьез я этот вариант не рассматривал.

Но самой привлекательной с финансовой точки зрения была возможность перебраться в киевское «Динамо». И я уже даже настроился переходить. Но в середине ноября летел я со сборной из Краснодара, где 4:0 Эстонию обыграли, и разговорился с президентом РФС Вячеславом Колосковым. У нас с ним отличные отношения.

Он тогда почему-то решил прийти к нам, футболистам. Начали общаться, и выяснилось, что отдыхаем с ним на одном и том же горнолыжном курорте. Так и нашли общую тему. Ребята хотели выпить, отпуск у многих начинался – а мы тут с Колосковым «трем». Они на меня косятся: давай уже отсюда.

А мы просидели практически весь полет. Вячеслав Иванович оказался общительным человеком. И я решил посоветоваться: «Вот у меня предложение из Киева». А там как раз начиналась «оранжевая революция», вот-вот должны были состояться президентские выборы, на которых Виктора Ющенко выбрали. И никто не знал, что там будет дальше. Вот Колосков меня и отговорил.

Очень сильно отговаривал и Серега Овчинников, а Инга на Таню воздействовала. Босс для меня в ту пору большим авторитетом был. Помимо всего прочего, он и Хохол слыли двумя главными интеллектуалами команды. Помню, как Овчинников отважился пойти на телепрограмму «Школа злословия», ведущим которой, Татьяне Толстой и Авдотье Смирновой, палец в рот не

клади. С моим умением формулировать мысли делать там, например, было бы нечего – в одну секунду сожрали бы. А Серега – красавец, на каждое их слово двумя отвечал и своим красноречием их покорил.

И меня в той контрактной ситуации он тоже заговорил. В итоге я остался в «Локомотиве», который по деньгам предлагал мне меньше всех. После Киева на втором месте по деньгам шел «Спартак», на третьем – московское «Динамо», и только потом «Локо». Больше, думаю, они действительно не могли дать, по этой же причине тот же Генка Нижегородов в «Терек» ушел.

Но у нас на «Локомотиве» сложилась такая футбольная атмосфера… И коллектив классный, и стадион чисто футбольный, и Лига чемпионов постоянно. Выбрал «Локомотив», потому что мне там все нравилось, и решил, что нельзя от добра добра искать. Хоть Филатов и говорил, что для «Локо» я сделал очень много, и если решу переходить в другой клуб, никаких проблем у меня не возникнет и ни одного слова осуждения он не скажет. Но все-таки я решил остаться. Потому что другой такой команды, как тот «Локомотив», было не найти.

Отпускная программа у меня после того напряженнейшего года намечалась обширная. Сначала – с Лоськовым на кабана и лося, потом – на неделю в Эмираты с Овчинниковым, где нас ждали и другие ребята из «Локо». Затем – с тем же Боссом и общими друзьями из Риги на горнолыжный курорт в Италию и в заключение – в Финляндию к Санта-Клаусу. Это уже для Полины.

Вернулся, прочистил мозги, все обдумал – и остался.

Потом об этом и жалел, и не жалел. Соблазн вернуться в родной «Спартак», где начинал играть и за который болел с детства, был очень велик. Киев привлекал деньгами. Но я остался своим человеком для болельщиков «Локомотива», которые всегда рады меня видеть, а если бы тогда ушел – не факт. Зарплата приходит и уходит, а отношение людей – остается…

А жалею потому, что в следующем году из «Локомотива» в сборную ушел Семин и больше прежней атмосферы в команде никогда не было. Ко всему прочему, я хотел пятилетний контракт, но сошлись на «3 + 2». Знал, что при Филатове так и будет – он, если что-то обещал, никогда не обманывал. Но Филатова перед 2007-м из клуба выдавили…

Да и вообще все потихоньку сворачиваться начало. Когда Семин ушел, вокруг клуба начало виться много околофутбольных людей. Может, они и раньше были, но мы, футболисты, их не видели, Палыч не пускал. А потом еще и Николаича убрали, и от прежнего «Локомотива» вообще ничего не осталось. Вот и спрашивается – а нужно ли было тогда оставаться и жертвовать

деньгами, если ничего положительного мне это не принесло? Ни результатов, ни атмосферы…

* * *

Александр Маньяков:

– Хорошо помню, как в конце 2004-го Вадик решал, оставаться ему в «Локомотиве» или уходить. Я тогда в Нижнем Новгороде бизнесом занимался, но порой приезжал в Мытищи. Мы садились на кухне, чуть-чуть нарушали режим и обсуждали, как жить дальше. Не могу сказать, что много советовал – кто я такой, чтобы давать советы игроку сборной? Вот Овчинников – тот мог советовать. Он был капитаном «Локомотива», они с Вадиком дружили, и Серега тогда на него определенное влияние имел. Во многом за счет того, что дружили их жены, Инга и Таня. Они до сих пор лучшие подруги, хотя Сергей с Ингой давно разошлись…

Сомнения у Евсея были большие. С руководством «Спартака» он встретился, но ему не понравилось, что все предложения были какие-то размытые. С киевским «Динамо» он разговаривал через посредника. Когда много лет спустя я уже агентом работал, то общался с Виталиком Косовским, в прошлом – отличным полузащитником киевлян, а в тот момент селекционером. Он присмотрел у нас одного пацана и говорит: «Давай его в Киев на просмотр привезем».

Прилетели в Киев, я там его оставил, а мы с Виталиком разговорились. В том числе и про Евсея. Он вспомнил: «Мы же его звали!» Спрашиваю: «И какие там условия были?» – «Миллион долларов ему бы дали сразу». А тогда, в 2004-м, миллион долларов – это были сумасшедшие деньги. Такие единицы в России получали. И служебный «Опель», говорит, плюс к этому.

Более того, Косовский добавил, что это был не предел. Вадик мог бы посидеть с Суркисом, президентом клуба, поторговаться, и ему еще бы добавили. У них же тогда позиция правого защитника оставалась свободной. Туда пришлось переводить Олега Гусева, который в принципе был правым хавбеком. После Олега Лужного они никак на эту позицию сильного человека найти не могли. И оказывается, Евсея очень хотели. В общем, мог он уже тогда лучший контракт в жизни подписать, а не три года

спустя с «Сатурном». В Киеве ему ведь даже больше предлагали, чем в Раменском…

Таня, помню, тогда сказала: «Любое его решение приму, лишь бы Вадику было хорошо». Хотя свое мнение наверняка выражала, но понимала: семья зависит от Евсея. Футбол дает определенный заработок, к нему привыкаешь. В «Спартаке» все скромно было, а первый контракт с «Локомотивом» уже в несколько раз больше был, премиальные хорошие и выплачивались вовремя. Но Киев все равно предлагал принципиально другие деньги.

Как я уже сказал, очень большое влияние на Евсея оказал Босс. Он говорил: «Куда ты пойдешь? «Локомотив» – это семья. Больше такого нигде не будет». И Вадик Овчинникова слушал. А Таня слушала Ингу. Инга старше, она правильная, умная женщина. И они оба, уверен, многое сделали, чтобы Евсей остался.

Не знаю уж, почему в итоге Вадик отказался, деталей не помню. Но потом говорит мне: «Я с «Локомотивом» переподписал». Спрашиваю: «И что, нормально тебе «Локомотив» дал?» – «Нет, ни фига, чуть-чуть только добавили». Грубо говоря, у него было 300 тысяч в год, сделали 420. Своя команда, в тот год в Лиге чемпионов удачно играли…

А сам Босс через год в «Динамо» ушел. Помню, был у нас один случай. Сидели в ресторане, а за столом – не только футболисты, но и их друзья, и друзья друзей – в общем, большая компания. И был один мужик, в возрасте, хорошо одетый. Серега сказал: «Я никогда не перейду в два клуба – ЦСКА и «Спартак». Никогда».

Мужик ему говорит: «Никогда не говори «никогда». После этого началась достаточно шумная полемика, до крика. Мы с Евсеем сидим, слушаем. В разговор не вступаем. Потом вспоминали и говорили – чего зарекаться? В итоге сейчас Босс в ЦСКА. Я к нему нормально отношусь, многие поступки понимаю. Но мне ближе линия поведения Евсея, который особо много не разговаривает, но если уж что-то говорит, доводит это до конца. А если в чем-то не уверен – ни за что не скажет.

А в их последующих отношениях с Овчинниковым, точнее, в поведении Сергея, мне многое непонятно. Вроде такие друзья были… Личность он сильная, тут не поспоришь. В той же «Школе злословия» молодцом себя показал, хотя сначала ведущие его тюкать начали – а потом как прониклись! Мало кто из футболистов умеет

так говорить.

Когда-то в «Локомотиве» Овчинников над Вадиком в этом плане смеялся: «Евсей, ты как собака – все понимаешь, а сказать не можешь». С тех пор, конечно, многое изменилось, но как тренеру Вадику нужно научиться красиво говорить, правильно мысли формулировать. И если он этой риторике научится, будет отлично – в дальнейшей тренерской карьере это здорово пригодится.

Но отношение к человеку – оно же не по риторике определяется. Когда-то Серега переубедил Вадика переходить в киевское «Динамо», где он мог бы заработать намного больше. Процентов на семьдесят – это его влияние было, и давление на Таню через Ингу. «Локомотив» ему 420 тысяч в год дал, Киев больше миллиона предлагал. Перешел бы – и сборная России никуда бы от Евсеича не ушла, и потом российские команды еще больше бы вокруг него бегали. В Лиге чемпионов играл бы каждый год. Вадик наверняка об этом думал, но он много вещей в себе держит, не делится…

Потом Овчинников развелся с Ингой, что тоже повлияло на их отношения. Но еще больше – странная история в «Кубани». Думаю, если Сергей Иванович хотел видеть Евсея в команде, он бы там оказался. Надо было ему с руководством клуба настойчивее себя вести. Раз не повел – значит, не очень-то и хотел.

Но Евсей не понял Босса не поэтому, а чисто по-человечески. Есть какие-то принципы взаимоотношений между людьми, которые столько лет вместе играли. Ну, не получилось по тем или иным причинам взять в команду – позвони и скажи об этом сам. Но не было ничего. Я этого тогда не понял и за Вадика обиделся: он подобного отношения ничем не заслужил.

Однажды они столкнулись в Минске, в ресторане гостиницы «Волна» на проспекте Победителей. Съели по пирожному, попили кофе. Сделали вид, что все нормально. И разъехались.

* * *

Весной 2005-го, после ничьей в гостях с Эстонией, из сборной уволили Ярцева. К тому же и президент РФС поменялся – Колоскова заставили уйти, а пришел на его место Виталий Мутко.

И тут же пригласил в сборную Семина. Причем с невозможностью совмещать посты в клубе и сборной.

Неожиданностью для нас это, пожалуй, не стало. Мутко проявил очень большую настойчивость. К тому же мы знали, что Юрий Палыч всегда хотел поработать в национальной команде. Не то чтобы он нам об этом говорил – но это и так понятно было. Такой шанс чаще всего раз в жизни дается.

Какого-то безумного драматизма из-за ухода Семина в сборную мы, игроки «Локомотива», пожалуй что, не испытали. Потому что вместо него главным тренером Филатов назначил Владимира Эштрекова, которого мы знали так же хорошо, как Палыча, и относились к нему соответственно. Не зная еще, что в роли главного он несколько изменится…

Ну и приятно было за Палыча, что именно ему сборную доверили. Я ждал с нетерпением возможности поработать с ним на новом уровне.

Сборная – это все-таки что-то особенное, и в Кардиффе я это прочувствовал на себе…

После Уэльса узнавать, конечно, стали больше. Причем люди, от которых этого совсем не ждешь. Как-то захожу в супермаркет, так какой-то чудак, проходивший мимо, вдруг внимательно смотрит на меня, а потом от души бьет по спине: «Молодец!» И дальше идет. Я сначала удивился сильно: вообще не понял, что он имел в виду. Хорошо, отвечать на удар по спине не стал – а то не так просто было понять, что это была похвала…

А некоторые не узнавали. В частности, работники ГАИ. Через месяц после Уэльса возвращался домой около полуночи со съемок «Голубого огонька». Пел вместе с Катей Лель, а также Гусевым, Радимовым, Семшовым и Мостовым. Помню только, что мне из всех футболистов самый большой текст достался – семь строк. Пока ехал на запись – выучил. Два раза туда ездили: сначала песню записывали, а через три дня – видеоряд. За один раз не управились бы.

Так вот, еду после съемок – и останавливают: «Дышите в трубку». Отлично знаю, что не пил, спокойно дышу – и вдруг мне говорят: «Ты пьян». Даже не на «вы», а на «ты» – хоть на брудершафт вроде не пили. На имя мое не отреагировали. По-моему, оно им ничего не говорило.

Не знаю уж, что за трубку мне дали – какую-то проспиртованную, что ли? Но я не слишком забивал себе этим голову – у нас в клубе имелся человек, который отвечал за помощь игрокам в таких ситуациях. Да и в каждом уважающем себя клубе такие люди были.

Еще тем летом угораздило обогнать начальника ДПС. Он

позвонил на пост – и все, права отняли без разговоров. Автографов не просили. А ведь доводилось в разных ситуациях расписываться и на паспорте, и на военном билете, и даже на деньгах. Правда, не на долларах или евро, а на рублях.

Да, но вернусь к уходу Семина в сборную. Мог ли он совмещать? Когда я через несколько месяцев после этого разговаривал с Филатовым, то затронул эту тему. И Николаич сказал, что, если бы Семин настоял, то мог бы тренировать и сборную, и клуб. Так ли это – не знаю, но, по крайней мере, у президента клуба сложилось такое мнение.

Как показала практика, Палыч сделал ошибку. Не только в плане результата – на чемпионат мира мы так и не вышли, хотя он не проиграл ни единого матча и потерял только раз «свои» очки – сыграв вничью в Латвии. Но и в плане того, что в «Локомотив» он вернуться уже не смог. Если бы он остался в клубе, какие бы у них ни были шероховатости с Филатовым, никто бы никуда Семина не выгнал.

Мне жалко было, что я не мог помочь Палычу в решающей игре сборной в Словакии. Травмирован был – да так, что ни на каких морально-волевых не сыграешь.

В матче с «Динамо» в Петровском парке мениск из ноги вылетел – и нога не сгибалась. А я его беру и обратно засовываю. И, как и в 2001-м при «крестах», говорю доктору: «Давай, перематывай ногу». Замен уже не было, и оставшиеся пятнадцать минут так и играл.

Нет, не думаю, что если бы на поле больше не вышел, к сборной бы оклемался. Но подвиги такие, которые твоему здоровью вред наносят, лучше не делать. Только если уж в самой критической для команды ситуации. Как в знаменитой истории на Олимпиаде 1956 года, когда Николай Тищенко со сломанной ключицей на поле остался, стоял впереди для количества – а в итоге решающую голевую передачу сделал. Кстати, я так же, в нападении, в том матче с «Динамо» и остался. Но как было 0:0, так и закончилось.

Сборную в итоге смотрел по телевизору – нам надо было выигрывать, но 0:0 и ни единого шанса. Чудо Палычу не удалось.

Честно говоря, ждал, что после этого в межсезонье Семин вернется в «Локомотив». Но там его, как оказалось, уже не ждали. И он ушел в московское «Динамо».

* * *

Я даже жене Филатова потом говорил: «Если бы Николаич с

Семиным не разругались, все в «Локомотиве» до сих пор было бы хорошо». Они и сами оба теперь это признают. Когда мы с Филом в хоккей играли, он тоже с этим согласился. То ли славу делить начали, то ли деньги – не знаю.

Об их ссоре мы по каким-то косвенным признакам, может быть, и догадывались, но напрямую ничего не знали. На людях они никогда ничего не показывали. У них на первом месте стояли профессиональные отношения, а не личные. И Семин всегда ставил на игру того, кто сильнее, а не у кого выше зарплата. Моя история с Обрадовичем – одно из многочисленных тому доказательств…

И от Филатова тогда я ни разу не слышал, как надо в футбол играть. Хотя он, в отличие от некоторых других руководителей разных полов, играл в «Торпедо» и был чемпионом СССР. Правда, уже при Эштрекове Валерий Николаевич стал позволять себе делать звонки, советовать, кого на замену выпустить. Было такое дело.

У Хазраилыча на скамейке рядом всегда лежал телефон, и он сам во время игр порой с кем-то разговаривал – не знаю уж, с Филатовым или с кем-то еще, но, скорее всего, с ним. При Семине такого не бывало никогда.

Но тут я Филатова понимаю. К Эштрекову, когда он стал главным тренером, у ребят отношение полностью изменилось. Один эпизод долго стоял у меня перед глазами. Выиграли мы один из первых матчей после ухода Семина в сборную. Сидим в раздевалке, Филатов еще не пришел.

Хочет войти Семин. Но охранник просит его уйти. Рядом стоит Эштреков. И делает вид, будто ничего не слышит и не видит, хотя я сижу в нескольких метрах и понимаю, что это не так.

Для меня это был нонсенс. Пусть потом говорили, что это инициатива Филатова – не знаю, так это или нет. Но все равно, если Эштреков проработал с Семиным пятнадцать лет, если вы друзья и тут с твоим другом так поступают, – как можно промолчать? Тебе дали власть – и ты сразу поменял отношение к людям?

Но недавно Палыч с Хазраилычем вновь стали общаться. Эштреков приезжал к нам на встречу по случаю десятилетия победы в 2004-м – это значит, что у них все в порядке, ведь я ему не звонил. Общение между ними было совершенно нормальным.

И Хазраилыч говорил, что в той ситуации в раздевалке все было не так. Он сказал: «Я Семина не видел». Хотя я убежден, что видел, я же при этом присутствовал. Но раз с Палычем у них наладилось, наверное, просто время лечит…

Когда Эштреков работал вторым тренером, у всех с ним были великолепные отношения. Но как только стал главным, сразу превратился в другого человека. И дело не в том, что начал предъявлять к нам требования, а просто вести себя стал по-другому. Раньше мог понять, посоветовать – а тут встал на пьедестал.

При Эштрекове мы проиграли в квалификации Лиги чемпионов «Рапиду», чего при Семине, уверен, не произошло бы никогда. Даже несмотря на тяжелую травму Димы Сычева в Казани, которая весь тот сезон нам перевернула, поскольку адекватной замены ему впереди не нашлось. Думаю, команду сломала именно неудача с «Рапидом», оттуда все пошло. Хотя тогда этого никто не понимал.

Мы же первый матч, на выезде, вничью 1:1 сыграли – но при огромном преимуществе, и моментов кучу растранжирили. Австрийцы были совсем раскладные, и не было никаких сомнений, что мы должны их пройти и попасть в Лигу.

Вот и вышли на домашний матч – шаляй-валяй. С такой игрой Юрий Палыч в перерыве пришел бы и все в раздевалке разнес – и мы бы проснулись. А Владимир Хазраилович и тогда был спокоен, и даже после игры, когда у нас был дикий стресс и мы не знали, куда деться, ровным голосом сказал: «Завтра тренировка, восстановительные процедуры. Жду вас на базе во столько-то». Я от этого флегматизма чуть с ума не сошел.

Как будто ничего не произошло и мы не проиграли команде, которую должны были хоронить еще в первой игре. Одно дело, когда мы в «Спартаке» проиграли «Нанту» и Ярцев с Романцевым не стали нам «пихать» – там и соперник был другого уровня, и у нас полкоманды молодняка, которые бы от этого только зажались. А тут – опытный коллектив, который только недавно в плей-офф Лиги чемпионов с «Монако» на равных бился…

Я уже рассказывал, как в Израиле высказал Эштрекову все, что думал, предложив сесть на лавочку и порадоваться, что выигрываем – 4:0. Но забыл упомянуть, что выдал еще одну тираду, которую слышал весь стадион. Ох, понимаю, как же тренерам, особенно эмоциональным, со мной непросто было. Что думал – то и лепил. Теперь, сам став тренером, на все это совсем по-другому смотрю.

А Филатов с Семиным, уверен, смогли бы снова работать вместе. У них и отношения, насколько знаю, спустя несколько лет восстановились. Но люди, которые руководят «Локомотивом» теперь, возвращения их тандема уже, к сожалению, не допустят.

Очень жаль, что они разошлись. И для меня было бы лучше, если бы они продолжили работать вместе. И для всего клуба –

потому что все победы «Локомотива» пришлись на период их совместной работы. Не хочу взвешивать, кому из них я благодарен больше. Обоим одинаково!

Благодаря им у меня появился дом. Причем даже в прямом смысле – дом в Вешках я построил в пору, когда играл в «Локо». Дом, дача на Пироговском водохранилище, квартира, где мама с сестрой живут, родители жены – всё в радиусе десяти километров друг от друга. Красота.

* * *

Татьяна Евсеева:

– Не скажу, что, когда мы начали с Вадиком встречаться, думала о том, получится из него большой футболист или нет. Я ж не бабка Ванга. Когда его взяли в основную команду «Спартака», пошла на первую игру, причем международную, с французским «Нантом». Переживала страшно, думала: «Лишь бы он чего-то не натворил во вред команде». Зима была жуткая, где-то минус двадцать, но мы с папой пошли. Я так переживала, как бы он не опозорился!

Так и пошло. Но в «Спартаке» не сказать, чтобы часто на футбол ходила. Тем более что забеременела, родила… Основные годы на стадионе, которые помню, – это уже когда он играл в «Локомотиве». У нас там сложился невероятно сплоченный коллектив – причем не только мужской, но и женский. В «Спартаке» ничего подобного не было. И нас всегда поддерживала жена президента клуба Валерия Филатова. Когда летели на какие-то выездные игры, она с нами была.

Заводилой была Инга Овчинникова. Я вообще счастлива, что познакомилась с этим невероятно харизматичным человеком. Она мой друг, товарищ, наставник… До сих пор не разлей вода. Хоть сейчас живет в Америке, в Атланте, – но мы каждый день созваниваемся. Каждый! И пишем друг другу на What's App по тридцать-сорок сообщений в сутки. Инга – мой лучший друг.

Настолько добрый человек, настолько отзывчивый! При этом всегда скажет правду, иногда даже горькую – а это редкое качество. И всегда даст совет. Она немножко постарше – и дает эти советы с позиции своего жизненного опыта. Ну и по голове иногда дает.

Это правда, что в 2004 году, когда у Вадика заканчивался контракт с «Локомотивом» и ему поступило несколько более серьезных в финансовом плане предложений, как раз Овчинников через Ингу воздействовал на меня, чтобы Вадик остался в «Локо». А через год сам взял и ушел в «Динамо». Тогда Вадик на него сильно рассердился.

Для нас всех это был шок. Закончился последний тур сезона-2005, мы все вместе сидели за столом в любимом командой ресторане на проспекте Вернадского, и тут Сергей говорит: «Хочу вам сказать, что перехожу в «Динамо». Вы поймете потом».

Мы все просто обалдели. Вадик просто дар речи потерял. Почему раньше ничего не говорил, что поймем, когда – потом? Некоторые ребята восприняли это как предательство. Они ему верили, смотрели на него, равнялись…

Из причесок Вадика мне раньше длинная нравилась – но чтобы не слишком. Потом уже, когда покруглел, сказала ему, что с возрастом мужчине длинные волосы перестают идти. Состричь же патлы он мог в самый неожиданный момент. Помню, в Монако проиграли в плей-офф Лиги чемпионов. Вернулся оттуда, смотрю – а он лысый. Под ноль. Причем здесь уже успел обриться, еще до того, как домой пришел. Меня чуть инфаркт не хватил.

Или как он со сбора в горнолыжных очках и ботинках в аэропорт заявился. Мы с Ингой мужей встречали, и я увидела его в таком виде на экране. Просто обалдела: «Ну опять. Ну почему?» Каждый раз своими неформальными поступками в шок вводил!

Сейчас все друзья говорят, что, закончив с футболом, Вадик сильно поменялся. Да и сама вижу – дома стал намного мягче. А раньше был очень резкий.

Особенно стало тяжело, когда он перешел в «Локомотив». Сейчас говорит: «Да, действительно, тогда я познал на себе, что такое звездная болезнь». Признавался мне потом, что понял, как крышу сносит. Наверное, от славы, от денег. Контракт там был намного больше, и известность появилась.

Думаю – ну что с человеком-то происходит? Агрессия пошла на окружающих. Слова ему не скажи. Просто не понимала, что происходит. Плюс он же весь в себе, вытащить его на откровенный разговор было

невозможно.

Нет, руки на меня никогда не поднимал. Но трудностей хватало. И когда с Полиной все началось, не обнимет, не утешит. Дать поплакать в жилетку – это не про него. А мне было очень тяжело в тот момент.

Как раз когда у него немножко корона была на голове, случился инцидент в машине около стадиона «Локомотив». Я была рядом. Вадика подрезали, потом машины остановились на светофоре. Вдруг он выбежал, подбежал к тому, разбил ему стекло. Вся рука у него в крови была. Вернулся и мне сказал: «Садись за руль, я пошел». Взял сумку и действительно пошел на тренировку.

Что мне делать? Я села и поехала. Продолжения у этой истории не было. Я думала, молодой человек из той машины запишет наши номера и потом будут разборки. Но повезло, так никто и не проявился.

В общем, порой приходилось тяжеловато. Помогли друзья, поддержали. Но, мне кажется, то, что случилось с дочкой, его отрезвило. После ее операции он стал по-другому себя вести. Понял, в чем смысл жизни. Так вышло, что как только он стал по-настоящему знаменитым, после Уэльса, худшее из нашей жизни как раз ушло. Хотя, казалось бы, по стереотипу голова именно тогда у него должна была закружиться – ведь, помню, в аэропорту, когда из Германии прилетели, его встречали как какую-нибудь Бритни Спирс…

А обсуждать с ним, что он не так себя ведет, было бесполезно – он же, как бычок, гнет свою линию. Как сказал – так и будет. Козерог, упертый невероятно. Но честный.

Травмы переживал тоже внутри себя, никак своих волнений не показывал. И мне таким образом спокойствие внушал: мол, ничего страшного. Когда уже в «Сатурне» случились вторые «кресты», я подумала – наверное, все, заканчиваем. Но он же упертый, только быстрее понесся, чтобы выйти! А в первом случае Юрий Палыч его подстегнул. Они были на сборах, он себя подсознательно берег, а Семин на него сильно накричал. Тут-то Вадик и понял, что пора играть.

Вадик с Юрием Палычем вообще чем-то похожи. Они с ним сразу общий язык нашли. Как-то приходит, рассказывает, что встречался в машине с Семиным, тот предложил перейти в «Локомотив», и он согласился.

Просто перед фактом поставил.

Я вначале сказала: «Ну и отлично!» А потом… заплакала. Ужасно жалко было. Потому что «Спартак» – команда такая… Народная. Но потом оказалось, что «Локомотив» ничем не хуже. И лучшие годы в карьере Вадик провел именно там. И кстати, всегда был очень счастлив, когда «Локомотив» у «Спартака» выигрывал. Хоть болел в принципе за «Спартак». Вот как бывает.

Юрий Палыч – не просто тренер, который тактику выстраивает, а психолог. Каждого игрока чувствует, к каждому ключик свой находит. Таких тренеров мало. Я же на каждую игру ходила, так и познакомилась. Наблюдала и видела, с каким уважением они с Вадиком друг к другу относятся.

С Филатовым отношения были отличные. И остались – как и с Семиным. У Валерия Николаевича даже дома были несколько раз. У них семейная традиция – собирают друзей на Рождество. А Филатов – крестный ребенка Димы Лоськова, с которым мы по-прежнему дружим. Года два назад все вместе собирались.

В каком-то году – возможно, 2004-м – Вадику все никак не предлагали продлить контракт, до последнего тянули. Филатов потом уже смеялся, когда мы к нему в гости ездили: «Да был твой контракт, лежал уже давно. Но мы ждали».

Они ведь тоже психологи. Таким образом хотели подстегнуть его, злость в нем разбудить. Понимали, что все равно никуда не денется, его сердце в этой команде и с этими людьми. Он, конечно, обижался, вел с кем-то переговоры, но конкретно о том, чтобы уходить, никогда не думал.

Откровенно говоря, когда Семин в 2009 году по новой принял «Локомотив», я ждала, что он Вадика туда обратно играть позовет. Но не позвал. Видимо, карьера Вадика уже на спад пошла и на задачи, которые Юрий Палыч надеялся решать, он в свои тридцать три года уже не тянул. Никаких обид.

Золотой матч «Спартака» с «Аланией», который проходил в Питере, я смотрела по телевизору. А вот на обеих играх, когда Вадик стал чемпионом в составе «Локомотива», была.

Правда, на золотом матче с ЦСКА в 2002 году – частично. Мы как раз тогда летали на очередное обследование с Полиной и возвратились перед самым

началом игры. Меня папа встречал – и на стадион. Только на второй тайм успела. Поэтому победный гол Лоськова не видела – Димка же его в начале забил.

Мы дружим, очень хорошо общаемся с Еленой Нигматуллиной, а Руслан тогда в ЦСКА уже играл. На стадионе рядом сидели и болели каждый за своего мужа и его команду.

Более счастливым, чем после того «золота», я Вадика из-за футбольных событий не видела, наверное, никогда. Но в победную раздевалку жены не заходили. Отметили победу потом на банкете в ресторане, там же, на «Динамо».

А два года спустя в Ярославль ездили всей толпой. И жены, и друзья – клуб автобус из Москвы организовал. А возвращались уже вместе с командой. Помню, как Лима в автобусе плясал полуголый…

Ни в «Торпедо», ни в «Сатурне» женского коллектива у нас не было. В Раменском только с Ольгой Лоськовой общались, и все. Это плохо, конечно. Общаться надо. Через женщин все равно многое идет. И то, что в «Локомотиве» был такой женский коллектив, на единстве мужского сказывалось.

* * *

Могу представить, что бы сделал со мной тот же Бышовец, если бы услышал фразу, которую я произнес внутри команды в начале работы со Славолюбом Муслином! На сборах как-то сказал: «Ну что, будем в середине вариться…»

Вокруг было много народу, и при Бышовце информация до главного тренера обязательно дошла бы. Так у него была поставлена работа. Может, она и до Славо дошла, не знаю. Но он никак не дал мне об этом знать. Наоборот, доказал за это время и мне, и другим ребятам, что адекватен, да и просто любит футболистов.

У Муслина все было четко. Расписание тренировок вывешивалось на неделю вперед – слышал, позже у Дика Адвоката в «Зените» так же было. Мы знали поминутно, когда что будет, и могли строить планы на свободное время, не боясь, что в последний момент из-за плохого настроения тренера все поменяется. Мы чувствовали, что нас уважают.

Ему, как и Семину, я мог сказать все. Однажды пошутил по поводу его служебной машины. Она была довольно скромной,

если учесть, что на ней ездил главный тренер «Локомотива». Говорю ему как-то: «Пересаживайтесь к Спахичу, не позорьтесь». А он в ответ смеется и руками разводит: мол, ничего не могу поделать – такую машину клуб выделил. Бышовец потом на этом «Фольксваген Пассате» ездить отказался.

В плане машин кое-что удивило меня и покруче, чем Муслин. Перед римским матчем «Локомотива» с «Ромой» в Лиге чемпионов на базу «Лацио», где мы тренировались, приезжал Паоло ди Канио. Он ездил на «Мини-Купере». Это было совсем удивительно. И с этим футболистом и его брутальным имиджем никак не ассоциировалось…

При Муслине – не знаю уж, по чьей инициативе – мы после каждого матча стали собираться в ресторане около клубного интерната. Там были игроки, тренеры, руководители, иногда даже случайно забредали болельщики, если охрана не проявляла бдительность.

Царила там полная свобода, запретов не было, каждый мог сколько угодно выпить, поговорить на любые темы. Сидел, к примеру, председатель совета директоров Сергей Липатов и смотрел, как я пять кружек пива ребятам несу, несмотря на то что там есть официанты.

Мы тогда в «Локомотиве» никого не боялись. Есть такое фанатское двустишие: «Самый лучший коллектив – это наш «Локомотив»!» К нашему коллективу тогда это полностью относилось…

Одна история с Бикеем доказала, что Муслин не только хороший тренер, но и личность. Камерунец в присутствии других футболистов оскорбил и тренера, и руководство. Потом, правда, извинился, и Славо нам сказал, что прощает его.

Но тут прозвучала ключевая фраза. «А вы его прощаете?» – поинтересовался у нас Муслин. И хорошо, что сделал это. Потому что мы ответили: «Нет».

И объяснили, почему. Бикей – очень странный человек. Обычно люди прислушиваются к чужим советам и меняют свое поведение, если оно не нравится окружающим. Даже Кингстон – на что был отчаянный парень, и тот со временем прислушался и перестроился.

А Бикей не собирался никого слушать. Упрямый был как осел. Он на всех плевать хотел, вел себя, словно он – главный. И в игре хочется ведь, чтобы было удобно и принимать, и отдавать мяч, а его это совершенно не заботило. Однажды он кинул мне мяч, как собаке кость, так я «с пушки» в ответ ему отдал – пускай сам останавливает, как хочет.

У них с Руополо была одна машина с водителем на двоих. По

дороге на базу тот заезжал за итальянцем, затем они подбирали Бикея, который вечно опаздывал. То на двадцать минут, то на полчаса. Как-то Руополо возмутился, так камерунец полез на него с кулаками. Лось как капитан узнал и говорит тому водителю: «Чего ты Бикея ждешь? Нет его вовремя – езжай на базу. Пусть добирается как хочет. Опоздает на тренировку – заплатит штраф. Поумнеет». Однажды водитель так и поступил. Бикей потом в клуб заявился, скандалил…

Как-то на предсезонке Муслин спросил у Бикея, почему тот в клуб не приехал между сборами, когда его спортивный директор Хасан Биджиев звал. Тот грубо ответил: «У меня выходные вообще-то были!» Они сцепились, и Славо выгнал его с тренировки.

Потом Муслин сказал, что Бикей извинился – но тут уже я прямо заявил, что перед нами он вообще-то не извинялся, а все происходило не между ними один на один, а в нашем присутствии.

Так вот, когда Муслин узнал, что команда настроена против Бикея, этого футболиста в «Локомотиве» не стало. И мы тренера за это зауважали. А для меня вообще такое было впервые, что футболисты до такой степени не воспринимают своего коллегу. Бикей, наверное, думал, что с ним так до конца и будут шутки шутить и поздно сообразил, что это – коллектив и тут всему есть предел.

* * *

При Муслине пресловутый мобильник для звонков во время матча у тренерского штаба тоже был, но находился он у тренера вратарей Заура Хапова. Он всегда и разговаривал, Славо – ни разу не помню. Как-то раз я был в запасе, разминался, Хапов меня подзывает: «Иди скажи Муслину, чтобы вот этого поменяли». Но, видимо, тренер отреагировал нервно, и потом Заур весь удар принимал на себя и просьб больше не передавал.

В начале чемпионата-2006 мы сыпались – одно очко после четырех туров. И играем в Черкизове с ЦСКА. Ведем 1:0, потом проигрываем к перерыву – 1:2. В раздевалке Хапов, поговорив по телефону, говорит: «Премиальные за ничью – десять тысяч долларов!»

Выходим на второй тайм – О'Коннор сразу забивает. Ближе к концу игры идем вперед, атакуем, и тут Хапов после очередного сеанса связи кричит: «За победу – 20 тысяч». И на 90-й Иванович забивает победный!

Входим в раздевалку – и Филатов туда же. Я говорю: «Николаич, хорош – 20 тысяч!» Он удивленно: «Какие 20 тысяч?» – «Как – какие? Хапов сказал – 20 тысяч премиальные». – «Не знаю, что вам Хапов сказал, с Хапова тогда их и требуйте». Дали в итоге только десять. Потом это вошло в шутку, мы любили говорить президенту: «Ладно, Николаич, добавьте еще десять!»

Но у меня за карьеру никогда не было по-настоящему больших премиальных. Это О'Коннор рассказывал, что за деньги, которые они в «Локо» получили за выигрыш Кубка в 2007-м, он мог «Феррари» купить. Тут Гарри, думаю, конечно, загнул. Вообще, парень был своеобразный, но в том сезоне, когда мы с ним пересеклись, его игра мне импонировала. Неуступчивый, злой, я таких люблю.

Что потом случилось? Может, деньги его развратили. Купил «Рендж Ровер» и как начал гонять! Ездил по Кутузовскому по разделительной полосе. Его гаишник останавливает – он в окно пятитысячную купюру протягивает и дальше по этой же разделке и едет. Где можно было только с мигалками. Без тормозов парень!

Во времена Липатова и Бышовца премиальные были самые большие за всю историю «Локомотива». Анатолий Федорович умел их выбить – и для ребят, и, конечно, для себя. Мог найти слова, чтобы руководители такие деньги дали. За Кубок, по моей информации, реально было по 50–60 тысяч долларов на человека.

Но это отлично, я за футболистов был только рад. Вообще, если вдуматься, Бышовец что-то странное сделал, меня убрав. Я люблю играть за большие премиальные, они меня заводят, а он меня взял и выгнал. Наоборот, был бы ему помощником. А так больше 10 тысяч долларов премиальных никогда и не видел.

После домашнего поражения от «Спартака» из Нальчика, когда у нас были подряд одна ничья и два поражения, посидели мы в ресторане и собирались уже с женой уходить. Смотрю – одновременно идет к своей машине Муслин.

Говорю жене: «Подожди в машине». И подхожу к главному тренеру: «Славо, иди сюда!» То есть пошел, конечно, я. Он вначале насторожился, но я сказал ему: «Ты все нормально делаешь. Это мы пока твою игру не до конца понимаем, много нюансов. Главное – не думай, что тебя «сплавляем». Просто пока не можем перестроиться. Увидишь: все будет нормально!»

Было видно, что он проникся. И хотя следующий матч мы все-таки еще проиграли – «Спартаку», то потом обыграли ЦСКА и начали свою долгую беспроигрышную серию. Она оборвалась в игре с «Москвой», после которой Славо и уволили. Сказав, что надо встряхнуть команду.

Я ничего не понял. Были на первом месте, уступили

«Москве», оказались на втором. Кого встряхивать? Зачем? Да, проиграли средненькому «Зюлте-Варегему», недооценили бельгийцев. Но с тех пор прошло время, команда доказала, что не поплыла, и имела все шансы занять первое место. До сих пор уверен, что если бы Муслина не уволили, тот чемпионат мы могли бы спокойно выиграть. Без вопросов. Некрасиво с ним поступили. Мое мнение – однозначно поспешили.

После отставки Муслина мы встречались с ним в сербском ресторане в Москве. Когда назначили в «Химки», я через его друга позвонил, поздравил. Он и предложил посидеть, посмотреть вместе какой-то матч Лиги чемпионов. Потом приезжал Бано Иванович с агентом, шел разговор об интересе «Ювентуса» – о «Челси» тогда речи еще не шло… Хорошо тогда встретились со Славо. И потом не раз встречались еще.

Я к нему по сей день очень хорошо отношусь, и прошлой осенью, когда он тренировал «Амкар», съездил в Тулу на их матч с «Арсеналом». Там присели с ним и с Гуренко и хорошо пообщались. Он рассказывал, что в команде затянули со сменой поколений и ветеранов надо менять на молодых, чем он и занимается. В голову тогда не могло прийти, что меньше чем через месяц после 0:5 от «Динамо» его оттуда уберут, а еще месяц спустя я в Перми в роли второго тренера окажусь…

Когда Муслина в 2006-м уволили из «Локомотива», вместо него поставили Олега Долматова. К нему претензий никаких не было. На первой тренировке после матча с «Зенитом» Долматов сам расставил все акценты: «Хотите вы того или нет, но меня сюда поставили, и я буду работать до конца года». А в том, что «Локо» завалил финиш, виноват не тренер, а те, кто устроил в команде тренерскую чехарду.

Как-то раз тренер «Химок» Александр Григорян, когда зашла речь о моем переходе в эту команду, сказал: «В команде должна быть одна одиозная личность. У нас это – я сам». Поэтому иные тренеры боялись – если что не так, Евсеев все выскажет. Но те, кто со мной работал, подтвердят: когда по-честному, трудностей никаких. Тот же Долматов говорил потом: «Я неделю жду, когда от Евсеева начнутся проблемы, вторую, третью – а все никак, нормально работает». Не так уж я был страшен.

Валерий Филатов:

«Не обижаюсь, когда человек выражает свои эмоции, пускай и негативные, открыто. Тот же Вадик Евсеев – уникальный человек! Да, он крикнул в телекамеры после матча последнего тура чемпионата 2006 года: «Спасибо Муслину!» И что? Человек сказал, что думал, и имел на

это полное право. И я от Евсеева много раз в лицо весьма резкие высказывания слышал». (2008 год, из книги Игоря Рабинера «Локомотив», который мы потеряли».)

* * *

А вот с Бышовцем было не по-честному.

В конце декабря 2006-го его назначили главным тренером, а Семина – президентом клуба вместо Филатова. Но последнее, как оказалось, было чисто номинально – для того, чтобы журналисты и болельщики не задавали вопрос, почему в «Локомотиве» нет людей, которые его создали – ни Филатова, ни Семина. Решал все Липатов.

Расставание с «Локомотивом» в январе 2007 года стало для меня полной неожиданностью. Команда должна была лететь из Москвы на сбор в Турцию. Но накануне, после контрольного матча со «Спартаком» из Костромы, в котором я не играл, Бышовец подозвал меня и сказал: «Я строю новую команду и тебя в ней не вижу».

После чего в своих лучших традициях взял минутную паузу. Видимо, ждал какого-то моего ответа. Или действия.

Но я даже не знал, что сказать, – настолько эта новость застала меня врасплох. Играл я в «Локомотиве» семь лет, а разговор с новым тренером о моем уходе занял две минуты.

Знаю, что поводов к такому решению я не давал. Да, мог сказать людям в лицо какие-то неприятные вещи, но на сборе в Португалии ничего такого не происходило. Пришел новый тренер, и мне надо было ему показывать игру, а не языком чесать. Да и как я мог Бышовцу что-то сказать, если с ним лично до того знаком не был?

Знал только, что этот человек выиграл Олимпиаду. Это было для меня ориентиром. Считал, что если он достиг такого результата, то и тренер хороший и плохими человеческими качествами обладать не может.

Потом уже узнал от ребят кое-что интересное. Многие считали, что он выиграл один серьезный турнир – и пользуется этой победой всю оставшуюся жизнь. Но после «Локомотива», как видим, пользоваться уже не смог…

Семь дней того первого сбора я тренировался, семь – болел, потом еще неделю мы провели в Москве. Чтобы поставить на мне крест, время явно недостаточное. Тем более что в Португалии Бышовец дал нам пробежать тест Купера, и я был вторым в команде после молодого Вани Старкова. Думаю, тренер на такой

результат не рассчитывал. Но и это не помешало ему меня выгнать.

«Или ты остаешься в Москве и ищешь себе новую команду, или едешь на сбор с дублем», – сказал мне Бышовец. Я ответил, что заканчивать с футболом не собираюсь, поэтому еду тренироваться с дублем. Вроде и летели в одном чартере, но с ним не общались и не здоровались. Потом он говорил: мол, со мной поступили хорошо, дали время, чтобы я нашел варианты для трудоустройства. Но куда я мог после 31 января устроиться? Только в Россию. А Россией футбол не ограничивается…

Многие ребята были в шоке, узнав, что меня больше нет в команде. К примеру, Дэн Билялетдинов, Дима Сычев и Эмир Спахич прямо тогда, в самолете, хотели пойти поговорить с Бышовцем, чтобы меня оставили. Но я их отговорил, сказав: «Вы лучше о себе думайте, а не обо мне». Мне бы они все равно помочь уже не смогли, а себе жизнь вполне осложнили бы.

> ***Дмитрий Лоськов:***
>
> *– Бышовец изъясняется такими фразами, что ты сам должен додумываться до сути: камешек летит в твой огород. Обстановка изменилась сразу. Все поняли: лучше молчать. Любое твое слово может быть истолковано неизвестно как. Вот мы и промолчали, когда выгнали Евсеева. Жалею об этом. Надо было выступить. Это тренер присматривался: как команда отреагирует? Потом стало ясно, что будут следующие: я, возможно, Маминов с Пашининым…* («Спорт-Экспресс», 2007 год.)

Ничего не могу сказать по поводу намеков, что якобы моего ухода хотел даже не Бышовец, а Липатов. С Липатовым не общался, позицию его не знаю. Но даже если это и так, то сильный человек никогда не выгонит игрока из команды из-за того, что на него кто-то надавил.

Впрочем, Семин меня предупреждал перед отъездом на первый сбор, чтобы я молчал и не поддавался ни на какие провокации. Раз он мне такое сказал – значит, что-то ему уже было известно. Но в Португалии бросилась в глаза одна вещь – не в отношении меня, а в отношении команды.

Игроки и многочисленные тренеры жили строго через номер. В одном мы с Самедовым, в следующем – Кульков, затем Пашинин с Маминовым, за ними – Лютый, потом Лоськов с Гуренко – и Клейменов. Нетрудно было догадаться, что все это делалось, чтобы подслушивать наши разговоры. Так оно на практике и оказалось. Лютый с нами в баню ходил… Лось мне потом рассказывал, что один Клейменов, тренер вратарей и

порядочный мужик, в их играх не участвовал. Да он и в интервью об этом говорил.

Короче, везде были уши. Выходим с Самедом на балкон, начинаем разговаривать – и тут же на соседнем дверь балконная скрипит. Кульков, значит, выходит. И характерный звук открывающейся бутылочки: «Чпок!»

В «Локомотиве» к такому не привыкли. Нет, не к бутылочкам, а к ушам, которые всегда и везде. Мы знали, что тренеры и руководство нам доверяют, и ничего не боялись. А тут…

Все, что потом происходило в команде при Бышовце, – это «скандалы, интриги, расследования». С кем из «Локомотива» ни говорил, – все недовольны. Там интригуют, тут стучат, здесь не знают, что можно рассказывать, а что нельзя. С кем можно рядом стоять на улице, а с кем – нежелательно. Иначе тебе потом скажут, что ты игры сдаешь. Такого в «Локомотиве» сроду не было.

Со мной бы это не прошло. Понятно, почему Бышовец хотел убрать меня из команды, – потому что знал: Евсеев бы высказал ему лично все что угодно. В лицо, хоть до игры, хоть после, хоть при всех. Он этого боялся и убирал личностей. То, что он сделал с Лоськовым, поразило меня гораздо больше, чем мое собственное отчисление. Димка-то вообще был символом клуба и как игрок находился еще в самом соку. Как с ним-то так можно было?

В то, что я не нравился Липатову, очень даже верю. Я вообще об этом догадывался давно. Не умею прикидываться, что к кому-то хорошо отношусь, если это не так. Филатова я уважал намного больше, а Липатов для меня авторитетом никогда не был.

Он сразу некрасиво повел себя в команде. Едва познакомившись, начал рассказывать, за сколько секунд бегал 200 метров. Нам-то что? Разве ты благодаря этому сюда пришел?

Познакомились мы с Липатовым в 2005 году в московском ресторане после поражения в предварительном раунде Лиги чемпионов от «Рапида». Филатов пригласил тогда восемь футболистов, чтобы поговорить о том, что происходит в команде, и познакомить нас с новым начальником.

Тот нам, значит, про свои спортивные успехи рассказывал, а потом попрощался. И вдруг, уже выйдя, звонит Филатову и говорит: «Выгляни в окно и посмотри, на какой я машине». Машина, конечно, была хороша, но все это выглядело как какой-то детский сад. Вряд ли это кому-то из ребят могло понравиться.

Помню, он мне как-то дал свою визитку и сказал, чтобы я ему как-нибудь позвонил или в Лужники приехал. Думаю – зачем? Гуренко, который тоже участвовал в том разговоре, объяснил: «Он тебя пригласил в футбол поиграть!» Но мне это не надо было.

Таким образом набирать очки у начальства – не мое.

У меня в бытность игроком была проблема – новые имена быстро не запоминаю. И вскоре после той встречи по окончании какого-то матча я имел неосторожность в раздевалке громко сказать Филатову: «Ну, где тот наш акционер?» Липатов же, как оказалось, стоял рядом и с Измайловым разговаривал. Посмотрел он тогда на меня очень внимательно.

Я всегда любил «душить» Филатова по поводу премиальных. После каждой победы говорил ему: «Когда мы будем делить наши деньги?» Валерий Николаевич к этому привык, а вот для Липатова это было что-то новое.

Теперь-то вижу, что, когда в «Локомотиве» денег было относительно мало, все было хорошо. А когда их стало очень много, все «поплыло». Раньше в этом клубе все делалось от души, потом стало – от денег.

Сначала Липатов руками Филатова убрал Семина, не пустив его после сборной обратно в «Локомотив». Потом убрал Филатова, назначив Семина президентом для болельщиков и прессы – а на самом деле тот ничего не решал. И наконец, убрал Семина, отправив его в отставку вместе с Бышовцем. Все было сделано красиво.

Мне люди рассказали, какой случай произошел перед отставкой Филатова. Их вдвоем с Липатовым вызвали к Владимиру Якунину. «На берегу» они договорились, что будут говорить вместе и гнуть одну линию. А у Якунина говорил только Филатов. Липатов молчал. И через какое-то время, когда принималось решение, все шишки, естественно, достались Валерию Николаевичу.

Кстати, так уж получилось, что одну мою фразу Липатов использовал для того, чтобы снять Филатова. Тогда после матча последнего тура чемпионата-2006, когда мы заняли третье место, я, пробегая мимо телекамер, крикнул в них: «Спасибо Муслину!»

Так вот, от многих слышал, что Липатов сказал Якунину: «Вот видите, Филатов убрал Муслина, а Евсеев от имени коллектива крикнул в его адрес слова благодарности». При том что неизвестно, кто в действительности уволил Муслина – Филатов или Липатов. То, что Филатов взял ответственность на себя, ни о чем не говорит: Валерий Николаевич всегда был человеком прямым.

Мне было очень приятно, когда я в конце 2007 года позвонил Филатову – и Валерий Николаевич обрадовался моему звонку. Поговорили по душам. Я, честно говоря, боялся, что он после той реплики про Муслина затаил на меня обиду. Мне тогда еще говорили, что ему это очень не понравилось. Но он отреагировал

нормально. Да и что нам было делить теперь, когда из «Локомотива» убрали и его, и меня?..

Я ведь и ту фразу произносил не в пику Филатову, а просто потому, что мы все так действительно думали. Всегда хотел сделать для коллектива только хорошее – и делал.

А то, что я думаю по поводу увольнения Муслина, Филатов прекрасно знал. Сразу после отставки он вызвал группу игроков к себе и сказал: «Вы меня знаете, вам ничего не будет. Скажите то, что думаете». Были там еще Лоськов, Спахич, Пашинин и Маминов.

Я встал и спросил президента прямо в глаза: «Зачем вы убрали тренера, который всем нравился?» И ребята меня поддержали, каждый стал высказываться.

Разговор длился почти час, и в конце Филатов сказал: «Да, я думал, что вы будете другого мнения…» Жалко только, что Николаич не узнал это мнение до того, как решение было принято. А то приходим однажды утром на тренировку, а нам говорят, что тренера убрали. Я сказал: «Не понял юмора!» К Олегу Долматову у нас не было никакой неприязни, но после отставки Муслина у нас кончились все эмоции. А без эмоций играть невозможно.

Когда заключал свой последний контракт с «Локомотивом», Филатов пообещал мне работу в клубе после окончания карьеры. Это не было записано в соглашении – мне было достаточно слова президента. То же обещали Лоськову и Овчинникову. Помню, мы в разговорах с ребятами распределяли, кто чем будет заниматься. Я говорил, что Лось будет аквапарком заведовать, а я там же буду инструктором. Ломали голову, куда бы Босса пристроить…

А в итоге и аквапарк в «Локомотиве» не достроили, и нас троих в клубе больше нет.

Валерий Филатов:

«*Что касается отчисления Лоськова и Евсеева, то больше всего меня возмутила форма, в которой это произошло. В конце концов, не случилось бы это в прошлом году – могло бы случиться через год, два, три. Это жизнь. Но если уж приняли такое решение, клуб обязан был со всеми почестями проводить из команды футболистов, которые столько сделали для «Локомотива»… И дело тут не только в Бышовце. Облечь расставание в достойную и красивую форму было прямой обязанностью клуба. С которой он не справился*» (2008 год, из книги «Локомотив», который мы потеряли»).

Александр Маньяков:

– Евсеев и Бышовец – это были две параллельные прямые, не пересекающиеся. Тренер ему просто в Португалии на сборе сказал: «Ты не подходишь». Вадик ему говорит: «Постойте, я же весь сбор проболел, ни одной тренировки не провел. Как вы это поняли?» Но тот ничего слушать не хотел. Имелась задача – убрать Димку Лоськова и Вадика. Просто Лось капитаном был, от него так просто не избавиться, полгода пришлось подождать. А тут все сразу, нечего откладывать. Не сомневаюсь, что это от самого же Бышовца и пошло, никто сверху команду ему не давал.

Татьяна Евсеева:

– Почему Бышовец его выгнал спустя две недели после того, как они начали вместе работать? Думаю, тренер просто испугался его авторитета в команде. И Лоськова тоже. Пусть это останется на его совести. Помню, как Вадик переживал, как негодовал, что человек так поступает за его спиной.

Сама я с Бышовцем никогда не общалась, только по телевизору видела. Нет, он для меня не враг, зачем эмоции на людей тратить. Этот человек мне безразличен. Просто в той ситуации, и с Лоськовым тоже, он показал свою слабость. Он единственный тренер за всю карьеру Вадика, с которым у него не сложились отношения. Да даже и так нельзя сказать – они же вместе всего две недели проработали, тот и узнать-то его толком не успел.

* * *

* * *

Как я мог относиться к человеку, который в клубе говорил: «Овчинников дает деньги, чтобы ребята сдавали игры»?! Которому везде мерещились заговоры? Который давно уже из тренера превратился в бизнесмена? Недаром ходили слухи, что даже двадцатью годами ранее на Олимпиаду в Сеуле пятнадцать человек в сборную прошли по игре, а остальные – по финансовым возможностям…

Бышовец, правда, одним хорош. Он настолько любит деньги, что у него всегда в командах были большие премиальные. Поэтому и ребята зарабатывали прилично. Рассказывали, что в

1992 году на чемпионате Европы они, дважды сыграв вничью и крупно проиграв Шотландии, получили столько, что Колосков на Бышовца за это до сих пор в обиде.

За три недели работы с Бышовцем я узнал, что в те годы звание лучшего игрока Европы должен был получить он, а не Блохин. О себе он вообще рассказывал постоянно. О том, как молодым игроком киевского «Динамо» ходил вверх по лестнице на базе и в гостиницах, а старики поднимались на лифте и смеялись над ним. А закончил он эту историю так: «Я потом играл, а их в команде уже не было».

В 2007 году, после того, как меня выгнали, ребята рассказывали, какая атмосфера была на предматчевых сборах. Все не вылезали из своих номеров! Раньше везде толпился народ – кто в телевизионной что-то смотрел, кто в карты играл, кто у докторов тусовался, кто-то в столовой… Все на виду были, даже иностранцы. При Бышовце можно было закричать «ау» – и никто бы не появился. Каждое появление где-либо – это лишнее слово. А оно могло быть истолковано по-всякому.

А Лося как убрали? Это же был настоящий беспредел! Даже когда от меня избавлялись, я и предположить не мог, что они так с Димкой поступят. Он пострадал за собственное мнение – в перерыве матча с «Москвой» встал и сказал, что, на его взгляд, надо тактику перестроить. В нормальной форме сказал. Что, капитан не имеет права такие слова произнести? Но недаром Бышовец однажды вызвал Гуренко и убрал его со словами: «Сережа, в команде должен быть один умный человек. И этот человек – я».

Если бы не Семин, Лосю ни в полуфинале, ни в финале Кубка Бышовец не дал бы сыграть. Но Палыч поднял бучу, акционеры в тот раз его поддержали – и тренер вынужден был его ставить. Однако после Кубка все равно убрал…

Потом в «Сатурне» Гаджиев нарадоваться не мог, что у него есть такой игрок. А Курбан Бердыев, наоборот, расстраивался – Лоськов же должен был к нему в «Рубин» перейти, но «Сатурн» сыграл на опережение.

Наверное, в 2007-м я мог остаться в «Локомотиве», если бы согласился при Бышовце играть за дубль. Когда пришел за трудовой книжкой к Семину и попросил найти мне команду, то он так и сказал: «А зачем тебе уходить? Тренируйся, как Булыкин, в дубле, получай зарплату».

Но я не такой человек, чтобы ждать, пока тренера уволят – как бы я к нему ни относился. И не могу получать деньги неизвестно за что. Хоть я всегда и любил говорить про премиальные, но у меня завышенных финансовых требований

никогда не было. Овчинников любил говорить: «На сколько мне предложат – на столько и подписываюсь». Вот и я так же.

Помню, как удивился, когда первый раз разговаривал с Семиным в его машине, и он спросил: «Сколько ты хочешь?» Даже не знал, что бывает такая постановка вопроса. Мне было двадцать три года, и у меня не было ничего.

Но никакая зарплата не стоит тех эмоций, которые ты испытываешь, когда выигрываешь что-то большое. Долгое время я считал, что в моей жизни самым весомым было «золото» со «Спартаком» в 1996-м. Но по прошествии лет понял, что все-таки с «Локомотивом» в 2002-м.

Потому что «Спартак» много раз был чемпионом и раньше, а «Локомотив» мы этой победой впервые подняли на вершину. И все поняли, что никакое это не «пятое колесо в телеге московского футбола».

А когда я забирал трудовую книжку из «Локомотива», собрались Семин, Коротков и я. Трогательно все получилось. Были и слезы, и душевный разговор на прощание. Не покидало чувство, что уходишь из семьи. Да «Локомотив», в котором из семи моих лет мы шесть раз завоевывали медали – по два «золота», «серебра» и «бронзы», – и был для меня настоящей семьей…

Валерий Баринов, *народный артист России, болельщик «Локомотива»:*

– Вадим – человек команды. Как Борис Игнатьев всегда говорил – «духовитый». Обаятельная личность, этакий сорванец от футбола. Евсеев вел людей за собой и говорил все, что считал нужным. Та же история с Уэльсом. Операция у дочки, Гиггз, свист и ор всего стадиона в Кардиффе лично в адрес Евсеева – и именно он всех уделал!

И хоть вообще я против мата и, когда говорят о его особой поэтике, возражаю: «Почему наши классики без него обходились и писали великие произведения?», но в данном случае эта поэтика, конечно, была. Но лично мне кажется, что если бы он ничего не кричал, а просто ходил бы по полю с высоко поднятой головой, это было бы намного сильнее. И вот ведь что печально: в тот момент все Вадиком восхищались, говорили: «Герой! Показал им!» А спустя время, когда у него что-то не шло, чуть ли не те же люди вспоминали, как он матом ругался и как это, оказывается, нехорошо. Нельзя так потребительски к людям относиться!

И терять таких игроков нельзя. Вот чего, на мой взгляд, не понял Бышовец – возможно, из-за того, что у него давно не было практики. Футболисты стали другими. На них можно давить работой – но на индивидуальность давить нельзя. Как и в театре, в футболе нужно воспитывать личностей, а личность без ощущения свободы не может достичь в творчестве чего-то весомого. Если ты все время дрожишь, что тебя могут выгнать или наказать, – ничего не получится. И после ухода Евсеева другие ребята обо всем этом крепко задумались…

Глава пятая
Юрий Семин: «Люди с характером Евсеева – на вес золота в любой команде»

Специально для этой книги – один из главных людей в жизни Евсеева.

Когда Евсеев говорит, что у него не было таланта, – скромничает. Разве это не талант – иметь такой характер, как у него? Это великий талант. Ведь он на этом характере завоевал много титулов, а главное, любовь людей. Вадик – жесткий, принципиальный человек, и это всегда переносилось на футбольное поле.

Как и мужество. Никогда не видел, чтобы он пропускал игру из-за таких травм, как ушиб или растяжение. Только если что-то тяжелое – разрыв крестообразной связки колена, перелом…

Он ведь и поправлялся после этих травм неправдоподобно быстро. Когда нормальным сроком восстановления считается месяц, Евсеев обязательно сокращал его дней на десять. Его организм позволял проходить реабилитацию быстрее. Единственной закавыкой было то, что он все время рвался на поле, и в этом заключалась проблема – не поторопиться бы. Работать одному, не с командой – для него это была мука. Но справлялись как-то…

Так что еще один его талант – это здоровье. Оно воплощалось и в работоспособности – просто потрясающей, особенно в молодые годы. А концентрация? Чем ответственнее матч – тем он лучше играл. Это очень большое дело. В футболе есть довольно много людей, которые как раз ответственные матчи проваливают, психологически не справляются с давлением. А Вадим психологически мог выдержать все, что хочешь.

И это ведь никакая не случайность, что Евсеев – единственный футболист в России, который участвовал в двух золотых матчах и выиграл оба. Золотые матчи выигрывают сильные люди, а Вадим – сильный человек. В золотом матче нельзя ошибиться, и Вадик в серьезных играх не мог позволить себе допустить оплошность. В простом – мог, а в таких доводил свою концентрацию до предела.

Нельзя сказать, что в том золотом матче с ЦСКА он выделялся, но я был на сто процентов уверен, что на его фланге все будет спокойно. Кроме того, он отличался от всех еще и

потому, что в любом матче выигрывал больше всех единоборств.

С игроком можно с утра до вечера говорить о тактике, теорию вдалбливать. Но если человек сам себя не настроит на борьбу, на полную самоотдачу, то все это пустое дело. От самого футболиста многое зависит. Вот Евсеев – он всегда себя сам настраивал. Ему не нужны были мои слова, которые я иной раз перед установкой специально подбирал. Кому-то еще – нужны были, ему – нет.

Он полностью отдавался матчам, у него это от природы. Футбол – это ведь бесконечные единоборства, нескончаемое соревнование, кто лучше – ты или я. Кто этих единоборств больше выигрывает, тот и получает преимущество; кто больше владеет мячом – тот не позволяет сопернику себя атаковать…

А ответственность какая! Когда в 2014 году я именно ему поручил обзвонить всех игроков, позвать на десятилетие последнего «золота» «Локомотива», это получилось вроде бы случайно. А потом понял, что нет. Потому что он лидер. И если Евсей скажет, что мы должны собраться, – значит, люди обязательно соберутся. Он каждому позвонит, узнает, кто как будет ехать, и так далее.

У него ответственность всегда была на высочайшем уровне. Иной раз, конечно, эмоции перехлестывали – это приводило к желтым и красным карточкам. Но по мне лучше пусть перехлестывают, чем быть безразличным. Он абсолютно «мой» персонаж. И всегда мне нравился.

Думаю, что тренер из него должен получиться, поскольку психология у него очень сильная. На сборах зимой, когда моя «Мордовия» работала рядом с его «Амкаром», я не раз наблюдал, как он помогал Гаджи Гаджиеву по всем моментам. И полагаю, что его работа в плане психологии в конце сезона в Перми была видна.

«Амкар» же находился одной ногой в первой лиге, и они большие молодцы, что даже в стыковые матчи не попали. Причем по игре! И думаю, роль Евсеева там была большой. Гаджиев молодец, что взял в помощники и его, и Андрея Каряку. Вадик однозначно передал команде часть своей энергетики. Я мало видел в футболе людей с таким характером, как у Евсеева, Горлуковича, Овчинникова. Они на вес золота, и вокруг них обязательно складываются чемпионские команды.

* * *

Да и чисто игровые качества Вадика были на хорошем уровне. Достаточно приличная техника, например. Понимание,

когда надо подключиться к атаке, а когда остаться. Он был молод, но играл что слева, что справа одинаково прилично. Мыслил очень разумно, в конце мог пойти ва-банк, даже нападающего сыграть. И порой выручал.

Евсеев был суперсовременный игрок. Он и сейчас бы играл, если бы у него не было лишнего веса. В конце карьеры это стало для него проблемой, от веса и травмы пошли. А так бы он играл за счет характера.

Еще хорошую роль сыграло вот что. В «Спартаке», в начале карьеры, Вадим был зажат в рамки – что ты можешь делать, на что не имеешь права. Потому что там имелись более качественные игроки, и от Евсеева требовали выполнять заданную функцию – не более. И он из этих рамок не мог выйти.

А у нас он после какого-то периода понял, что он – лидер. И может позволить себе рисковать в каких-то ситуациях, и все получается. Он по-футбольному раскрепостился. Мог в матчах принимать самостоятельные решения, которые приводили к положительному результату.

Я не запрещал Евсееву рисковать, потому что этот риск приносил команде пользу. Если человек внутренне не самостоятелен, ничего не выйдет. В нем же эта самостоятельность была заложена и, когда он созрел как игрок, раскрылась. Как тут запретить! Ярцев, говорите, его в матче с Уэльсом тоже не просил в штрафную на тот штрафной идти? Вот еще одно подтверждение.

В «Спартаке» я не видел, чтобы он шел в чужую штрафную на стандарты. Что было вполне естественно – крайний защитник, росточку невысокого. Не ходил вначале и в «Локомотиве». А потом, когда он уже освоился, немножко посвободее стал, на тренировках я стал кое-что замечать.

Нет, у него был далеко не выдающийся прыжок. Но он очень четко чувствовал момент соприкосновения с мячом, умел вовремя выпрыгнуть и поймать мяч в высшей точке. И хорошо шел на опережение. Так и получилось, что мы стали наигрывать стандарты, когда он шел на ближнюю штангу. Даже когда он не забивал – такую панику в чужой штрафной создавал!

Никогда не забуду победный мяч, который он забил головой в матче Лиги чемпионов «Галатасараю». Это было потрясающе. Он мяч буквально с мясом вырвал у всех защитников, просто смял этих турок! Когда пошел на этот угловой, у него такие глаза были сумасшедшие! После той победы мы не могли выйти из раздевалки целый час. Сидели в ней, а снаружи в нее камни бросали, монеты. Полиция долго нас не выпускала.

А Евсей в этот момент только танцевал. Выиграли же. Куда

хочешь был готов идти, под любые камни! Он русский человек, со всеми плюсами и минусами…

* * *

Прекрасно знал его как игрока «Спартака». И когда он стал меньше играть, ушел на вспомогательные роли, подумал, что можно его пригласить в «Локомотив». Он очень самолюбивый, и в то время перейти по доброй воле из «Спартака», топ-клуба, в «Локомотив» – это было геройство. А учитывая, что он с детства болел за «Спартак» – геройство вдвойне. Потому что для этого нужно очень хотеть играть. Вадик сделал это – что еще раз доказало, как он любит футбол.

Вадим понял, что лучше не сидеть в резерве в любимом топ-клубе, а играть, пусть и в команде уровнем пониже. Играть – и потом вернуться на Олимп. И он вернулся. С «Локомотивом». И чемпионом дважды стал, и в сборную возвратился, став героем страны. Он зажил полной жизнью, задышал полной грудью. Потому что Евсеев – большая, очень большая личность. И когда мы его брали, невооруженным взглядом было видно, что это наш помощник, с которым мы сможем двигаться вперед.

Первый раз мы встретились и поговорили в моей машине в «Сокольниках», около метро. Я жил неподалеку. Это было в межсезонье, в конце 1999 года. У него закончился контракт со «Спартаком», и мы договорились встретиться. Все произошло очень быстро, никто долго не думал. В машине руки пожали и на следующий день подписали контракт.

Мне понравилось, что первое, что он спросил, было: «Буду ли я играть?» А потом уже шли какие-то финансовые моменты, по которым всегда можно договориться. Главное, что Евсеев мне стал сразу ясен и понятен. Если он играет, с ним о чем хочешь можно договориться. И, соответственно, первое, что мне следовало подтвердить, – мне он очень нравится и будет играть.

А по зарплате сойтись… Нам с Филатовым верили – сарафанное радио-то работало, репутацию поддерживало. Если уж мы что-то говорили, не требовалось никакой подписи. Игрок всегда получал те деньги, на которые договаривались.

Я даже не интересовался, какая у него была зарплата в «Спартаке». Но понимал, что небольшая. Все-таки в «Спартаке» играло много звезд, которые, естественно, получали больше. Не думаю, что это его раздражало. Раздражало его то, что он не всегда выходил на поле.

У нас он такую возможность получил. Помню самое начало

сезона 2000 года и игру со «Спартаком», которому мы в предыдущем году два раза по 0:3 проиграли. А тут – Лужники, полный стадион – тысяч 66, рекорд. Напряженнейшая игра, не очень хорошее поле. Евсей был весь черный, в грязи, бился как лев. За что его и удалили в конце после двух желтых карточек. Смотрел на него и любовался. Ну, пускай и красная – и что с того? Зато боец какой!

А в добавленное время в наши ворота назначили очень сомнительный пенальти. Все находились в таком заведенном состоянии, что я закричал Нигматуллину: «Уходи из ворот!» Но ему хватило разума меня не послушать, и он отбил пенальти от Тихонова. Который до этого нам каждый год забивал.

Но вписался Вадик в коллектив не сразу. Его с первых дней побаивались, потому что он чересчур рьяно взялся за дело. На тренировках жестковато единоборства вел. Уж на что я люблю это дело, но он перебарщивал. Потому что хотел себе место в составе отвоевать.

Иногда в этом плане с ним сложно было. Уже через пару лет возникла одна ситуация, когда я перепугался. Мы играли на турнире в Ла-Манге, по-моему, со шведами или норвежцами. У тех был настырный парень, играл явно не по правилам. Раз, другой, третий. В какой-то момент игроки завелись и началась стычка команда на команду.

Потом все разошлись, а Евсей с одним норвежцем еще что-то выясняли в углу штрафной. Я на что-то отвлекся, и тут смотрю – норвег лежит. Даже не успел заметить, как Евсей его в нокаут послал! Как в боксе: дал – и тот готов. Не двигается. Главный судья тоже не видел, боковой ему подсказал. Вадика удалили.

А турнир под эгидой УЕФА проходил, и нас напугали, что с «Локомотивом» больше вообще никто играть не будет и нас вообще дисквалифицируют. Играли-то мы на базе норвежцев. Я – извиняться, к тренеру соперников, организаторам. Уговорили не давать делу ход. Пригласили вечером норвежцев посидеть, все сгладили. Но Евсеев больше на этом турнире не играл. И, по-моему, в тот момент так и не извинился. Вот таким он был.

А тогда, вначале, для того, чтобы Евсей быстрее влился в коллектив, я его с Олегом Терехиным в номере поселил. Вадик был молчуном и чувствовал себя поначалу немного неуютно – а Терехин анекдоты рассказывал, всегда веселился. И был в этом плане, пожалуй, даже посильнее Бородюка. С тех пор как-то все и пошло на лад.

Он не мог не нравиться. Щедрый, ни капли не мелочный… Когда премии давали, всегда был одним из закоперщиков: давайте соберем деньги обслуживающему персоналу, который

получает сильно меньше футболистов. За стол мог заплатить, когда бывали у нас посиделки.

А потому команда и секунды не думала, когда собрала ему 30 тысяч евро на операцию дочки. Все тогда очень сильно за Вадика переживали. Я смотрел на эту ситуацию и видел: идея пошла от самих игроков. А ведь по тем временам 30 тысяч были для них большие деньги – это не сегодняшние заработки футболистов. И я тоже отдавал деньги, и все тренеры. Овчинников инициативу проявил.

У Вадика все время были экстравагантные выходки. Как с тем же Уэльсом. Находясь в экстазе, если выиграли или он хорошо сыграл, что угодно мог отчудить. Когда он в камеру крикнул, у меня было одно чувство – я перепугался, что его за эту фразу дисквалифицируют и мы лишимся хорошего игрока. Что это было? Да эмоции! Я и сам его потом не трогал, не торопил с возвращением из Германии в клуб – пусть с семьей побудет.

После побед в раздевалку, бывало, заходили руководители – Аксененко или кто-то еще, и Вадик мог сказать: «Дайте премию побольше!» Это любимое дело было. И иной раз проходило. У всех хорошее настроение, он этим пользовался.

* * *

Какой-то матч «Спартака», когда меня озарило: мол, вот кого надо пригласить, вспомнить сложно. Потому что он всегда был самим собой. Мне всегда нравились игроки такого плана – бойцы, очень самолюбивые, которые во всяком состоянии борются за результат. Он как бы заменил в «Локомотиве» Горлуковича. Говорите, они в «Спартаке» в одном номере жили? Ну вот… А в «Локомотиве» он стал первым помощником Овчинникову, с которым они очень хорошо ладили, дружили.

Коллектив держался на таких личностях! Лоськов – более спокойный и выдержанный, Овчинников и Евсеев – совсем другого склада люди, эмоциональные, вспыльчивые. Костяк, стержень. А если человек безынициативный, без эмоций, пришел, получил зарплату и ушел, если ему безразлично, выиграли или проиграли… С такими, во-первых, неинтересно работать, а во-вторых, не добьешься успеха.

«Локомотив» же того периода был успешен именно потому, что в нем играли такие неординарные люди, которые своей работе все сердце отдавали. Лоськов, Овчинников, Евсеев. Каждый из них мог напихать по полной программе, если видел у кого-то разгильдяйство, безответственность. И между лидерами в

раздевалке часто случались горячие споры, особенно когда результаты были неудачными. И Вадика слушали. Есть лидеры, которые на поле в порядке, но за его пределами ведут не совсем правильную линию, не объединяют, а дробят коллектив. А Евсей с Лосем и Овчинниковым не то что линию тренера проводили, а линию правильного отношения к футболу и клубу, которому служили.

Разве какой-нибудь иностранец, которых мы в ту пору уже много приглашали, имел возможность прийти в такой коллектив и плохо работать? Не мог он увести людей в сторону, глядя на них! Наоборот, традиции клуба воздействовали на этих легионеров, и они были не в состоянии жить по-другому. Те же Лекхето, Лима поняли, что попали в свою струю, потому и прижились.

Кстати, Евсей с Лимой быстро подружились. Но на тренировках, когда они сталкивались, стоял такой хруст в единоборствах, что я мяч забирал и уходил с поля! В этой атмосфере потом и Иванович воспитался, стал суперигроком европейским. А если бы собрались мямли в этой команде, и из Ивановича ничего бы не получилось.

А еще раньше Евсеев вытеснил из стартового состава Обрадовича – самого высокооплачиваемого нашего футболиста. Потому что был сильнее его духом. Нет, Обрадович тоже неплохо в тот период действовал. Но Евсей своей агрессивностью его переиграл. Серб не давал оснований его менять, но мне пришлось это сделать.

Как к этому отнесся Филатов, который уплатил за Обрадовича большие деньги? Нормально. Во-первых, потому что хорошо знал меня и понимал, что давить – бесполезное дело. А во-вторых, количество ошибок у нас было сведено к минимуму – и покупок, и на поле. Мы часто разговаривали по каждому игроку в отдельности, и всегда в итоге приходили к согласию.

Филатов к Евсею вообще очень хорошо относился, любил. Хоть и держал на расстоянии – но это внешне. Даже выходки любые ему прощал. Потому что Вадик – честный. Это его главное качество. Чтобы схимичил, слукавил – быть такого не могло. Поэтому я, в отличие от некоторых других тренеров, совершенно не боялся, что команда за моей спиной сыграет с кем-то в поддавки. Когда в команде есть такие люди, как Евсеев, это в принципе невозможно. Внутри не могло быть ни одного гнилого человека, и тут не имело никакого значения, сколько бы предложили денег.

Не думаю, что он был одним из самых низкооплачиваемых игроков «Локомотива». Ему каждый год поднимали зарплату. Не

помню, правда, был ли у него агент. Не было? Ну вот. Он всегда был самостоятельным. Приходил сам и все говорил по-честному – чего хочет. Я всегда, естественно, говорил, что без него нам очень тяжело, и они с Филатовым всегда садились и договаривались.

Да, у кого-то были контракты побольше – у того же Лоськова. Но у крайних защитников всегда зарплаты поменьше, чем у нападающих или плеймейкеров. Однако Евсеева в «Локомотиве» никогда не обижали. Он был большой фигурой.

* * *

Иной раз у нас с Евсеем возникали не очень хорошие, конфликтные ситуации. Но они были чисто футбольные, сугубо по делу. Более того, признаюсь, что иногда я играл на его вспыльчивости.

Обычно это происходило, когда мы проигрывали и что-то у нас не ладилось. Мне нужно было в первую очередь завести Евсеева. У нас с ним могла случиться очень жесткая перепалка, – но как только я видел, что он завелся, то понимал: все будет в порядке. Команда не сдастся, заиграет по-новому.

Почему не поставил его тогда на «Ротор»? Он был еще не в очень хороших кондициях, это однозначно. Не набрал после травмы оптимальной формы. Но возмутился: как так, его не поставили!

Да, он кричал некорректные вещи. Но прекрасно понимал, когда переходил грань и делался неадекватным. И исправлялся. На поле. Но и за его пределами всегда подходил: «Тренер, я вспылил, был не прав».

А я на его реплики и внимания никогда не обращал. Что бы он ни говорил. Потому что мне нужен был человек, который поведет команду вперед. Когда команда выходила на поле мертвая, именно он мог ее разбудить. Это единственное, что имело для меня значение. А что он там скажет… Из раздевалки выйдем, и тут же вернутся хорошие отношения. Все останется на поле и в раздевалке. Я и сам такой же был в молодости. И тоже возникали с тренерами всякие ситуации. Хотя он пожестче меня (*усмехается*).

Может быть, в его словах и был перебор. Но я так понимаю жизнь, что только слабый человек боится, что его репутацию какие-то слова могут поколебать. Если игрок нужен, очень нужен команде, то слова не имеют никакого значения. Если тренер – слабый человек, то он такого игрока выгонит. А я себя считаю достаточно сильным и знаю, что на эмоциях может быть сказано

что угодно.

Важно, что у него эмоции проявлялись только в игровых ситуациях – в матчах и тренировках. Никогда не было противостояния на разборе, установке, получении задания. Только в пылу.

Да, я не раз потом говорил команде: «Разозлитесь на меня, как Евсеев». Такие моменты в спортивной психологии – не редкость. Пусть игрок злится на тренера, доказывает, что тот не прав! Но надо понимать, что у всех – разные характеры. Одного не очень корректным словом можно завести и выжать из него максимум, а другой, наоборот, замкнется и расклеится. Евсееву это подходило. Как он сам мог в жесткой форме поговорить – так и к нему. Вопросом, репликой при всех. Его это возбуждало, у него откуда-то находились силы, которых, как только что казалось, не было.

Для меня самое важное – дело. Когда Евсеев находился не в лучшем состоянии и не выполнял требований футбола, я не мог этого терпеть, и у меня случались с ним конфликты – чуть-чуть мной, признаюсь, спровоцированные. Но потом он начинал работать, к нему возвращалась вся былая энергия. И тогда Евсеев становился моим лучшим другом. А то, что он говорил в газетах о конфликте с Семиным – да пожалуйста! Лишь бы дело делал!

Мы ему прощали практически все. Он в интервью не раз заявлял, что в душе по-прежнему спартаковец. Или что тренер не так работает. Я ему после таких интервью говорил: «Откуда ты знаешь, как нужно работать? Вот будешь тренером, встанешь на мое место – и узнаешь. Скажи мне, что как тренер сделаешь с таким игроком, как ты?» Он отвечал: «Я его выгоню». Я смеялся: «А я тебя не буду выгонять».

После таких разговоров напряжение всегда спадало. Ему приходило в голову: а может, он действительно не прав? И начинал думать. А то обычно что чувствует, то сразу и лепит. Сейчас он вообще другой. Лишнего слова не скажет резкого.

* * *

По режиму к нему, как и ко всем, конечно, порой были вопросы. Он мог выпить после игры. Но перебрать – нет, потому что был крепким физически. Приехал еще Лима такой же, вот они сразу и сдружились. После матча или в выходной могли поддать.

На сборах – нет. В Марбелье, когда прилетали, сразу же шли в ресторан, но на этом заканчивали, потом режим уже не нарушали. Так же, как и Горлукович, который в Москве разное

мог себе позволить, но на сборах, когда большие нагрузки, никогда не выпивал.

На сборах, да и вообще на тренировках, Вадик хорошо работал. Надо было только дать ему правильное направление. Он неутомимый, не мог плохо работать. Кроме того, легко обучался и верил тренеру. Не подвергал все сомнению, считал, что если ему какие-то упражнения дают, – значит, это правильно. Для меня это было самое главное.

У Евсеева – умница жена. Татьяна – очень разумная девочка, которая прекрасно понимает, что у мужа тяжелейшая работа. И думаю, она один из его главных стимулов. Потому что хорошо Вадика понимает.

У нас часто встречи бывали. После игр на следующий день я всегда разрешал, чтобы игроки приезжали на базу с женами и детьми. А то ребята на сборах сидят и сидят, семьи не видят. Пока у них восстановительная тренировка, сауна, массаж, пускай жены между собой пообщаются.

Это тоже был один из хороших моментов в нашей команде. Еще и потому, что они после этих тренировок часто все вместе, семьями, куда-то ходили пообедать. А если бы футболисты на следующий день после матча оказывались одни? Тогда бы к вечеру могли домой и не доехать.

Ведь как в наши годы все происходило: на следующий день после игры была баня, ее всегда организовывал Валера Маслов. Приезжали в Сандуны, после обязательно обед, а потом некоторые домой не добирались. Потому что непременно шло продолжение. А в «Локомотиве» за счет того, что рядом были жены, этого не происходило (*смеется*).

Но иногда футболистов не следовало тормозить. Уж чемпионство-то они имели право отпраздновать на полную! Самое памятное – когда ехали из Ярославля по трассе в Москву в ноябре 2004-го, везли чемпионский кубок. Было очень холодно, шел снег.

Но Евсей с Лимой по пояс разделись, останавливались буквально у каждого ларька, и то один, то другой полуголыми брали шампанское. И, боюсь, не только. Останавливать их уже было невозможно, и я волновался не из-за того, что они могли простудиться, а чтобы в этих ларьках им не подсунули некачественных напитков. Но все прошло нормально. Никогда не видел такого бразильца, как Лима. Чистый Евсеев!

Мне нужно было что-то с этим делать, чтобы они в таком состоянии по Москве ночью не разбежались. А то пошли бы по столице куролесить! Говорю: «Все едем в Баковку, а вы пригласите туда своих жен, и продолжим празднество». Так и

поступили, а утром уже в нормальном – насколько это возможно – состоянии разъехались. И у меня душа спокойна.

Еще Евсеев зажег, когда после одного из предсезонных сборов возвращался в горнолыжном обмундировании. По-моему, Лоськов его все время травил, и в итоге они поспорили. Во Франции, из среднегорья, возвращались, в аэропорт приехали – и вдруг смотрю, Евсей в этих огромных ботинках идет! Я думал, Вадик меня уже ничем не может удивить, но он смог. Поспорил – и выиграл.

* * *

Смог бы Евсеев играть за границей? Конечно. Не в «Реале» или «Барселоне», но в любом конкурентоспособном европейском клубе. В той же Англии – не в первых четырех-пяти клубах, но в любом из остальных точно смог бы. Были ли предложения – не знаю. Он с ними ко мне не приходил.

В 2005 году, по ходу отборочного цикла Евро-2006, я возглавил сборную России. Последний, решающий матч мы проводили в Словакии. Евсеева на него я, конечно, вызвал, но за несколько недель до игры он получил серьезную травму…

Это была очень тяжелая потеря. В тот период внутри и вокруг национальной команды большого энтузиазма я не замечал. А Вадик был одним из немногих, кто мог ее встряхнуть. Да и фланги атаки у нас в тот момент работали не очень здорово, и он мог там ситуацию здорово обострить.

В общем, мне Евсеева не хватало, и, хорошо его зная, я понимал это лучше, чем кто-либо. В Словакии у команды не было огня, а соперник оказался в полном порядке. Сыграли 0:0, и могло быть только хуже, но не лучше. И я не раз вспоминал, что Вадик особенно хорош, когда играет против всех. Его лучшие матчи, если присмотреться, прошли на выезде. Уэльс, «Галатасарай»…

Чем больше напряжение, тем лучше он играет. Есть игроки, которые отличаются в матчах, заканчивающихся вроде 6:1 в твою пользу, а есть те, кто забивает решающие голы. Евсеев – из вторых.

Когда в начале 2007-го меня назначили президентом «Локомотива», а Анатолия Бышовца – его тренером, Бышовец через две недели после назначения заявил, что Евсеев ему не нужен. Я воспринял это очень негативно. Но тогда роль президента в «Локомотиве» была менее значима, чем сейчас. Нашелся ряд руководителей, которые выступили против Евсеева.

В частности, председатель совета директоров Сергей Липатов. Я остался в меньшинстве и ничего сделать не смог.

А Бышовец не хотел слышать меня, убежденного, что Евсеев – это наш большой помощник. Мы с Бышовцем не особо много общались в тот период, но он придерживался идеи, что от старой плеяды нужно освободиться. И Вадик как ее лидер в черный список, конечно, попал. Он мог сказать правду, высказаться о ситуации в команде напрямую где и как угодно – в разговоре с тренером, в прессе. Бышовцу это совершенно не нравилось. И тогдашнему составу совета директоров тоже.

Евсеев прекрасно понял, что отношение к нему в клубе изменилось коренным образом. Мы встречались, и он говорил: «На меня никто тут не рассчитывает».

Тогда в «Локомотиве» сразу появилось много интриг, которых раньше вообще не было. Одни интриги! В какой-то период я перестал вообще на базе в Баковке появляться. Сидел в своем кабинете в клубе, организовывал детский турнир «Локобол». И никуда не вылезал, потому что совет директоров меня не поддерживал.

Мне смешно было читать слова Бышовца, что я якобы призывал Евсеева остаться в дубле, чтобы дождаться, пока его уволят. Нет, я хотел другого. Таких игроков нельзя освобождать! Я хотел, чтобы он просто работал, тренировался, а через месяц-другой ситуация могла повернуться как угодно. Например, травму бы кто-нибудь получил и ему дали бы шанс.

Но ему не дали. Обрубили. Тот, кто оговорил Евсеева, что Вадим работает не на команду и создает негатив, – преступник по отношению к «Локомотиву». Таких людей, как Вадик, мы должны были сохранять, а их разбазаривали. Отсюда и сегодняшняя ситуация. Поэтому и нет до сих пор настоящего «Локомотива». Очень рад, конечно, если получится у Игоря Черевченко. Он ведь из той плеяды. Но ему придется непросто…

Через несколько месяцев после того, как Бышовец убрал Евсеева, перед финалом Кубка России возникла аналогичная ситуация с Лоськовым, и я собрал акционеров. Убирать его было ни в коем случае нельзя! В итоге Лоськова мы тогда отстояли – по крайней мере, до окончания Кубка. Но вскоре и ему пришлось уйти в «Сатурн».

Когда я вернулся на должность главного тренера «Локомотива» в 2009-м, Лоськов еще мог принести большую пользу команде, и его удалось вернуть. Хотелось, чтобы в клубе работал и Евсеев, да и все поколение людей, которые побеждали и делали историю клуба. На всех ключевых позициях в «Локо» я видел тех, кто был в нем воспитан. Вадик мне виделся одним из

тренеров. Тот же Пашинин там сейчас работает и многому научился.

На первых порах у нас с тогдашним президентом клуба Николаем Наумовым не получалось найти общий язык, но в конце концов он полностью согласился, что без этого не обойтись. Нам элементарно не хватило времени. А в результате посмотрите – Лоськов как закончил, так с тех пор и не работает. Как такое может быть?!

Но как игрока Евсея в команде я на тот момент уже не видел. Он потяжелел, тут даже вопросов нет. Думаю, восстановить его до прежних кондиций было уже сложно. Он все-таки с широкой костью, стал массивным, потерял скорость. Такое случается. Раньше он из отпуска всегда возвращался с лишним весом. Говорил: «Мне нужно поработать». И работал так, что быстро все восстанавливал. Но возраст взял свое.

Однако Евсей себя, считаю, полностью реализовал. На сто процентов. Он всегда был честен по отношению к футболу, и я никогда не видел, чтобы он прятал куда-то свой резерв. Как, например, Булыкин. Вадик выдал весь свой ресурс, исчерпал возможности и эмоции.

* * *

Говорят, что Евсеев безбашенный. Не-ет! У него мозги очень сильные. И одна ситуация уже после окончания его карьеры лишний раз в этом убеждает. Когда его пригласили в «Локомотив» и вдруг дали должность – с болельщиками работать.

Руководитель, который давал, – умный, но Евсеев еще умней. Он же не громоотвод, не хочет свое имя позорить. Если что-то в клубе делается неправильно, то еще более неправильно гасить настроения болельщиков за счет личности Евсеева. И Вадик, как настоящий крепкий мужик, сумел от этого отказаться.

А ведь многие на его месте пошли бы. Хорошая зарплата, делать ничего не надо, за счет своей популярности гасишь на полгода всю эту ситуацию, оказываешься в фаворе у руководства клуба… Но кто ты через полгода в глазах людей? Никто.

Зато теперь Евсеев – уже тренер. И уверен, что специалист из него получится очень хороший. Мог бы сидеть дома, но пошел работать во вторую лигу, в Иваново. Отучился в ВШТ – в общем, все делает поэтапно. Какие бы у него ни были амбиции, он не перескакивает через уровни, которые для накопления опыта необходимо пройти.

И совершенно правильное решение – пойти помогать нашему

мэтру Гаджи Гаджиеву в Перми. Для Гаджиева это тоже супер, ему нужны мощные, искренние эмоции, и Вадим их ему дал.

При этом Олег Романцев правильно вам сказал: главное для Вадика – не пересидеть во вторых. Но для этого нужен шанс. Будет глупо, если мы сейчас не воспользуемся этой плеядой молодых талантливых ребят. Евсеев, Лоськов, Маминов, который в прошлом сезоне работал в «Химках»… Если мы им не найдем работу и будем брать на эти места иностранцев, то потеряем очень хорошее поколение. Вот Дима Хохлов, слава богу, получил шанс в «Кубани» (монолог Семина был записан до увольнения Хохлова. – *И. Р.*).

А Дима Аленичев уже до «Спартака» дорос, и я за него тоже очень рад. В какой-то мере он тоже мой воспитанник, играл у нас в «Локомотиве». Тогда он казался чересчур скромным, но его видение футбола уже тогда невозможно было не разглядеть. Вот только «Локомотив» тогда практиковал немножко другой стиль. Аленичев был единственным игроком комбинационного плана в команде, нам же, отталкиваясь от подбора игроков, приходилось играть в другой футбол. Наверное, он просто пришел к нам не в свое время. А вот если бы он оказался у нас во времена Лоськова, это было бы идеально. Только представьте, четверка полузащитников Лоськов – Хохлов – Аленичев – Измайлов – это была бы просто фантастика! А еще и с таким стержнем позади, как Овчинников с Евсеевым…

Вот видите, двое из этих ребят, Аленичев и Хохлов – уже тренеры в Премьер-лиге. И это здорово. Должны получить шанс и другие. А то, если мы будем опять везти каких-нибудь румынов или якинов, то многое потеряем. Наши лучше, у них выше ответственность! Вот сейчас Якин ушел из «Спартака» – и что оставил? Да ничего.

А Евсееву, чтобы стать сильным тренером, главное – ни в коем случае не меняться как человеку. Разве что в дипломатии чуть-чуть прибавить, потому что время сейчас такое – без взаимоотношений с президентом клуба никак нельзя. А так он все знает. По его пониманию футбола даже вопросов нет. Нужно еще вспоминать о том, что ему в тренерской работе нравилось, а что нет, когда он был игроком, и пользоваться этим опытом. Человек он принципиальный. И сохранив себя как личность, не прогнувшись ни перед кем, обязательно станет хорошим тренером.

Глава шестая
Нам предлагали продать последнюю игру «Сатурна»

Прежде чем рассказать о «Торпедо», куда я в 2007-м из «Локомотива» пошел к Ярцеву, вспомню о том, как под руководством того же Георгия Саныча провел свой единственный большой турнир на уровне сборных – Евро-2004 в Португалии. Вспоминать, конечно, не хочется, так как принес тот Евро в основном разочарования. Но реальная жизнь – она же не из одних радостей состоит. А в этой книге я и хочу описать, какая она – реальная футбольная жизнь.

Считаю, что по команде очень сильно ударило решение тренерского штаба не брать в Португалию из-за травмы нашего капитана Виктора Онопко. Ситуация была непонятная. Говорили, что у него проблемы с коленом, но сам он был готов играть. И все же его не взяли.

Для меня Онопко – непререкаемый авторитет. Еще с 1993-го по 1995-й, когда я рос в дубле «Спартака», Витя был капитаном «красно-белых», и его уважали все. Помню, как весной 1992-го в манеже ЦСКА смотрел с трибуны первую игру спартаковцев в первом чемпионате России, когда команда разгромила «Крылья Советов», а юный Вова Бесчастных в первом же своем матче в основе дубль сделал. Онопко, перешедший из донецкого «Шахтера», тогда в паре с Андреем Чернышовым в центре защиты играл, и от него уже огромная уверенность исходила. По жизни спокойный, а в игре заводился. На поле становился злым, не любил уступать ни в одном эпизоде.

А уж когда человек больше ста матчей за сборную сыграл, все рекорды побил – можете представить, какое к нему отношение. Спокойный, надежный, Онопко никогда не паниковал. Валерий Газзаев, возглавив сборную, собирался его с почетом проводить – устроили прощальный товарищеский матч со Швецией, машину подарили, заменили на второй минуте. А потом он взял и в сборную вернулся, потому что лучше все равно никого не было.

С тем же Уэльсом Онопко в обоих матчах снимал весь верх, а в матчах против такой атлетичной, здорово играющей головой команды это очень важно было. Во многом именно он вселял в ребят уверенность. И тут – такое…

Раз Ярцев и его штаб приняли такое решение – значит, были уверены, что на Европе Витя сыграть не сможет. Но я и потом с

ним разговаривал, и тогда, и он говорил: «У меня все нормально». Потом в интервью Онопко сказал, что для него стало очень большим ударом, когда его отцепили от того турнира, который должен был стать для него последним. Вернуться в сборную, хоть и провожали, пройти весь отборочный цикл, идеально отыграть стыковые матчи – и все для того, чтобы в последний день тебя не включили в список 23… Очень обидно.

Причем не только ему. Неприятно было нам всем. И все были подавлены. Попрощались с Витей тихо – а он помпы, собственно, и не любил, шоу никогда и ни из чего не устраивал. Но когда в день нашего второго матча, с Португалией, он провел все девяносто минут в контрольном матче «Сатурна», за который тогда выступал, стало ясно, что решение не брать его на чемпионат было ошибкой. Но не готов никого за нее осуждать – став тренером, я понял, как сложно все рассчитать и принять правильное решение.

Не думаю, что у той истории были какие-то подводные течения. Даже несмотря на то что в интервью сам Онопко на вопрос: «Есть ли в том чемпионате Европы какая-то тайна?» ответил: «Есть. И не только для меня». Ярцев – спартаковский человек, и Онопко он всегда уважал. Витя – он вообще бесконфликтный. Все упиралось в ту травму и неточную оценку степени ее серьезности.

А главная проблема заключалась в том, что Онопко был явным лидером той сборной, а его убрали – и место этого лидера в полной мере никто занять не смог. Ну никто больше не обладал таким авторитетом! Хотя в команде были очень сильные люди – и Мостовой, и Лоськов, которого вообще считаю сильнейшим футболистом из всех, с кем играл, и Овчинников, с которым мы в Виламоуре жили в одном домике, и Аленичев, только что выигравший Лигу чемпионов и забивший за «Порту» гол в финале. Я смотрел ту игру дома и, честно говоря, даже больше обрадовался не забитому мячу, а результативной передаче на Деку. Во-первых, она была гораздо эффектнее, чем гол. А во-вторых, то, что человек в такой ситуации отдал пас, а не пробил, дорогого стоит…

Думаю, кстати, что если бы в команде остался Онопко, может, он со своим авторитетом и смог бы убедить Ярцева не отчислять Мостового. Аленичева, который пытался это сделать, тоже все уважали, но Витя – тот вообще был глыбой. В глазах всех.

Слышал, для некоторых спартаковских болельщиков стало большим разочарованием то, что Онопко вошел в тренерский штаб ЦСКА, а потом во время встречи с армейскими

болельщиками под их давлением поцеловал клубный шарф. Не склонен Витю за все это осуждать.

Если его не брали в штаб «Спартака», ему что, без работы сидеть следовало? Онопко – большая личность в футболе, и с какой стати он должен был отказываться от серьезного предложения, тем более что карьера игрока – это одно, а тренера – другое? Есть же поговорка: «Никогда не говори «никогда». При мне Овчинников говорил: никогда, мол, не уйду из «Локомотива». Свидетелем был не только я, но и еще многие. А через четыре месяца ушел в «Динамо».

Поэтому, в отличие от некоторых, ни от чего не зарекаюсь. Где окажусь нужен – там и буду работать. Хоть во время учебы в Высшей школе тренеров и травил тренера юношеской команды «красно-синих» Романа Христича, когда столетие ЦСКА праздновалось: «Определитесь, кто вы – лыжники или футболисты». А то ведь сто лет назад было основано Общество любителей лыжного спорта, которое почему-то считается предтечей армейцев…

Сейчас пляшу скорее от конкретных людей, чем от названий – даже если они мне дороги. Если клубом руководит нефутбольный человек, тяжело было бы работать и в «Спартаке», и в «Локомотиве». А Евгений Гинер – человек футбольный. Никогда с ним не работал, но не раз доводилось общаться.

Так что лучше работать у футбольного человека, пусть даже в клубе, болельщики которого относились к тебе с неприязнью, когда ты был игроком. У нас вообще очень мало по-настоящему футбольных президентов, и поэтому мне очень удивительно, что один из них, Филатов, столько лет уже не работает в футболе. Он-то хочет, но не зовут. И Николаич, будучи человеком обеспеченным, если уж пойдет, то только настоящим президентом, от которого все в клубе будет зависеть, а не номинальной фигурой.

А насчет того, что Онопко шарф поцеловал… Чтобы судить, надо оказаться в его шкуре. Значит, заставили, приперло. У меня в жизни так сложилось, что я никогда эмблемы и шарфы не целовал. Если целовать все, что придется, – губы сотрутся. Кто-то наколки в честь клуба делает, а потом к конкурентам переходит…

А в 2004-м ситуацию усугубило то, что, помимо Онопко, в Португалию из-за травмы мениска не поехал и второй наш основной центральный защитник – Сергей Игнашевич. То есть представьте, у сборной есть наигранная связка в центре обороны, что чрезвычайно важно, и вдруг команда оказывается вообще без нее. Из-за одного этого всех могло залихорадить.

Удивляюсь, когда слышу разговоры: как, мол, Ярцев мог в

последний момент отцепить от поездки в Португалию Андрея Аршавина?! Но ведь Андрей тогда еще был далеко не тем Аршавиным, которым стал позже. Кержаков – тот да, хорошо выходил на замену еще на ЧМ-2002.

Георгий Саныч не игнорировал молодых – и Керж на Европу поехал, и Володя Быстров, и Саша Анюков. Все в итоге даже сыграли, причем Быстрова выпустили на замену с Португалией, и он здорово по флангу носился. А Аршавина даже по товарищеским матчам не помню. Это потом уже, в следующем году при Семине, он Германии на выезде в «товарняке» забил, сравнял счет на последней минуте.

В интервью годы спустя Аршавин рассказывал, что Ярцев разозлился на него за шутки на тренировках: мол, при Саныче лишнее слово сказал – и из команды мог вылететь. Во-первых, никаким деспотом Ярцев не был. Во-вторых, шутить, пожалуйста, шути, в том числе и на тренировках, – но нужно понимать, когда это уместно, а когда нет. Если ничего не получается – что шутить-то? Плюс к тому, к шуткам опытных игроков тренеры всегда относятся более лояльно, чем когда смеяться начинают молодые. Мол, в команде без году неделя – а уже хи-хи да ха-ха. А Андрей тогда в таком положении и находился.

В сборной постепенно шла смена поколений. К Евро, например, из обоймы выпал Андрюха Соломатин, хотя в отборочном цикле Ярцев его звал и однажды даже на поле выставил. Но, видимо, вот какая история поставила на нем крест.

На первый отборочный матч при Ярцеве, с Ирландией, Соломатина позвали, но он сломался и не приехал. А то была сложнейшая игра, от которой зависело все. Если бы мы в Дублине проиграли, то никуда бы уже точно не вышли.

Это была моя первая игра в основе сборной после матча с Андоррой в 1999 году. Прошло четыре с половиной года, я из мальчишки превратился во взрослого игрока. Но сразу вспомнил этот дублинский стадион, потому что моя первая игра за молодежку – вот совпадение! – прошла на нем же. В 2003-м ирландцы, вполне допускаю, были и посильнее нас, матч давался нам непросто. Но мы выдержали, сыграли вничью и в итоге выдавили их со второго места.

На следующий матч, дома со Швейцарией, Солому опять вызвали – и тут он уже приехал. Сказал, что готов. А когда его из-за травмы заменили минуте на 30-й, мы прямо на поле стали смеяться, потому что в «Локомотиве» с ним такое регулярно происходило. Он уверял, уверял тренеров, что с ним все в порядке – а еще до перерыва оказывалось, что играть не может.

Это же про него была замечательная история. «Локомотив»

жил в Новогорске, пока в Баковке базу перестраивали, и готовился к финалу Кубка России 2000 года против ЦСКА. С утра зарядка, вечером игра, состав еще неизвестен. Череда деревьев, за ними стоят Семин и Эштреков.

И Солома, чтобы выглядеть убедительнее, выбрал правильное направление – начал мимо них бегать и ускоряться. Вжик-вжик, вжик-вжик! Семин – Эштрекову: «Смотри, что он творит!» И включили в состав. А в первом тайме, как всегда, замена…

А после Швейцарии больше Соломы в сборной не было.

* * *

Вместо Онопко и Игнашевича на турнир взяли новичков сборной – Романа Шаронова и Алексея Бугаева. Не говорю, что они плохие игроки, но Онопко – это Онопко. Братья Березуцкие, которым было по двадцать одному году, тогда еще не котировались, хотя Газзаев, когда работал в сборной, их приглашал. Пришел Ярцев – и перестал. Они вновь появились уже только при Семине.

Тренер имеет право на свое видение. Газзаеву, например, не подходил я, а Ярцеву – Березуцкие. Поскольку мы не были звездами, отношение к этому было совершенно нормальным.

Обоих дебютантов сразу же ставить в основу на Испанию Ярцев не рискнул – Бугаев остался в запасе, а в пару к Шаронову, моему однокашнику по локомотивской школе (он на год меня младше), из опорной зоны сместился Смертин. Но от этого, в свою очередь, много потеряла средняя линия – Леша в тот период играл очень мобильно и недаром следующий сезон провел у Моуринью в «Челси», выиграл чемпионат Англии и довольно часто выходил на поле. Помимо варианта Смертин – Шаронов, рассматривался и другой – со сдвижкой Сенникова с фланга в центр, моим переходом налево и появлением Анюкова справа.

Молодой торпедовец Бугаев из-за удаления Шаронова в итоге вышел в старте против Португалии. Он был веселым персонажем, о нем легенды ходили.

Например, в то время, как в Мюнхене проходил «Октоберфест», в Лужниках устраивали Фестиваль пива. А база «Торпедо» располагалась прямо на стадионе. Люди из руководства мне эту историю рассказывали. Готовятся к отъезду на выездную игру, к двери гостиницы подкатывает автобус, чтобы поехать в аэропорт. «Кого нет?» Бугаева нет. Ему звонят: «Ты где?» – «Заболел. Езжайте без меня». Хорошо еще трубку взял.

Потом выяснилось: вышел из гостиницы, а там – пивной

фестиваль. Не выдержал – и с концами. Сил остановиться в себе не нашел. Когда он в «Локомотив» перешел и мы пересеклись, раз – нет его на тренировке. Звонят: «Горло болит». Потом еще раз нет: теперь ангина. Спустя какое-то время все всё поняли. Бугаев если пил, то по-черному, пропадал. В итоге нормальный футбол у него одним годом – собственно, тем, когда его взяли на Евро – и ограничился.

Других таких персонажей в футболе не встречал. Самое интересное – тихушник. Спокойный, молчаливый парень, его не слышно и не видно. Где он сейчас – не знаю, слухи ходили самые фантастические. На Европе он, кстати, не зажигал.

Зато у некоторых других – случалось.

Колосков в интервью говорил, что у команды было курортное настроение, футболисты расслаблялись на полную катушку, перед матчем с Португалией несколько человек пошли по барам и дискотекам. Может, немного Вячеслав Иванович и преувеличил, но повод так говорить у бывшего президента РФС имелся. В плане режима не все на том чемпионате было идеально.

Была в Фару гостиница, в которой жил приехавший за нас поболеть известный хоккеист Александр Карповцев, который выиграл Кубок Стэнли с «Нью-Йорк рейнджерс», а несколько лет спустя погиб вместе с ярославским «Локомотивом» в авиакатастрофе. Так вот, несколько наших ребят сидели с ним в гостиничном баре – это знаю точно. Булыкин, Гусев. Еще – Лоськов, но он просто общался, алкоголь не пил.

Чему тут удивляться? Что мы, Булыкина не знаем? Когда он играл в «Локомотиве» или «Динамо», иной раз доставал визитницу – а та полна карточек самых разных людей. Дима – очень общительный, все время жаждал новых впечатлений, поэтому и перебирался с одной тусовки на другую.

Они после отбоя перелезали через забор гольф-отеля «Браунс Клаб», в котором мы жили в Виламоуре, и ехали. Просто так оттуда было не выбраться – охрана. Но территория большая, забор длинный. Из домика вышел, прошел через поле, перелез – и поминай как звали.

Я этим, правда, не занимался. Только шутил в интервью «Спорт-Экспрессу» перед началом турнира: «Насколько понимаю, тем, кто на допинг-контроль пойдет, дадут пива. Значит, надо стремиться, чтобы вызвали на допинг».

Думаю, что злую шутку в плане режима сыграла закрытость команды в этом комплексе. Недаром ведь говорят, что запретный плод сладок. Да, в закрытом режиме жизни сборных на чемпионатах мира и Европы нет ничего необычного – Капелло вон в Бразилии команду, говорят, вообще наглухо запер. Но если

ничего не запрещать, то для целого ряда футболистов исчезнет соблазн куда-то намыливаться. Потому что зачастую они делают это из чувства противоречия и авантюризма.

Плюс к тому, когда помещаешь людей в замкнутое пространство и долго оттуда не выпускаешь, у некоторых психология ломается и нервы сдают. Помню, еще в Бору, где мы безвылазно провели две недели, к Шаронову жена приехала. Он увидел ее и говорит: «Все, уезжаю, не могу больше». И вещи собирает! Ринат Дасаев, помогавший Ярцеву, насилу его успокоил.

Но какого-то вызывающего нарушения режима – чтобы кто-то, например, напился до такой степени, чтобы не вышел на тренировку, – на Евро-2004 не случалось ни разу.

Что до Дасаева, то не буду говорить за всех, а я был счастлив, что рядом с ним оказался. С лучшим вратарем мира! Недаром ему поручили участвовать в жеребьевке отборочного турнира ЧМ-2018, которая прошла в Питере.

Главным кумиром в детстве был Федор Черенков, но вратарем номер один я считал Дасаева. Единственное, с трудом, и большим, удалось выучить его отчество – Файзрахманович.

В общении – нормальный, спокойный. Только вратари ворчали, что он им очень большую нагрузку давал – и в сборной, и потом в «Торпедо». Но это потому, что сам он, ребята рассказывали, в игровые годы тренировался как зверь.

Правда, был любимчиком Бескова, и Заур Хапов мне рассказывал, что Дасаеву с Черенковым тот прощал все. У Дасаева была пустая двухкомнатная квартира, и ребята там иной раз неплохо отдыхали. Приходят на тренировку, Хапова и других вратарей гоняют по полной, а Рината не трогают…

* * *

Ярцев в Португалии взвинченный был, неспокойный. Может, чувствовал, что не получится – в первую очередь из-за ситуации в центре обороны: Онопко убрали – вся конструкция рухнула. А еще и из-за состава группы. К тому же опыт участия в больших турнирах мало у кого был – в этом тоже огромная ценность Вити заключалась. Овчинников, например, вроде и опытнейший голкипер – но ЧМ-94 в Штатах и Евро-96 в Англии провел в качестве лишь третьего вратаря. Да и для самого Ярцева это был первый такой турнир.

Никто не понял, когда главный тренер уже в Португалии начал тесты на физику – семь рывков по тридцать метров,

тройной прыжок и еще что-то. Делали бы это в Москве – без вопросов. А тут – дня за три-четыре до первой игры с Испанией.

В то же время не согласен с Мостовым, что нас физически загнали. После тех тестов игроков отпустили, последние три дня было по одной тренировке. Да, свежести где-то не хватало, но чтобы ноги деревянными были – тоже не припомню. Может, Саша как игрок созидательный что-то такое чувствовал, а когда свежести и легкости нет, то страдает работа с мячом.

Возможно, до конца пойму, что тогда произошло, только с бóльшим тренерским опытом. Надо с этой стороны посмотреть, что такое подготовка игроков к ответственным матчам и турнирам. Одно дело – готовить команду в недельном цикле. А тут – трехнедельный турнир, да еще и при диком психологическом давлении, которое всегда бывает на чемпионатах мира и Европы. Гусу Хиддинку в 2008-м все удалось в лучшем виде.

Но ведь и четырьмя годами ранее у нас очень мастеровитые игроки были! Правда, несыгранные – все товарищеские матчи мы проводили разными составами. В одном из них, с Норвегией на выезде, дебютировал Игорь Акинфеев. Впрочем, понятно было, что он еще слишком молод для основы.

Это уже год спустя Юрий Палыч, поразив многих, сделал его основным вратарем сборной вместо Овчинникова. Увидел, что и Игорь возмужал, да и Сергей в возрасте. Семин поговорил с обоими, и они с пониманием это восприняли. То, что у вратарей между собой прекрасные отношения до сих пор, а Овчинников тренирует Акинфеева в ЦСКА и сборной, о многом говорит.

Эта история лишний раз доказывает, что, когда тренер идет на перемены, делая ставку на молодого вместо опытного, он должен все обоим честно объяснить. Тогда и никаких конфликтов не будет.

А насчет товарищеских матчей – их мы в год чемпионата Европы не выиграли ни одного. С болгарами, за которых играли и Димитар Бербатов, и Стилян Петров, вели – 2:0, Сыч два забил. Игнашевич бил пенальти – так вмазал в перекладину, что мяч от нее аж за центр поля улетел. А потом болгары сравняли.

После норвежцам проиграли, 0:0 с Австрией сыграли. Еще был какой-то дурацкий матч со сборной легионеров РФПЛ, которую собрали с миру по нитке. Мы вышли на поле – и не понимали, зачем нужна эта игра, на которую и не пришел-то почти никто. Странное ощущение – вроде бы и футбол, а кому и зачем он нужен – черт его знает.

Вообще, не думаю, что результаты товарищеских матчей могут как-то сказаться на официальных. В «товарняках»-то чаще

всего людей из ближайшей обоймы проверяют. Плюс некоторые футболисты, например, сейчас, когда товарищеские матчи проводятся в июне, в межсезонье, реагируют на них так: блин, все уже в отпуске, а нам тут приходится играть. Но я в сборную всегда с удовольствием ехал.

И многие к «товарнякам» профессионально относились. У того же Лоськова перед матчем с Болгарией умер отец, он его только похоронил – но позвонил Ярцеву и сказал: «Можете на меня рассчитывать, я прилечу». Сам тренер об этом в интервью потом рассказывал.

* * *

Против испанцев, которым оставалось два года до начала серии из трех выигранных турниров подряд, мы сыграли хоть и не безнадежно, но неважно. У нас, по-моему, был только один момент – у Аленичева. А в целом играли рвано, к тому же нервничали сильно. И то, что уступили 0:1, пожалуй, было справедливо. Собой я остался недоволен. Мне пришлось трудно с моим визави на фланге – Висенте. Шустрый, левоногий, справиться с ним удавалось далеко не всегда.

Да и вообще, тот дух, который так ярко проявился у меня и всех нас в Уэльсе, на чемпионате Европы у сборной России испарился. Игроки хорошие, а команды – не было. Для меня это удивительно, потому что я готовился к своему первому Евро, думал, что это будет что-то особенное. Но ничего не вышло.

И потом оказалось, что это был не только первый, но и последний мой турнир. Хотя, попади мы в Германию-2006, шансы на поездку я имел бы хорошие. Когда в июне 2005-го играли товарищеский матч с будущими хозяевами чемпионата мира, прилично смотрелись, сыграли 2:2, и я весь матч отыграл. При том что против нас были Кан, Мертезакер, Швайнштайгер, Подольски, Баллак… Швайни против Анюкова на фланге играл, вроде ничего особенного – а два раза в центр сместился и два гола забил.

Выиграй мы в последнем отборочном матче в Словакии – поехали бы на ЧМ-2006. Но мне только-только операцию на мениске сделали, и игру я смотрел по телевизору. Семин потом говорил: ему обидно было, что я не смог поехать. Играл за основу в сборной я уже не так много, но в команду он меня брал и на замену всегда мог выпустить. Может, и в той игре вышел бы. А то, что меня не хватило в коллективе, Семин после Словакии сказал.

В Португалии и сам я мог играть намного лучше, и вся

команда. Готовились долго, но состояние было какое-то странное. Вроде и все 90 минут выдерживал, но легкости в ногах не ощущалось. И многие то же самое чувствовали. Тот же Гусь был вообще на себя не похож.

На 88-й минуте матча с Испанией, ко всему прочему, еще и Шаронову вторую желтую карточку показали. Из-за этого мы в концовке ни на какой финальный штурм не сподобились.

Но не могу сказать, что мы это поражение восприняли как трагедию. И еще не понимали, что греки своей победой над Португалией спутали все карты. Никто не ожидал, что они не просто из группы выйдут, а весь чемпионат выиграют. Фаворитами группы считались испанцы и португальцы. Да, проиграть первым было неприятно, – но не разгромили же нас, в конце концов. Думали, ладно, возьмем свое с Португалией. Хотя попадать в группу, где играют хозяева, всегда тяжело – по понятным причинам, из-за судейства…

* * *

А потом произошла история с Мостовым. Кто-то говорит, что он ворчливый и на все жаловался. Не знаю, мне Сашка нравится, с ним всегда можно было все обсудить, и он был открытый, не хитрил. Да, я слышал, что с тем же Карпиным они, хоть столько лет и играли вместе в «Спартаке» и «Сельте», не переносят друг друга, и так обстоит дело по сегодняшний день. Но у меня не было с Мостом никаких проблем.

Его игра мне всегда нравилась. Еще с тех пор, как в 1988 году он, играя за «Спартак» в «Олимпийском» против харьковского «Металлиста», на «носовом платке» в штрафной шесть человек обыграл и гол забил. После того случая я – поклонник Мостового. На тренировках с радиуса штрафной бил по воротам – девять из десяти клал. Очень серьезный футболист – другого в Испании не прозвали бы Царем. Они с Аленичевым после травмы Онопко, пожалуй, были двумя главными авторитетами в коллективе.

И не соглашусь с тем, что он баламутил коллектив. Ни до отъезда в Португалию, ни там я не видел никаких предпосылок для конфликта. Допускаю, что он стал в какой-то мере результатом нервозности Ярцева, которому нужно было куда-то все выплеснуть.

Да, во время того турнира Мосту было уже тридцать пять лет, и объем работы он, наверное, давал не такой, как раньше. Но в плане техники оставался по-прежнему очень хорош, пользы мог принести много. Пирло тоже никуда не носится.

У Георгия Александровича и прежде случались конфликты с ветеранами. Один из них в 1996-м произошел у меня на глазах – с Валерием Шмаровым. Был разбор игры с новороссийским «Черноморцем». Смотрим видео – с фланга подает Липко, подкручивает неудачно. Ярцев: «Где нападающий?» Шмаров: «Смотрите на экран – вот я. В правильной позиции. Открыт, надо сюда подавать. А подача плохая была». Началась пикировка, но без перехода на личности.

И все – на следующий день Шмарова в команде уже не было. После этого я понял: в «Спартаке» разговаривать не надо. Меня и раньше Димка Хлестов предупреждал: «Кто много говорит, того из команды выгоняют». И тут я увидел это на деле. Хотя Барези имел в виду Романцева, а это произошло уже при Ярцеве. Шмаров тут же в Корею улетел…

Мостовой по своей испанской привычке не стал держать язык за зубами – и после матча с Испанией вроде бы дал тамошним журналистам интервью, в котором сказал, что команда не готова физически и не выйдет из группы. Оба этих тезиса, судя по всему, Ярцева и завели. Хотя, на мой взгляд, нельзя выгонять футболистов за интервью. Нужно отталкиваться только от их игры. Да, на месте Моста я бы такого, наверное, не говорил, но это не повод для подобных мер!

А почему того же Аленичева отчислили из «Спартака» после его слов о Старкове – при огромном авторитете, которым обладал Алень, капитан, в глазах всех спартаковцев вплоть до Видича? У него ведь это долго назревало, и я знаю ситуацию: Дима сначала заехал в клубный офис и предупредил, что пойдет давать интервью. Там к этому всерьез не отнеслись – а зря. Если Дима что-то решил, это никогда не бывает спонтанным, – и обязательно до конца доводит.

Что же до интервью Моста, то, скорее, мне кажется, что мы были перегружены психологически. В конце концов, даже если ты физически не готов, но настрой сумасшедший – тоже можно биться. Включить морально-волевые качества. Не могу сказать, что кому-то было безразлично, но, грубо говоря, выпрыгивать из трусов команда оказалась не готова. Может, как раз из-за общей скованности.

Сначала нас на две недели закрыли в Бору, потом еще на неделю перед турниром – в Виламоуре. Да, на следующий день после матча против Испании с разрешения тренеров выбрались на пляж, но это было исключение.

Ни вечером после тренировок, ни между ними никуда с базы отлучиться не могли. Ну почему так? Вот потом у Хиддинка все строилось на доверии, как я сам понял, один раз у него в команде

побывав. И футболисты чувствовали себя свободно, от чего во многом и сыграли так на Евро-2008. А мы – были зажаты.

Вы скажете – а как же Словения? Думаю, что и перед другими играми ребята так же сидели, но все было нормально. У нас же как – проиграем, тогда зацепятся и что-то раздуют. Ведь тот инцидент с кальяном когда случился – до первой игры. А большую ее часть наши играли так, что у словенцев вообще ни шанса не было. И не пропусти команда при 2:0 гол ближе к 90-й минуте – спокойно поехали бы на чемпионат мира в Южную Африку. Так бывает. А про кальян в прессе вспомнили только потому, что сборная не дала результата…

Думаю, отчисление Моста произошло не только с подачи Ярцева, но и при участии Колоскова и Тукманова. Может, они припомнили ему то, что в 1994-м он подписал «Письмо 14», пусть потом в сборную и вернулся. Не выслушав мнение руководителей федерации, людей старой формации, главный тренер в одиночку такого решения наверняка не принял бы.

Нам Ярцев сказал, что Мостовой освобожден из команды, на тренировке. Пришли и узнали, что его с нами больше не будет. Подробно не комментировал, разве что кратко сказал: «За высказывания в прессе». А на предматчевой пресс-конференции, которая была уже после отчисления, высказался детальнее: «То что сделал Мостовой, расцениваю как плевок в сторону команды. Моя ошибка в том, что я ему слишком доверял, создал наиболее благоприятные условия для подготовки. Больше этого человека для меня не существует».

Не знаю, многие из нас поведение Моста как «плевок в сторону команды» не восприняли. За всех говорить не буду, но мне было неприятно. Я не хотел, чтобы Мостового тогда убирали из команды, даже если он что-то и сказал. Надо было доиграть турнир, а не начинать выяснение отношений. Но нас поставили перед фактом, никто нашего мнения не спрашивал. В той ситуации я был, наверное, на стороне Мостового, хоть Ярцева глубоко уважаю.

По-моему, Аленичев, который жил в одном домике с Мостом, ходил к Санычу, пытался Сашу отбить. Но главный тренер, как бы к Аленю хорошо ни относился, даже слушать не стал.

А идеи всем вместе просить за Мостового, насколько помню, у нас не возникло. Я, со своей стороны, не считал себя вправе такие мысли подавать – в сборной-то тогда меньше года был. Ну, забил Уэльсу – но даже после этого и вплоть до объявления окончательного состава не знал, поеду в Португалию или нет. Понимал: один сезон ты в фаворе, а на другой все может измениться…

Потом Мост рассказывал в интервью, что один из футболистов стартового состава перед игрой с Испанией спрашивал его, как именно надо играть против его визави. Это точно не про меня. Про Висенте я знал: главное, чтобы он за спиной у тебя мяч не получил. Ищи тогда ветра в поле. Если идет на тебя – не надо выбрасываться, чтобы мяч не прокинули и не обежали.

Но не то чтобы Ярцев мне все это разжевывал – тогда вообще особо не было принято соперников до косточек разбирать. Ни Саныч, ни Романцев этого не делали. Семин, Гаджиев – в большей степени. Про Висенте я и так все знал. Но даже если бы и не знал, не стал бы у партнера перед началом игры спрашивать. Не могу себе представить в этой роли ни Сенникова, ни Аленичева, ни Гусева… Поэтому думаю, что, скорее всего, это был Шаронов – и спрашивал он у Мостового о каких-то деталях игры Рауля или Морьентеса.

Честно говоря, для меня стало новостью, что перед матчем с Португалией Мостовой уже почти договорился о контракте с «Динамо», но из-за той истории его так и не подписали, и Саня завершил карьеру. Если так – грустно. Но было это или нет, точно не знаю, а вот то, что Ярцев вернул Мостового в сборную и продлил на год его карьеру в национальной команде – это факт. Потому что Газзаев его туда не звал и появился Мост одновременно со мной перед матчем с Ирландией.

Не думаю, что отчисление Мостового сильно повлияло на наш результат на Евро – и, в частности, на матч с Португалией. Убрали – значит, посчитали нужным, остальные продолжили работать дальше. Это больше журналистам интересно было – работа у них такая… Во многих командах ведь такие вещи происходят. Тот же Хиддинк из сборной Голландии посреди турнира Давидса выгнал.

В 2008 году на «Локомотиве» состоялся прощальный матч Аленичева – и так вышло, что Ярцев там тренировал Мостового. Потом был банкет. Насколько помню, общались они нормально. Время лечит.

* * *

То, что после случая с Мостом мы якобы ехали в Лиссабон играть против хозяев обреченными, – преувеличение. Нормально ехали, тем более что из Фару до столицы к Евро новую хорошую дорогу построили. Быстро домчали, за три часа.

В первом матче проиграли и мы, и португальцы, так что игра

была на вылет: кто уступил – шансов на выход лишается. Ярцев сделал аж четыре перестановки в составе: Лоськов вместо отчисленного Мостового, Бугаев вместо дисквалифицированного Шаронова, Каряка вместо Гусева, Кержаков вместо Булыкина.

Не помогло. Пропустили быстро – забил Манише. Возможно, в том голе была и доля моей вины. А тут еще и норвежский судья Хауге подсуропил, удалив Овчинникова за игру рукой за пределами штрафной. Хотя потом видеозапись показала, что арбитр был не прав. Более того, он сам после игры подошел, признал, что ошибся. Молодец, конечно, не каждый так поступит. Но нам-то от этого не легче.

Второй тайм, в меньшинстве, сыграли намного лучше первого – атаковали, создавали моменты. Но опять ничего не забили, а в самой концовке получили от Руя Кошты второй. Но в целом с Испанией играть было посложней, пусть она еще и не считалась таким фаворитом, как спустя несколько лет.

Португалия же играла дома, и все было за нее. В конце концов, «Порту» ведь и Лигу чемпионов как раз той весной выиграл, и в сборной игроков из клуба-победителя полкоманды было (правда, несколько человек оттуда вскоре приехали за «Динамо» играть, мы в «Локомотиве» их чуток побаивались, но взяли и обыграли). И тренировал их Луис Фелипе Сколари, двумя годами ранее выигравший с Бразилией чемпионат мира. Ну и судейство домашнее. Удивительно, что при всех этих факторах они дважды – и в группе, и в финале – проиграли грекам и стали только вторыми.

Поскольку крайки Португалии все время менялись флангами, то мне довелось поиграть и против Фигу, и против Криштиану Роналду. Может, кто-то удивится, но со вторым мне было полегче. И не только тогда, но и в других матчах, когда приходилось ему противостоять. Роналду, конечно, быстрый, мощный, но предсказуемый. Фигу – намного хитрее. Очень силен был и Деку, недаром его из «Порту» в «Барселону» взяли. А то, как сейчас Криштиану играет, говорит о том, с каким упорством он тренируется и хочет совершенствоваться, даже будучи суперзвездой. В 2004-м он был далеко не таким, как теперь.

Играли мы и с испанцами, и с португальцами жестко, много карточек наполучали, в том числе и красных. Но дело было не в том, что мы хотели грубить и останавливать соперников любой ценой. Просто тяжело играть против скоростных и техничных футболистов, чье мастерство, объективно говоря, выше нашего. Один в один они нас переигрывали. Где-то мы не успевали, и это приводило к фолам и карточкам.

После игры с Португалией Ярцев зашел в раздевалку и

поблагодарил футболистов за то, что бились. Хорошо, что он после игры на пресс-конференции не обвинил во всем игроков – иначе это нас бы добило. Футболисты ведь за такими вещами внимательно следят. Недаром Широков пару лет назад в интервью рассказывал, что на Лучано Спаллетти русские игроки «Зенита» разозлились именно потому, что внутри команды он никому слова не говорил, а перед журналистами на них обрушился.

Когда ты везде одно и то же говоришь, это еще можно принять. Другой приемлемый вариант – когда внутри команды, на разборе, игроки получают по полной программе, а на пресс-конференции – все нормально, «ни к кому претензий по самоотдаче нет». Но не наоборот.

Впрочем, я сам, будучи футболистом, однажды публично обвинил своего партнера – Неманью Вучичевича. Когда играли квалификацию Лиги чемпионов с австрийским ГАКом, на выезде выиграли – 2:0, дома после первого тайма вели – 3:1. Казалось, все, курорт. В раздевалку в перерыве заходим, Семин говорит: «Дима Лоськов пусть отдохнет. У нас много игр, ему нужна пауза». И меняет его как раз на Вучичевича, которому много авансов выдавали.

20 минут проходит – уже 3:3. Еще два мяча австрийцы забьют – и в Лигу чемпионов выходят. Не забили – но я, злой, в интервью говорю: «Сегодня произошла ошибка с выходом Неманьи». Некрасиво, конечно. Только я такое мог ляпнуть. Одно дело – внутри команды, не вынося наружу, а тут на всю страну о своем партнере. Хотя в следующей игре сам мог на его месте оказаться. Но он нормальный парень, спокойно воспринял.

А Ярцев вину за то поражение от Португалии, общаясь с журналистами, взял на себя. Не случилось бы этого, понес бы на игроков – думаю, ни о какой победе в третьем матче над Грецией – пусть в турнирном смысле она для нас ничего уже не решала – не было бы и речи. Достаточно уже было одного Мостового…

* * *

После матча с Португалией мы вылетели досрочно, но оставалась еще игра с Грецией. И ее у будущих чемпионов Европы мы выиграли – 2:1. Моментов создали более чем прилично. Вот что значит – груз психологический спал. Ярцев, который дал поиграть всем, кто до того не был задействован (ни минуты на турнире не провел только третий вратарь Акинфеев), вообще говорил, что по качеству матч с Грецией был даже лучше, чем

поединок в Уэльсе. Но в Кардиффе-то решалось все, а в Фару – по крайней мере для нас – ничего…

Для греков, правда, многое. Если бы мы выиграли у них с разницей в два и более мячей, то они оставались за бортом, а в плей-офф вместе с Португалией выходила бы Испания. И мы были к этому близки.

Уже на первой минуте Дима Кириченко, который до того на турнире не играл, забил самый быстрый гол в истории чемпионатов Европы: убежал по центру один на один и дал с носка. Интересно, что во всех трех матчах в Португалии у нас была разная линия атаки. С Испанией на острие был один Булыкин, с Португалией – Кержаков, с Грецией играли с двумя форвардами – Кириченко и Булыкин.

Булыка второй и забил – уже на 17-й минуте. Головой после подачи углового. Греки под самый перерыв один мяч отыграли, но во втором тайме мы должны были забивать, и не раз. Жаль, не получилось. А то ведь потом доводилось читать, будто мы с греками договорняк сгоняли: поражение в один мяч, дескать, их устраивало, чтобы выйти из группы, а Россия хоть с одной победой с турнира уехала. Поражаюсь, какую чушь люди порой выдумывают.

Мы потом с Карякой в «Сатурне» вспоминали один смешной эпизод того матча. В первом тайме Андрей должен был третий забивать, но не использовал момент, и в перерыве Ярцев заменил Карю на Семшова. Но затем, видимо, об этом забыл, потому что в какой-то момент второго тайма начал кричать на поле: «Каряка! Каряка!» И тут вспомнил, что Андрея на поле уже нет, и с досады рукой махнул.

Организационных проблем на том чемпионате у нас особо не было. Разве что с питанием. Из России привезли известного повара из ресторана «Царская охота», что на Рублевке. Но не знаю, как он в России мог творить кулинарные шедевры, если у нас еда была, мягко говоря, не особо. Очень однообразная. При том что жили у моря, за двадцать дней всего однажды морепродукты были. Зато гречка, макароны, каша с утра – это ежедневно. Разве что фруктов было много.

Мы уже в какой-то момент начали над этой едой смеяться. Но потом смех перешел в раздражение. Помню, на обеде в день игры Влад Радимов взял макаронины и в стену кинул – те к ней приклеились. Продолжения инцидент не имел, поскольку никого из тренеров и начальства в этот момент в столовой не было и никто ничего не узнал. Начальники – они в основном в Русском доме питались, где подавали черную икру и все остальное…

Нет, ладно, в день игры одно и то же – там все по науке,

понять можно. Но в другие-то дни почему? Знаю, что и у хоккеистов на зимних Олимпиадах такое недовольство было, и это отвлекало от дела. И надо не говорить – мол, спортсмены зажрались, – а продумывать все такие детали. Черную икру никто не просит, но мы же не роботы, чтобы три недели есть одно и то же!

Но других организационных проблем и тем более скандалов не было. Читал, например, что в 90-е годы в сборной бывали косяки с экипировкой – ребятам черт знает что вместо формы привозили. В те времена главная беда состояла в том, что больше чем полкоманды играло за границей и там они привыкли к уважительному отношению и выполнению обязательств, а у нас все еще было как в Советском Союзе, когда руководство не считало игроков личностями. Отсюда и все конфликты.

Я оказался в сборной уже в другое время. На Евро платили за каждое очко, и достаточно щедро. Ничего не изменилось и после того, как мы досрочно, после второго матча, вылетели. Ну и правильно: после драки кулаками не машут. На берегу договорились – надо выполнять. А вот если бы после двух поражений нам сказали: нет, мол, ребята, условия переигрываются, – всякое могло бы начаться.

С Грецией почему еще так прилично сыграли – премиальные-то за победу никто не отменял. Лично я (а мы с Аленичевым оказались единственными в команде, кто провел на поле все три матча по 90 минут) получил за этот турнир – за участие плюс победу над греками – 120 тысяч долларов. В Португалии еще до начала турнира у нас было собрание, гендиректор РФС Тукманов предложил такой вариант. Никаких возражений не последовало…

Нам рассказывали, что за Европу денег всегда игрокам дают больше, чем за мир. По крайней мере, так было раньше, когда на чемпионатах Европы играло шестнадцать команд (теперь-то – двадцать четыре), а на мировых первенствах – тридцать две. Деньги командам-участницам от УЕФА делятся на меньшее число команд, чем от ФИФА, вот и получается большая сумма.

Что происходило в обратном самолете из Фару в Москву, не знаю, потому что остался в Португалии. В Лиссабоне у Овчинникова дом был, и мы с женами и друзьями еще дней пять там провели. Отдыхали, смотрели футбол, общались с болельщиками. Ездили к знаменитому поклоннику «Бенфики», который ни один выезд «орлов» не пропускает. У него есть популярный ресторан, и каждый игрок, выступавший когда-либо за «Бенфику», может туда хоть каждый день ходить – с него и его гостей денег не возьмут. Овчинникова узнали, конечно, и мы бесплатно отобедали. Сам хозяин, бородач лет шестидесяти, с

нами сел, рассказывал о выездах в Советский Союз в 80-е годы…

А еще там под мостом через реку Тежу есть набережная с рыбными ресторанами, дискотеками и другими развлечениями. В один из дней пришли в ресторан и сидели там до вечера. Матчи разные смотрели вместе с болельщиками. В какой-то момент поймал себя на мысли, что стою у экрана, а рядом со мной человек пять-шесть – и все разных национальностей, в разных футболках. Англичанин, чех, португалец, испанец…

И я с ними со всеми разговариваю. Знаю только русский язык – но и я их понимаю, и они меня. Какое же классное ощущение! Только тогда я и почувствовал по-настоящему, что такое чемпионат Европы. Разумеется, меня никто не узнал. С какой стати узнавать-то? Кто я такой? А наших болельщиков там не было.

У меня нет четкого и однозначного объяснения, почему у нас не получилось на Европе. Но факт, что ехали в Португалию мы с одними эмоциями, были сплочены. А уже на месте ощущение, что все связаны одной целью, куда-то делось. Нет, внутри команды не было никакой вражды, группировок, конфликтов. Помню, после первой игры сели в номере то ли у Лоськова, то ли у Гусева, обсуждали прошедший матч. То есть не было игрокам все равно. Но такого, чтобы умирали друг за друга, за команду, за страну – не было. В отличие от матча в Уэльсе. Хотя на таком турнире – должно быть…

И сам я надеялся, что сыграю не хуже, чем в Кардиффе. Но что-то помешало. А может, на Европе не нашлось человека, который так бы меня разъярил, как Райан Гиггз…

* * *

Новый отборочный цикл начали домашней ничьей со Словакией. При 1:0 в нашу пользу мой нынешний коллега по тренерскому штабу «Амкара» Каряка пенальти не забил, а потом соперник сравнял счет. Я вышел на тот матч в ужасном состоянии, с температурой. В перерыве сказал: «Больше не могу». На следующий день приехал в клуб, и оказалось, что у меня ангина.

Однажды мне во время интервью корреспондент сообщил, что я разгневал… Путина. Я немного в шоке был – не знаю уж, правда это или нет. Вроде как в сборной резинку во время исполнения гимна жевал, и меня крупным планом показали. Якобы президент увидел это по телевизору, позвонил главе Олимпийского комитета Тягачеву, тот – Колоскову, который обо всем и

рассказал журналистам. Ну, жевал, что с того? Важно не то, как ты себя ведешь, а что делаешь для страны.

Гимн не пел – это правда. Потому что новых слов не знал. Вот старый, советский, еще со школы отлично помню. По сей день. «Союз нерушимый республик свободных…»

Но вот на что президент действительно мог разгневаться – кстати, говорят, так и произошло – на 1:7 от Португалии осенью 2004-го. Тогда суперпопулярным был фильм «Ночной дозор», и по аналогии ту игру, которая проходила поздним вечером, у нас все назвали «Ночным позором». Так оно и было, позор – правильная характеристика. Причем когда Аршавин при 0:3 забил, мы еще надеялись отыграться. Но в середине тайма Криштиану Роналду забил четвертый – и все стало понятно. Еще три мяча в последние десять минут получили.

Иногда один эпизод может предопределить весь ход игры. При счете 0:0 португальцы атаковали, и в какой-то момент судья на линии флажок поднял. И я, и другие ребята остановились: вне игры же, и все это видят! Не остановился только Паулета – и забил. Смотрим на лайнсмена – а он флажок уже опустил. И ничего не докажешь.

Перед той игрой на установке Ярцев твердил: «Не давайте бить! Встречайте плотнее перед штрафной!» А в итоге нам пять мячей из семи как раз из-за штрафной и прилетело. Вот как тут можно тренера обвинять, если он все предвидел и специально наше внимание на это перед игрой обратил? А у португальцев буквально все влетало по девяткам.

А в перерыве, при счете 0:3, Ярцев отозвал меня в туалет и говорит: «Они чего, сдают?!» – «Да ладно, Георгий Саныч! Кто – они?» – «Ну я говорил двум центральным защитникам перед игрой, чтобы встречали! А они вместо этого отступают, и те бьют без сопротивления». – «Да никто не сдает». Сейчас, будучи тренером, могу представить себе эмоциональное состояние Георгия Александровича, когда в наши ворота все эти мячи влетали. Ты на установке говоришь, предупреждаешь – а в итоге это самое и случается.

Лично я заметил, что Ярцев ушел в раздевалку, не дожидаясь конца игры. Я как раз по тренерской бровке бегал, поэтому увидел. Немного удивился, конечно. Сам он потом в интервью говорил, что ему плохо стало, но думаю, что Саныч просто на нас обиделся – как раз из-за невыполнения установки. Но по раздевалке ничего не летало, и вообще царило полное молчание. Ярцев, как и Романцев, сразу после игр никогда разборов не устраивал, особенно если проигрывали. Все правильно: когда игроки в таком эмоциональном состоянии, произойти может что

угодно.

После того матча судьба Ярцева была предрешена, хоть нам ничего и не говорили. До весны он еще продержался – помню, в феврале товарищеский матч с Италией играли, и судья свистел всякий раз, когда кто-то прикасался к Тотти – даже по всем правилам. А потом март, ничья с Эстонией, увольнение из РФС Колоскова, приход Мутко, отставка Ярцева, приход Семина…

Для меня это мало что меняло, потому что вместо одного «моего» тренера пришел другой. Но проиграно в том цикле было уже слишком много, а тут еще и в Латвии вничью сыграли, очередные свои очки в том цикле потеряли. Там играл в основе, а потом, перед решающей игрой в Словакии, как я уже рассказывал, травмировал мениск и уехал на операцию. Надеялся, конечно, что ребята выиграют на выезде, и я смогу поехать на свой единственный в жизни чемпионат мира. Но не судьба.

Александр Бородюк – главный специалист сборной по анекдотам. Только видит тебя – сразу что-нибудь рассказывает. Откуда он их только в таком количестве находит? Чаще смешные, но бывает, смеешься с ним, чтобы не обиделся.

Он и переводил наш единственный разговор с Гусом Хиддинком. Команда в Бору уже дня три сидела перед первым отборочным матчем с Хорватией, когда кто-то сломался, и меня довызвали. Приехал туда на машине – Бородюк говорит: «Пойдем к Гусу». Сидит за столом в том же номере, где когда-то Газзаев. Потом выходим, Борода говорит: «Да нормальный он, нормальный». Саша сам с ним только знакомился, но уже скоро стал ближайшим к нему человеком.

И Хиддинк действительно оказался нормальным. Увидел, какого качества поле в Бору, как далеко это от города – и настоял на том, чтобы команда переехала в Сокольники, в отель Holiday Inn. Ребята были очень довольны, и вообще он с ними быстро контакт наладил, раскрепостил, дал свободу – и на футбольном поле, и за его пределами. Недаром сборная такой результат в 2008 году на чемпионате Европы показала.

Вечером накануне матча я решил перегнать машину на «Локомотив» – благо рядом, пропуск на стадион у меня был, а вернуться собирался на метро. После ужина, в 8.30 – 9 вечера, с двумя чемоданами и сумками подхожу к лифту, а тут как раз Хиддинк идет с совещания. Посмотрел на меня и, по-моему, слегка удивился – куда это игрок с чемоданами со сбора прется. Но переводчика рядом не было. Так и разошлись – я в машину, он, наверное, капучино пить.

Больше мы не общались и в сборную меня не вызывали. Но это, конечно, совпадение. Хиддинк действительно показался мне

нормальным, а ребята, оставшиеся в сборной, подтверждают, что он очень хороший человек. Просто ему надо было омолаживать состав, и я в свои тридцать лет оказался одним из тех, кто попал под это обновление. Вообще никаких претензий и обид. Команду-то он в итоге классную построил, и я поддерживал то, что он делал.

Потом видел его только один раз, уже когда он «Анжи» тренировал. Там работает доктор, Хаджимурад Хизроев, который при мне был в «Сатурне». А у них там в Махачкале есть огромная и очень вкусная рыба, которую я себе и заказал. Рыбу мне привезли, я приехал на базу, деньги отдал. Там Гуса и видел. Но не уверен, что он меня вспомнил. Слишком много футболистов через него прошло, чтобы он запомнил человека, которого только на одну игру вызывал!

В сборной, думаю, я все-таки недоиграл. Хотя, например, полагал, что Лоськов гораздо больше, чем я, матчей за национальную команду провел, а оказалось, что он меня превзошел совсем на чуть-чуть: двадцать пять игр против двадцати. Хотя по таланту кто Лоськов – и кто Евсеев? Так что если кому-то и расстраиваться, что не сыграл за сборную столько, сколько должен был, – то Лосю, а не мне.

* * *

Георгий Ярцев:

– Евсеев сыграл на Евро-2004 не так, как с Уэльсом, но это касалось не одного Вадима. То же произошло со всей командой. Вспомните, какой нервной была обстановка перед чемпионатом. На меня давили, почему до последнего не называю заявку сборной на турнир, а у нас травма на травме была, и я просто не знал, кто у нас сможет играть!

Вот посчитайте, сколько у нас вышло защитников на стартовый матч с Испанией из тех шестерых, кто поехал в Уэльс. Два! Евсеев и Сенников. На Евро у нас поехала абсолютно новая линия обороны. Мы 10 июня играли, а тот же Сенников 5-го или 6-го только первый раз по мячу ударил. А тот чемпионат как раз и показал тенденцию – выиграл с Грецией Отто Рехагель, который играл чисто от обороны, причем еще и с пятым защитником, чистильщиком.

Победа эта стала возможна только благодаря идеальной сыгранности. А у нас – все с листа. Вылетели

Соломатин, Онопко, Игнашевич… Появились совершенно новые ребята – Бугаев, Шаронов. Очень трудно было обрести взаимодействие. Сказалась и дисквалификация Титова. Но особенно – потеря Онопко. Это был столп обороны, капитан, с которым партнеры играли долгие годы, понимали его с полуслова. Он получил серьезную травму, и врачи не гарантировали его выход на поле даже в третьей игре. Как можно было брать человека, который находится в таком состоянии?

Мы ведь с испанцами играли очень хорошо. К тому времени, когда они нам забили, создали три момента. И Димка Аленичев один на один выходил, но не переиграл Касильяса, и еще пару шансов имели. А в матче с Португалией получили несправедливую красную карточку: ведь Овчинников после паса назад Лоськова не играл рукой…

Что касается злополучного матча с Португалией, когда мы проиграли 1:7, то именно игра Евсеева не вызвала никаких вопросов. Сколари все время менял фланги. Начинали Луиш Фигу слева, а Криштиану Роналду справа, через пятнадцать минут они менялись, затем – опять… Я знал эту его затею, но нельзя же гонять защитников с края на край! Поставил Вадика справа, и никто его не возил.

А то, что такой счет, – до сих пор убежден, что это несчастный случай. Нам первый гол из положения «вне игры» забили, а потом заставили наших защитников пятиться, давая возможность Роналду, Деку, Манише бить из убойной зоны. Это было смерти подобно. Я поэтому призывал игроков – атакуйте португальцев, не давайте им бить! На пресс-конференции даже Сколари сказал – это какие-то чудо-голы. Да, Роналду – великий футболист, но нам он такой завалил, какой попадают один раз из ста. И Слава Малафеев ничего не мог с такими ударами сделать. Сумасшедшая статистика: девять ударов в створ, семь голов и штанга.

Мог ли кто-то сдавать, меня плавить? Да упаси бог. Вадик, наверное, меня неправильно понял. Я его действительно подозвал в перерыве, в сердцах сказал ту фразу. Но имел в виду не то, что футболисты сдают игру, а то, что они сдают позицию у нашей линии штрафной, откуда португальцы могут свободно бить! Те постоянно оказывались в ударной зоне, а нам нужно было, наоборот, выдвигаться вперед и выжимать их оттуда. О

чем и шла речь на установке.

* * *

Поехать играть за границу меня ни разу за всю карьеру не звали. Если не считать предложения от киевского «Динамо», конечно. Как-то спросил в клубе – сказали, что вроде бы «Галатасарай» интересовался, но дальше дело не пошло. А агенты были те еще. Так, один звонил раз в год. «Что обижаешься, – говорит, – если предложений нет?»

Наверное, мне надо было по-другому себя вести – встречаться с людьми, а не по телефону разговаривать. Но то, что я хотел в Англии играть, – это безусловно. Думаю, там бы не затерялся. С бойцовскими качествами – а там это главное – у меня все в порядке, и английский чемпионат всегда мне нравился. Не раз играл с британскими клубами в еврокубках, и ничего недостижимого там не заметил.

Кстати, чуть ли не единственный случай, когда в международных матчах соперник предложил мне обменяться футболками, произошел после матча «Локомотива» как раз с английским «Лидсом» – это был форвард Алан Смит. Хотя нет – еще когда «Спартак» с «Нантом» играл, ко мне, двадцатилетнему, польский нападающий французов Роман Косецки с тем же предложением подошел. Для меня-то это первый официальный матч на взрослом уровне был, и я подумал: «О, круто!»

Футболок-то у меня много – Дзанетти из «Интера» (ее я получил от него на «Сан-Сиро» – моем самом любимом стадионе в мире), Ривалдо времен «Милана». И кого-то из Уэльса. Но поскольку майки тогда были без фамилий, не могу сказать – кого…

Так вот, если бы мне сразу после прихода Бышовца в «Локомотив», в начале января 2007-го, сказали, что клубу я не нужен, мог бы успеть договориться с какой-нибудь зарубежной командой. Но после сбора было уже поздно – все стало понятно 31 января, в последний день трансферного окна. Так упустил, наверное, последний шанс куда-то уехать.

В результате ушел в «Торпедо». В первый дивизион особо не рвался, но когда в семье Ярцева случилось несчастье, – у него убили сына, – чисто по-человечески решил его поддержать. Потому что этот человек в жизни очень много для меня сделал. Мне уже не в первый раз в карьере довелось выбрать не деньги, а что-то другое.

Было еще предложение из «Шинника». Но как дошло до

личного контракта, начались некрасивые вещи. Встретился с начальником команды Шишловым. Беседа длилась ровно тридцать секунд. С главным тренером Сергеем Юраном мы договаривались об одной сумме, этот человек назвал другие цифры. Говорю: «Нет», он отвечает: «Я так и знал». Все, разошлись.

Вроде бы Леонид Слуцкий хотел видеть меня в «Москве», но говорили, что эта идея не понравилась президенту «горожан» Юрию Белоусу. Впрочем, точно сказать не могу, потому что в переговорах я не участвовал. Я же общался только с Сергеем Шустиковым, который помогал Слуцкому.

Пока искал себе клуб, убедился в удивительной вещи: когда человек бесплатный, к нему парадоксально уменьшается интерес. Семин говорил мне, что, поскольку я много сделал для клуба, на первом месте будет мой личный контракт, а не трансферная сумма. Так и оказалось. Но клубам-покупателям, а также ряду агентов невыгодно, когда неоткуда положить деньги себе в карман. Приходит игрок бесплатно – с него же ничего не возьмешь!

Шел я не в «Торпедо», а к Ярцеву – и на словах договорился с руководством клуба, что если тренер по какой-то причине уходит – я тоже свободен. Но пункта в контракте на этот счет не прописал. Не сомневался, что имею дело с порядочными людьми, – а зря. Ведь Ярцев мне говорил: «Давай запишем – я ухожу, и ты тоже. Первый круг отыграешь, затем в «Локомотив» вернешься». Но я решил: нет, подпишу обычный контракт. Двухлетний.

В тот момент думал, что пришел в команду надолго. Был уверен, что в следующем сезоне вернемся в Премьер-лигу. И тут за день или два до начала чемпионата Костя Зырянов подписывает контракт с «Зенитом», Паша Мамаев – с ЦСКА. В тот момент многое стало ясно, но отыгрывать назад было уже поздно. Да и все равно я не жалею о том, что туда пошел. Больше жалею, что Бышовец только 30 января меня отчислил и варианты с Европой тем самым исключил…

* * *

Александр Шаганов, *поэт, болельщик «Торпедо»:*

– Евсеев – это харизма. Никогда не видел, чтобы он выходил на поле с потухшими глазами. В последние сезоны «Торпедо» не хватало именно таких футболистов, как Вадим. А то тишь да гладь была. Казалось, люди

думали, что зубы нужны только для того, чтобы жевать пищу. Хоть жизнь устроена так, что пару раз надо кому-то перегрызть горло (2007 год).

Но радости время в «Торпедо» мне принесло мало. Главное впечатление – подрался в поезде с торпедовскими фанатами. Ехали после игры с «Салютом» из Белгорода, проиграв 0:4. Зашел к нам в купе болельщик: «Пойдем поговорим в вагон-ресторан». – «Ну, пошли». Абсолютно трезвым, что там скрывать, я не был – впрочем, как и тот товарищ.

Фанатов в ресторане было полно. И начал он какую-то ересь нести – сначала про команду, потом про меня. Говорил гадости, хотя и без мата. Во мне ярость потихонечку копилась, а когда он на семью мою перешел – тут не выдержал, начал драться. Первым полез, скрывать не буду. Хотя следовало просто встать и уйти.

Понеслась заварушка, я гонял всех по вагону-ресторану. И фанатов, и милицию, которую кто-то вызвал. Но тут наш вратарь Дмитрий Бородин подошел. Вроде разнял, увел меня в тамбур, все успокоилось. И вдруг этот в тамбур опять идет. Понеслось по новой. Тот, наверное, этого конфликта только и хотел, специально меня провоцировал. Про мое отношение к футболу рассказывал – и это мне-то, кому таких претензий сроду никто и никогда не предъявлял. Плохо сыграть, ошибиться – да, мог. Но что я не бьюсь…

Мне в той драке тоже досталось – по спине. Обиднее всего, что разбили часы, которые мне за чемпионство в «Локомотиве» подарили. С гравировкой – за «золото» 2004 года. Был бы трезвый – даже разговаривать бы с ним не пошел.

Президент клуба Александр Тукманов мне сказал: «Ты отчислен». Потом смягчился: «Я тебя оштрафую». – «За что?» В итоге тема замылилась. Вообще-то у меня с Тукмановым все было нормально – и в сборной, и в «Торпедо». Что-то могло не нравиться – но раз подписал контракт, значит, должен был его выполнять.

Однажды я хотел увести «Торпедо» с поля в Екатеринбурге. 2:3 проигрываем, я, играя опорным, два гола забил: один ногой, другой головой. Судья назначает пенальти в ворота «Урала». Ставлю мяч на точку, готовлюсь бить. А мы вдевятером играем, и с двумя удалениями сейчас второй гол забить можем. Ну и у меня первый хет-трик в профессиональной карьере наклевывается.

И вдруг боковой машет – нет пенальти, вне игры! Которым там и близко не пахло. Тут я взбесился и действительно начал кричать всей команде: «Уходим с поля!» Более того, хотя команда осталась, сам я ушел. А потом в интервью говорил, что больше в

знак протеста в первом дивизионе играть не буду…

Но в том интервью, признаюсь, немножко на публику играл, потому что в принципе хотел уйти из «Торпедо», которое к тому моменту уже покинул Ярцев. Это был удобный предлог. Еще одно интервью, «Спорт-Экспрессу», я даже попросил назвать – либо «Не хочу играть в «Торпедо», либо «Отпустите меня по-хорошему». Выбрали второй вариант…

А опорным я, кстати, первый раз играл у Семина, дома, против «Барселоны» в Лиге чемпионов. Мы проиграли – 1:3, и я столько набегался без мяча, сколько, по-моему, никогда в жизни. Потому что, во-первых, «Барселона», а во-вторых, поле тяжелое, после дождя. Они играют в одно-два касания, подбегаешь к сопернику по такому газону, – а мяча уже нет. И так все время. Их тогда ван Гал тренировал.

В июне Ярцева из «Торпедо» убрали. Никакой выход в Премьер-лигу команде уже не светил, и с какого-то момента у меня было только одно желание – уйти из «Торпедо». Куда – не важно. Я полностью положился в этом вопросе на агента Павла Андреева, и он устроил все по высшему разряду. Пусть президент «Торпедо» Владимир Алешин долгое время и не хотел меня отпускать.

А для того чтобы «Торпедо» играло успешнее, видимо, не хватало чего-то извне. В первом дивизионе на первом месте не совсем футбол. Поэтому неудивительно, что и я, и все остальные ребята были очень недовольны судейством в играх с «Шинником», «Тереком», «Уралом» – командами, которые, что называется, ставили задачу. Впрочем, я знал, куда иду. Но разве это означает, что происходящее нужно оставлять без внимания? Что-то надо было менять – вот я и решил попробовать это сделать своими словами.

Однажды не выдержал и сказал в прессе о коррупции в первом дивизионе. После этого меня вызвали в РФС. Приезжал вместе с Тукмановым, но не к Виталию Мутко, который объявлял о намерении меня вызвать после интервью, которое я дал. Там собралось много народу – я знал только Никиту Симоняна, Николая Толстых и Алексея Спирина.

Как мне объяснили, эта беседа ничего не решает, пригласили просто поговорить. Из всех собравшихся адекватно высказывались только Толстых и Симонян. Николай Александрович сказал насчет тех двух матчей против «Шинника» и «Терека»: «Мы будем разбирать». Представитель ФСБ, который сотрудничал с РФС, подтвердил: будем разбирать, искать. Правда, как всегда, ничем это не закончилось.

То, что говорили другие, – это была комедия. Защищали себя,

еще кого-то. А Толстых задал конкретные вопросы. В какой-то момент я признал: «Да, был некорректен в некоторых формулировках». Он ответил: «Большое спасибо, что пришел». Вообще, отношусь к нему с уважением.

Если бы «Торпедо» занималось так называемой «работой с судьями», все было бы для нас куда спокойнее. И стояли бы мы в таблице намного выше. А получилось как? Перед началом сезона нам сказали, что «Торпедо» с арбитрами работать не будет. И все. Я понял, что выйти в Премьер-лигу только за счет игры будет очень сложно.

* * *

Организация дела в «Торпедо» была суперпрофессиональная. В кавычках. Например, пропадали футболки. Почти все. Из всего комплекта, что нам выдали, оставались единичные экземпляры. Сдавал в стирку – вещи не возвращались. Исполнительный директор «Торпедо» товарищ Груздев говорил: «Мы вам в начале сезона выдали форму, больше ничего не получите». В результате у меня из трех футболок осталась одна, из трех трусов – тоже одни.

Я уже в футболке «Спорт-Экспресса» стал выходить на разминку – другой у меня не оставалось. Когда в Лужниках проходил финал Турнира дворовых команд, который организовывала эта газета, я заглянул, и мне подарили. По цвету с торпедовскими черно-белыми она совсем не сочеталась – оранжевая. Но я счел, что это и хорошо – люди хоть чуть-чуть встряхнутся, начнут работать. А то жили, как по уставу КПСС, считали каждую мелочь. Там же руководители партбилеты не сдали! Наверное, надеялись, что вернется советская власть.

Ни о каких чартерах в «Торпедо» не было и речи. И в аэропортах насиделся, и в автобусах наездился, и на поездах. Ничего подобного в моей практике не было. Я терпел. Но если от команды требовали выхода в Премьер-лигу и при этом создавали такие условия – футболистам было непонятно и неприятно. В Екатеринбурге, помню, взлетали полтора часа, самый гадкий самолет, которые только встречаются, но они еще почему-то летают – «Ту-154», – трясло. Было страшно. В гостиницах жили – тоже не фунт изюму. Худшая была в Брянске – но и других такого же уровня хватало.

Как только стало понятно, что в высшую лигу мы не выходим, руководство приняло решение омолаживать команду. С опытными игроками начали прощаться – при этом обвиняя в том, чего они не делали. Кто-то якобы сдавал игры, кто-то играл на тотализаторе, кто-то еще что-то… Можно же было сказать по-

человечески: «Вы не выполнили задачу. Теперь ставка на молодежь». А не выдумывать «сюжеты».

Я по этому поводу молчать не собирался – из меня тот еще дипломат. В итоге меня показательно не отпускали. О том, что обещали отпустить, если Ярцева не будет, никто уже не вспоминал. Хозяева своего слова: захотели – дали, захотели – обратно взяли.

Когда меня держали в «Торпедо», я бороду отрастил – и в прессе заявил, что сделал это в знак протеста. Мол, пока «Торпедо» не отпустит – бриться не стану. Любой способ заявить о ситуации, которая меня не устраивала, использовал.

Жена крайне отрицательно относилась к моему новому имиджу, но я был непреклонен. А на вопрос журналиста, что будет, если контракт с «Торпедо», рассчитанный до конца 2008 года, придется полностью отработать, ответил: «Значит, буду как Лев Толстой. Хотят увидеть меня с такой бородищей – пожалуйста, могут еще полтора сезона никуда не отпускать. Слово я сдержу».

И действительно побрился только после того, как меня все-таки отпустили.

Алешин сказал, что такого футболиста, как я, он в жизни не видел. Что хотел этим сказать – не знаю. Я понял так, что клубу был очень нужен. Но в «Торпедо» играть категорически не хотел.

В итоге все-таки договорились с «Сатурном». И, когда это уже произошло, я провел свой последний матч за «Торпедо» – в Набережных Челнах. Надо было попрощаться с командой, хоть из-за любой из нескольких травм мог не выйти на поле. Прощание вышло грустным – 0:4. Эмоций было – ноль.

Георгий Ярцев:

– С его здоровьем Вадик мог играть еще. Нужны были только тренер и команда. Говорят, с возрастом человеку приходится больше тренироваться, чтобы поддерживать форму. Но таким людям, как Евсеев и Горлукович, не нужно много тренироваться. Им нужно вовремя и правильно тренироваться. Дозировать нагрузки. Вот тогда бы они дольше поиграли.

А бегать наравне с молодыми – зачем? Он у меня в «Торпедо» очень часто играл нейтрального в каких-то игровых упражнениях. Ему следовало просто поддерживать физические кондиции, а в игре он был готов бегать все девяносто минут.

После его перехода в «Торпедо» мы с ним встретились на южных сборах. Опять же – сказалось желание играть.

Да, ушел из высшей лиги. Наверное, он мог найти себе там команду – но пошел ко мне. К тренеру, который его знает. И он до конца держался. Хотя неурядиц в той команде столько было…

Ему-то было обиднее всего. Он пришел выполнять задачу, возвращаться в Премьер-лигу. При том что и судьи, и все, кто мог, топтали это «Торпедо». Но, может, ради уважения ко мне он держался. Однако контракт у Евсеева был подписан под меня, и после того, как я «Торпедо» покинул, ушел и он.

Вадик понимал, что по игре мы не то что не уступаем, а превосходим многих лидеров дивизиона. Но что творили судьи! Вспоминаю матч с «Шинником», когда у Вадика были чуть ли не слезы на глазах. Пенальти поставили через девять секунд после окончания игрового эпизода. В Москве! Он уже видел, что торпедовцам просто не дадут шагнуть выше, и ко мне приходил с этими наблюдениями. В Екатеринбурге не выдержал, и когда при счете 2:3 (оба мяча забил он) в ворота «Урала» сначала назначили пенальти, а потом отменили, уводил команду с поля…

Я же после ухода из команды Мамаева, Зырянова и Будылина написал заявление об уходе. Если вы, господа клубные руководители, таким образом, то и я. Нет, ну как такое может быть – за два дня до начала чемпионата вся средняя линия продана!

Вадик остро переживал. Прекрасно понимал возникшие сложности, и поэтому без вопросов стал у меня играть в центральной зоне полузащиты. Потому что только он мог скрепить то, что скреплению уже не подлежало.

* * *

Жизнь сложилась так, что до 31-летнего возраста у меня агента не было, а потом меня познакомили с Павлом Андреевым. И он сделал мне в «Сатурне» такой контракт! Даже не представлял, что могу столько получать – 750 тысяч евро в год. Я же деньги люблю… примерно как Бышовец (*смеется*). Только заработанные своим трудом, а не прилетевшие из воздуха.

Правда, и последние случались – как-то снялся в рекламе пивной компании. Потом еще был вариант поучаствовать в ролике, посвященном чемпионату России. Но после того как

озвучил свои условия, никто больше не звонил. Наверное, сумма оказалась неподъемной…

Как Андрееву удалось выбить для меня подобный контракт – понятия не имею. Говорит – начнем с такого. Прекрасно, отвечаю. Пробуй. «Рубин» давал даже больше, но я сказал: «Паша, как ты решишь, так и будет». В другой город я уезжать не очень хотел – семья так и так в Москве оставалась бы. Но на агента в связи с этим не давил.

А желания трудиться у меня к тому времени меньше не стало. Я всегда выходил на поле – и заводился. Если играю – значит, должен полностью выложиться. И в «Спартаке», и в «Локомотиве», и в «Торпедо», и в «Сатурне»…

Заинтересованы во мне были два клуба примерно в равной мере. Встречался в Москве с Бердыевым, он мне понравился. Выяснилось, что за мной внимательно наблюдали. Когда ты играешь в первой лиге, то думаешь – кто тут может за тобой следить, кому ты здесь нужен? Оказалось – все совсем не так.

«Торпедо» не хотело меня отпускать, я им сказал: «Играть у вас не буду. Пришел к вам бесплатно – не надо меня держать!» И «Рубин», и «Сатурн» готовы были платить.

Но в итоге все произошло по той же схеме, что и у Лоськова незадолго до этого: сначала – переговоры с «Рубином», затем – контракт с «Сатурном». Может, канал, налаженный в момент перехода Лося, и сработал во второй раз. Слышал, что в футбольной среде Андреев пользуется репутацией очень жесткого агента, но я этого не почувствовал – у нас общение было совершенно нормальным.

А с Лосем нас «Сатурн» не только в футбольных, но и в нами обоими любимых хоккейных вопросах воссоединил. Вскоре мы по моей инициативе сходили в Мытищах на матч тогда еще не «Атланта», а «Химика» против ярославского «Локомотива». После финальной сирены два подмосковных клуба обменялись подарками. Мы вручили капитану «Химика» Николаю Пронину два мяча с автографами игроков «Сатурна», а в ответ получили клюшки «Химика» – тоже с подписями ребят.

Вообще, хоть никаких титулов с «Сатурном» и не выиграл, очень рад, что провел несколько лет в Раменском. Великолепная обстановка, классный коллектив, отличные стадион и база, достойные условия. Прекрасный обслуживающий персонал. Неудобно было только одно: иногда из дома на тренировку или обратно добирался из-за пробок три-четыре часа. И это при том, что уже все дороги объездные знал – и через Ногинск, и через Щелково, и через Электросталь. Отвозил с утра дочку в школу – и в долгий путь на базу, не зная, сколько времени ехать буду…

* * *

Такую же жесткую фразу, какую я в 2002 году крикнул Семину, когда забил «Ротору», после летнего матча 2007 года «Локомотив» – «Сатурн» адресовал Бышовцу. Меня тогда даже оштрафовали на 150 тысяч рублей, потому что эту историю раздул «Советский спорт». Я эти деньги лично, из своего кармана, платил.

Потом, когда эта газета хотела со мной поговорить, сказал: «За пятнадцать следующих интервью платите мне по десять тысяч. Отобьете штраф, а потом буду разговаривать с вами бесплатно». Так они и это напечатали. С ними даже пошутить нельзя!

А тот матч, который стал моим первым за «Сатурн», конечно, был для меня чем-то особенным. И для Лося тоже. На родном стадионе все-таки, в привычной атмосфере. Только в другой форме. Как Димона встретили! Минут десять до стартового свистка, не переставая, скандировали: «Дмитрий Лоськов!» Ребята из команды на разминке нас окружили, о чем-то расспрашивали… Я уже не мог понять, за какую команду сейчас буду играть.

Бышовец и Липатов пришли в шок, когда увидели баннер на всю трибуну с портретом Лоськова с чемпионским кубком в руках и с перечислением всех его достижений. Многие фанаты «Локо» даже поаплодировали, когда Лось забил в их ворота пенальти! А когда его заменили на Немова, Южная трибуна проводила Лося овацией и распеванием фамилии.

Димка ребят из «Локо» перед игрой все травил: «Вы смотрите, когда в стык с Евсеевым пойдете. Там шипы готовы!» Мой друг Саня Самедов, когда узнал, что я буду справа, а не слева, то есть не против него, успокоился. До того я не провел за «Сатурн» ни одного матча, но Гаджи Гаджиев, видимо, понимал, что в этой игре я должен выйти на поле. Должен.

Он и его помощники видели, как я к ней готовлюсь, потому что уже где-то дней за пять до нее я по собственной инициативе заехал жить на базу! И Таня это нормально восприняла, поскольку прекрасно понимала, что значит для меня этот матч.

Настрой был дикий. Помню, на Сычеве желтую карточку получил, толкнул его сильно. И когда мы уже в первом тайме повели – 2:0 и я бросал аут рядом со скамейкой Бышовца, то повернулся к нему и сказал: «Ну что, обосрались?» А после игры в подтрибунном помещении, поднявшись по ступенькам, крикнул ему: «Сосать!»

Ребята потом сообщили, что Бышовец, войдя в раздевалку,

сказал им: «Это он не мне, а вам сказал». Но игроки тут ни при чем. Они прекрасно знали, кому то слово было адресовано, и не восприняли его слова всерьез.

Когда игра закончилась и «Сатурн» победил, я сначала на поле станцевал. Лось, как человек спокойный, просто пошел поприветствовать трибуну с болельщиками «Локомотива», а я сделал круг почета по всему стадиону. И каждому сектору кланялся в пояс – такие эмоции били. Я должен был с ними попрощаться!

А они в ответ запели: «Вади-им Евсеев!» А-ах, что я в этот момент чувствовал… Не Уэльс, конечно, но было очень, очень круто.

Динияр Билялетдинов:

– После матча «Локомотив» – «Сатурн» Вадим адресовал Бышовцу нелицеприятный призыв, а тренер зашел в раздевалку и сказал, что игрок крикнул это не ему, а нам. Я, во всяком случае, пропустил это мимо ушей, потому что знаю Евсеева. Представьте, сколько обид накопилось у человека! Нельзя было эти слова воспринимать всерьез. Не думаю, что Евсеев с Лоськовым ушли из команды вовремя. Оба могли бы еще ой-ой-ой как пригодиться «Локомотиву». Но это жизнь. («Спорт-Экспресс», 2008 год.)

* * *

В «Спартаке» случаев материального стимулирования со стороны не припоминаю ни разу. А вот в «Локомотиве» (взять хотя бы случай, когда ребята собрали мне деньги на операцию дочки) и «Сатурне» – было. «Зенит» нас простимулировал осенью 2007 года, когда мы вничью сыграли со «Спартаком» – 0:0. Дали 250 тысяч евро на команду. Основа получила больше, конечно. Кстати, и «Спартак» на матч последнего тура с «Зенитом» денег пообещал, если не проиграем. Титов звонил мне, говорил об этом.

На тот матч, когда «Зенит» в случае победы должен был стать чемпионом, кто только не приехал. Дмитрий Медведев в вип-ложе сидел, бывший премьер Зубков. А рядом – Михаил Боярский. Был смешной эпизод – мяч в его сторону прилетел, и он его поймал. Долго держал – «Зенит»-то в счете вел. Потом бросил мне его на бровку. А я ему тут же второй раз кинул: «На, еще подержи!» Мы-то выиграть хотели, да еще и материальный стимул был.

Конечно, в том сезоне мы хотели добиться того же сами. Но за два тура до конца стало ясно, что выше пятого места не поднимемся, но и ниже не опустимся. Ни игра в Перми с «Амкаром», ни с «Зенитом» в Раменском ничего уже не решали.

Но мотивация была, и «Спартак» ее подогрел – все-таки денежные вопросы перед отпуском каждого футболиста волнуют.

Поэтому было очень обидно, когда Баффур Гьян в добавленное время головой под перекладину пробил, а там откуда ни возьмись – маленький Домингес. Выпрыгнул, как никогда в жизни, выбил мяч – и «Зенит» первый раз чемпионом России стал. А мы без денег остались…

А за то, чтобы сдать матч, деньги мне однажды в том же Раменском предлагали. Позвонил за несколько дней до матча «Кубань» – «Сатурн» человек, не знаю его фамилии. Предложил встретиться в Москве. Это было летом 2009 года. «Кубань» тренировал Овчинников, а я был травмирован. Этот гражданин предложил, по-моему, 200 тысяч долларов, чтобы мы «Кубани» проиграли.

Я приехал на тренировку, рассказал ребятам об этом предложении. Не всем, а опытным, игравшим ключевую роль в коллективе – Лоськову, Кински, Каряке, Игонину, Кириченко… Они сказали – нет, не будем сдавать. Вышли и обыграли их на выезде – 2:0. А человека этого я тогда первый и единственный раз видел.

Играл у нас молодой футболист Евгений Левченко, так он слышал что-то краем уха и потом совершенно неправильно эту историю в прессе осветил. Брякнул, что я предлагал кому-то продать игру. На самом же деле просто передал партнерам то, что сказал мне этот человек. Мы решили в грязные игры не играть – и больше об этом речи не заходило. А людей в том «Сатурне», которые могли бы продать матч в одиночку, к счастью, не было.

* * *

Одна из поездок в Германию в сатурновские времена запомнилась тем, что я единственный раз в жизни наркотик попробовал. Было так. Собираемся на базе в Кратово, летим в Турцию на первый сбор. 8 января, у меня день рождения – тишина, никто не поздравляет. Обычно как – на тренировке тренер говорит, все аплодируют. А тут – ничего.

Решил напомнить немного о себе. Взял у Каряки машинку для бритья – и всю свою длинную шевелюру под ноль. Налысо. На следующий день выходим на тренировку – и вот тут-то уже все на меня внимание обращают. Борис Игнатьев, второй тренер, с которым мы еще в «Локомотиве» при Семине поработали, брови поднимает: «Вадик, что такое?» – «Борис Петрович, вы хоть сейчас меня поздравите?» – «С чем?» – «У меня вообще-то вчера день

рождения был». Тут-то народ и лег.

На следующий день – контрольная игра. Пошел в подкат – и получил прямой ногой под колено. Думаю, все, приехали. Лечу в Мюнхен, делаю МРТ – выясняется, что операция не нужна, но сделали все-таки фиксацию для колена, и два месяца мне предстояло восстанавливаться. Остался на реабилитации в Германии.

Как можно, находясь в Мюнхене, не отпраздновать то, что операция на колене не нужна? Тем более что компания хорошая подобралась – хоккейный вратарь Егор Подомацкий, который ухитрился в нашу сборную на Олимпиаду в Солт-Лейк-Сити единственным человеком не из НХЛ попасть, и Дима Смирнов из «Луча-Энергии», Длинный, игравший в свое время за «Спартак».

Пошли в «Хоффбройхаус» – самую знаменитую мюнхенскую пивную на несколько тысяч человек. Час сидим, два, три. Собирались уже уходить, когда рядом сели болельщики «Аугсбурга». Начали как-то болтать. Потом иду в туалет перед выходом – там встречаю одного из этих болельщиков. Он предлагает покурить. Я думал – обычную сигаретку. А оказалось что-то непонятное, пахло какой-то хренью. Две затяжки сделал.

А проснулся я у себя в номере в обнимку с табличкой «Ausgang» – «Выход». Она висела у гостиничного лифта. Как я ее снимал, зачем?..

До прихода в «Сатурн» о команде разное доводилось слышать. Например, было время, когда там много южноамериканцев играло и о нападающем Николасе Павловиче говорили как о человеке с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Вроде бы он прямо на базе в Кратово жил в номере с другом. Лично мне геев среди футболистов встречать не доводилось. А может, они просто не признавались…

На самом деле «Сатурн» оказался очень хорошей командой, и я ни капли не жалею, что играл там. Коллектив был такой, что еще долго потом общались. И не только с Лосем, с которым, понятное дело, были ближе всех.

Взять, например, Антонина Кински – надежного вратаря и человека, с которым мне очень нравилось играть, как и с защитником Яном Дюрицей. Когда в Польшу на Евро-2012 ездили поболеть за Россию, я Тони на матч с Чехией билеты делал.

Форвард Марко Топич сейчас работает на своем семейном колбасном заводе в Швейцарии. На сборы он всегда приезжал с рулонами вкуснейшей колбасы, с нами делился. Свежак! А Тони тащил пиво из Чехии. Они оба приезжали на летние сборы в Австрию на машине. Мы их ждали, чтобы одно с другим совместить. Поужинать удавалось на славу.

Алексей Игонин очень достойно играл – и на своем месте опорного полузащитника, и в обороне, когда его туда перевели. С больным коленом, почти не тренировался, но на игры выходил – и в порядке. Потом, уже когда Леха перешел в «Анжи», Самюэль Это'О оплатил ему операцию в Барселоне. Красавец, что тут говорить.

Нынешний капитан «Спартака» Артем Ребров тогда был вторым вратарем «Сатурна» – сидел под Кински. Когда у Тони травмы были, Артем играл. Помню его первую игру в «Амкаре», потому что у нас там первая победа при Гордееве случилась. Он все бегал за штрафную, страховал. Я поворачиваюсь: «Куда ты все бегаешь? Не надо помогать. Иди в штрафной ловить мячи». Он подходит после игры: «Спасибо, ты меня успокоил, а то я так нервничал». А теперь выясняется, что он все правильно делал, потому что Нойер так же играет. Другое дело, что надо знать, куда и когда бежать. Вот мой друг Бородин в «Торпедо» бегал – то пенальти, то удаление. Я ему говорю: «Слышь, мы можем хоть одну игру доиграть в полном составе?» Его удаляли и удаляли.

* * *

При Гаджиеве, к которому я в «Сатурн» пришел, поначалу все было хорошо, пятое место заняли – высшее в истории клуба. А на следующий год с начала сезона не заладилось, и после первого круга вместо него назначили немца Юргена Ребера.

Мы шли на 12-м месте, и после 0:4 от «Крыльев Советов» – хоть в предыдущем туре и порвали «Шинник» с таким же счетом – гендиректор Жиганов решил, что тренера надо менять. Может, он был разочарован тем, что в двухматчевом финале Кубка Интертото, обыграв в первом матче «Штутгарт» – 1:0, в овертайме ответного мы позволили себя дожать – 0:3. А тут еще и поражение в кубковом матче от нижегородской «Волги», и разгром в Самаре…

При прощании с командой Гаджиев пожал руки всем, кроме Жиганова. Хотя ощущения, что между ними пробежала черная кошка, до этого не было. Работалось им вместе, казалось, хорошо – но, когда не стало результата, не стало в «Сатурне» и Гаджиева. Об этом Жиганов объявил в раздевалке после выходного. Отреагировали спокойно – понимали, что к тому идет…

На одну из наших игр приезжал знаменитый итальянец Альберто Дзаккерони, делавший «Милан» чемпионом Италии, и все думали, что он станет главным тренером. А тут – Ребер. За шесть лет до прихода к нам он с «Гертой» третье место в

чемпионате Германии занимал, но с тех пор успехов у него не было – ни с «Вольфсбургом», ни с дортмундской «Боруссией», куда его по старой берлинской памяти пригласили.

О немецких специалистах я был другого мнения. Нам, видимо, не повезло. Тренировок более низкого уровня за всю карьеру ни у кого не видел. Причем Ребер победил с отрывом.

На самом деле мне кажется, что в свое время мы сильно переборщили с преклонением перед тренерами-иностранцами. Кое-кто вроде Хиддинка действительно многое дал. Но когда таких вот персонажей, как Ребер, зовут – какой в этом смысл? Послушайте тех же итальянцев, они не скрывают, что все свои методики в свое время у Лобановского почерпнули. Тот же Моуринью, когда группа российских тренеров к нему на стажировку приезжала, говорил примерно так: «Что вы приехали у меня учиться, с ума сошли? У вас есть учебник Лобановского, там все написано. Берите его и учитесь».

Ребер кроссами сразу же нас извел – о мяче вообще забыли. Полчаса чешешь по поселку, затем пауза – и еще тридцать минут. Причем немец довольно резво бежал впереди. А я сзади – еле плетусь. Голову подниму, вижу его спину – вот так номер, думаю. Правда, на вторую неделю эти кроссы уже легче давались. Потом по кругу стали бегать под команду: «Руки выше, ноги – шире…»

Хотя рекорд по длине тренировки принадлежал все же не ему, а Гаджиеву. Однажды Гаджи Муслимович зарядил занятие на три часа сорок пять минут. Сами обалдели, когда вернулись в корпус и взглянули на часы. Но при нем-то мы эффект всех этих занятий – что теоретических, что практических – видели, хоть однажды я на теории у него и заснул. А у Ребера…

Когда он в команду пришел, после нескольких тренировок сказал мне: «Я тебя не вижу в команде и хотел освободить. Но потом решил оставить. Потому что ты действительно работаешь на тренировках, отдаешься полностью. Только поэтому изменил решение». Прошло два месяца, четыре, и все то же самое – претензий ко мне нет, но Ребер по-прежнему говорит, что играть я не буду. В итоге на трансфер выставили.

Съездил на просмотр в Краснодар. И произошел тот самый случай, когда я Овчинникова не понял, потому что он ни словом о результатах просмотра не обмолвился. Какого-то Сретеновича на это место в итоге купили.

Вернулся я в «Сатурн». Сначала думали, что новую команду искать буду, но мне уходить никуда не хотелось, а ближе к началу сезона обнаружилось, что народу-то в команде и не хватает. И Ребер вплоть до своей отставки после 8-го тура, когда «Рубин» и «Спартак» на двоих забили нам в двух матчах девять

сухих мячей, все до единой игры ставил меня в основе. Чудеса какие-то!

А по поводу немца в интервью хорошо сказал Кириченко: «Ефремову одной беседы хватило, чтобы Ребера уволить. Нес такое, что любой адекватный человек все бы сразу понял. Это сложно описать словами. Никто не мог понять свои задачи на поле».

В какой-то момент обязанности главного тренера исполнял Дмитрий Галямин. Недели две нас тренировал – сразу корону нацепил. Я впервые с таким столкнулся. Почему-то Галямин решил, что и дальше будет главным тренером. Никто в команде его не понял.

Назначивший Ребера Борис Жиганов – очень любопытный персонаж. Мне про него одну замечательную историю недавно Гаджиев рассказал. Я и тогда о ней что-то слышал, но думал – байка, потому что такого не может быть. Но оказалось – правда. После года работы гендиректором Жиганов сообщил, что хочет получить тренерскую лицензию – чтобы самому тренировать. Но не срослось. А так он и на разборы матчей ходил, и на установки. Видимо, интересно ему было.

Еще Жиганов меня поразил, когда вручил кубок за тысячный гол «Сатурна». Больше и красивее, чем дают чемпионам России. Футбольный мяч на постаменте. Вошел, выходит, в историю. Тем более что двухтысячного, видимо, никогда уже не будет. А вообще с Жигановым отношения у нас хорошо складывались. Если говорил, что будет так-то, – то и делал. Военный человек, педантичный.

Сменил его Игорь Ефремов, которого я знал по Федерации футбола Московской области. В Мытищах виделись, он говорил: «Может, буду вместе с тобой работать». Я спрашиваю: «Кем?» А через пару дней – опаньки, у «Сатурна» появляется новый руководитель!

Ему была поставлена задача – сократить расходы. А я Ефремову говорю: «Бери Гордеева, он намного дешевле будет, а толку – не меньше». Он задумался – и взял. То, что этому назначению я поспособствовал, – шутка, конечно. Думаю, они и без меня там разобрались бы. Но то, что такие слова были, – факт.

А Гордеева я оценил, когда Ребер меня за основу не ставил, и я для поддержания практики за дубль у Андрея Львовича играл. Как ни сыграю – выигрываем, а я то забью, то отдам, и дублеры «Сатурна» в том сезоне чуть ли не за первое место боролись, а заняли в итоге четвертое. Ребер с основой все проигрывал, а тут меня подзывает: «Как там у тебя?» – «Все нормально. Пять игр – пять побед». Больше в дубль не отпускал – боялся, видимо, что

еще лучше результаты будут…

Когда Гордеева главным тренером «Сатурна» назначили, мы играли две игры дома – с «Динамо» и с Томском. Два раза сыграли вничью – по 0:0. А на третью в Пермь поехали. И почему-то я взял с собой две бутылки шампанского – не помню уже, что сподвигло.

Мы выиграли. Заходим в раздевалку, все радуются – и тут я открываю бутылочку и обливаю с ног до головы гендиректора Игоря Ефремова и Гордеева. Никто так и не понял, откуда шампанское взялось. Реакция с их стороны, конечно, позитивная была – а какая другая после победы?

В той ситуации, когда Гордеев принял «Сатурн», главным было ничего не ломать – и он это понял. Потому что у нас собралась очень опытная команда, и он просто правильно нас расставил, не оказывая на ребят никакого давления. Он и сам говорил, что мы все схватываем на лету. Одно дело – молодым рассказывать, которым надо разжевывать от и до, а другое – опытным, которые в футболе уже через все прошли. Я и в «Амкаре» сейчас в этом убеждаюсь.

* * *

Гаджи Гаджиев:

– Уже не помню, от кого исходила инициатива приобрести Евсеева в «Сатурн» – от меня или нет. Приглашает игроков обычно клуб, но такой практики, чтобы футболистов звали, не согласовав это со мной, как правило, не бывало. В любом случае я поддержал эту идею однозначно, точно так же, как и по Дмитрию Лоськову. То, что это высококвалифицированные игроки, было известно всем – но я видел, что у обоих есть резерв, чтобы поиграть еще несколько лет на хорошем уровне.

Выиграть борьбу за них у «Рубина» удалось, наверное, потому, что мы все-таки представляли Московскую область и игрокам никуда не надо было уезжать из дома. Во всех этих вопросах большую роль играл губернатор Борис Громов. Он любил эту команду, поддерживал ее. Надо понимать, что без такой поддержки слова тренера, даже к которому уважительно относятся футболисты, не столь весомы. Идут, конечно, к тренеру. Но позиция руководства клуба и губернии тоже играет важнейшую роль.

Самое яркое мое воспоминание о Евсееве – игроке «Сатурна» – его первый матч против «Локомотива». Его же оттуда убрали, и ему было обидно. Он понимал, что

еще мог играть и приносить пользу. А убрали его не столько по игровым качествам, сколько потому, что он был в теплых отношениях с прежним руководством команды. Его считали, грубо говоря, человеком Семина и Филатова.

Ну и когда мы повели – 2:0, он пробежал мимо скамейки «Локомотива» и показал неприличный жест. Положил руку на сгиб локтя другой руки (смеется). *А потом еще и около раздевалки крикнул кое-что. В этом он был весь. А сегодня лишнего слова не скажет, корректен и выдержан!*

Были ли у меня сомнения, ставить ли Евсеева на ту игру? Этих деталей не помню. Помню, как забивали голы – Лоськов сделал две изумительные передачи. Но, зная себя, однозначно скажу: сомнения у меня были, потому что у меня всегда бывают сомнения перед игрой, кого поставить. Но в то же время, как правило, ставлю игроков против их бывших команд. Даю шанс показать себя. Так, например, случилось однажды в «Волге», когда мы играли с «Крыльями». Человек пять-шесть поставил, кто раньше в Самаре играл! И при том что у нас в Нижнем была катастрофически тяжелая ситуация, мы в гостях выиграли. Поэтому изначально и считал, что Вадика на этот матч ставить надо. А сомнения касались его готовности и адаптированности к игре «Сатурна» – понятно ведь было, что он только привыкает…

Но привык быстро. Они с Лоськовым не только на ту конкретную победу «Сатурн» подняли, но и на пятое место по итогам всего сезона. На то место, где «Сатурна» не было никогда. Когда я пришел, команда после 10 туров была на пятнадцатом месте. В зоне вылета. Когда Вадик с Димой пришли – максимум места на три выше. Они провели очень хороший сезон!

Вообще-то не люблю комментировать, правильно или нет поступил тот или иной тренер, убрав игрока. Поэтому не готов комментировать решение Анатолия Бышовца. Любой специалист руководствуется какими-то своими принципами, подходами к игрокам. Многие считают, что с игроками не надо договариваться, а надо просто менять строптивых и находить других.

Я стою на других позициях. Как правило, считаю своим профессиональным долгом убедить игрока, с кем бы он ни работал и кому бы ни был привержен прежде, что он играет не за меня как тренера, а за клуб и за свое имя.

Профессионал стоит ровно столько, на сколько он играет. Не пытаюсь налаживать с футболистами какие-то товарищеские отношения – профессиональных мне вполне хватает.

Поэтому отношения Вадика и Димы с их бывшим главным тренером Бышовцем были для меня непринципиальны. Так же и сейчас в «Амкаре» вообще не выяснял, почему у игроков не получилось с Муслином, в чем были проблемы. Они пытались несколько раз мне об этом сообщить, но я уходил от таких разговоров. Говорил, что нам надо сейчас строить команду, а времени вспоминать, что было раньше, нет.

Один из главных плюсов Евсеева – конечно, бойцовские качества. В 1975 году, когда он еще не родился, я был на стажировке в «Динамо» у Сан Саныча Севидова, и он сказал золотые слова: «Нет характера – нет футболиста». А есть характер – есть футболист! По фамилии Евсеев.

Недавно, когда мы присутствовали на тренерском совете РФС, минут пятнадцать шло обсуждение, инициированное Фабио Капелло. Мол, сейчас мы стали играть более боевито, и благодаря этому весенняя часть прошлогоднего чемпионата смотрелась. Наши подхватили – и четверть часа шел такой разговор. Для чего нас там собрали?! Чтобы вместо рассказа, как подготовить игроков психологически, говорить прописные истины – что мотивация, волевые качества имеют какое-то значение?

Пришлось их всех остановить. Попросил слова и рассказал о той стажировке у Севидова, а потом добавил: «Зачем мы обсуждаем то, что и так очевидно? Давайте перейдем к какому-то другому, более спорному вопросу».

Так вот, у Вадика этот характер, можно сказать, в крови. Это его самовыражение, его «я». Если надо будет – под поезд бросится. Кроме того, он был физически достаточно сильным игроком и хорошо ориентировался на поле, был тактически зрелым игроком. Мне кажется, что если бы он был чуть побыстрей и покоординированней, то мог бы лучше играть в атаке.

Зато на стандартах не раз и не два забивал голы. Здесь проявлялись его качества – агрессия, нацеленность на борьбу. Помню статью, которую написал легендарный тренер сборной ФРГ Хельмут Шён: «Ищите борьбу всюду!» Вот Вадик – он эту борьбу всюду и искал, воплощая этот лозунг.

Не могу сказать, что стараюсь подбирать под игроков какой-то ключ. Исхожу из того, что мне надо помочь футболистам сыграть лучше, чем до сих пор. Мои отношения с ними строятся именно на этом – и я стараюсь делать их участниками процесса. Если, конечно, это игрок зрелый, с именем – как Евсеев или Лоськов. Стараюсь с ними же обговаривать, что в конкретный момент, с учетом их состояния и индивидуальных особенностей, им лучше всего делать на тренировках.

Наши отношения строятся на том, что есть команда и надо ей служить, поставить ее интересы выше личных. И если игрок с точки зрения этих профессиональных вещей понимает свою роль в команде, то у нас складываются хорошие отношения. И с Вадиком, человеком командным с головы до пят, проблем в этом плане не было никаких. Конечно же, к игрокам с именем относишься по-другому, чем к молодежи, большее число вопросов с ними согласовываешь. Не задевая молодых, все-таки и им показываешь: есть люди с именем и заслугами и их надо уважать.

Уже позже из интервью узнал, что Вадик однажды задремал у меня на теоретическом занятии. Некоторые такие случаи я замечал, некоторые – нет. Бывало так, что и тренеры засыпали. Но ту ситуацию, когда задремал Евсеев, не помню.

Подобное может о разном говорить, и истории эти можно по-разному трактовать. С одной стороны, что человек не режимил, не спал, пришел не готовый – ни к тренировке, ни к теоретическому занятию. А с другой стороны, есть взгляд игроков: ну что, мол, эти тренеры, все время рассказывают одно и то же, мы все это давно знаем.

А мне в таких ситуациях вспоминаются слова Владимира Салькова. Когда я принял «Анжи» в первый раз в 1999 году, приходилось одно и то же повторять несколько раз. Как-то сказал: «Надо будет – и десять раз скажу». И тут опытнейший, очень квалифицированный тренер Сальков вмешался: «Сто раз придется говорить одно и то же!» Эти слова мне запомнились на всю жизнь.

И сегодня в «Амкаре» мы, теперь уже вместе с Вадиком, говорим игрокам одно и то же, заставляем избегать ошибок. Но дело в том, что у каждого футболиста есть своя манера и свои привычки. От вредных очень тяжело избавляться – то зону не закрыл,

то игрока не прикрыл, то не открылся вовремя. Ты повторяешь – а главное, они всё это понимают. Но понимать и делать – две разные вещи. И когда в очередной раз футболисту об этом напоминаешь, он предпочитает закрывать глаза: «Лучше посплю».

Единственная проблема, которая была у Евсеева-игрока – это лишний вес. И на эту тему мы не раз вели разговоры. Он с большим трудом сбрасывал лишние килограммы.

Раньше я очень жестко относился к этому вопросу – например, в 1999 году в «Анжи». А вот в том же «Сатурне» уже не был таким категоричным. Мы измеряли жир и мышцы на соотношение, и в некоторых случаях, когда объемы мышечной массы оказывались высокие, а жировая прослойка чуть завышена, жестко футболистов за это не ругал. У Вадика, помню, были большие бедра. С рядом требований он соглашался, но приходилось ему непросто. Значит, процент жировой прослойки выходил выше нормы.

Вовремя ли он закончил? Наверное, да. Ему тяжело стало долго играть из-за физиологических особенностей – того же веса. На других позициях несколько легче с этим справляться, чем на месте крайнего защитника. Поэтому правильно сделал Андрей Гордеев, ставя Вадика в последнем сезоне в опорную зону. Это примерно то же самое, что я сделал в «Анжи» с Роберто Карлосом. В центре можно чуть помедленнее бегать.

Когда я уходил из «Сатурна», пришел в раздевалку, сказал ребятам, в том числе Вадику, спасибо и пожелал успехов. Не пожал руку только генеральному директору Борису Жиганову, невесть откуда взявшейся личности, которая все это с моей отставкой и намутила. Когда Никита Симонян с Евгением Ловчевым на постройке какого-то ледового дворца встретили губернатора Бориса Громова, Никита Палыч сказал: «Как же так? У вас команда заняла высшее место за всю историю. Никогда «Сатурн» не поднимался на пятое место. Как можно освобождать тренера?»

Громов ему ответил: «Я же дал ему свой личный номер. Он мог мне позвонить. Но не позвонил». А с чего бы мне ему звонить? Рассказывать, что в клубе происходит? Я был с головой погружен в игры и подготовку к ним.

То, что когда-нибудь Евсеев будет помогать мне как тренер, во времена «Сатурна» я себе не представлял.

Может, если бы поработал в Раменском еще годик-другой, то и подумал бы. А тогда у Вадика еще оставалась возможность играть. После моего ухода мы не то чтобы были на связи и постоянно созванивались, но сохранили хорошие отношения. У него были свои дела, у меня – свои. Судьба нас развела, чтобы свести спустя много лет в Перми…

* * *

Летом 2010-го перестали платить зарплату. Премиальные на карточку приходили, а оклады – нет. С июля и по конец сезона. Ничего не объясняли, только говорили, что денег сейчас нет, – и «завтраками кормили». В итоге все свалили на вице-губернатора, который за распределение земли в Московской области отвечал, попался на четырех с половиной миллиардах растраты и сел в тюрьму…

Знал тогда Ефремов, что клуб будет банкротиться или нет, – не знаю. Но если бы в августе того года двух наших молодых, Махмудова и Сапету, продали, соответственно, в «Спартак» и «Зенит», то деньги нам на зарплаты нашлись бы. А предложения поступили, и деньги за них хорошие давали – за одного, по-моему, три миллиона евро, за другого два.

Но Гордеев как тренер выступил против их продажи, и в итоге оба остались. После сезона Махмудов перешел в тот же «Спартак» бесплатно. А мы своих денег так и не получили.

То, что «Сатурн» объявят банкротом и всех нас разгонят, мы не могли представить себе до последнего момента. Если бы надежд не было – кто-то из ребят, может, по-другому повел бы себя во время матча последнего тура, который, как потом выяснилось, завершил историю клуба. Против «Алании».

Владикавказцам в Раменском во что бы то ни стало нужна была победа. В противном случае они вылетали из Премьер-лиги. Мы же находились на десятом месте, и турнирного значения игра для нас не имела. Если б знали, что клуб развалится и нам деньги не вернут, отдали бы тот матч, хоть заработали бы, ха-ха. Шутка.

А если серьезно, за то, чтобы мы проиграли тот матч, нам предлагали большие деньги. Полмиллиона долларов. В перерыве уже был миллион.

Нет, в раздевалку никто не заходил, сумму не озвучивал. Все и так всё знали. А еще один показатель – после перерыва Гордеев не вышел сразу же на поле. Его на пять минут задержали авторитетные в определенных кругах люди, которые в Раменском

живут и работают. Они с «Аланией» были в хороших отношениях.

Но вот такой у нас подобрался коллектив, что ту игру мы не сдали. Этого не хотели ни мы, ни главный тренер. Матч закончился вничью, Владикавказ занял 15-е место и вылетел из Премьер-лиги. А если бы они выиграли, то обогнали бы «Амкар» и «Крылья».

Одно дело, когда третья заинтересованная сторона предлагает тебе дополнительный бонус за победу – такое бывало не раз, и футболист никогда от такого не откажется. В том же «Сатурне», например, нас так простимулировал «Рубин» в матче с ЦСКА – казанцы тогда за первое место боролись. Но продать игру – это совсем другое дело.

> ***Юрий Семин:***
>
> *– Евсеев не позволит развиваться негативным явлениям. Честный и правдивый, он сохраняет преданность футболу, где бы ни играл.* (Из книги «Локомотив», который мы потеряли», 2008 год.)

* * *

Если нынешней городской властью в Мытищах я доволен, то областной – нет. Один губернатор, Борис Громов, закрыл «Сатурн», другой, Андрей Воробьев, – хоккейный «Атлант». Чем тут быть довольным – не знаю. Громов устраивал собрание перед сезоном 2010 года, сказал нам: «Сатурн» курирую я лично. Никаких проблем у вас не будет». А через год закрыл команду. И как такому человеку верить? А казалось бы, боевой генерал, афганец…

Каряка сейчас рассказывал – отдыхал в Эмиратах и оказался в одном отеле с Громовым. Андрей говорит: «Он всегда, как меня видел, глаза вниз опускал». Хорошо еще, узнал… Сам Каря к нему не подошел. Как должны были 14 миллионов – так ни копейки и не заплатили. И никаких надежд не осталось. Банкротство и есть банкротство.

Уверен, что команда обанкротить клуб поступила сверху. Ведь это же возможность автоматически не платить по долгам. Мы обращались в профсоюз футболистов – вместе с Кински, Кириченко, Кузьмичевым, Карякой, Макаровым и другими, всего тринадцать человек. Через профсоюз подали иски в Раменский городской суд. И формально выиграли дело, какие-то копейки нам даже выплатили. Но процентов девяносто от того, что должны были, – не вернули.

Было итоговое собрание, на котором гендиректор Ефремов сказал: все, мол, закончился «Сатурн». Банкроты. На балансе клуба осталось два автобуса и семь машин. Стадион – городской, база – областная. Расплачиваться с нами было нечем.

* * *

В «Сатурне» произошел случай, после которого я боюсь летать. Уж больно та ситуация в душу запала. Конец 2008 года. Тренировал нас тогда Ребер. Даже в десятку не попали. Заняли 11-е место, после пятого при Гаджиеве в 2007-м – чистый провал.

Но за что-то нас поощрили, и поехали мы всей командой на Тенерифе. Да еще и с семьями. Я первый раз с таким столкнулся: ты задачу не выполняешь, а тебе – давай, езжай на курорт. Вообще не понял, что это было. Прошла неделя после окончания чемпионата, и дней на двенадцать мы туда поехали.

Оказалось: с утра тренируемся, а дальше делай что хочешь. Первые три дня мы потерпели, потому что там всякие тесты давали – и мы с Димкой Лоськовым, два «старичка», лучшими стали. А потом уже все происходило так: утренняя тренировка заканчивалась, я шел в бар отеля, и мы с Лосем и женами садились пить пиво. Тренеры не возражали – это же полуотдых, а не полноценный сбор. Сами садились и тоже пили. Но вот, когда думаю, почему «Сатурн» обанкротился, вспоминаю такие вот сборы и удивляюсь – на что деньги тратились?!

Обратно летели с пересадкой в Мадриде. В три часа вылетели, я у иллюминатора сижу, заснул. А когда проснулся, глаза открываю – и вижу, что прямо под самолетом дорога, машины едут, и мы – почти у земли. Ничего не понимаю – и вдруг мы резко уходим вверх и кружим еще час.

И вот тут-то меня и накрыло. Весь этот час, как потом мне все рассказывали, я шоу устраивал. Жена пыталась меня успокоить – ничего не получалось. Я и молился, и кричал – чего только ни вытворял. Вначале люди смеялись, а потом уже не знали, что со мной делать. После этого я и стал бояться летать.

У меня и до этого бывали в воздухе нештатные ситуации. Летели однажды с «Локомотивом» из Барселоны на «Ту-154». Было объявление о посадке в Шереметьево, все вроде нормально. Только Семин из бизнес-класса вышел, взглядом каким-то достаточно напряженным команду обвел. Но ничего не сказал и ушел обратно.

Через пятнадцать минут мы сели. Приземлялись только на два шасси. Уехали за пределы полосы, в снег. Вокруг – пожарные

машины. Но, слава богу, ни во что не врезались, иначе… Когда уже выходили, смотрю – Палыч, который четверть часа назад был абсолютно трезв, на ногах стоять с трудом может. Оказывается, у нас одно шасси не открывалось и мы садились на честном слове. Никто не был в курсе, а он – знал. И не исключал, что может быть хуже, – вот сразу полбутылки вискаря и убрал…

Но тот раз почему-то на меня так не подействовал. До того случая я к самолетам относился спокойно. Более того, когда в «Сатурне» был травмирован – все равно с командой полетел во Владивосток. Потому что там свежайших и вкуснейших морепродуктов можно было на неделю вперед накупить, а я это дело люблю: еще в Испании на сборах «Локомотива» на них подсел.

Все удивлялись: вот сумасшедший, люди здоровыми пытаются от полетов на Дальний Восток «откосить», а этот травмированным летит. Когда я у Гаджиева попросился в самолет, он ушам своим поверить не мог. А я объяснял: «Не хочу выпадать из недельного цикла»…

* * *

Всю зиму 2011-го ждал предложений из РФПЛ. Но их не было. Заканчивать я не собирался – поэтому удивился. Ну, тридцать пять лет – и что?

В то же время понимал, что многие тренеры меня боятся, не хотят связываться. Потому что слышали: мол, если что-то в команде будет не так, я им все сразу в лицо выскажу. Лучше перестраховаться и такого игрока в команду не брать – так, например, с «Химками» было. Не всем приятно, если человек не только сам профессионально относится к делу, но и вслух может заявить, если видит дилетантизм или несправедливость. При этом люди, которые меня хорошо знают, почему-то не боятся со мной общаться…

При этом я адекватно себя оценивал и на ведущие клубы, конечно, уже не рассчитывал. Юрий Палыч к этому моменту вернулся в «Локомотив», но я понимал, что назад пути нет. Одно дело – Лоськов, которого они после развала «Сатурна» вернули. У него и позиция другая, и статус одной из главных (если не главной) легенд клуба, его символа.

Возник, правда, вариант с «Локомотивом-2» во второй лиге, но там был странный гендиректор Игорь Зелепукин. Военный человек, как и Жиганов. Ребята из «Химок», где он работал, рассказывали, что, бывало, приходил он утром в команду и перед

тренировкой заставлял игроков в алкотестер дышать. Решил, что они тусуются по ночным клубам – и таким способом проверял. У нас с ним тоже общение не сложилось. В том числе и по финансовому вопросу: я хотел 300 тысяч рублей, он считал, что мне хватит и ста. Ни малейших симпатий он не вызывал, к компромиссу прийти не стремился, и мы не договорились.

В апреле 2011-го, так и не дождавшись предложений из российской Премьер-лиги, заключил контракт с «Торпедо-БелАЗом» из белорусского Жодино, которое тренировал мой старый товарищ Серега Гуренко. Поехал к ним на сбор еще без контракта – для меня это не стало проблемой. В Турции его и подписал. Павел Андреев отношения к этому уже не имел, и десять процентов я ему уже не платил – и так-то копейки получались. Вопросов к нему у меня нет – все понятно, ему интересно работать с теми, на ком можно заработать денег. А что на мне, 35-летнем, можно было заработать? Отношения у нас с Андреевым остались нормальные.

И все-таки думал тогда, что это не последняя моя команда и в чемпионат России еще вернусь. Тем более что на фоне белорусов смотрелся неплохо. Играя в опорной зоне, пять мячей забил и семь голевых передач отдал. И это – в средненькой команде, которая пятое место заняла.

При этом Димка Сычев через год во вторую команду страны после БАТЭ, минское «Динамо», в аренду поехал и в одиннадцати матчах чемпионата ни одного гола не забил. Причем звонил мне, советовался. Я говорил ему: «Куда ты едешь? Вот куда-куда, а в Белоруссию тебе не надо». Но он не послушал: «Играть хочу. Я поехал». Ну и зачем, спрашивается? Сыч ведь еще далеко не заканчивал. Двадцать семь лет всего было…

О времени в Белоруссии не жалею абсолютно. Это был период общения с хорошими людьми, знакомства с симпатичным, пусть и не очень высокого уровня, чемпионатом, где, например, тех же договорняков не найдешь. На все игры ездишь на автобусе, на самолетах не летаешь. Дороги отличные, Минск – чистый, прекрасный город. Я всем остался доволен.

Ездил в Белоруссию только на машине. Шесть часов – и на месте. Это для меня вообще семечки, учитывая, что я и в Германию, и в Австрию так ездил. Главное – вовремя передохнуть. А то пару раз кемарнул на секунду-другую – и чуть не догонял фуры, которые шли впереди. После этого сразу в сторонку, останавливался и хотя бы полчасика старался поспать. Этого достаточно, чтобы прийти в себя.

В белорусском чемпионате удивило то, что фанатов с трибуны уводят организованной толпой. Один захотел в туалет –

всех спрашивают: «Кто еще?» Поднялись человек двадцать – и пошли строем.

На «БелАЗе» там покатался. Завод – спонсор нашей команды надумал провести пиар-акцию. Я согласился поучаствовать при условии, что разрешат проехать самому.

Машинка – 220 тонн. Это не предел – есть и 320. Когда увидел – был в шоке. Колесо до потолка. В кабине коробка-автомат, педаль газа как везде, а тормозных – две. Когда такая махина катит с горки, обычный тормоз может не справиться, требуется усиленный. Колодки сотрутся – начинает тормозить чем-то другим. Смотрю, на спидометре последнее число – 140 км/ч. Спрашиваю: «Неужели поедет?» – «Да», – говорят. После меня профессиональный водитель сел – устроил гонки.

Впечатления хорошие остались. Высота водительского места – третий или четвертый этаж. Дал на нем три круга метров по триста. Но одного раза достаточно. Когда люди работают на них, они привыкают к этим габаритам. Там инструкция – как подниматься, чтобы не упасть. Так только к себе домой на крышу забирался.

Я еще в семнадцать лет за рулем грузовика прокатился, когда старший брат на «ЗИЛе» работал. Учился ездить, брат говорил: «Вначале два раза сцепление нажать, потом газ, потом потихонечку езжай спокойно». Он года два на «ЗИЛе» работал водителем. Я осваивал машины, на которых Серега работал, – кроме «ЗИЛа», еще «ГАЗ», «Волгу»…

Из автомобилей, которые у меня были, очень быстро продал «Мерседес» Е-класса с двигателем 4,2. Через три месяца от него избавился. Слишком часто приходилось заправляться. Пересел на джип. А ближе к концу карьеры попробовал, что такое «Порше-911». Невероятный автомобиль. Хотел купить, салон прямо около дома, а с хозяином у нас общие знакомые.

Как-то пересеклись в одной компании: приходи, говорит, покатайся. На три дня дал машину. Великолепно! В «шашечки» на МКАДе поиграл. За восемь секунд разогнался до двухсот километров. Но поскольку «Сатурн» со мной так и не расплатился, от «Порше» отказался.

…В ноябре 2011-го окончательно решил: из футбола пора уходить. Заканчивать нужно вовремя, и тогда я почувствовал, что такой момент как раз настал. Гуренко и руководство жодинского «Торпедо» предлагали на выбор – играть за команду дальше или войти в тренерский штаб. Но за целый год я так соскучился по семье, которую видел лишь урывками, что еще по ходу сезона решил, что он – последний для меня в качестве игрока.

У клубов нашей Премьер-лиги был целый год, чтобы меня

пригласить. Никто не заинтересовался – значит, не нужен. Никаких иллюзий, что кто-то сделает предложение после Белоруссии, тем более не было. Поехал покататься на горных лыжах, а мысли о будущем отложил на потом…

Не думаю, что недоиграл. Тридцать пять – нормальный возраст для окончания карьеры. Да, Лоськов почти до сорока играл, но вот, допустим, Иван Саенко в двадцать восемь закончил. Причем без травм. Так посмотреть – получается, вообще пересидел. Вот в Белоруссии мог бы играть до сорока пяти. Но мне это казалось неинтересным, уровень слабый. Ради чего? В Жодино я играл точно не ради денег. Просто не готов был резко закончить с футболом. А после Белоруссии стал готов.

Все хорошее когда-то завершается. И начинается… другое хорошее. Понимал это с каждым месяцем все лучше, и когда Саня Маньяков с Олегом Малежиком приезжали и говорили: «Давай, завязывай, у нас в агентской компании будешь работать», – принял окончательное решение.

Самое интересное, что Виктор Гончаренко, хороший тренер, который БАТЭ тогда возглавлял и «Баварию» в Лиге чемпионов за счет организации игры обыгрывал, потом сказал мне: «Ты зачем закончил?» Только тогда и подумал, что можно было в БАТЭ перейти. И Лигу чемпионов еще зацепить…

* * *

Александр Маньяков:

– Когда Вадик решил идти в «Торпедо» к Ярцеву, чтобы его поддержать, он попросил меня помочь с контрактом. Учитывая, что речь шла о первом дивизионе, спрашивал: «Клуб не обманет?» Я отвечал: «Ты же к своему тренеру идешь, думаю, все должно быть в порядке». Приехал, с Тукмановым быстро договорились. Вписали пункт, что, если Ярцев уходит, то и Евсей свободен от обязательств перед клубом.

Правда, когда вскоре после отставки Ярцева уйти решил и Вадик, президент клуба Владимир Алешин еще какое-то время пытался его удержать. Но это было невозможно, а у Евсея оставаться в «Торпедо» не имелось никакого резона. И тренер его уже ушел, и с фанатом торпедовским Вадим в поезде подрался, когда тот его и семью оскорблять начал, и шансов на выход в Премьер-лигу уже и близко не оставалось – с судьями клуб принципиально не работал (а может, потому что денег

на это не хватало), и в матчах против соперников, имевших большие задачи, их методично уничтожали.

Последней каплей стала для него игра с «Уралом» в Екатеринбурге, когда «Торпедо» откровенно прибили. Вадик там землю грыз, играл опорника, но два гола забил, а в конце пошел было бить пенальти при 2:3, но, пока шел, судьи переиграли решение. Он снял футболку и хотел увести всю команду с поля, а в итоге ушел сам. Потом звоню ему, он еще кипит: «Да пошли они на х…! Убили внаглую». – «А ты-то чего со срыванием майки устроил?» – «А что мне, терпеть этот беспредел, что ли, надо было?»

Потом ребята из «Урала», например, Женя Алхимов, рассказывали мне, что из-за того эпизода прониклись к Вадику большим уважением. Поразились: Евсеев, который за сборную играл и героем всей страны был, в рядовом матче первого дивизиона так переживает.

Жалко, что на Евро-2004 у сборной с Вадиком в составе ничего не получилось. Помню, как Таня летела в Португалию с нашими болельщиками, которые напились в самолете, раскачивали его и чуть не подрались между собой. У Инги, бывшей жены Овчинникова, сестра замужем за португальцем Нуну – замечательным человеком. И они там тусовались женским коллективом, а пацаны к ним иной раз выбирались.

По большому счету, сборная могла там выступить удачнее. Просто Ярцеву команду следовало пожестче держать. Они там побухивали. Кто-то – но не Вадик – через забор после отбоя убегал. Захочешь убежать – по-любому убежишь. Как говорится, свинья везде грязь найдет… Плюс еще эта история с отчислением Мостового. Евсей ее не понял. Да и другие ребята тоже. В итоге атмосфера, которая была в сборной после прихода Ярцева и особенно после Уэльса, разрушилась – неудивительно, что и отборочные после этого плохо стали играть, и 1:7 от Португалии получили. Но там ведь еще и все залетело, что могло и не могло! Такое раз в сто лет бывает.

А на ощущения Вадика после игры с Уэльсом были очень похожи его эмоции в первом матче за «Сатурн», когда они в гостях «Локомотив» обыграли. Я был на той игре, Вадик мне билеты и сделал. Видел, как он к скамейке Бышовца подбегал и что-то кричал. В подтрибунке Евсей не сдержался, крикнул тренеру: «Сосать!»

Тут на него неожиданно Егорыч попер, администратор Анатолий Машков, с которым у него прекрасные отношения: «Ты чё сказал?» Видимо, Егорыч чуть-чуть поддал и воспринял это слишком болезненно – хотя ясно же было, что Вадик только к Бышовцу обращался. Евсей был на взводе, но сдержался, ничего Егорычу говорить не стал – пожилой человек все-таки, да и уважает он его. А Бышовец тогда в раздевалке говорил ребятам: «Вы думаете, он мне это сказал? Нет, вам!» Но игроки только улыбались – они-то всё понимали. А то они Евсея не знают…

Перед тем как Вадик перешел в «Сатурн», он мог оказаться в «Рубине». Но там Бердыев повел себя странно. Однажды мне дали его номер в гостинице, я позвонил. Разговор длился ровно тридцать секунд. Я сказал, что представляю интересы Евсеева и спросил, мог ли он быть ему интересен. Курбан Бекиевич ответил: «Футболист Евсеев меня не интересует», – и положил трубку. А через какое-то время он встретился с Вадиком лично и сказал: «Нет, ты мне всегда был интересен. Просто столько народу звонило, тебя предлагало, что я запутался, с кем дело имею».

Вроде неплохо они поговорили, но в итоге Евсей согласился с доводами агента Паши Андреева, не уехал из Москвы и подписал с «Сатурном». О чем, по-моему, никогда не жалел. Ведь Андреев сделал ему контракт больше, чем он был у Вадика в годы выступлений за сборную России. Почему он всегда и говорит, что агенты нужны.

В Раменском случались разные интересные эпизоды, Вадик мне многое рассказывал. Однажды гендиректор Борис Жиганов, человек военный, говорит: «Вадик, тебе надо искать команду». У него кабинет был на Сретенке, он сидел за здоровым столом. Спустя время заходит Вадик к Жиганову, тот спрашивает: «Вадик, ты нашел себе команду?» – «Нашел, Борис Анатольевич». – «Молодец, Вадик, садись. И какую же?» – «Вот эту и нашел. «Сатурн». Немая сцена.

Евсей чувствовал ответственность за молодых. Помню, уже когда Игорь Ефремов гендиректором был, я приехал к нему разговаривать по контрактам Брызгалова, Махмудова и Никитинского – моих клиентов. А Вадик полетел с полуосновным-полумолодежным составом на Сахалин, на Кубок играть.

«Сатурн» выиграл. Как сейчас помню, сидим с Ефремовым, как раз про Евсеева разговариваем, и тут звонок. Игорь берет трубку, потом ко мне обращается: «Как ты думаешь – кто? Твой друг». И продолжает: «Да, Вадик. А, премиальные? Ну да, будут. В полном объеме». Пацаны из молодежной команды зарабатывают немного, сами обратиться к руководству боятся. А Евсею-то что? Он, как самый авторитетный, звонит директору клуба: раз вышли, мол, в следующий этап – давайте такие же премиальные, как в чемпионате. Для пацанов это были очень существенные деньги.

А на Сахалин он поехал, чтобы морепродуктов купить и привезти. Там жил какой-то браконьер, который всех футболистов обслуживал. У него была машина типа «каблучка». Подгонял, открывал – а там медведка, краб. Сейчас о нем больше ничего не слышно. Спекся, наверное…

В «Луче-Энергии» теперь играет Леха Аверьянов, перед Новым годом он собирался в Москву, говорю ему – возьми морепродуктов, привези. «А каких?» – «Сейчас тебе Мастер позвонит, все расскажет». А мы в нашей компании Евсея за глаза Мастером называем. Вадик ему набрал, поговорил, потом комментирует: «Топор. Ни хрена не знает». Потом Аверьянову звоню: «Ну что, звонил?» – «Да-да, Вадим Валентинович звонил, все привезу». Привез. Евсей умеет доходчиво объяснить.

Развал «Сатурна» Вадик сильно переживал – хорошая у них команда была, дружная. И пусть при Ребере его на трансфер выставили, он вернулся и все доказал, в основу вернулся. А с Гордеевым вообще контакт шикарный возник, тот ему полностью доверял.

В Жодино, да и вообще в Белоруссии, к Евсею относились с большим уважением. Воспринимали как российского маэстро. А Серега Гуренко сказал шикарную фразу: «Евсеев, я тебя брал в команду для чего? Чтобы они вокруг тебя бегали. А получается, что ты вокруг них бегаешь!» Вадик, если уж выходил на поле, не мог делать это, что называется, на полутонах. Как там у Розенбаума? «Стрелять так стрелять… летать так летать!»

Заняли с очень скромной командой пятое место. Вадик мне фотографию сбрасывал – огромный «БелАЗ», с пятиэтажный дом, и он за рулем. И говорил: «Всего два человека за рулем такой машины из посторонних сидели». – «Кто?» – «Уго Чавес и я».

Когда Вадик играл в Белоруссии, меня нашел тогдашний спортивный директор «Локомотива» Алексей Зинин. Мы с Лешей в одном институте учились, и он знал, что я с Евсеем дружу. Позвонил: «Саша, а где сейчас Евсеев?» – «В Белоруссии». – «У него будет время с Ольгой Юрьевной встретиться? У нас есть предложение».

Приехал, она озвучила это предложение – отвечать в клубе за работу с болельщиками. Я поинтересовался: «А какие деньги?» Смородская назвала сумму в 100 тысяч рублей. Вадик, у которого в Жодино была зарплата 5 тысяч долларов (то есть по тому курсу – около 150 тысяч), отреагировал: «Нет, спасибо, я еще поиграю». В итоге договорились попозже встретиться.

Когда сели обсудить, говорю ему: «Евсей, ты понимаешь, что, если она тебя зовет, ты должен быть человеком ее команды? И не сможешь идти вразрез с интересами группы людей, которые находятся в руководстве клуба?» Он усмехнулся: «Ну я же сказал: «Я еще поиграю». Он все хорошо понимал. И конечно, никуда не пошел.

Но провести прощальный матч Евсеева на «Локомотиве» Смородская согласилась. Организовывал его Тимур Абидов, и я знаю, как все происходило. Гиггза реально хотели позвать, а Бано Иванович вообще уже дал согласие. Но тут «Челси» во главе с Роберто ди Маттео внезапно вышел в финал Лиги чемпионов, который проходил через пять дней после нашей игры – 19 мая 2012 года. Только поэтому приезд Ивановича и сорвался. Ладно, хоть «Челси» первый раз в своей истории Лигу выиграл – не зря старались…

И все равно прошло хорошо – кто бы, например, мог подумать лет десять назад, что Роберто Карлос в прощальном матче Евсеева будет участвовать? Потом устроили банкетик неплохой в «Сохо». Один парень пошел к Роберто Карлосу автограф брать – и, наверное, так разволновался, а может, столько выпил, что провалился в маленький искусственный бассейн…

Не помню, чтобы на прощальном матче Вадик расплакался. Такие проявления сантиментов – не для него, по крайней мере на публике. Внешне он кажется суровым, но внутри – очень добрый человек. Как и его семья. Таня тоже добрая, Полина – нежная девочка.

Поэтому не думаю, что ее потенциальным женихам в будущем придется Евсея очень уж бояться. Но ухажерам

нужно понимать, что в обиду свою дочь он не даст. И чтобы найти с ним общий язык, им нужно быть честными людьми.

Внешне Полина похожа на Вадика. Характером – не знаю, потому что воспитанием больше занимается Таня: у Евсея-то работа разъездная. Он всегда дочке что-нибудь привозил. И нам с ними тоже повезло. Вадик – крестный моей старшей дочки Дашки, а Таня – младшей, Анечки. А Полинке сейчас шестнадцать, она на восемь лет взрослее моей старшей. И все вещи, которые были у Полины, переходят к нам. А поскольку, будучи игроком, зарабатывал он неплохо, это Armani, Dolce & Gabbana. Всегда говорю ему: «Как хорошо, что у меня есть такой родственник, как ты!»

* * *

С Таней на тему завершения карьеры разговаривал мало, решение, как обычно, принял самостоятельно. Она всегда говорила: «Как решишь – так и будет». С женой мне в этом плане повезло, она у меня не капризная.

Зато, как закончил, так начал гораздо больше времени семье уделять. Глаза открылись: Полина росла, не так уж и часто меня видя. Честно скажу, мне не так важно, чем дочка по жизни будет заниматься, – главное, чтобы хорошим человеком выросла. А сама она хочет стать дизайнером одежды. Хорошо рисует – в художественной школе не учится, но берет частные уроки у художника. Думаем сейчас, куда поступать.

Футболом Полина совсем не интересуется. Одно время занималась плаванием, карате, когда уезжали на лето в Юрмалу – теннисом, а лет с двенадцати – танцами. На роликах катается: даже я в какой-то момент купил себе роликовые коньки, чтобы компанию ей составлять.

Полина вполне спортивная: мы с женой часто в Австрию ездим, так в прошлом году первый раз взяли ее туда, она встала на сноуборд – и поехала. В этом году на горные лыжи – и тоже поехала. Я вот на сноуборде попробовал – и раз сто упал. Вообще не мое. А ей хоть бы что…

Хотелось бы почаще ходить с дочкой в кино или театр, да работа не позволяет. Последний раз ходил в театр Вахтангова, актеры вроде все знаменитые, но старые, кому за шестьдесят. Фильмы смотрю приключенческие или боевики. Терпеть не могу фильмы ужасов. Ни одного за всю жизнь не посмотрел. С детства

не люблю.

А вот читать с возрастом начал намного больше. Особенно историческую литературу, в том числе про войну. У меня два деда воевали, оба погибли – спросить, как все в действительности происходило, не у кого было.

«Архипелаг ГУЛАГ» прочитал целиком. Нет, конечно, не взахлеб: тысяча двести страниц! Долго я ее читал. Но там интересные вещи. И тяжелые. Эти факты нужно знать. У страны денег не хватало, а надо было как-то строить и жить. И вот Сталин за счет бесплатной рабочей силы все это и делал. Тяжело жить в такое время. В любой момент могут тебе в дверь постучать и забрать. Представлял ли себя в подобной ситуации? Конечно. Сдал бы сразу всех, кого сказали бы. Все, что дали бы, подписал.

Леонид Слуцкий однажды в интервью рассказывал, что обнаружил одного своего молодого футболиста, который затаился где-то в укромном месте и книгу читал. Он спросил его: «А почему затаился-то?» Игрок ответил: «А вдруг ребята увидят?» В наше время и в нашей команде с этим все было спокойно. Многие читали – в самолете, в автобусе. Это сейчас одни компьютеры.

Самым популярным времяпрепровождением у нас в самолетах были домино и карты. Нигматуллин кучу журналов в дорогу набирал, ребята у него их брали. Единственным плюсом «Ту-154» – отвратительного на самом деле самолета – было то, что в них сиденья полностью откидывались, что для карт удобно. А в «Боингах» и «Аэробусах» с этим сложнее. Зато с безопасностью и комфортом получше…

С какого-то момента близким говорю: «Насчет подарков не заморачивайтесь. У меня все есть. Поэтому лучше всего дарите книги об истории России». До Солженицына на одном дыхании прочел два тома Николая Сванидзе. По телевизору смотреть нечего – вот на книжки и налегаю.

А как времени свободного больше стало, в агентстве у Маньякова стал работать – так хоть поездил по России, с людьми интересными познакомился. Например, через Муслина, тренировавшего тогда «Краснодар», – с Сергеем Галицким, который произвел на меня сильное впечатление. Они с гендиректором клуба Владимиром Хашигом все мне показали, и его детская академия меня поразила. Как и то, что он собирался уезжать по делам, но тут мы приехали и еще на два часа в его офисе засели о футболе разговаривать. По-моему, Галицкий может говорить о футболе круглые сутки!

Можно с ним в чем-то соглашаться, в чем-то нет, но то, что Галицкий делает, вызывает к нему большое уважение. Кто-то

смеется над его высказыванием, что через какое-то время вся краснодарская команда будет состоять из его воспитанников – но, глядя на его увлеченность футболом, поверить можно во что угодно. Другое дело, что за трофеи одними своими воспитанниками не поборешься.

И в исторические места ездить начал. Прошлым летом в Питере всей семьей на экскурсиях побывали, где только можно. И в Царском Селе были, и в Екатерининском дворце, и в Петергофе. Красота! Полина-то туда с одноклассниками и раньше ездила, а я только при Семине со сборной там жил. Но ведь когда ты – футболист, даже в самых красивых местах не имеешь ни минуты на то, чтобы всей этой красотой насладиться и проникнуться.

Интересно было сравнить дворцы, где жили Николай II и Екатерина II, – вроде всего в пятистах метрах друг от друга, а первый – довольно скромное жилище, зато второй – хоромы совершенно фантастические. Сразу стало понятно, кто из монархов обожал роскошь, а кто был к ней сравнительно равнодушен.

Я не монарх и переход к другому образу жизни, с гораздо меньшими деньгами, пережил нормально. И жена тоже. Далеко не все футбольные семьи проходят через это гладко.

Но я никогда не забывал, откуда вышел. Как и большинство футболистов. До сих пор в памяти картинка, как первый раз в молодежку приехал Мишка Осинов. Сидим в старом деревянном доме на базе «Динамо», открывается дверь. И заходит такой красавчик – модная дубленка с воротником, шапка ондатровая, и зуб золотой сверкает. Простой такой уральский пацан из Свердловской области.

Мы почти все – простые. И простыми – в хорошем смысле, конечно – и должны оставаться. Не заноситься, не разговаривать с людьми через губу, потому что сегодня у тебя, футболиста, много денег, а завтра ты закончишь, их станет меньше, а голову поставить на место будет уже невозможно. И люди, если ты на них сверху вниз смотрел, станут к тебе совсем по-другому относиться.

А я злым и заносчивым никогда не был. Злой я только на поле. Но там – игра. А игра – это только игра. Даже такая, как футбол.

* * *

Однажды Димка Ананко говорит: «Хочешь провести прощальный матч?» – «Ну давай». Вначале воспринял идею как не

очень реальную, но Тимур Абидов все организовал. Этот человек устраивал прощальный матч Аленичева, и мы за два месяца все подготовили. Было приятно сыграть в последний раз на «Локомотиве», всем доволен был – кроме погоды. Тысяч восемь, наверное, 14 мая 2012 года пришло. У Титова больше было, не говоря уж об Аленичеве, к которому пришел полный стадион. Ну так они – звезды, а я кто? Символично было и то, что матч прошел на следующий день после того, как в последнем туре чемпионата России на том же стадионе сыграли «Локомотив» и «Спартак» – две главные команды моей жизни.

Роберто Карлос, Тихонов, Аленичев, Карпин, Сергей Ребров – все они выступали за «сборную мира», и будущий главный тренер киевского «Динамо» сделал в ворота моей команды – «сборной России» – дубль, а Карпин с Тихоновым забили еще по разу. Причем Тишка засадил Рыжикову фирменным ударом в ближний угол, точно как в игровые времена.

В общем, мы попали – 2:4, причем после первого тайма горели еще серьезнее – 0:3. Так что и здесь в договорном матче поучаствовать не довелось: поддавки отмели еще до игры. Единогласно решили, что будем играть в футбол, хоть Карп после своей замены по ходу игры и сказал в телеинтервью, что в перерыве мы занесли им чемодан денег, и пообещал: «Сейчас сдавать начнут!».

Компания серьезная была, с удовольствием поиграли в футбол, вспомнили все хорошее. Приглашали еще выступавшего за «Анжи» Это'О и вроде бы даже Гиггза. Бано Иванович тоже должен был приехать, но его не отпустили, поскольку они к финалу Лиги чемпионов готовились. Я с ним сам разговаривал, он ответил: «С удовольствием!» Не знал, что они в финал Лиги выйдут…

Для истории – и, конечно, в знак благодарности тем, кто приехал, – полностью перечислю составы. Сборная России: вратари – Алексей Поляков, Сергей Рыжиков, защитники – Сергей Игнашевич, Дмитрий Сенников, Геннадий Нижегородов, Сергей Гуренко, Олег Пашинин, Роман Шаронов, Вадим Евсеев, полузащитники – Дмитрий Лоськов, Дмитрий Хохлов, Владимир Маминов, Александр Самедов, Дмитрий Торбинский, нападающие – Максим Бузникин, Дмитрий Сычев, главный тренер – Юрий Семин, тренер – Валерий Баринов.

Сборная мира: вратари – Антонин Кински, Дмитрий Бородин; защитники – Роберто Карлос, Дмитрий Парфенов, Ян Дюрица, Бенуа Ангбва, Юрий Жирков, полузащитники – Андрей Тихонов, Дмитрий Аленичев, Егор Титов, Аркадий Дворкович, Валерий Карпин, Динияр Билялетдинов, Игорь Семшов, Сергей Семак,

Любомир Кантонистов, нападающие – Сергей Ребров, Дмитрий Булыкин, главные тренеры – Олег Романцев и Георгий Ярцев. От бровки матч комментировал Константин Генич, по телевидению – Роман Трушечкин. А еще один телекомментатор, а также пресс-атташе сборной России Илья Казаков объявлял по стадиону о вручении сертификатов на бесплатный летний отдых детям погибших хоккеистов ярославского «Локомотива». Судил матч итальянец Роберто Розетти, возглавлявший в тот момент наш судейский корпус, а помогали ему на линии две девушки – Екатерина Курочкина и Яна Мазанова, резервным арбитром была Анастасия Пустовойтова.

Во втором тайме мой будущий шеф в ивановском «Текстильщике», а тогда просто Парфеша, после прострела Сыча сыграл рукой, но я ухитрился не реализовать пенальти. Зато потом забил ударом из-за штрафной, чуть сместившись с левого края в центр. В воротах стоял Димка Бородин, который пару моих ударов вытащил. По-честному ли он пропустил? Да какое там! Конечно, я мог бы сейчас начать рассказывать, что хорошо попал, а голкипер сплоховал. Но скажите честно: вы бы мне поверили?

Еще перед тем, когда я бил пенальти, он сказал: «Бей влево». Я и пробил влево. А он туда же и прыгнул. Так или иначе, мяч попал в перекладину. Пришлось Бородину потом, при счете 4:0 в их пользу, «отмазываться». Когда я забил, на меня навалились сначала Самедов с Лоськовым, потом другие партнеры, а за ними и соперники. Как я из этой кучи-малы живой встал – сам не знаю. Так они после этого меня еще и качать начали! А вскоре я заменился, отдав капитанскую повязку Лоськову.

Кстати, пенальти – это вообще не моя тема. Когда-то еще за юношескую сборную в турне по Китаю один раз попробовал пробить – неудачно. С тех пор и не пробовал. Исключение сделал только два раза. В 2005 году «Локомотив» в конце первого круга встречался с «Тереком», куда к тому моменту перешел Нигматуллин. И кажется, он что-то некорректное сказал перед игрой о нашей команде, где до этого два года подряд сидел за спиной Овчинникова, проведя всего один матч.

Я завелся, захотел наказать. И когда при счете 1:0 в нашу пользу назначили одиннадцатиметровый, отобрал у всех мяч и пошел бить. Никто даже не пикнул, хотя тот же Сыч был в составе. Ударил по центру, а Нигма в угол улетел. И мы их грохнули – 4:0. Зато с «Работничками» из Македонии попал в перекладину, и из-за меня мы чуть не вылетели из Лиги чемпионов. Слава богу, ребята выручили…

На моем прощальном матче было много детей – воспитанников нескольких московских детских домов. А на

замену вместо меня вышел тоже ребенок – Хрисан Джеус, сын директора детского центра «Орленок», в котором компания «Галактика футбола», организовавшая мой прощальный матч, регулярно устраивает детские футбольные лагеря. Хрисан даже забил – пусть и не без помощи ребят из «сборной мира». Наверное, решили: отчего пацану приятное не сделать – тем более что на исход матча это уже повлиять не могло…

Чувствовал ли я радость во время и после этой игры? А то. Не каждому футболисту, в конце концов, прощальный матч устраивают. Спасибо тем, кто все это устроил и кто потратил время, чтобы поучаствовать в игре или на нее прийти. Значит, что-то в футболе я все-таки сделал. Видел, как на одной из трибун вывесили здоровый баннер с моей фотографией, снятой во время матча против Уэльса…

Смородская потом говорила в интервью: «Дала Евсееву стадион, все организовала, а он через месяц начал нас поливать». Во-первых, «все организовала» – это некоторое преувеличение, а во-вторых, никого я не поливал. Просто через некоторое время она сказала про «десять лет лузерства» – и еще про то, что знает, каким путем добыты два наших чемпионства. И я просто отреагировал, как и должен был.

А что касается прощального матча, мы с ней встречались, она сказала: «Бесплатно стадион не дам, но скидку по аренде сделаю». Полтора миллиона рублей мы в итоге заплатили. Если учесть, что игра с хорошим соперником стоит четыре с половиной, а обычная – три, она действительно сделала приличную скидку. Но это не означает, что я должен был молчать.

И вообще, думаю, не стоило ей такие вещи говорить. И не из-за Евсеева. А из-за того, что мой прощальный матч был благотворительным и средства от кассового сбора были направлены детям погибших хоккеистов ярославского «Локомотива»…

Глава седьмая
Чирлидерши в пермской раздевалке

А ведь все могло сложиться совсем по-другому, и не был бы я сейчас никаким тренером. В 2013 году меня позвали поучаствовать в реалити-шоу «Остров» на НТВ. Но для этого надо было уехать на сорок пять дней в Патагонию, а мне как раз Дима Парфенов позвонил, намекнул, что, может, будет возможность вместе поработать. Да и еще кое-какие варианты просматривались.

Взял паузу, чтобы дождаться, как с тренерскими предложениями дело закончится. Через пять дней с НТВ звонят: «Мы деньги даем! 500 тысяч рублей!» Еще через день опять набирают: «600 тысяч! Продюсер очень хочет, чтобы вы были. Причем гарантируем, что вы в финал выйдете». Вот так даже.

«Ё-мое, – думаю, – я же вообще никаких денег не просил, просто паузу взял, а тут на тебе». Но тут Парфенов подтверждает: «Да, все согласовал, приглашаю тебя в Иваново помощником». У него местный ассистент ушел помогать Анатолию Давыдову в «Томь» – и место освободилось. Димка Ананко ему подсказал насчет меня, и Парфенов позвонил.

Я сразу спросил: «Когда надо быть?» – «Приезжай завтра». Приехал, увидел, все обсудили, и я опять: «Когда надо быть?» Домой сгонял за вещами и вернулся. Вопрос решился очень быстро. Очень уж соскучился по настоящей футбольной работе.

А на НТВ позвонил и объяснил: работу, мол, получил, надо выходить. Они в ответ настойчиво предлагают встретиться, говорят, продюсер очень жаждет пообщаться. Но мне эта встреча была не нужна. Зачем? Я тренером работать хотел. В Иваново на 100 тысяч рублей зарплаты пошел. А реалити-шоу потом смотрел по телевизору. И пытался представить, как сам бы там выглядел. Думаю, нормально.

Привыкнуть к другому материальному уровню лично мне не было сложно. Разве что на первых порах. Просто живешь адекватно, по средствам – и все. Для нас с Татьяной это никогда не составляло большой проблемы, а тем более кое-что удалось скопить. 5 тысяч долларов зарплаты в Белоруссии? Да пожалуйста. 100 тысяч рублей в Иваново? Без проблем. Как и 200 тысяч в Перми. Возможности, конечно, не те, что раньше, но жить можно. Мы же не олигархи, выросли в Мытищах в обычных семьях.

Не случайно ведь друг из Мытищ первым и помог, когда я

карьеру закончил. Саша Маньяков предложил поработать в его агентстве «Проф-спорт компани». Просматривал игроков, разговаривал с ними, знакомил Сашу и Олега Малежика с футбольными людьми, которых они не знали. Я-то, как бывший футболист, со всеми в этой среде знаком.

Интересно, конечно, необычно, но все-таки это не мое. Не по себе мне было. Потому что в моем понимании футбол оказался от меня далек. Потому что мой футбол – это поле, тренировки, игры.

А есть, оказалось, и другой футбол – сделать игроку хороший контракт, чтобы он был всем доволен, отыскать способного парня, у которого еще нет агента, заработать денег. К агентской профессии отношусь с уважением. Там надо уметь много такого, чего мне не дано. Может, я чем-то ребятам и помог за счет имени, но они же и до меня много работали. Когда-то с Саней вместе возвращались на электричке с тренировок в локомотивской школе в Мытищи, а потом каждый пошел в футболе своим путем. И получилось так, что какое-то время поработали вместе.

Параллельно поступил в Высшую школу тренеров. Учился и работал, но свободного времени все равно оставалось очень много. Я к такому не привык. И жена была недовольна, потому что много лет существовал четкий ритм – я дома только утром и вечером. А тут – примелькался. И бухтел, наверное, много…

Так что когда Парфенов позвал в «Текстильщик», я сказал Маньякову: «Все, с агентской деятельностью заканчиваю». Спасибо Сане, что занял меня хоть чем-то, а то если и так время девать было некуда, то без агентства вообще непонятно, что бы делал. Но позвал меня Дима тренером – и все сразу встало на свои места. Вот оно. Мое.

* * *

Для погружения в новую профессию учеба в ВШТ очень помогла. Тем более что занимался не по ускоренной, а по полной программе. Вначале год учился на категорию В, потом вместе с Парфеновым – на А. То есть прошел все ступени с самого низа.

За свои заслуги в футболе мог получить возможность сразу учиться на А, но так вышло, что в тот момент в ВШТ других известных футболистов, игравших за сборную и выигрывавших чемпионат России, не было. Из-за меня одного делать целую ускоренную группу посчитали нецелесообразным.

Но ни о чем не жалею. Поначалу тяжело давалась биомеханика, биохимия. Однако я понимал, что это надо знать. Ни одного урока не прогулял. И обучение оплачивал сам – все до

копейки. На Pro Парфенов вот поступил, а я не стал. Пока получаю практические знания. Сначала во втором дивизионе, теперь в Премьер-лиге.

Тот же Аленичев прошел с тульским «Арсеналом» все лиги – и любительскую, и вторую, и ФНЛ, и РФПЛ. И если проанализировать его послужной список за последние годы, то приходишь к выводу, что он назначение в «Спартак» заслужил. Сначала обошел во втором дивизионе воронежский «Факел», бюджет которого был в четыре или пять раз выше, чем у «Арсенала». Потом из ФНЛ опять же с маленьким бюджетом вышел в Премьер-лигу, причем напрямую. И ведь никто даже не ставил тулякам такой задачи!

Наконец, в РФПЛ он играл почти только русскими игроками. Да, команда находилась внизу и в конце концов вылетела, но боролась до последнего тура, а главное, не играла в «бей-беги». Четко прослеживался тренерский рисунок, на футбол «Арсенала» приятно было смотреть. И еще зимой я сказал в интервью «Спорт-Экспрессу», что даже вылет туляков обратно в ФНЛ, на мой взгляд, не должен стать препятствием к приглашению Аленичева в «Спартак». Так и вышло.

Все логично, и я поздравил Аленя эсэмэской. Думаю, у него получится. Желаю, чтобы получилось, и очень на это надеюсь. И рад, что генеральным директором «Спартака» стал Сергей Родионов, а на должность пресс-атташе вернулся Леонид Трахтенберг. И что те же Романцев с Ярцевым, будучи членами попечительского совета, поддержали Диму. В «Спартак» вернулись спартаковцы!

Считаю подход Димы к становлению в профессии правильным, поэтому тоже решил начать снизу. Кому-то, может, и дано начинать с верхушки, но такое бывает редко. Для меня оказалось очень полезным окунуться во второй дивизион. В том числе и для того, чтобы понять его реалии…

Я же, кстати, у него в Туле мог оказаться – причем игроком. Весной 2012 года, когда Аленичев принял «Арсенал» в любительской лиге, он пригласил целую группу спартаковских ветеранов, в том числе и меня. Еще – Титова, Парфенова, Филимонова, Хлестова, Коновалова… И матчей шесть-семь я за Тулу сыграл. Шесть дома и один раз в Калуге. Там единственный раз и забил – коленкой с углового.

Все матчи выиграли, кроме одного, который завершили вничью. Тысяч по десять-двенадцать на нас в Туле ходило, мы поражались – это же любители! Тогда-то мы и поняли, насколько это футбольный город.

Запомнилось, что пенальти никак забить не могли – пять раз

подряд. Парфенов, Титов, Коновалов – все мазали или вратарей переиграть не могли. До меня, правда, очередь так и не дошла – кто-то все-таки забил. А игралось в кайф – как хорошо, когда понимаешь на поле друг друга с полуслова! Обычно к станции метро в конце Варшавского шоссе подъезжал микроавтобус, забирал нас, и мы ехали на игру. Иногда – на машинах. Платили копейки – долларов двести за матч. На бензин.

Однажды Аленичев спросил: «Поиграешь за нас во второй лиге?» Но я ответил: «Не хочу». Почему – не знаю. Но, видимо, внутренне уже не было готовности по-настоящему возобновлять карьеру. Стал там играть в итоге один Филимонов, который с «Арсеналом» так до Премьер-лиги и дошел.

Хлестов тоже не остался – его вижу каждый год на Кубке легенд, куда меня почему-то не зовут. Еще ни разу на нем не играл! Корнаухов с Варламовым были, Нигматуллин с Булыкиным тоже, а я – нет. Хоть бы раз позвали! Там и гонорар, говорят, нормальный…

Не могу сказать, что жалею насчет «Арсенала». Это то же самое, как когда с «Рубином» в 2007-м был вариант, и многие потом спрашивали: «Не жалеешь? Стал бы с Казанью чемпионом». А может, если бы я туда пришел, «Рубин» чемпионом не стал бы? Кто может это знать? Зачем так рассуждать – если бы да кабы?..

Еще Андрей Тихонов позвал в свою «Спарту», тоже по любителям. Приехал, посмотрели – нет, не подходишь. Из-за лишнего веса. Как? Месяц назад спокойно играл у Аленичева, а тут не подхожу? Ну, были лишние килограммы – из Белоруссии приехал, ничего не делал, а к полноте, что скрывать, склонен. Но с Тихоновым расстались нормально, без обид. Сыграл несколько матчей в Мытищах за любительский «Олимпик» – и теперь уже точно закончил.

И так вышло, что во второй половине прошлого сезона, через три года после того, как я играл у Аленичева в Туле, мы встретились с ним как соперники – он во главе «Арсенала», я вторым тренером «Амкара». Еще в Перми столкнулся с молодым вратарем Селиховым, который мне сказал, что играл по любителям против меня за Орел. Правда, я его по той игре так и не вспомнил. Зато Халк его теперь хорошо знает – Селихов от бразильца пенальти потащил, и «Амкар» в Питере с «Зенитом» вничью сыграл…

Тему нашей конкуренции за выживание с Димой не обсуждали. Просто так получилось. Юрий Палыч тоже соперником стал. Помню, играли с его «Мордовией» на сборах, они идут с Гаджиевым, и Семин мне говорит: «Конкурент наш усилился!» Отвечаю: «Ну так вы же меня не берете! А Гаджи

Муслимович пригласил». Посмеялись оба.

Семину было приятно, что я стал помощником в клубе Премьер-лиги, но он заметил: «Ждал, что ты будешь где-то главным». Он считает, что я с какого-то момента должен и буду работать главным тренером. Подхожу на эту роль по своему характеру, менталитету.

Я это тоже уже понял. Но сегодня я помощник главного тренера «Амкара» Гаджиева и мне многому надо еще учиться. При этом не согласен с расхожей фразой, что тренер должен убить в себе игрока. Я не убил и не собираюсь. Может, у кого-то такое желание есть, но не у меня. Потому что тренеру нужно помнить, что он чувствовал, когда был футболистом, что ему нравилось и приносило пользу, а что нет.

В то же время уже чувствую, что мне интересна тренерская профессия, и хочу в нее глубоко окунуться. Считаю, уже перестроился и по менталитету стал тренером.

* * *

Работа с Парфеновым стала большим опытом. Благодарен Диме, что взял меня в помощники и позволил окунуться в практическую тренерскую деятельность. И конечно, с ним самим работать было приятно. Мы думаем в одном ключе, поэтому так легко все и получилось. Сейчас тоже часто созваниваемся.

Оба – люди спартаковские, приветствуем комбинационный футбол. И стеночки, и забегания в нашей работе присутствовали, и тренировочный процесс шел только с мячом. Непривычно было лишь слышать, как игроки называют меня по отчеству – Валентинычем. Но быстро привык к тому, что я больше не Вадик.

И Иваново – город хороший, вполне ухоженный. Ко мне и дочка туда приезжала на неделю пожить – в плохое место я бы ее не рискнул позвать. Стадион отличный, на играх заполнялся. Дороги нормальные, зарплату вовремя платили. По сравнению с многими другими клубами все было очень благополучно. А текстиль ивановский даже домой покупал. Помню, когда уже после перехода в «Амкар» ехал забирать трудовую книжку, жена заказала купить подушки – они там какие-то особенные…

А насчет негативных реалий – полной дикостью, например, считаю то, что во втором дивизионе из-за перехода на систему «осень – весна» люди по шесть месяцев подряд по ходу сезона (!) в футбол не играют. Не знаю, о каком прогрессе игроков при таком режиме можно говорить. Меньше играешь, чем отдыхаешь. Ведь, помимо полугодового перерыва между первым и вторым кругом,

есть еще и месячный отдых летом. То есть ты играешь всего пять месяцев в году!

Поэтому согласен с Аленичевым, что нужно возвращаться к старой системе проведения чемпионата, начинать весной и заканчивать осенью. Ведь и в Премьер-лиге переход ничего хорошего не принес. Летом не играем, посещаемость стала ниже. И еврокубки выигрывали при старой системе, чего сейчас и близко нет, и был цельный чемпионат, который не разбивался на два, по сути, разных турнира.

Сейчас ведь получается, что команды летом всего месяц готовятся к восемнадцати турам, а потом зимой два месяца – к двенадцати. Как тренер, пусть и начинающий, понимаю, что это абсурд. Надо признать ошибку и вернуться – вопрос в том, как. Вторая лига сделает это безболезненно. А вот РФПЛ придется сложнее.

Пришлось столкнуться еще кое с какими реалиями. Впрочем, такое я в «Сатурне» уже проходил – когда поступали предложения от людей, действовавших от имени «Кубани» и «Алании».

В первом сезоне 2013/14 года «Текстильщик» боролся с «Тосно», клубом из Ленинградской области, за выход в ФНЛ, но проиграл в личной встрече за два тура до конца – 0:1. Нам поставили пенальти, удалили игрока. И почему-то это все не удивило.

За несколько дней до матча на нас с Парфеновым выходили люди – и известные, и неизвестные – с тем, чтобы мы отдали «Тосно» первое место в зоне. Предлагали нам за это 400 тысяч долларов. Люди довольно высокого полета. В определенных кругах.

Мы сказали «нет». А куда дальше эти деньги пошли, можно только догадываться. В общем, до первого дивизиона нам не хватило совсем чуть-чуть. Но стало понятно, что и не могло хватить.

Во втором сезоне у нас пошло похуже, к зиме, когда меня в Пермь пригласили, на десятом месте шли. Хотя вроде бы количественно и усилились. Но, главное, потеряли основного центрфорварда Анзора Саная, который в «Томь» перешел. В предыдущем сезоне он забил за нас двадцать два мяча – и, как выяснилось, был системообразующим футболистом. Потому что без него у нас сразу результаты вниз пошли.

По этому вопросу, думаю, мы бы с Юргеном Клоппом друг друга поняли. У него из «Боруссии», прекрасной команды, ушел в «Баварию» один Левандовски, а с ним и результат. Они взяли хорошего нападающего Иммобиле, вернули Кагаву – а не получилось. Вот и у нас так же, только, понятно, на другом

уровне.

Что меня в Иваново удивило – встреча с Виталием Мутко. Он приехал смотреть, как там манеж на деньги Минспорта достраивается. За что спасибо, кстати, – хоть он и не стандартных размеров, поле 70 на 50 метров, но для детской школы это супер, когда пацаны зимой могут в тепле тренироваться, а не на улице. Так вот, увидел Мутко нас с Парфеновым – и весь план мероприятий нарушил, подошел к нам и минут десять обо всем расспрашивал. Говорить он долго может. Политики, начальники разные – они, наверное, днями, месяцами разговаривать могут…

Он не знал, что мы там работаем, спросил: «О, а вы что тут делаете?» Отвечаю: «Дима главный тут, а я помощник». – «Давай рассказывай, как тут у вас». Мы и раньше знакомы были: когда-то в сборной, при Семине, с ним даже парились вместе. После тренировки команда пошла в сауну, я оставался одним из последних, а тут и начальство нагрянуло. Мутко – футбольный человек, и я нормально смотрю на то, что он на пост президента РФС вернулся.

В Совете Федерации от Ивановской области сенатор был, а у него дача в Плёсе, недалеко. Вот Мутко к нему в гости и поехал, а по дороге – к нам. И отдохнул, и проконтролировал, как процесс идет. Там же, в Плёсе, у Дмитрия Медведева, по-моему, дача. Места-то хорошие. Левитан там же картины писал, в городе есть его дом-музей. Одну картину, рассказывали, из него украли…

К моему решению перейти работать в «Амкар» Парфенов отнесся с пониманием. Да, Дмитрию не хотелось терять меня как помощника, но это жизнь. Так он и сказал. Одно дело – когда приглашают в другой клуб второго дивизиона или даже в ФНЛ, и совсем другое – в Премьер-лигу. И руководство клуба тоже все поняло. Генеральный директор Юрий Ермаков – сам футбольный человек, играл за «Текстильщик». Кто знает, может, когда-нибудь опять будем работать с Парфеновым вместе, и я вновь буду ему ассистировать.

Или он мне? Хотя об этом пока думать рано. Но я могу спокойно ему помогать – это точно. У меня нет никакой зависти и ревности, всегда был на стороне Парфенова. А то, что в будущем хочу стать главным тренером, так зачем иначе идти в эту профессию?

О конкретной цели в ней еще не думал. Готов к любому повороту событий. А пока цель – хорошо работать там, где нахожусь здесь и сейчас.

* * *

Александр Маньяков:

– Считаю, Вадик мог на более мажорной ноте карьеру свою закончить. Без отъезда в Белоруссию. Не знаю, почему после «Сатурна», где он стабильно играл в основном составе и приносил много пользы, его никуда не взяли. Тридцать пять – ну и что? Уверен, что в более или менее приличный клуб Премьер-лиги, пусть и периферийный, он поехал бы.

Позвал его в свое агентство «Проф-спорт компани» – хотя бы на первое время. Надо же чем-то заниматься, когда с футболом завязал, а пережить это сложно. Нельзя месяцами дома сидеть, ничего не делая, так и крыша поедет, и запить можно. Со многими бывшими футболистами, привыкшими жить по четкому распорядку и вдруг оказавшимися совершенно свободными, такое происходило.

Съездили с моим товарищем и партнером Олегом Малежиком в Белоруссию, обо всем с Вадиком договорились. Проработал он у нас чуть меньше года. Думаю, кое-что ему это дало. У игрока, тренера, агента, клубного функционера совершенно разные углы зрения, под которыми они смотрят на футбол. А когда ты побыл и в одной роли, и в другой, и в третьей, а потом собрал впечатления воедино, взгляд на игру становится более объемным. И выстраивать взаимоотношения с разными людьми становится легче.

Конечно, у Евсея в агентстве была больше представительская роль – съездить, пообщаться, произвести впечатление. Так, например, было в Киргизии, куда мы поехали подписывать Валерия Кичина из «Дордоя». И не только. С Аленичевым и Ананко меня также познакомил Вадик – и через какое-то время я стал спортивным директором «Арсенала», и там работал весь тот год, что команда играла в Премьер-лиге.

Но уже тогда он хотел тренировать. Хотя после лучшего контракта в жизни, который Павел Андреев сделал Вадику в «Сатурне», он всегда повторяет, что агенты нужны. Но агентом Евсеич стать, думаю, не смог бы – слишком прямой, а в этой профессии хитрость и гибкость нужны. Да и вообще, агентский мир – достаточно жесткий, там люди деньги делят. А Вадик, хоть и резкий, но на самом деле очень добрый.

Огромное спасибо Диме Парфенову, что он его в Иваново пригласил. За одно это, да и за многое другое

желаю ему добра и чтобы все у него как тренера получилось. Я прямо чувствовал, что Вадик с первых дней закайфовал!

Во-первых, потому Парфенов сам по себе – очень хороший человек. И у них получился интересный симбиоз. Все, что они придумывали и воплощали, в первом сезоне здорово проходило. А это же очень важно, когда ты доносишь до футболистов свои мысли и видишь, как они реализуются. На уровне второго дивизиона такое случается далеко не всегда. Жалко, что «Тосно», с которым шли ноздря в ноздрю, не обогнали.

А то, что во втором сезоне не пошло, – тоже опыт. Ушел лидер, форвард Саная, и хоть неплохих новичков взяли немало, но никто его заменить не смог. Как выражался Евсей, до хрена было тех, кто на рояле играет, и слишком мало тех, кто его таскает. Этот перекос и сказался.

Бывали в Иванове смешные эпизоды. Как-то раз они с Парфеновым сидят в тренерской, и какой-то дед заходит: «А где здесь Вадим Евсеич?» Вадик: «Не Евсеич, а Валентинович». – «Ну, я и говорю – Вадим Евсеич». Вадик уже четко выговаривает: «Вадим Валентинович Евсеев». Дед все не возьмет в толк: «Может быть, и так, ну так где он?..»

А однажды мне позвонил один агент, который близко общается с Гаджиевым, и рассказал, что Вадик к нему помощником в Пермь едет. Точнее, ночью эсэмэску сбросил. Я Евсею утром набрал, он поразился: «Откуда ты знаешь?» Информация-то к тому моменту еще нигде не прошла, и Вадик только собирался лететь на переговоры. Которые, к счастью, сложились удачно. Премьер-лига – это огромный опыт, и рядом с Гаджи Муслимовичем он многое узнает. И думаю, что станет хорошим тренером.

Кстати, мы его в начале зимы хотели в «Арсенал-2», выступающий во втором дивизионе, главным тренером позвать. Команда неудачно закончила осенний отрезок чемпионата, набрала всего четыре очка – меньше в профессиональных лигах не взял никто. Я предлагал руководству клуба: это и внимание привлечет, и фигура харизматическая, и команду встряхнет.

Но наверху решили – пока нет. Впрочем, все, что ни делается – к лучшему. Зато его позвал Гаджиев – пусть и не главным, зато в Премьер-лигу. И вот как-то мы сидели в Туле с Аленичевым, Ананко и Евсеевым, чуть-чуть

выпивали. Евсей, в спартаковские времена молчун молчуном, теперь говорил без умолку. Я даже сказал ему: «Ты замолчишь когда-нибудь? Всех уже утомил». Но если раньше при встречах они просто болтали о том о сем, то теперь – о тактике, о подготовке. Это был разговор не просто добрых приятелей, а молодых тренеров. Профессиональный разговор. Как же хочется, чтобы их поколение было востребовано и чего-то добилось…

* * *

Предложение Гаджиева в первые дни нового, 2015, года стало для меня неожиданным. Но согласился сразу.

Спросил только, чего он от меня хочет, в чем будут заключаться мои функции. Гаджи Муслимович ответил: «Помогать во всем». – «А чем я буду заниматься?» – «Всем!»

Главный тренер сразу дал понять, что никакого разделения по функциям вроде того, что я работаю с группой обороны, а Каряка как бывший полузащитник атакующего плана – с группой атаки, в «Амкаре» не будет. Все делаем вместе – и свои и чужие матчи смотрим, и тренировки анализируем, и к играм готовимся, и игроков просматриваем.

Другое дело, что поначалу мне было полегче, чем Каряке, поскольку у меня уже был опыт в профессии, а Андрей только играть закончил. Поэтому он и в игровых упражнениях участвует, и иногда в двусторонках, а я – только в дыр-дыр играю перед тренировкой. Но работаем оба одинаково – и, как правильно заметил Гаджи Муслимович, круглые сутки. А что еще, собственно, делать в Перми?

Но тут и личность главного тренера играет роль. У Гаджиева всегда были долгие и скрупулезные разборы игры. Раньше я относился к ним как игрок – более того, однажды закемарил у него в «Сатурне» на теории. Там в Кратове антураж соответствующий был: большой актовый зал, кресла мягкие, глубокие – недолго и заснуть. Произошло это перед вечерней тренировкой. Гаджи Муслимович наверняка заметил. Но ничего не сказал, Ребята разбудили: «Пошли на поле!»

А сейчас, будучи тренером, понимаешь, сколько работы такие разборы требуют и как они нужны. Поэтому и говорю, что мы круглые сутки работаем. Снимаем каждую тренировку, анализируем, что хорошо и плохо, какие нагрузки на какие мышцы в следующий раз дать, что скорректировать…

В Перми и теоретические занятия короче, чем в Раменском, –

полчаса максимум. На них точно не заснешь. Можешь, опять же из-за антуража, тут-то не зал с мягкими креслами, а маленький пресс-центр. Компактное помещение, компактные разборы и собрания.

Сколько же Гаджиев знает! Я никогда столько знать не буду, у меня в голове все это не уместится. Тело человека, мышцы, волокна – для него ни одного секрета в этом нет, все разложит по полочкам. Да, я тоже учился в ВШТ и занимался всем этим, но как же можно столько всего помнить!

Еще Гаджиев, делая мне предложение, сказал: «Мне нравятся люди, которые говорят, что думают, а не те, кто поддакивает». Помимо участия в тренировочном процессе своего взгляда он от меня и ждет. Потому что одно мнение – это хорошо, а несколько – лучше. И уже на первом сборе главный тренер спрашивал наши с Карякой мнения по разминке, некоторым упражнениям. А по ходу сезона – и по игре, и по заменам.

При этом по отношению к нам с Андреем он очень требователен. Раз или два обсуждали до тренировки, что будем делать, и как-то я перепутал упражнения местами. Он довольно жестко отреагировал, объяснил, что и почему. Я потом подошел, извинился. Гаджиев сказал: «Ничего страшного». Кстати, он никогда не орет ни на игроков, ни на помощников. Но когда просто повышает голос, это звучит убедительно. Спокойствия и сдержанности никогда не теряет, но они обретают совершенно другую окраску, если он видит какую-то отсебятину, что-то не то.

Но если все нормально – значит, планка доверия поднимается. Спустя полгода, летом 2015-го, главный тренер поручил мне заниматься с теми, кто приехал на просмотр – а таких было много. И спрашивал: «Кого рекомендуешь?» Естественно, отсеивал не я – Гаджиев тоже приходил, смотрел, на видео все снималось. Но появился такой опыт, когда приходилось к футболистам, находящимся на просмотре, подходить и говорить: «Извини, ты нам не подходишь». Тяжело, впервые подобное у меня было, но через это тоже надо пройти, если хочешь стать тренером.

Еще по «Текстильщику» заметил, что для тренера сборы проходят гораздо быстрее, чем для игрока, а в «Амкаре» это ощущение только укрепилось. Все потому, что, в отличие от футболистов, на сборах свободного времени мало. Точнее, его просто нет. Мы не только проводим занятия, но еще и думаем, как и что скорректировать в зависимости от увиденного. Анализируем, ищем – и это беспрерывный процесс. Даже если сбор расписан от и до, все равно возникают обстоятельства, заставляющие что-то поменять.

На первый сбор «Амкара» в Турцию я поехал без контракта. Подписал только на втором. К тому моменту, в разгар финансового кризиса, активно обсуждалась тема, нужно ли фиксировать курс евро в контрактах игроков, чтобы клубы не разорились, так вот в нашем с Андреем Карякой случае тема даже не обсуждалась. Ничего, кроме рублей, не предлагали. Причем в довольно скромном по футбольным меркам количестве – порядка 200 тысяч.

Ехал в Пермь не из-за денег. А из-за того, что меня позвал Гаджиев, у которого я играл в «Сатурне», и мне очень хотелось поработать у знакомого тренера в Премьер-лиге. Понимал, что у человека с таким опытом, который был вместе с Анатолием Бышовцем и Владимиром Сальковым в штабе золотой олимпийской сборной в Сеуле, в 1988 году, многому можно научиться. Интересно же!

В декабре Славо Муслин, который работал в «Амкаре» до нас, жаловался в интервью на большие долги, в том числе и перед игроками, говорил, что мешало ему работать. Но под Новый год долги погасили, и я по этому поводу не волновался. Ведь получил предложение и поехал в расположение команды уже после праздников.

Так что ни слова о деньгах я от игроков за это время не слышал. Хотя по этому году задержки по зарплате есть. Но для «Амкара», как я понял, два месяца – это не задержки. Зато премиальные выплачиваются в течение недели после игры. А это тоже важно, поскольку Каряка и я за победу получаем премию – пятьдесят процентов от премиальных игроков, Гаджиев – сто. Даже бонусы за одиннадцатое место дали, причем в контрактах они прописаны не были. Приятно.

В Перми у Муслина получилось совсем по-другому, чем в «Локомотиве». У нас с ним были отличные отношения, да и вообще от опытных футболистов «Локо» невозможно было услышать о Славолюбе ни одного плохого слова. А в «Амкаре» у него возник конфликт как раз с ветеранами – Георгием Пеевым и остальными. Саша Коломейцев, уже перейдя летом в «Локомотив», говорил, что хуже атмосферы, чем при Муслине, в клубе не было никогда. Мне это слышать было удивительно.

Может, дело в том, что в «Локомотиве» Муслин во взрослых ребят верил, а в «Амкаре» решил посадить их на скамейку и омолодить команду. Пеев, Сираков, Якубко, Пикущак, Гол – не играл никто. Я об этом знал, поскольку в конце ноября, когда для «Текстильщика» осенняя часть сезона уже закончилась, съездил в Тулу на матч «Арсенал» – «Амкар» и пообщался там как с Аленичевым, так и с Муслином. Славо рассказывал об

омоложении, причем подчеркивал, что клуб с этим процессом сильно запоздал.

Туляки в итоге грохнули Пермь со счетом 4:0, эта победа оказалась для них самой крупной в чемпионате. Славо – опытный тренер, мне еще до его уровня учиться и учиться, поэтому не имею права его судить. Но, возможно, он решил омолаживать команду слишком резко. И коллектив его не понял. В последнем декабрьском матче «Амкар» получил 0:5 от «Динамо», и это стало для руководства клуба последней каплей – его уволили. В пяти последних матчах команда набрала одно очко при разнице мячей 2 – 13.

* * *

Каждый тренер решает по-своему, и мы от этой ставки Муслина на молодых отошли. По двум месяцам тренировок увидели, что ветераны еще способны здорово помочь, поверили в них – и в условиях, когда надо было бороться за выживание, не прогадали. Футбольное поле – лучший показатель, смотришь на него – и все ясно.

Если Белоруков, Черенчиков, Пеев доказывают, что лучше молодых, – зачем им в паспорт смотреть? Даже если Ваня Черенчиков еще с 2002 года, с первой лиги, за «Амкар» играет, а капитан, Дима Белоруков, с 2005-го. Причем сам питерский, а в Перми обжился, теперь уже играющий тренер. Правдоруб, говорит все как есть.

Или Жора Пеев. Недаром в Перми давным-давно существует поговорка: «Без болгаров нет «Амкара». Сразу после выхода в Премьер-лигу в 2004-м клуб взял троих болгар – Кушева, Пеева и Сиракова. Кто-то еще тогда смешно написал, что их фамилии – это замкнутый физиологический цикл. Ну а если серьезно, то они здорово команде помогли, и с тех пор так и пошло – в Перми обязательно должны быть болгары. Кушев закончил, потом был Георгиев, теперь – Занев…

Тому же Сиракову, крайнему защитнику, по возрасту уже было тяжеловато, движение не то – по себе знаю. Но голова – вообще в порядке! После окончания сезона решил завершить карьеру, так клуб его красиво проводил: на первом домашнем матче нового сезона с «Краснодаром» Захари в перерыве вышел на беговую дорожку, по-русски произнес трогательную речь, и тут же по стадиону объявили, что в его честь будет назван один из секторов. Вот так надо провожать людей, которые многое сделали для клуба. Не удивлюсь, если однажды он войдет в тренерский

штаб «Амкара» – впрочем, он и сам в этой речи сказал, что хочет вернуться.

А Пеев?! Как и мне в бытность игроком, Жоре не безразлично, что происходит на поле. Гаджиев никогда не смотрит на контракт или возраст – так он даже не знал, сколько Пееву лет. А может, знал, но делал вид, что был не в курсе. Раз с Георгием новый контракт в тридцать шесть лет подписали, может, и до сих пор не знает…

Главный тренер говорил: «Мне не надо знать, сколько ему лет. Я вижу, как он играет». В конце сезона Жора вроде публично даже попрощался с клубом, собирался заканчивать, но Гаджиев сказал, что команду надо сохранить, и в итоге его подписали еще на год. В «Амкаре» был коллектив, так зачем брать новых людей, если можно сохранить тех, кто приносит пользу?

Зимой, в последней контрольной игре с «Мордовией», Пеев получил травму минуте на десятой, выбыл на месяц. Что сказалось: за это время мы не одержали ни одной победы. Потому что «Амкар» с Жорой и без него, как сказал бы одессит Илюха Цымбаларь, – две большие разницы.

Когда мы в начале года в первых пяти матчах всего два очка набрали, на стадионе устроили встречу с болельщиками. Пеев был одним из нескольких игроков наряду с Белоруковым и Черенчиковым, кто туда вместе с тренерами пошел.

Мы – на последнем месте. Холод, снег, уральская ранняя весна, человек пятьсот, жесткие вопросы. И в один из моментов Жора встал и сказал в микрофон: «Мы останемся в Премьер-лиге и даже не будем играть в стыках». Эти слова оказались пророческими.

Когда он вернулся, мы начали выигрывать. С «Локомотивом» вели до последней минуты, и лишь в добавленное время Саня Самедов забил нам с фолом на вратаре Герусе. Тут же прозвучал финальный свисток, так Жора высказал судье все, что думает по этому поводу. И схлопотал трехматчевую дисквалификацию. Да, в идеале надо держать себя в руках, но лично я не готов его осуждать, потому что вижу: человеку не все равно. Если бы ему было безразлично, он бы так себя не вел. Я сам таким же игроком был…

На его месте тоже рвал бы и метал. Но с тех времен я уже успокоился. Научился разделять футбол и жизнь. С поля вместе с Самедом уходили, так я у него даже футболку попросил, и он мне ее отдал. У нас в столовой на базе Люба работает, у нее сын за «Локомотив» болеет – ему и подарил. Не знал, правда, что именно Самедов мяч в ворота проткнул, но даже если бы и знал, поступил бы так же.

Я и на эпизоды в матче спокойнее стал реагировать. Сижу себе на лавке и сижу, вскакиваю, только когда голы забиваем. Конечно, я не Алень, который даже в эти моменты сидеть остается, как и Ананко, кстати. Аленичев вообще никогда не кричит, голос не поднимает. И игроком таким же был спокойным, никогда не пихал.

Но даже и мое поведение на скамейке считается слишком спокойным. Те же гендиректор Игорь Резвухин и его заместитель Денис Маслов смотрят со стороны и говорят: «Ты вообще не переживаешь?» А я все в себе держу. Вот главным тренером стану – кто знает, как буду себя вести?..

На ребят наших не кричу, наоборот, только поддерживаю. Не пихаю, а говорю, как стоит улучшить игру. На позитиве. И никто из футболистов мне за все время грубого слова не сказал, хотя в общении с помощниками игроки порой могут позволить себе лишнее. Может, знают о каких-то событиях моей карьеры. Но на этом не выедешь – судить о тебе будут по тому, как ты ведешь себя здесь и сейчас.

А в матче с «Локомотивом» злость не на Самедова была, а на судью Низовцева. Потому что в первом тайме он точно в таком же моменте у ворот «Локомотива», когда Прудников боролся с Гильерме у вратарской, назначил штрафной в пользу нашего соперника. Трактовка правил в обе стороны должна быть одинаковой!

Но тренеры не имеют права думать только о судьях. Мы пропустили в конце первого тайма от «Рубина», на первой добавленной минуте от Тулы, тогда же – с «Локомотивом». Не увидеть в этом закономерности было нельзя, ведь это самые опасные минуты!

По этому поводу мы каждому из игроков дали слово, попросили объяснить, что случилось. Восемнадцать из двадцати сказали: «Концентрация». Гаджиев на это ответил: «Не может быть для профессионального футболиста такого: «Я не сконцентрирован!» Ты всегда должен держать себя в тонусе и в ритме! Это твоя обязанность!»

Да, мы сделали ставку на опыт. Но все это не значит, что молодых совсем зачехлили – на победный матч с ЦСКА в основе вышел Курзенев, хорошо проявил себя Батов. После «Зенита-2» и «Черноморца» играл парень на КФК, а полгода вообще нигде. Начали подпускать, он не стушевался, свой шанс использовал – и его «Рубин», клуб с совершенно другими возможностями, заметил и взял. Батов – работоспособный, быстро все впитывает и не раздолбай. Есть качества, которые могут позволить ему далеко пойти.

Просто мы решили, что все должно происходить естественным путем. Играть должны те, кто этого заслуживает – только и всего.

* * *

Закручивал ли наш штаб гайки? Да не сказал бы. При Гаджиеве такого не может быть, он сторонник других методов. Строем никого не водили, даже если написано, что обед – в час, ребята могли в полвторого прийти – ничего страшного. Это не главное. Ни одного штрафа за все эти месяцы в команде не было. На тренировку никто не опаздывал, несвежим с утра не приходил. Все понимали, что накажут этим только себя.

Поначалу Каряка выдвинул инициативу, чтобы в день игры компьютерные приставки у игроков забирать. Но я сказал: «Не пойду». И не ходил. Андрей сам этим занимался.

Хотя доля истины в его идее была. Тренировку отработали, не успеваешь в раздевалку зайти – все в Интернете. И до занятия – то же самое. Wi-Fi нет – что случилось, куда нас привезли? Как-то решил поиграть у них на нервах. Смотрю, десять минут до тренировки – все в гаджетах погрязли. Говорю громко: «Так, где здесь роутер, как Wi-Fi отключить?» Смотрю, косяка в мою сторону дают, глаза испуганные. Я шучу, а они все всерьез восприняли. Да, другое сейчас время…

Сборы провели нормально, физически команду подготовили прилично, коллектив складывался – и, если честно, не ожидали, что начнем плохо. И с «Мордовией» в контрольных матчах прилично смотрелись, и с чемпионом Польши «Лехом». Но, может, травма Пеева сказалась или что другое – начали скверно.

Гаджиев – не из тех, кто нагнетает обстановку. Он вообще спокойный, и в бытовом плане в рамки игроков не вгоняет – например, если даже в одиннадцать вечера отбой, спокойно относится к тому, что в холле ребята до половины двенадцатого футбол смотрят, но на шею ему не сядешь. Если забыл, какие требования игра предъявляет, – быстро напомнит. Без крика, но так, что голова сразу на место встает.

Ничего сверхъестественного Гаджиев от игроков не требует, выше головы прыгать не заставляет. Прежде всего всей команде – не только защитникам – поставили задачу надежно играть в обороне, не делать глупых ошибок.

В первой половине сезона-2014/15 «Амкар» в среднем пропускал почти по три мяча за игру. Гаджиев рассуждал: «Если мы пропускаем два с половиной, значит, для победы должны

забивать три. А мы столько не можем. Поэтому надо меньше пропускать. Никакой авантюры, никаких обрезов!»

Поэтому в итоге мы, играя надежно, наладили оборону и за все матчи лишь два раза пропустили больше одного мяча. И одного-двух забитых голов нам часто хватало для побед. Причем даже над лидерами.

И это тоже не удивило, поскольку Гаджиев повторял: «Вы можете играть хорошо, и мы способны обыгрывать любую команду». Словосочетание «любую команду» шло от него с первых же собраний и тренировок. Панического настроения не было ни дня. Ни с чьей стороны.

Главный тренер разговаривал с каждым – с кем-то индивидуально, с кем-то в нашем с Карякой присутствии. Разговоры были ненавязчивые, никто ни в какие кабинеты игроков не приглашал. Иногда за стол во время обеда присядет, иногда после тренировки у поля. Все как бы спонтанно, естественно.

Спрашивал: «Мы выйдем из этой ситуации?» И каждый говорил, что выйдем, сомнений не заметили ни у кого. Игроки были объединены одной целью – и это единение не нарушилось даже из-за плохих результатов вначале.

Хотя в пяти матчах с соперниками, равными нам по силам, набрать всего два очка – это, конечно, было психологически тяжело. Начали-то с двух ничьих – 0:0 с «Торпедо» и 1:1 с «Уфой». Но дальше – 0:1 от «Урала», 0:3 дома с «Рубином», 0:1 – в гостях с «Мордовией». Последнее место, три очка отделяли нас от пятнадцатого места, пять – от спасительных стыков.

При этом по игре никому не уступали. Но ничего забить не могли. Вот как объяснить, что Баланович в игре с «Мордовией» не попал с метра в пустые ворота? А ведь игрок хороший. Не просто так, наверное, Аленичев его к себе в «Арсенал» хотел.

Никакого поиска крайних мы не устраивали. У нас к тому времени больше чем у половины состава заканчивались контракты, и в таких ситуациях во многих клубах людей начинают сажать на скамейку, поддушивать. Но мы на это вообще не смотрели. Не случайно среди лучших в концовке сезона оказался один из свободных агентов, Коломейцев, – спокойный, тихий парень, который все доказывал своей игрой. То, что летом он перешел в «Локомотив», – его собственная заслуга.

И когда все было плохо, и он, и остальные игроки, все как один говорили: «Мы верим!» Потому что никто нас не переигрывал – даже «Рубин». Мы при 0:0 несколько раз забить могли, пропустили лишь в добавленное к первому тайму время, а второй и третий мячи получили уже в контратаках в конце, когда

тылы оголили.

После той игры сидели за столом, обсуждали происходящее, с нами был генеральный директор «Амкара» Игорь Резвухин. И Гаджиев вдруг сказал: «Давайте я уйду, встряхну команду. Надо что-то поменять». Он никогда не держался за свое место, и контракт-то изначально всего на полгода подписал. Но руководство сказало: «Ни в коем случае».

Я-то понимал, что этого не случится. Мы игру анализировали, видели, что должно прорвать. Как бы я себя повел, если бы мне предложили стать и. о.? Не знаю, потому что это сослагательное наклонение. Чего об этом задумываться, если не предлагали? А Резвухин в ту же секунду сказал: «Нет».

После проигрыша «Мордовии» у нас и состоялась та часовая встреча с болельщиками на холоде, где Гаджиева спросили: «Когда вы уйдете из команды?» Гаджи Муслимович не вскипел и спокойно ответил: «Я вообще-то руководству говорил, что готов подать в отставку. Но они ее не приняли».

Меня тогда же спросили: «Почему у нас команда без характера?» Пообещал, что команда будет биться до конца и характер этот покажет. Так и получилось. А болельщики, которые из-за плохих результатов ходить на «Звезду» перестали, вернулись на стадион.

Люди-то пермские в футболе хорошо разбираются и видят, когда команда есть, а когда ее нет. На «Зенит» в предпоследнем туре пришло уже двенадцать тысяч. Реальных двенадцать, а не те «девять», которые на домашние матчи «Локомотива» ходят. На бумаге…

Но в конце первой декады апреля, когда мы проиграли «Мордовии» и опустились на последнее место, о двенадцати тысячах не приходилось и мечтать. Нас уже почти все – кроме нас самих – «похоронили». Ведь впереди были матчи со всеми лидерами, и первый из них – с действующим чемпионом, ЦСКА.

* * *

Гаджи Гаджиев:

– Приглашение возглавить «Амкар» и мое решение пойти туда получились каким-то резкими. Перед Новым годом я собирался уезжать отдохнуть с семьей. И тут последовал звонок. Слетал в Пермь, послушал. Руководители хотели, чтобы я подписал контракт на полтора-два года. Я отказался: «Давайте полгода поработаем, а потом видно будет».

Исходя из этого, начал прикидывать, кого мне взять в помощники – кто мог бы согласиться пойти на такой короткий срок. Первым в голову пришел Каряка, который играл у меня и в Самаре, и в Раменском, и в Нижнем Новгороде. Он только закончил карьеру игрока, и в тренерской профессии начинал с нуля.

А потом, уже уехав с семьей в Турцию, постоянно прокручивал в голове: кого взять? Перебирал всех игроков, с которыми работал. И даже не могу объяснить, почему из десятков, если не сотен, у меня перед глазами всплыло лицо Вадима Евсеева. Примерно то же самое было и в «Сатурне» с Андреем Гордеевым. Анализировал, кого можно туда пригласить, и точно так же возникло лицо Гордеева. Почему-то понял, что у него получится, он может стать неплохим тренером. И в данном случае тоже мне показалось, что Евсеев – как раз тот человек, который нужен Перми. И, к счастью, я не ошибся.

Никаких справок не наводил. Ни в Иванове, где он работал в «Текстильщике» помощником у Дмитрия Парфенова, ни в ВШТ, где Вадик учился у Андрея Лексакова и других преподавателей. Почему-то не посчитал нужным. Хотя это неплохо было бы узнать, нормальный вариант. Но теоретическая база волновала меня во вторую очередь. Если бы у меня самого имелись проблемы с образованием, то, наверное, выяснил. Но я знал все, что Евсееву рассказывают в Высшей школе тренеров. Учитывая, что сам много лет занимался научными проблемами подготовки футболистов.

Мне казалось, что я его неплохо понимаю, чувствую, что это за человек. Хотя Каряку знал чуть поближе, работал с ним гораздо дольше. Они с Вадиком знакомы хорошо, играли вместе и в «Сатурне», и в сборной. Его и попросил обратиться к Евсееву и спросить, не хочет ли он поработать вместе со мной. Для меня очень важной была его первая реакция на слова Каряки. Потому и не стал сам звонить, а попросил Андрея. Ответ последовал хороший: «С большим удовольствием пойду работать с Гаджи Муслимовичем».

Сомневаться перестал сразу после того, как принял решение. Хотя первые дни – это всегда ознакомление, притирка. В каких-то моментах возникало недопонимание, и это нормально. Речь о специальных тренерских вопросах, а не личностных – последних совсем не возникало. А возникали – с какими-то упражнениями,

которые для чего-то нужно делать. Но прошло немного времени – и окончательно понял, что решение было правильным. К ним обоим – и к Евсееву, и к Каряке – отношение и в клубе, и со стороны болельщиков очень хорошее и уважительное.

Евсеев-игрок и Евсеев-тренер – это во многом два разных человека. Потому что это две разные профессии, и он это понял. У футболиста есть, конечно, очень много обязанностей, связанных с подготовкой, самой игрой, отношениями внутри команды. Но игрок отвечает только за себя. Может сказать: «Меня этот вопрос не волнует, главное – чтобы я выходил на поле и играл». Тренер такого сказать не может. Он отвечает за всех и обязан смотреть на вещи шире.

До Перми Евсеев уже поработал в Иванове. Пусть это второй дивизион, но все равно – работа тренера. Поэтому на первых порах отличие между ним и Карякой было видно. Тот пришел прямо с футбольного поля. Евсеев уже мог проводить тренировки в кроссовках, а Андрею хотелось обязательно быть в бутсах. Образно говоря, Каряка только повесил их на гвоздь, а у Вадима они уже успели запылиться.

Конечно, с личностной точки зрения они не изменились, стержень и у Вадима, и у Андрея остался. Но профессия все равно накладывает отпечаток. Вадик, мне кажется, стал более серьезным, сдержанным, спокойным. Даже нет, не спокойным – внутри, может, у него все и бушует, – но уж точно намного более выдержанным.

Мне он нравился и как игрок, и как личность с харизмой. Послать всех их вместе куда-то там подальше не каждый осмелится. Конечно, мы можем по-разному к этому относиться. Кто-то утверждает, что это недостаток интеллигентности. Категорически не согласен.

Вадим – интеллигентный человек и тренер! Лишнего себе никогда не позволяет – как в отношениях с резервом, так и с основным составом. Ни разу не слышал, что он общался с футболистами в нецензурных или просто грубых выражениях. С коллективом он очень корректен и пользуется среди игроков уважением. Хотя и пожестче Каряки, который, только закончив карьеру, близок к игрокам. Но и Андрей уже по сравнению с первыми тренерскими месяцами изменился.

Мы знаем Николая Карполя, который мог, мягко

говоря, по-русски разговаривать со своими девчонками-волейболистками – и выиграл не одну Олимпиаду. Слова же Вадика после матча с Уэльсом многие осудили, но многие и поддержали. По мне, в них проявилась его несгибаемая решительность. Как в песне: «А значит, нам нужна одна победа. Одна на всех, мы за ценой не постоим!» Это как раз про Евсеева.

Я сказал об этом и игрокам «Амкара». Когда говорил о многих моментах, связанных с волевыми качествами, проявлением психологической устойчивости, сослался на тот пример Вадима. Мы знакомились с командой, общались – и я посчитал это необходимым.

Как-то зимой, на первом сборе «Амкара», шло общее собрание, и я решил вспомнить тот эпизод. Евсеев там тоже был. Если кто-то из игроков и не знал об истории в Кардиффе, то после моего рассказа узнали все. Нет, не раскладывал по полочкам, как там все было, не цитировал дословно. Потом, конечно, они все посмотрели и прочитали.

Это, конечно, сразу вызвало к нему в команде уважение: у известной личности вначале оно всегда есть. Другое дело, что в иных случаях такое уважение со временем теряется. Даже когда у тебя есть имя, ты должен его регулярно поддерживать. А то в одном случае допустил оплошность, в другом кого-то обманул, в третьем еще что-то сделал не так – и от твоего имени в глазах ребят ничего не осталось. В случае же с Евсеевым все получилось наоборот. Он каждый день закрепляет то уважение, которое возникло с первого дня.

Ту его ситуацию в Уэльсе можно рассматривать как угодно, я же расценил ее как проявление характера, неуступчивости. И такой характер требовался нашей команде позарез. В конечном счете мы этого и добились. Не думаю, что многие клубы, оказавшиеся в ситуации весеннего «Амкара», выдюжили бы. Но это большое дело было сделано потому, что футболисты вместе с Евсеевым, Карякой, главным тренером, руководством клуба оказались психологически устойчивыми людьми.

Я и приглашал Евсеев для того, чтобы сформировать этот дух, но не только. А еще и из-за его личностных качеств – на мой взгляд, высоких. Он – мужик. Нормальный сильный мужик, который понимает, что такое хорошо и что такое плохо, четко знает, что можно и нельзя. Недавно надо было унести с поля сетку с

мячами. Ее понес опытный Ваня Черенчиков, а молодежь, которая эти обязанности должна выполнять по умолчанию, шла рядом. Вадим это увидел и спокойно, но очень четко сказал: «Если еще один раз это повторится, вы будете дежурными до тех пор, пока мы здесь работаем». Поняли мигом!

Евсеев был и остается настоящим профессионалом, влюбленным в футбол и готовым работать с утра и до полной темноты. Это очень важные качества, которые всегда являлись для меня главными критериями. Когда я приглашал в «Сатурн» Гордеева, знал, что он будет пахать с утра до ночи. То же самое – Андрей Гусин, Омари Тетрадзе и вот Вадик. Все эти ребята бесконечно преданы футболу, у всех устойчивая психика.

Евсеев в этом смысле тоже выделялся – и как футболист, и сейчас как тренер. Из двух моих помощников на футбольном поле поагрессивнее и поразговорчивее был Вадим, а теперь, после перехода в тренеры, побольше говорит Андрей. Он к тому же обладает хорошим чувством юмора, и это тоже помогает. Когда группа молодых мужчин долго находится вместе, нужен человек, который может разрядить обстановку. Это качество в ряде ситуаций становится бесценным.

Как и другое – которым обладает Евсеев. Я и сказал ему, когда приглашал: «Мне не нужны те, кто поддакивает, мне нужны люди со своим мнением». Каждый, конечно, высказывает его в силу своего характера. Наиболее резко и категорично говорил ныне покойный Андрей Гусин (бывший игрок киевского «Динамо» в сентябре 2014 года в возрасте 41 года разбился на мотоцикле. – *И. Р.*). *Но высказываться не боялись ни Гордеев, ни Тетрадзе, ни Арсен Акаев, ни мои нынешние помощники в «Амкаре». В то же время Вадик стал очень уравновешенным.*

* * *

Перед матчем с ЦСКА по инициативе министра спорта Пермского края Павла Ляха пригласили в команду батюшку. За день-два до игры он освятил раздевалку, мы помолились. Перед тем с каждым игроком переговорили, никто не возражал. Потом этот батюшка на «Спартак» в Москву ездил, а перед домашним

матчем с «Зенитом» ребята сходили к нему в храм. Он оказался человеком, спорту не чуждым – кандидат в мастера спорта по баскетболу.

Еще на ту игру с ЦСКА и моя жена Таня прилетела. Вообще-то мне трудно было – всю карьеру, кроме отрезка в Белоруссии, я провел в Москве и области, из дома никогда надолго не уезжал. А тут – первый раз в отрыве от семьи. После недельного цикла всем давали выходной, но на один день летать из Перми туда-обратно я смысла не видел – тем более если учесть мою «любовь» к самолетам.

Хорошо, футболисты меня не видят во время взлетов и посадок – я же сижу с руководством. Помню, колбасило, когда в Москву рейс сначала на час задержали, а потом, когда пошли на посадку, затрясло и молния вдали сверкнула. Самолет тут же резко повернул и зашел на посадку другим путем. Все подлокотники порвал. Это шутка, конечно, но приятного было мало.

Так вот, я выбирался в Москву, только когда было два выходных и больше. А вот жена ко мне в Пермь раза три приезжала. И первый – на ЦСКА. Увидели ее на игре – и после этого генеральный, Резвухин, Гаджиеву сказал: «Надо, чтобы она каждый раз прилетала!»

И Таня после этого прилетала еще на «Терек» и «Динамо» – три победы в трех матчах! Говорит им: «Оплачивайте билеты – буду хоть на каждую игру летать». Не оплачивают. И мне в Москву – тоже нет. Но это шутка, конечно – стоит-то билет максимум 7 тысяч.

Но, конечно, не в батюшке и не в моей жене главная причина той победы над армейцами заключалась. Во-первых, мы хорошо разобрали соперника. Когда у нас в первом тайме Коломейцев из глубины один на один с Акинфеевым выскочил после того, как Герус далеко выбил, – это было наиграно.

ЦСКА охотно использует искусственный офсайд, Игнашевич всем этим командует. Они еще до удара от ворот чужого вратаря резко выходят на два метра – а потом уже, если положения «вне игры» нет, бегут обратно. Мы это предусмотрели, и Коломейцев был заряжен на то, чтобы из глубины, со своей половины поля, сразу рывок сделать. Правда, не забил – Акинфеев хорошо сыграл.

Во-вторых, не дали развернуться Еременко – лучшему игроку прошлого чемпионата наряду с Халком и еще недавно Вальбуэна. В-третьих, приготовили ЦСКА сюрприз в виде бывшего спартаковца Киреева, который играл очень мало, и продумать противоядие от него армейцы никак не могли. Когда наш тренерский штаб только пришел, к Кирееву было очень много

претензий. Мы не понимали, за счет чего он играет. Бывало, в двусторонках он даже не попадал в число двадцати основных полевых игроков.

А потом своим трудом, работой на тренировках все доказал. Поступательно шел вперед – и получил право сыграть против ЦСКА. В решающем моменте пошел до конца, выскреб мяч из-под Набабкина и проткнул его тихонечко мимо Акинфеева в ворота. И еще мог забить. Может, Киреев был зол на себя или на нас, что мало играл, но сделал именно то, что нужно. Так и закончили – 1:0.

С этой победы Гаджиев новую традицию завел. У нас при клубе есть девчонки-чирлидерши, группа поддержки. Танцуют, публику заводят. В подтрибунном помещении стоят, коридор устраивают, а игроки через него проходят. Так вот, когда обыграли ЦСКА, он этих девчонок в раздевалку запустил! Давайте, говорит, заходите. Ребята еще раздеться не успели, так что ничего страшного. И еще пару минут песен и плясок – в награду за победу. Так после каждого выигрыша теперь и происходит.

Та победа над чемпионом двух предыдущих лет стала переломной, команда поверила в себя. Но испытания еще не завершились, поскольку в следующем туре мы уступили прямому конкуренту – «Арсеналу». Причем весь матч гоняли их, с огромным преимуществом играли. Но ничего в ворота не заходило – хоть убей! После игры в интервью Аленичев признал, что тулякам повезло. Они забили единственный гол на последней минуте.

От такого могли руки опуститься. После Тулы было даже хуже, чем после Саранска. Столько моментов упустить! Могли «Арсенал» догнать, а в итоге не то что в прежнем положении остались, так они еще и вперед ушли. Но главный тренер в раздевалке сразу после игры успокаивал команду: «Если будем так играть и дальше, то все будет нормально».

И он был прав. Когда сезон закончился, Гаджиев сказал футболистам: «Вы были одной командой, единым целым. Я не видел ни одного игрока, пусть даже сидевшего на лавке, кому было безразлично, как закончится игра». А такое ведь часто случается, иные рассуждают: я на скамейке, так пусть футболист на моей позиции плохо сыграет, и меня выпустят в стартовом составе. Здесь об этом не было и речи – чувствовалось, что все заряжены общей целью. Потому мы и остались в Премьер-лиге.

Мне ситуация борьбы за выживание была не знакома: никогда в карьере игрока в ней не оказывался. Кроме «Сатурна», везде боролся только за высшие места. В конце таблицы, оказалось, еще

сложнее. Над всеми довлеет то, что в следующем сезоне ты можешь играть уже в низшей лиге. А там и состав будет другой, и бюджет у клуба, и вообще все непонятно.

Но ребята себя как мужики вели. В том числе и те, кто почти не играл. Например, Леха Никитин, бывший капитан молодежной сборной России, первый матч провел, а потом не выходил даже на замену. Однако к нему вообще никаких претензий не было – неуступчивый, выкладывался на тренировках по полной. Работяга! Не ставят – что поделаешь, надо продолжать биться. И он бился. Перешел сейчас в «Уфу» – и думаю, что с таким отношением к делу все у него будет хорошо.

* * *

Во второй половине весны раззабивался Саша Прудников, на котором многие давно крест поставили. Говорун, балагур – вообще у человека рот не закрывается! С главным тренером-то он, может быть, и по-другому разговаривал бы, но я-то помощник. Говорю ему слово – он мне два. На все находится своя причина и отмазка. Я ему: «Делай ложное движение, а потом беги на ближнюю штангу!» – «Да мне пас не дают, с фланга не могут нормально подать!» И так все время.

В итоге в последнем туре со «Спартаком» Пеев ему отдал, он сделал ложное движение, потом пошел на ближнюю – и вколотил мяч в «девятку». Хороший гол. Именно такой, о которых все время ему говорил, а Саша отговорки находил.

Когда-то Семин меня заводил, а теперь я – Прудникова. С ним только так и надо – за живое его задеть.

Как-то он рассуждал при всех: «Как Булыка забил сто мячей? Где он их забил?» Хотя, как к Булыке ни относись, он и в финале Кубка России забивал, и в еврокубках – причем какие голы!

Я это запомнил. А через два дня прочитал в «Спорт-Экспрессе» статью про невеселые судьбы лучших бомбардиров чемпионата России среди дублеров разных лет. Там было написано: Прудников – двенадцать голов в Премьер-лиге. Всего.

Не воспользоваться таким случаем было невозможно. Прихожу и говорю при всех: «Сань, ты сказки не рассказывай. Футболистам – пройдет, мне – нет. – И достаю газету: – Тут пишут, что у тебя за всю карьеру – двенадцать голов. А нам рассказываешь – где это, мол, Булыкин сто забил?»

Надо было его видеть в эту секунду. Прудников аж подскочил: «Валентиныч, да у меня голы в Лиге Европы!» И так далее. Народ ржет. Тут главное – не переборщить.

Мы в раздевалке перед тренировками рядом сидим, переодеваемся – и он говорит без умолку на любую тему. Вышли на тренировку – он бьет по воротам, заканчиваем – опять бьет и бьет. Начинаю его травить: «Слушай, как ты в «Спартаке» играл? Где стеночки, где забегания? Ты же только бьешь!» На это откликнулся Саня Павленко, который у нас на просмотре находился: «Он считался самым большим уникумом в спартаковской школе!»

Вот так и нашли к нему подход. За весенний отрезок, при нас, Прудников стал лучшим бомбардиром команды – четыре мяча. А мог еще больше забить, если бы моменты получше использовал. Гаджиев знал его по «Анжи», Саша приехал к нам на первый сбор – и его сразу взяли. Гендиректор в Турции, помню, меня спрашивал: «Он нам поможет?» – «Поможет». И правда – помог. Правда, в первом же туре нового чемпионата с «Краснодаром» две желтые за первые пятнадцать минут ухитрился получить, команду подвел, и мы проиграли – так что успокаиваться с этим товарищем никогда не стоит…

А «Спартаку» он засадил в последнем туре прошлого чемпионата просто красавец. Это еще один показатель того, что людей против своих бывших команд обязательно нужно ставить. Как тот же Гаджиев поставил меня против «Локомотива» в первом моем матче за «Сатурн».

А какую игру Игорь Пикущак провел против «Краснодара», где раньше играл! В основе он выходил мало, но после одного матча подходит ко мне: «Валентиныч, можно, я сыграю с «Краснодаром», все-таки бывшая команда?» – «Хорошо, я скажу главному». Говорю Гаджиеву за обедом, а он спокойно так: «Хорошо, поставлю». И Пикущак очень хорошо сыграл, хоть и не забил.

Гаджиев нас не зажимает, а наоборот, поощряет проявление инициативы. Правда, не всегда это заканчивается чем-то хорошим. Вот, например, в последнем туре со «Спартаком» я посоветовал выпустить вместо Пеева крайним хавом Сиракова. После этого мы пропустили два мяча. Правда, Гаджиев нашел выход – переставил болгарина в опорную зону, и все наладилось. Мы знали, что Сираков заканчивает, и хотелось выпустить его в последнем матче…

А вот с Коломейцевым моя идея сработала. Когда мы играли первые пять матчей, схема была 3–4 – 3. Коломейцев был на позиции крайнего нападающего, я считал, что это не его место и он должен в центре играть. Потом перестроились на 4–4 – 2, и он стал вторым нападающим, чуть из глубины. После этого и он начал забивать, и вся наша игра изменилась.

Гаджиеву хотелось посмотреть, как мы с Карякой работаем сами. Отношения у нас сложились нормальные – все-таки играли вместе, знаем друг друга. Было только одно недоразумение, чисто рабочее, но мы его быстро разрешили, и никаких проблем больше не возникало.

Тем более что Каря – большой шутник и весельчак, говорит примерно столько же, сколько Прудников. А шутить, как и в любой команде, есть над чем. Один футболист, например, сходил вместо другого на экзамен по русскому языку на рабочую визу. Фамилии называть не буду, а то еще ребятам проблемы создам. Сдал хорошо, то, что это был другой человек, никто не заметил. С тех пор в команде их называют фамилиями друг друга…

Обычно Гаджиев подходит не к самому началу тренировки, а минут на десять позже. Разминку начинаем или мы, или тренер по физподготовке – как договоримся. Порой мы с Карякой делаем упражнения на технику, те же квадраты. А потом уже подходит главный и начинаются тактические вещи.

На сборах заранее обговаривали: мы проводим подготовительные упражнения, а он подходит потом. Видимо, хочет посмотреть, как мы сами работаем. И в Раменском то же самое было – только не с нами. При этом основную часть тренировки Гаджиев проводит сам. Нет такого, как у Алекса Фергюсона в «МЮ» или Гуса Хиддинка в «Анжи», когда главный тренер стоит и наблюдает, а в поле работают ассистенты.

Летом, когда Гаджиев сделал меня тренером у просмотровой команды, произошел интересный случай. Неделю тренировались, и у нас были два иностранца – бельгиец и бразилец. Однажды Инал Гетигежев, пообщавшись с ними, поворачивается ко мне: «Валентиныч, они думали, что вы – главный тренер!»

Вечером эту историю Гаджиеву рассказываю, он смеется: «Правильно, мне не нужны помощники, которые только фишки расставляют, мне нужны помощники, которых за главных тренеров принимают!» Кому-то другому вроде бывшего шефа Гаджиева в олимпийской сборной СССР (Бышовцу. – *И. Р.)* такое ни в коем случае рассказывать нельзя было – он тут же рассудил бы: есть опасность, что ты его подсидишь. Но с Гаджи Муслимовичем не так – ему это, наоборот, понравилось.

Как-то специально я с руководством клуба отношения не выстраивал – как идет, так и идет. Все нормально, все – футбольные люди. С Резвухиным, генеральным, в футбол играем. С ветеранами пермскими, по понедельникам и четвергам. Они меня даже заявили за ветеранов «Амкара» на первенство области и города.

Один раз три с половиной часа ехали на машине поиграть в

город Соликамск Пермского края. Говорят: «Тут в 20 километрах – «Белый лебедь». Хочешь съездить?» – «Это что такое?» – «Колония особого режима. Там сидят те, кто пожизненное заключение получил. А раньше, когда была смертная казнь, туда смертников свозили. Там и расстреливали». Нет, думаю, как-нибудь обойдусь без такого путешествия.

Но я там и без камеры смертников чуть не сломался. Против молодых играли, 0:2 горели, 5:2 выиграли, но меня толкнули, и колено сильно заболело. Думал, мениск или вообще опять «кресты». Но сделали МРТ – слава богу, все нормально. Полтора месяца не играл.

Георгий Ярцев:

– Ездил в Иваново, внимательно смотрел на их с Димой Парфеновым работу. Порадовало и то, что Гаджи Гаджиев к себе Вадика пригласил, для молодого тренера это большая школа. Учитывая, что Евсеев умеет думать и прогнозировать, это сотрудничество с Гаджи Муслимовичем должно принести ему, во-первых, много практических тренерских знаний. А во-вторых, умение принимать решения. Этому нужно учиться, ведь это чуть ли не самое важное качество для главного тренера.

Одно дело – быть вторым и хорошо помогать, но совсем другое – самому решать. В этом плане у Вадика есть возможность наблюдать за Гаджиевым, гроссмейстером. Ведь тренер на тренировке и на лавке во время игры – это совершенно разные люди. Умение на ходу анализировать, просчитывать дальнейшие ходы противника и пресекать их своими – это особое искусство. Желаю Евсееву им овладеть и проделать такой же тренерский путь, каким был у него игровой.

* * *

Получалось, что нам легче соперничать с более сильными командами. С теми, кто равен нам, старались играть активно, владели инициативой, приходилось вскрывать чужую оборону. А это оказалось тяжело – не хватало креатива впереди, сказывалось отсутствие Пеева из-за травмы. С лидерами же мы отходили назад, соперники раскрывались. И оказывалось, что «Амкару» намного легче атаковать с ходу.

Окончательно ситуация переломилась после домашней победы 2:0 над «Динамо» в матче, который, к нашему счастью,

был перенесен с прошлой осени, когда его отменили из-за снегопада. Думаю, на тот момент многие могли обыграть и обыгрывали динамовцев – такой бардак у них в обороне творился в каждом матче. Игроки хорошие, но столько свободных зон сзади! Мы на это обратили внимание при подготовке. Но то, что Габулов ошибся при приеме мяча, конечно, ни к какой подготовке отношения не имеет. Так что фактор удачи, который никогда заранее не предскажешь, в футболе большую роль играет.

Не считаю, что соперники вправе сетовать на наш искусственный газон. В Перми хорошая синтетика, мне очень нравится. Под ногами не резиновая, а травяная крошка. Не могу понять, как стадион «Звезда» мог изначально сертификат не получить. Например, «Уфа» провела три матча у себя прошлым летом, так там вообще ужасное искусственное поле. В манеже у «Урала» – тоже. А в «Мордовии»? Просто кошмар. Как в первом поколении лужниковской синтетики. Поле в Перми не сравнить ни с одним из них.

Ни от ЦСКА, ни от «Динамо», ни от «Зенита» мы не пропустили ни одного мяча – и обыграли их! Большую роль в этом сыграл вратарь Роман Герус. Когда мы пришли в команду, я тоже спрашивал: «А почему Сергей Нарубин ушел в «Тосно»? И у Муслина, когда мы с ним в Туле встречались, тоже интересовался: «Почему Нарубин не играет? Он же в «Амкаре» много лет был основным вратарем».

Муслин ответил: «Нарубин только играет, а Герус еще и говорит». Та же ситуация, как с Нигматуллиным и Овчинниковым в «Локомотиве»! Герус, может, и без особой школы, но уже опытный человек и работяга. Роман никогда не молчит, всю дорогу подсказывает – и для защитников это хорошо. Посмотрел на тренировках, в играх, как руководит командой, – и понял, почему он Нарубина вытеснил. С «Рубином» один раз ошибся, а в последующих матчах все доказал. Его заслуга в том, что мы не попали в стыковые матчи, очень велика.

И «Локомотив» должны были обыгрывать, но пропустили в самом конце. А самая легкая игра случилась в гостях с «Краснодаром». Да, на первых минутах пропустили, – но затем не было никакого мандража. Забили ответный и еще могли, хотя и Герус пенальти вытащил. А наш Брайан Идову вроде забивает уже, все вскакивают поздравлять, но тут Петров из пустых выбивает. Так 1:1 и закончили.

С «Зенитом» вообще особенная история получилась. Выигрываем – обеспечиваем себе двенадцатое место, то есть остаемся в Премьер-лиге без стыков. А живет команда в условиях, прямо скажем, так себе. База прямо на стадионе, на третьем

этаже, небольшие номера по два-три человека. Места мало. Сейчас работаем над тем, чтобы стало комфортнее.

Сам я вначале две недели жил на базе, а потом снял однокомнатную квартиру, которую мне частично клуб оплачивает – определенную сумму выделяет, а все, что сверху, покрываю я сам. Нашел рядом со стадионом, пешочком можно дойти. Меня полностью устраивает.

Так вот, Мартин Якубко за пару дней до «Зенита» подходит, жалуется: «Спать неудобно, по три человека в номере, не высыпаемся». Гаджиев вдруг говорит: «Хотите – дома ночуйте». Ну, сказал и сказал.

А за сутки до игры футболисты ко мне подходят: «Правда, можно дома ночевать? В ночь перед игрой? Главный же сказал». Отвечаю: «Раз сказал – значит, можно». Знаю, что человек шесть ночевали дома. Я Гаджиеву об этом до игры не говорил, рассказал, причем без фамилий, уже после окончания сезона. Он только пожал плечами: «Какие проблемы? Если им это помогает – пусть дома ночуют».

«Зенит» в предыдущем туре «золото» себе обеспечил, но привез основной состав и хотел выиграть. Моменты у них были – Рондон под углом выходил один на один, Шатов бил. И Халк собирался стать лучшим бомбардиром чемпионата. Что в итоге и произошло, но без нашего участия: мы забить ему не дали.

А сами забили сумасшедший гол. Со стандарта, который мы не наигрывали. За день до игры на тренировке Гаджиев отправил меня на стандартные положения, и их разыгрывали Прудников, Коломейцев и Гол. Совершенно по-другому.

И когда Пеев покатил мяч почти вдоль штрафной, чуть назад, а Коломейцев с такого расстояния еще и попал в девятку, я вообще был в шоке. А оказалось, в чем дело – они несколько лет назад такой же гол забили тому же «Зениту» в Питере. Но знали об этом только они – Пеев да Коломейцев. И никому ни слова не сказали. Когда подошли к мячу – заранее сговорились.

В общем, из шести последних матчей не проиграли ни одного – по три раза победили и сыграли вничью. И заняли одиннадцатое место, которого еще в середине апреля нам ни один эксперт никогда в жизни не дал бы. Но команда выжала из себя максимум. Показала, что если верить в себя и быть коллективом, обыгрывать можно и самых сильных. Причем, как в нашем случае, – всех подряд и по делу!

В голове уже с мая сидело, что работу наш штаб продолжит. Хотя ни у Гаджиева еще не было нового контракта, ни у нас. Когда еще задачу даже не решили, уже строили планы – когда сборы, где. Все зависело от того, попадем в стыковые матчи или

нет. Так как остались без лишней нервотрепки, отпуск у ребят довольно хороший получился – сами, получается, себя вознаградили. Белоруков от имени всей команды попросил, чтобы собрались не 17 июня, а позже. Гаджиев согласился – и собрались 19-го.

В июне главному тренеру предложили новый контракт – и не на год, а на два, до 2017-го. И нам с Карякой тоже. Значит, мы вместе что-то сделали, и руководство нами довольно. И Гаджиев – помощниками, ведь бывает и по-другому. Я на деньги не смотрел – согласился сразу. Контракт стал чуть повыше, но ненамного. Повторяю: пошел в Пермь не из-за денег, а из-за бесценного опыта, который тут получаю.

Раз востребован, раз работаю в Премьер-лиге и подписал контракт на два года – значит, доволен тем, как моя тренерская карьера развивается. Правда, этим летом получил предложение стать главным тренером клуба второго дивизиона, которому ставится задача выйти в первый. Но посчитал, что время еще не пришло.

А придет – когда внутренне это почувствую. Пока же нужно еще набраться опыта в роли второго, зато на более высоком уровне – в РФПЛ. Но это не значит, что вторая лига – не мое и работать там не готов. Готов! Только попозже.

И надо продолжать учиться. Наверное, осенью подам документы на категорию Pro, для которой нужно уделить учебе еще год. Получу ее – и буду от этого отталкиваться.

* * *

Гаджи Гаджиев:

– Всю работу мы делаем сообща. Такого подхода – это делаешь ты, а сюда не лезь – у нас нет. Вместе готовим тренировки, вместе их проводим, вместе анализируем свою игру и действия соперника. Более того, если раньше я почти всегда разговаривал с футболистами один на один, то в последние полтора-два года все время стараюсь говорить в присутствии своих помощников. Это и мне полезно, и им – как воздействовать на игрока, как, с одной стороны, с него спросить, а с другой, поддержать.

Часто обращаюсь к ним за советом. И по части подготовки, и по выбору состава на игру, и по наказаниям за чьи-то провинности.

А если есть какая-то группа для самостоятельной работы, ей чаще всего руководит Евсеев. Он и новичков на

летних сборах просматривал. Единственная разница между ним и Карякой по кругу обязанностей состоит вот в чем: когда надо самостоятельно провести занятие, прошу об этом Вадика. Каряка же у нас – фактически играющий тренер, хоть и не заявлен. В двусторонках чаще всего играет за какую-то из команд, и не хуже, чем большинство игроков. Он остается вместе со мной и с основной группой. А Вадику доверяю, понимая, что он уже справится и без меня. Могу подойти и подсказать какое-то дополнение, но не более.

Очень часто вместе просматриваем тренировки, и здесь мнение Вадима очень важно. В том, как кто провел занятие, кто на сегодня находится на каком уровне. Он хорошо видит игру, замечает мелочи: кто в какой ситуации как сыграл. Поверьте, это далеко не каждый запомнит. Допустим, есть игровой эпизод, который длится пару секунд. За это время шесть-восемь игроков делают какие-то перемещения, когда один с мячом. И тут очень важно охватить самые важные части этой игровой ситуации, отметить их и дать правильную оценку. Так вот, Евсеев очень хорошо помнит игровую обстановку, где, кто и в какой ситуации ошибся, а кто принял правильное решение.

Всегда обращаюсь к помощникам и когда возникает необходимость замен. Но не могу сказать, что было такое – я хотел кого-то поменять, Вадик посоветовал другого, и его видение оказалось правильным. Просто мы так спонтанно к этому делу не подходим, замены начинаем обсуждать гораздо раньше, чем делаем их. У меня к помощникам есть требование – по ходу игры уже прикидывать, кто, когда и при каких обстоятельствах должен выйти на поле – через пятнадцать или двадцать минут. Чтобы это не было от фонаря.

У Евсеева с Карякой хорошие отношения. Они разные люди, но с уважением относятся друг к другу. А если возникают разногласия и кто-то кому-то что-то резкое говорит, то мне это только нравится. Пусть лучше поправляют коллегу, чем занимают соглашательскую позицию! Поправил, пусть резко, потом успокоился и извинился. Это жизнь. Это нормально.

Татьяна, жена Евсеева, – счастливый талисман «Амкара». История такая. На первый весенний матч приезжала моя супруга Лена, и мы проиграли. Затем визит нанесла жена Каряки – снова поражение. Тогда и

приняли решение – надо посмотреть, как повлияет на команду приезд жены Вадима. И мы выиграли, причем у кого – у ЦСКА!

После этого женский комитет под командованием Лены сообщил: «Гаджиевым в Перми делать нечего, Карякам – тоже, на следующую игру вновь выписываем Евсееву». Она приехала и шутит: «Оплачивайте командировку!» Отвечаю: «Никаких проблем – выпишем и командировки, и премиальные – только приезжай!». И еще два матча при ней выиграли. Сам Вадим на самолетах не любит летать? Честно говоря, и не знал об этом. Сидит на втором сиденье позади меня и ведет себя спокойно.

Сомнения, оставаться в «Амкаре» или нет, у нас, конечно, имелись. Но они были связаны исключительно с действиями руководства клуба, вместе ли мы. Нам хотелось сохранить состав, а у двенадцати или тринадцати игроков не были подписаны контракты.

Ведь делать совершенно новую команду за месяц – это мы уже проходили. Команда – не пирожок. Тот бросил на сковородку: три минуты с одной стороны, три минуты с другой – и готов. А здесь – люди. Но с клубом быстро нашли общий язык и увидели, что мы в одной лодке. Все силы бросили на сохранение состава и добились этого – не смогли оставить только ушедшего в «Локомотив» Коломейцева, но это было объективно невозможно.

Так как руководство проделало непростую работу для клуба, сильно ограниченного в бюджете, сомнения, оставаться или нет, быстро развеялись. Не было их и насчет того, чтобы остаться работать всем вместе. Клуб проявил заинтересованность в том, чтобы мы остались.

Не готов говорить о каких-то сверхкачествах будущего большого тренера. Но то, что Евсеев может стать главным тренером в хорошей команде, не вызывает у меня сомнений.

Полагаю, на протяжении всей своей тренерской карьеры он будет совершенствоваться. Это не тот человек, который получил какие-то минимальные знания и опыт и на этом остановился. А стремление к совершенствованию очень важно для нашей профессии. Как только тренер начинает считать, что он знает все, ему можно сразу заканчивать. И вижу, что у Вадика, точнее, Вадима Валентиновича, есть одна из главных черт, характеризующих хорошего тренера, – стремление к

новым знаниям.

Мне кажется, сейчас он находится в стадии систематизирования своего тренерского опыта. Знает он уже много, но ему надо уложить это на какие-то полки. Ведь мозг – это тот же компьютер, там есть свои невидимые файлы. И по этим файлам надо разложить все, что он понимал, видел и чувствовал – как раньше, так и сейчас. Евсеев – старательный, будем говорить, ученик. Потому что он учится тренерской профессии и понимает, что ему еще учиться и учиться.

Тренер в обязательном порядке должен быть волевым. Как правило, команда такова, каков ее тренер. Если тренер безвольный, у него не может получиться волевой команды либо она существует очень непродолжительное время. Вадик был волевым футболистом и стал таким же тренером. У него есть характер – и команды его тоже будут с характером.

Другие качества – это тот опыт, который он накопил, играя за нашу сборную и ведущие клубы страны. Конечно, тренерский опыт ценнее, но и игровой тоже важен. А в том, что ему не удалось поиграть за границей, ничего страшного. Это, конечно, неплохо, когда взгляд у человека, как принято говорить, европейский. Тренер становится более респектабельным, что ли. Но на самом деле другие качества куда важнее. Характер, трудолюбие, работоспособность, стремление к новым знаниям. Почему, для чего то или это делается?

Евсеев спрашивает, конечно, спрашивает! Может, задавал бы еще больше вопросов, чем задает, но я сам стараюсь в первую очередь объяснить ему, что и почему происходит, на какие законы и закономерности должны опираться те или иные упражнения, игровые моменты.

Доверял ему и настраивать команду на игру, когда мы проводили товарищеские игры или на поле выходил резервный состав. Получается неплохо. Но, чтобы получилось еще лучше, надо еще больше говорить. Главное, что у него столько всего в голове и в сердце. Сказать, что Вадик прямо сейчас умело проведет установку, мне сложно. Думаю, пока рано. Но то, что он сможет, как выражался хоккейный мэтр Анатолий Тарасов, найти ключевые слова, – это да. Может, не так красочно и ярко выстроит речь. Но, мне кажется, убедит.

Олег Романцев:

– По-моему, Вадик рано закончил и своих лучших игр не сыграл. А что касается его будущего как тренера, пожелаю одного – не засидеться в помощниках. Рискнуть, кого-то взять во второй лиге. Не надо сразу рваться в «Спартак» или киевское «Динамо». Но все время быть помощником тоже нельзя. Ему сейчас тридцать девять, а я уже в тридцать четыре в «Спартак» пришел. А по качествам Евсеев – это человек, который умеет учиться и как губка все впитывать. Он работал и с Семиным, и с Ярцевым, и с Романцевым – тренерами, которые чего-то добились. И, уверен, усвоил наши уроки.

Глава восьмая
Татьяна Евсеева: «Наше первое свидание было в «Макдоналдсе»

Футбол – лишь часть жизни Евсеева, пусть и важнейшая. А кто может лучше жены рассказать о том, каков он за пределами поля? Саундтреком к истории начала их отношений включите «Восьмиклассницу» Виктора Цоя. Он пел словно про них – Вадима и Татьяну.

Наши с Вадиком родители были знакомы задолго до того, как познакомились мы сами. Все очень просто – наши мамы работали в одной школе. А потом моя мама подружилась с его старшей сестрой. Каким образом? Мама шьет, а в то время была напряженка с одеждой, и сестре Вадика на какую-то вечеринку требовался новый наряд.

А она по возрасту – прямо между мамой и мной. На десять лет младше нее и на столько же старше меня. Поэтому я стала для нее как младшая сестра, она брала меня на разные мероприятия. Вадика же за все это время видела всего раза два, потому что его невозможно было увидеть. Он все время на каких-то сборах пропадал. К тому же он ходил к девушке, встречался с ней. На два дома, наверное, дальше, чем наш!

Сейчас мы смеемся: когда я еще ковырялась в песочнице вместе со своим братом, он, проходя мимо, говорил: «Здравствуйте!» – и дальше шел. А в девятом классе я пришла к его сестре, мне нужно было, чтобы она какие-то фотографии проявила. Дверь открыл он. И говорит: «О, какая ты красивая!» Потом пошел провожать, спросил: «Можно я еще приду?» – «Ну, приходи». Мне тогда пятнадцать лет было, ему девятнадцать. Он только в дубль «Спартака» перешел. Внешне он мне понравился сразу. А влюбилась уже после того, как он начал предпринимать какие-то действия…

В ту пору он был молчаливым. Но когда пошел меня провожать, не знаю уж почему, из него лился какой-то фонтан слов. Может, хотел произвести впечатление. И смог. Разница в возрасте сказалась. А с девушкой той он к тому времени уже не встречался, был одинок (*смеется*).

Тогда ни у кого из нас еще домашних телефонов не было. Провожать он меня пошел в августе, а потом на месяц пропал, и я о нем забыла. И вдруг опять пришел. Спрашиваю: «А куда ты

пропадал?» Знаете, что он ответил? «У меня не было денег пригласить тебя на свидание». Он с первого дня такой. Прямой. Что есть, то и говорит.

А самое смешное, что наше первое свидание, когда он сказал мне насчет денег, случилось в «Макдоналдсе». В День города Москвы, начало сентября. Дубль «Спартака» с кем-то играл, я в этом ничего не понимала, далека была. А после матча пошли в «Мак», и там он подарил мне одну розочку. Потом ребята меня увидели – Кечинов, Коновалов, Липко. И говорят: «Надо брать!» Вадик прислушался.

Но я же тогда еще училась в школе. Встречались коротенько – он все время где-то находился, куда-то уезжал. Как-то, помню, провожал меня в школу в одиннадцатом классе. Шли, какой-то друг его встретил, спросил: «Ты куда?» И Вадик выдает гениальный ответ: «Жену в школу провожаю!» Его тогда никто еще не узнавал, поскольку он только в дубле играл.

А когда я окончила школу, мы действительно решили, что надо пожениться и жить уже вместе. Он очень настойчивый человек. На протяжении двух лет предлагал жениться. Я мотала головой, а он приходил, настаивал: «Надо!» Если хочет, всегда добьется. Но на самом-то деле сомнений у меня никаких не было. Просто требовалось время.

Папа мне сразу сказал: «Чтобы ты пошла куда-то жить – выходи замуж». Я же воспитанная девочка, из хорошей семьи. Папа военный, мама учительница. И должна была правильно себя вести. Поэтому – замуж!

Но расписаться сразу не получилось, потому что восемнадцать еще не стукнуло. В ЗАГС пришли, там все удивились: «Почему расписываетесь, наверное, ты в положении?» Говорю: «Нет». – «Тогда с какого перепугу?» – «Ну вот хотим пожениться, и все». Пришлось просить маму, чтобы она написала заявление, что не против.

Помню, когда мы только начинали встречаться, его мама пришла к моей и говорит: «А вы не против, чтобы Вадик встречался с вашей дочерью?» Она ответила: «Лишь бы ей хорошо было». Моя мама такой человек: что брата моего, что меня вырастила именно с этим посылом: главное, чтобы нам было хорошо. Она и до сих пор в той же школе работает, которую мы с Вадиком и заканчивали.

Зато мой папа – человек военный, строгий, и мне опаздывать домой вообще нельзя было. Гуляешь до десяти – и точка. С Вадиком они не конфликтовали, но он держал его в строгости. И так до сих пор. Помню, когда он первый раз пришел – у нас же принято говорить «тетя Галя», «дядя Юра». А так как Света, его

сестра, все время называла мою маму просто Галей, а папу – Юрой, поскольку они дружат, Вадик пришел и тоже так: «Галь!»

Папа отреагировал тут же: «Какая она тебе Галя?!» Вадик испугался так, что долго не звал их вообще никак – просто «вы», и лишь спустя большой промежуток времени стал называть по имени-отчеству. А до теть-дядь дело вообще не дошло.

* * *

В то время никакой престижности в том, чтобы выходить замуж за футболиста, потому что они много зарабатывают, и близко не было. Какие там контракты! Как-то смеялись – помнишь, говорю, мы с тобой гуляли, наяривали круги, а ты мне даже шоколадки купить не мог, потому что денег не водилось? Вадик тогда был очень стеснительным, но добрым и щедрым.

У них была бедная семья, но хорошая. Отец – очень добрый человек, наверное, в Вадике доброта от него. Почему-то так получилось, что он уехал в деревню под Лобней, где у него мама жила. Наверное, потому что здесь тесно было. Умер довольно рано, когда его внучке Полине годика два всего исполнилось.

Мама с братом часто ездили на футбол, болели за Вадика. Причем, как он рассказывал, еще с детства. Он и маме, и брату, когда стал зарабатывать, по квартире купил. Вадик – человек, который хочет, чтобы всем было хорошо… А сестра с мамой живет, у них большая квартира.

Когда у него появлялись какие-то премиальные, совсем крошечные, он меня угощал. Правда, сам был падок на сладкое, очень любил конфеты «Птичье молоко». Покупал три пачки и по дороге ко мне две съедал, только одну доносил. Сейчас признается. А тогда приносит одну пачку – держи!

Он не человек-сюрприз. Что тебе нужно, то и подарит. Говорю ему на протяжении нашей уже долгой совместной жизни: «Ну почему ты мне никаких сюрпризов не делаешь? Почему все выкладывают слезливые фотографии подарка с бантиком, а я не могу?» Он отвечает: «Баловство это все. Надо конкретно».

Его главное качество – надежность. Ощущаю себя за ним как за каменной стеной. Человек не только в финансовом плане тебя поддерживает, но и вообще во всем. Даже если ты не права, он все равно на твоей стороне, перед родителями защищает…

Я ему как-то подарила из скопленных денег – а может, и заняла – водный мотоцикл. У нас дача на водохранилище, и я его вот так встретила с очередных сборов. Как я люблю – бантик, коробочка… «Ну что, очередной кошелек?» А там ключи от

скутера. Вначале регулярно катался, но уже года три никто к скутеру не прикасался.

А он мне… Настолько я ему плешь проела этими бантами, что один раз он подарил мне машину с бантиком. Никто еще этого не делал. А тут – во дворе стоит! Пришел в галантерею, сказал: «Дайте мне метров пятьдесят этой ленты». Пришел во двор и сам крутил этот огромный бант вокруг всей машины.

Как сделал предложение? Да никак – кажется, как-то обоюдно к этому пришли. «Поженимся?» – «Давай». Никто с кольцом в коробке не приходил и на колени не вставал. Недавно, говорите, футболист Новосельцев своей любимой прямо на поле после матча предложение сделал? Да лишь бы жили хорошо. Можно что угодно сотворить, хоть в космос ракету запустить. Но жизнь – она же не напоказ.

Друзей у него не припомню – может, потому что до поры он очень замкнутый был. Когда мы еще встречались, знала только приятелей по «Спартаку» – Липко, Коновалова. Допытывалась: «А еще у тебя есть друзья? Детства, например?» Потому что я такой человек, что вокруг меня всегда должно крутиться очень много людей. Вадик говорит, что если бы не я, у нас было бы гораздо меньшей друзей…

А тогда он ответил: «Есть. Сейчас я тебе покажу». И вот тогда приехали на вишневой «девятке» к Саше Маньякову. Заходим, и вдруг Вадик говорит Саше: «Вот Татьяна, моя будущая жена. Будешь свидетелем?» Для меня это стало полным сюрпризом. Резко так!

И вот уже многие годы мы с Сашей дружим. Говорят, что не бывает дружбы между мужчиной и женщиной, но он мне друг. Очень поддерживал, когда с Полиной вся эта ситуация у нас длилась и длилась. Разговаривал со мной, как психолог. А Вадику помог, когда тот закончил карьеру, вернулся из Белоруссии и не знал, что делать дальше…

А в футбольной жизни три самые значимые для Вадика фигуры – Романцев, Ярцев и Семин. Да и с Гаджи Гаджиевым у них все хорошо сложилось – и в «Сатурне», когда Вадик еще играл, и теперь: недаром тот его в Пермь помогать пригласил, доверил.

* * *

Это потом Вадик уже не стеснялся по бытовым вопросам к руководству ходить. В «Торпедо» последний раз вообще уже генеральный директор говорил: «Ну что, мне колеса от «Бентли»

продать, чтобы с тобой рассчитаться?» Но ведь Вадик все справедливо говорил – если тебе положено, надо давать. Он же не просил большего, а лишь то, что положено по контракту. Кинул только «Сатурн», поскольку обанкротился. Там было без шансов. Губернатор Громов много обещал, но ничего не сделал.

А те слова Романцева на нашей свадьбе насчет квартиры абсолютно неожиданными стали, все обалдели. Особенно мама, которая чуть не прослезилась. Потому что у нас ничего не было, вообще ничего, мы снимали квартиру в Мытищах. Была только машина, баклажанная «девятка». Уже вторая: первую он купил у Липко, и она тут же заглохла. Брат приехал, починил, и они ее использовали напополам.

Помню, как Вадик дома всю свою зарплату на машину откладывал. Как Скрудж Макдак приходил, все раскладывал по кучкам и пересчитывал. Он совсем не жадный, но если что-то задумал, как с этой машиной, будет экономить до последнего. Где-то тысяч за пятнадцать-семнадцать купили…

Моя первая машина перепала мне от Вадика. Однажды он купил «БМВ» у Димы Хлестова. Спустя годы, когда мы пытались ее продать, выяснилось, что в ее истории есть что-то нехорошее и такой она досталась уже Диме, который тоже с рук ее покупал. Так что продать ее никуда было нельзя, и Вадик отдал ее мне. А сам накопил на джип. Я на лысой резине ездила, поскольку последние деньги на джип ушли и на резину мне уже не хватило. Порой еще «БМВ» на дороге глохла. Но никаких серьезных проблем не было.

Вадик как гонял всегда, так и по сей день гоняет. Я не могу с ним рядом находиться, когда он за рулем. А когда за рулем я, он постоянно мне что-то включает, выключает, настраивает, хотя я уже восемнадцать лет вожу. Говорю ему: «Ну почему ты думаешь, что мне так лучше?»

По первости, когда он начал водить, боялся. Даже назад боялся сдавать. Помню, как получил права, говорит: «Садись, сейчас я тебя прокачу». И мы тут же чуть не врезались в какой-то грузовик, потому что Вадик еще не умел заднюю передачу включать. Но потом научился, да еще как. И сразу начал быстро ездить.

Машины у нас не воровали – Бог миловал. Правда, был случай, когда Вадим захотел купить себе «Гелендваген», мы дали денег какому-то товарищу футболистов, а тот и пропал. Можно сказать, угнали, пусть и виртуальную машину. Денег-то нет.

Почему так никуда и не уехали из Мытищ? Если бы я приехала в Москву из какого-то другого города, то выбрала бы район Ленинского проспекта, проспекта Вернадского – мне очень

нравится юго-запад Москвы.

Но так как и мои, и Вадика родители живут здесь, на севере, не представляю, чтобы мы куда-то отсюда уехали. Мне родители очень помогают, я сильно с ними связана. Чуть ли не каждый день приезжают и вообще очень много для меня значат. Не хочу от них никуда далеко уезжать.

Когда Вадик играл за «Локомотив» и мы еще жили у моей мамы, клуб готов был предоставить нам квартиру на «Войковской», где давали жилье всем железнодорожникам. Мы приехали, посмотрели, но нам ни район не понравился, ни сама квартира. Спросили: «Можно мы деньгами возьмем?» – «Да, берите». И мы на эти же деньги купили квартиру в Мытищах.

А у Вадика есть доступ к мэру Мытищ. Конечно, он не ногой туда дверь открывает, но периодически видится. Мужу до сих пор припоминают, как в автобусе по пути из золотого Ярославля в 2004-м Семин в шутку пожелал Вадику стать мэром Мытищ, и тот согласился.

Конечно, нет. Вся эта политика – не его. Да и многое другое тоже. Когда он работал в компании у Саши Маньякова и подписывал контракты с молодыми футболистами, это требовало компьютерной работы. Я ему помогала. Вадик ворчал: «Это вообще не мое!»

И когда Дима Парфенов его позвал помощником в Иваново и он вернулся в футбол, я сразу увидела, как ему это нравится. А сейчас в «Амкаре» – очень нравится. И я надеюсь, что он станет главным тренером. По крайней мере, он идет к этому, и он сам чувствует, говорит мне: «Я готов».

* * *

Разошлись не только Сергей Овчинников с моей лучшей подругой Ингой, а очень многие из наших друзей. После того как ребята заканчивают играть, настает очень сложный момент. У семей ломается весь устоявшийся жизненный склад, и они не понимают, что друг с другом делать.

У нас есть фотография жен игроков сборной России – участников Евро-2004. Нас там было человек десять девочек, и только две-три пары остались, кто вместе живет, – мы да Смертины. Развелись Булыкины, Игнашевичи, Гусевы, Сенниковы, Овчинниковы, Лоськовы… Это только сборная, а что творится в клубах! Поэтому подарить кольцо на стадионе, как Иван Новосельцев своей невесте Катерине Кейру, – это не гарантия.

И с Вадиком тогда происходило что-то не то. В тот момент я

учиться пошла, приезжала вечером домой, а он опять дома, сидит перед телевизором, футбол на экране. Смотрит в одну точку. Я видела, что он морально уходит куда-то не туда. Спасибо Саше Маньякову, что помог, к себе в компанию подтянул, и муж хоть каким-то делом занялся. Узнал, чем агенты футбольные живут. А потом уже в тренеры пошел…

Инга тяжело перенесла расставание с Сергеем. Вообще никто не думал, что такое может произойти. Особенно друзья. Считали: кто угодно, но только не они! На какое-то время после этого общение с Овчинниковым у Вадика прекратилось – хотя, может, и не по этой причине. А когда Вадик поехал к нему на просмотр в «Кубань», но его не взяли, Сергей сам ему не позвонил и не сказал: «Вадик, извини», а через кого-то передал.

Муж сильно на него обиделся, года два не общались. Потом столкнулись случайно в Белоруссии. После этого начали созваниваться, однажды он даже приезжал. Но Вадик не приемлет, когда люди говорят одно, а делают другое…

А с Ингой мы иногда в Юрмале пересекаемся, у нас там квартиры. И родители у нее в Риге живут. Выбраться, правда, удается нечасто – в основном летом на месяц. Прилетает Инга порой и в Москву – на мой день рождения, например. У нас такие отношения, что можем спонтанно нагрянуть друг к другу в гости.

Еще когда они жили с Сергеем, ее сына от первого брака отправили в Америку учиться. А потом и она к нему приехала, к его бизнесу, связанному с транспортной логистикой, подключилась. Вроде у них все успешно. Ей нравится – кроме того, что общения и друзей не хватает. Чтобы позвонила – и я тут же пришла…

С Сергеем они вообще не общаются. Но она переживает, что у ее сына Жени связь с отчимом потеряна. И сам Женя переживает – все-таки пусть не родной, но папа, который много чему его в жизни научил. Но Овчинников, он такой – если отрезал, так отрезал.

Его новую жену я видела один раз. Влюбился, наверное… Может, и хорошо, что не было тайн, интриг. Пришел и все рассказал. Так и надо поступать. Имущество не делили, а то было бы еще в сто раз тяжелее. Показывают сейчас про Кержакова, Аршавина – ужас просто.

Но история с тем же Овчинниковым – она же не о том, что Вадик не должен с Сергеем общаться. Это его личное дело. А то, что они не разговаривали какое-то время, было решением мужа и только его. Попробовала бы я ему что-то такое посоветовать!

Во всем, что касалось его профессии, убеждать в чем-то Вадика было бесполезно. А вот в быту – вполне реально. Вернее,

он скажет, как хочет, а я все равно делаю по-своему. Выбор дома, например. Он не хотел – это я настаивала. Капала на мозги: «Хочу, хочу».

Это ведь большая ответственность и много работы. Конечно, если кого-то нанять, чтобы тебе мыли, драили, чистили – это одно. А он же понимал, что никого мы нанимать не станем, и я всем буду заниматься одна. Неизвестно, как сложится дальше с финансовой точки зрения, а обслуживать дом надо. Вадик очень прагматичный с этой точки зрения. Порой даже с калькулятором все просчитывает.

В постройке дома он участия не принимал. Говорил: «Делай что хочешь». И вообще никуда не лез. Купили его лет восемь назад, еще во времена «Локомотива». Снесли крышу, окна, всю начинку делали заново. Вадик, кстати, при этом все умеет. Может, делает и не по науке, но пытается. Когда у него были первые «кресты», и он сидел дома, сам в квартире душевую кабину выложил, чтобы время занять! Любит накупить всяких приспособлений – и возиться.

* * *

Единственный раз я возражала против того, чтобы Вадик куда-то переходил, – когда его звали в Казань. Это случилось после того, как Анатолий Бышовец его из «Локомотива» выставил и он несколько месяцев играл в «Торпедо». Я очень не хотела никуда уезжать. Ему вообще посчастливилось в карьере игрока, что никаких мотаний по городам и весям не было. В итоге в «Сатурн» перешли – Дима Лоськов, наверное, поспособствовал.

Может, если бы в Казань поехали, чемпионами еще один-два раза стали бы. Я тоже уже об этом пожалела. Но вообще-то нельзя жалеть ни о чем, гневить Бога. Как сложилось, так и сложилось. Хотя Курбан Бердыев лично прилетал в Москву, разговаривал с ним – где-то они встречались. Может, конечно, по каким-то другим делам прилетал, а может, лично к нему. Вадику он очень понравился.

Но я сразу сказала, что в Казань не поеду, потому что Полина пошла в школу и не хотелось ребенка никуда дергать. Наверное, и он подумал про все эти расстояния. Мы до последнего ждали, что нам еще что-нибудь предложат, – и тут возник «Сатурн».

Когда в конце 2010 года «Сатурн» развалился, я сразу поняла, что это уже все. Вадику скоро тридцать пять должно было исполниться. Мог бы, конечно, еще чуть-чуть поиграть, но все равно не много. Гораздо обиднее было, когда «Сатурн» его первый

раз на трансфер выставил и он ездил в «Кубань» на просмотр. Но в итоге он остался в Раменском, отвоевал место в составе и еще два года там играл.

Вот что интересно – в «Локомотиве», где он провел свои лучшие годы, Вадик никогда не зарабатывал таких денег, как на излете карьеры в «Сатурне». По части финансов у него от меня никогда никаких секретов не было. Сейчас, правда, в «Амкаре» захотел что-то там утаить, но потом проговорился (*смеется*).

Хотя что там проговариваться. Сейчас ведь это копейки по сравнению с тем, что было в годы, когда он играл. В Иванове так вообще, по-моему, меньше 100 тысяч рублей получал. Да и в Перми ненамного больше. Но главное, что он работает, при деле – и этим делом увлечен.

В конце концов, какие-то скопленные сбережения у нас есть – чтобы поесть было нечего, до такого мы никогда не доходили. А в новой профессии с чего-то надо же начинать. Никто тебе сразу не предложит пост главного тренера «Локомотива».

Вот прочитала Булыкина: «Был бы рад, если бы мне «Динамо» дали». Конечно, рад! Но все мы адекватные люди и понимаем, что это другая профессия, в которой надо весь путь по новой пройти. Вадик говорит: «Дать-то могут, но как удержать?»

Он сразу понял, что это другая профессия и твои заслуги как игрока в ней не имеют никакого значения. И изменился. У нас есть друзья из Латвии, лет пятнадцать уже дружим, вместе на горных лыжах каждый год катаемся. И они заметили в этом году – Вадик совсем другой стал. И в общении, и в мировоззрении.

Но тут еще сказалось, что у нас за эти два года ушли из жизни два близких человека – наши подруга и друг. На него это тоже произвело сильное впечатление, он задумался о том, как правильно к жизни относиться, как мы живем и что ценим.

За маленькую зарплату я его пилила, наверное, только в самом начале наших отношений. Еще с этой квартирой от «Спартака» чтобы он к руководству пошел. А потом – все. При этом во всех командах он всегда получал чуть ли не меньше всех. Но я его по этому поводу не трогала и не подзуживала. Просто спрашивала иногда: «Почему ты более известен и востребован, а у такого-то зарплата больше?»

Он отвечал: «Значит, так надо». Это типичный для Евсеева ответ. А завидовать тому, сколько сейчас футболисты получают… Можешь просто больше себе позволить. Но чему завидовать? Было так, стало эдак. Всему свое время. А до нас еще хуже было, причем намного.

Сейчас даже наши друзья удивляются: как у вас с такой зарплатой, как у Вадика в Иванове или Перми, там квартира, тут

дом? Отвечаю: так получилось. Наверное, я не ходила в каких-то знаменитых брендах, мы откладывали. Благодаря ему, он у нас такой скопидомчик. Да и у меня никаких запросов не было. Конечно, каждой женщине хочется красиво одеваться, но у меня это в пределах разумного.

В «Сатурне» Вадику так и не заплатили больше чем за половину 2010 года, с мая по декабрь. Накопилась большая сумма. Ребята пытались получить эти деньги через суд, даже общество какое-то образовали, Макс Бузникин его возглавлял. Но бесполезно. Но мы на эти деньги не закладывались, потому что никогда не жили в кредит. Только квартиру в Юрмале в кредит купили, но меня эта необходимость ежемесячных выплат быстро допекла, и мы быстро все отдали. Поэтому про те сатурновские деньги уже и забыли. Видим, иногда их автобус проезжает, – и вспоминаем.

Конечно, сейчас намного меньше можем себе позволить, чем когда он играл, чего греха таить. Но все наладится, и вообще жить надо, исходя из того, что имеешь, а не думаешь, что должен иметь.

* * *

Когда-то ему предлагали в Израиль уехать играть. Я испугалась, подумала: «А как же я там буду жить, ой?» На тот момент не хотела никуда уезжать, а теперь думаю: «А почему было не попробовать?» Сейчас бы с удовольствием куда-нибудь поехала, чтобы ощутить другую жизнь. Но уже не зовут…

Чтобы Вадику какая-нибудь команда из сильных лиг предлагала контракт – такого не слышала. Только киевское «Динамо». И мы могли туда уехать, тем более что на кону были хорошие деньги, таких нам здесь никогда никто не давал. Но Овчинников переубедил, и мы остались в «Локомотиве»…

Когда каждый год летали в Мюнхен на обследования Полины, всей семьей к горным лыжам пристрастились. Километрах в 250 оттуда горный курорт есть, каждый год туда теперь ездим. Причем мы с Полиной летим, а Вадик – на машине, поскольку он боится на самолетах летать. Все удивляются: как же так, он языков не знает, а объясняется? Легко! Его все понимают! Харизма, наверное, такая. Прилетаем – а он уже все идеально организовал. Просто поразительно.

Катаемся все, и Полина тоже. А еще она рисует хорошо, с пяти лет. Наверное, это гены – рисует и брат Вадика, но она, мне кажется, лучше. Ходит к художнику, занимается – еще с тех

времен, когда мы жили в Мытищах. Какие-то картины у нее есть, пробует. Но стать хочет не художником, а конструктором одежды. Говорю: «Может, будешь расписывать, например, шкатулки?» Нет. Ей вообще бесполезно что-то навязывать. Дочка в папу – упертая. Скажешь ей, что это черное, она ответит, что белое, даже если действительно черное. Поэтому пусть уж сама решает.

Ведь, чтобы в семье все происходило по-твоему, совершенно необязательно кричать и руками размахивать. Скорее, наоборот. Вадик, наверное, хочет, чтобы все было так, как он скажет, но в конце концов все происходит по-моему (*смеется*).

С Полиной у Вадика такие отношения… Я очень страдаю из-за этого. Нет все-таки у них такой близости, какой бы мне хотелось. Из-за расстояний она его порой очень редко видела, а зимой из-за сборов – не видела вообще. Сейчас, работая в Перми, он вообще в другом городе живет. Бывает, и по три месяца не видятся.

Но, когда приезжает, в кино ходят, на велосипедах катаются. Вадик пытается сделать что может. Но Полина – не нараспашку. Впрочем, ничего удивительного – она же вся в него. Никогда не придет и не будет плакаться о том, что ее волнует. Подарки Вадик ей привозит. Музыкальную колонку как-то очень хотела, но не ожидала, а он ей привез. Она же очень танцевать любит – и страшно обрадовалась.

Страх перед самолетами появился у Вадика при мне. Возвращались со сбора «Сатурна» в Тенерифе, куда игрокам разрешили жен взять. Приземлялись – гроза, ливень, сильный боковой ветер. Видно, нас несло с полосы, и лайнер вынужден был резко взлететь, когда уже почти сел.

Вадик видел все это в иллюминатор, и после этого с ним начало происходить что-то невероятное. Он и выйти из самолета хотел, и молился, и что только не делал. Глядя на него, мне было то смешно, то страшно – я просто не понимала, что творится.

С этого момента и боится летать. И молится, и выпивает перед посадкой в самолет. Это надо видеть! Мы с Полиной смеемся над ним до невозможности. Но для него это и правда страх. До какого-то момента он вообще отказывался от самолетов. Но сейчас летает, с «Амкаром» не поедешь же по стране на машине. Но переживает – и потеет, и мурашки бегут…

Самая смешная привычка у Вадика – он у нас очень любит все двери закрывать. Это у него фишка такая. Вот мы сейчас с вами разговариваем, у меня ворота дома открыты, он бы это увидел – убил! Хочет, чтобы все было закрыто – и точка. Причем он твердил, твердил это, а однажды к нам вор проник. И Вадик мне до сих пор его припоминает. После этого тем более говорит,

чтобы мы всё закрывали.

Дверь-то у нас тяжелая, с язычком, и колокольчики звонили, но она на дополнительный запор не была закрыта. Не знаю, каким способом, но вор зашел. Мы в этот момент праздновали день рождения Полины. Он сел, в моей сумке стал копаться.

Вадик вышел в коридор и его увидел. Сначала стал расспрашивать, откуда он, кто такой. Интеллигентно, я даже не предполагала такой реакции. И только когда тот понял, что дело пахнет керосином, открыл дверь и попытался убежать.

Вадик отреагировал моментально – сбил с ног, скрутил. Я почему-то стала кричать: «Только не бей его!» Словно чутье какое-то было. Вызвала полицию, его забрали. Пока полицейские к нам ехали, помню, что вор Вадику денег предлагал. Он отказался.

А вечером уже пришла следователь и говорит: «Вы тут как следует всё помойте, а то у него СПИД». У меня чуть инфаркт не случился. Хорошо, что муж его не бил, и крови не было. Повезло.

* * *

Когда мы с Вадиком начали встречаться, с его стороны никогда не было требований, чтобы я не работала. Он вообще меня поддерживал в любых начинаниях, что бы я ни делала. Даже когда речь шла о каком-то бреде – например, о цветочном магазине. Пытались с подругой заниматься какой-то недвижимостью в Болгарии. Вадик крутил пальцем у виска: «Вы ненормальные». Но не запрещал. А мне надо было что-то делать, я не могла просто дома сидеть.

Удалось уже сейчас. У нас слаженный коллективчик с одной девочкой: организуем ремонты в домиках, квартирах – третий год уже. Сначала я этому училась, теперь работаю, и мне это нравится. Вадик тоже доволен, поскольку я нашла дело себе по душе. Некоторые девочки хвастают: «Я сделала дизайн своей квартиры». Никто не спорит, все девочки в душе дизайнеры.

Но я-то теперь понимаю, что дизайнерское искусство не сводится к тому, чтобы выбрать правильную плитку. Это очень кропотливый труд – с черчением, геометрией. Мне очень трудно было включиться, понять до конца, но пересилила себя и смогла. Красота облика квартиры или дома – это тоже огромный труд…

При этом, конечно, готовлю. Вадик никогда не был особо требовательным – я с первых дней совместной жизни знала, что нужно. Мама научила. Покушать-то он всегда любил, но сам себя, когда играл, в еде ограничивал, поскольку знает, что очень быстро вес набирает.

Когда закончил, вообще резко прибавил – килограммов двадцать. Нагрузок-то таких нет, по две тренировки пахать не нужно. Так, погоняет мяч с любителями, и все. Калорийную русскую кухню любит, раньше вообще обожал борщи, пельмени. Конфет может много съесть, холодец чаем запивает… Вот и раздался – правда, сейчас уже сбавил. А мы с Полиной худеем, себя в еде придерживаем и его пытаемся. Но поскольку у нас в доме всегда много гостей, то и еды полно. До конца не удержишься.

В «Локомотиве» пошла мода, чтобы по группе крови определять, что можно человеку есть, что нельзя. При Яшине и Стрельцове таких распечаток и представить было нельзя, а ведь играли-то получше, чем сегодня. Так что ко всему этому с некоторой иронией отношусь.

Когда Вадик куда-то собирается, всегда спрашивает, что ему надеть. Костюмы строгие есть, даже несколько – теперь-то он тренер, ему нужно. А до этого был один свадебный костюм. Он где-то жив. И у меня платье живо, на даче лежит. Я ведь даже в Польшу за ним вместе с сестрой когда-то поехала. Там выбрали.

И футбольных реликвий дома полно. Медали, кубки. Все расставлено и развешано в подвале дома. Хотела в свое время сделать стену с фотографиями, отобрала их даже, но пока руки не дошли. Хочется, чтобы и майки красиво висели. Их куча разных, в том числе и с того матча против Уэльса. А вот сохранилась ли бандана, в которой он тогда из-за длинных волос играл, в том числе и в том матче, – это его надо спрашивать.

Но насчет домашнего музея – это же точно как с огородом. Мама спрашивает: «Почему ничего не сажаешь?» Отвечаю: «Видно, время еще не пришло». Наверное, так и здесь.

Из нынешнего «Локомотива» с семьей Самедовых общаемся, отличные ребята. Но в клубе уже все другое. То, что было, уже не повторится. Но будет что-то иное. Лишь бы они побеждали.

Со Смородской никогда не встречалась, только с ее дочерью как-то были вместе в компании. Очень воспитанная девочка, образованная. Ничего плохого о ней сказать не могу.

Болею ли я сейчас за «Локомотив»? Нет. Я вообще первый раз за несколько лет пошла на футбол совсем недавно, когда полетела в Пермь и сходила на игру «Амкара». А так только с Вадиком на какую-нибудь «Барселону».

Нельзя сказать, что я футбол как таковой люблю. Никогда фанатично к нему не относилась. Смотрела только ту команду, где мой муж играл, а другие мне были неинтересны. А Полина футбол вообще не смотрит.

* * *

От Вадика всегда можно было каких-то историй ожидать. То он, празднуя победу в Кубке еще в «Спартаке» (я тот матч по телевизору смотрела), на электромобиле вокруг поля проедется – прикольно, ему вроде даже счет хотели выставить, но пожалели, – то еще что…

Но когда он, играя в «Торпедо», в поезде подрался с фанатами этой команды, удивилась. А когда Дима Бородин, вратарь наш, показал мне видео, вообще в шоке была. Говорила мужу: «Ну когда ты наконец угомонишься?»

В него в такие минуты словно бес какой-то вселялся, и он творил эти невероятные вещи. Объяснял мне, что тот какую-то гадость про семью сказал, и ему это не понравилось. Его держали потом…

Теперь он эмоции выплескивает, когда в хоккей играет. У нас есть друг-хоккеист, Жорик Пуяц, так Вадик к этому делу и пристрастился. Дружбе этой обстоятельства способствовали: мы в Мытищах, а Жорик играл за мытищинский «Атлант», у нас квартира в Юрмале – и Пуяц из Риги. Вот больше десяти лет и дружим.

Сейчас к Евсееву и относятся по-другому, и сам он стал другой, чем когда был игроком. Даже Гаджиев говорил, что и он, и руководители клуба не ожидали, что Вадик станет таким. Давайте откровенно: все привыкли видеть его неким шутом. И тренер удивился, что он стал таким рассудительным, ушла былая резкость. Долгие речи теперь может говорить…

Книги стал хорошие читать. Раньше он читал очень мало, а сейчас, видимо, время пришло. Бывало, помню, с одной книжкой год ездил, а я его спрашивала: «Ты когда-нибудь ее закончишь, или она у тебя так, для весу?»

Его мама ему «Архипелаг ГУЛАГ» подарила, так он его полностью осилил. Увлекся историей, довольно образован в этом плане. И фантастикой – всех Стругацких прочитал. Любит фильмы и книги про войну. «17 мгновений весны» много раз пересматривал. И это Полине передалось: она все военные фильмы смотрит и плачет. 9 Мая на 70-летие Победы в центр Москвы поехали, атмосферой праздничной подышать…

До какого-то момента он в Бога вообще не верил. Когда мы уже какое-то время вместе прожили, все повально начали венчаться, это модно стало. Говорю ему: «Может, и мы тоже?» Он ответил: «Зачем мне это?» А теперь уже он спрашивает, а я так же отвечаю. Рано, говорю, еще.

В церковь иногда ходит – правда, реже, чем мы с Полиной.

Мы ходим не скажу, чтобы раз в неделю, но довольно часто. Дочка крестик носит, а крестный у нее – Саша Маньяков, который всей нашей семье в жизни очень много помогал.

Как-то поехали мы с Вадиком в Израиль, а у меня в детстве было две мечты – хотела попасть в Иерусалим и в Венецию. В Венецию несколько раз уже летали, а до Иерусалима добрались не так давно. Вадик-то сам еще в 90-е годы со «Спартаком» там на сборах тренировался и к Стене плача ходил. Положил записку, чтобы чемпионами стали – сбылось! И сейчас записку оставил. Но о чем – не знаю.

С годами он намного сентиментальнее стал. Раньше от него слов утешения, даже когда трудно приходилось, не дождаться было. А сейчас бывает. Может, с возрастом пришло. Повзрослел, на жизнь и отношение к людям смотрит по-другому. Возможно, смерть наших друзей, которые произошла неожиданно для всех нас, так подействовала.

Когда друг, довольно молодой мужик, пятидесяти четырех лет, умер от рака, Вадик плакал и не стеснялся своих слез. И когда подруги нашей не стало – на кладбище тоже плакал. Он вообще стал впечатлительный. Даже фильм какой-то смотрит, гляжу – все, глаза на мокром месте.

Я вот думаю – может, это футбол делает людей какими-то черствыми? Когда ты игрок, в постоянном графике – поспал, потренировался, поел, – немного в робота превращаешься.

* * *

Решение закончить Вадику, думаю, далось тяжело. Он сидел и ждал до последнего, что ему кто-нибудь позвонит и контракт предложит. И я тоже в это верила. Как же так – тридцать пять лет, в принципе в хорошей форме… Думала, что-то серьезнее будет, чем Белоруссия. Туда я к нему ни разу не ездила. Знаю только, что однажды он сел за руль трехэтажного «БелАЗа». Это ж Вадик…

В Белоруссии он и решил закончить. Подумал, что не стоит больше мучиться, если никому не нужен. Со мной об этом – нет, не советовался. Просто сказал, что смысла больше нет. А потом не мог найти себя, пока не стал тренером.

14 мая 2012 года на «Локомотиве» сыграли его прощальный матч. Все было здорово. И то, что мы опять были на родном стадионе и посмотреть на Вадика пришли люди. И то, что собралась все та же компания и даже Инга из Америки прилетела. И то, что очень много друзей было, а потом пошли всё это

отмечать.

А когда перед игрой все вышли на поле со своими детьми, а дети уже взрослые, – подумалось, что вся жизнь пронеслась. Ведь когда только начинали общаться, у всех детки совсем маленькие были. И вот вышли мы с уже повзрослевшими детьми на поле, стояли, ревели…

Ребята из того «Локомотива» недавно встречались на десятилетие «золота» 2004 года. Юрий Палыч это празднование организовал, а Вадик всех обзванивал. Помню, что Гена Нижегородов очень обиделся, что его не пригласили. Говорю Вадику: «Почему ты его не позвал?» – «Как не позвал? Я ему звонил раз двадцать, у него телефон был выключен».

Нет, не поссорились, конечно, общаемся. Он в Одессе живет. Болтали как-то с его женой Мариной по телефону, я начала что-то на российско-украинскую тему говорить, она мудро сказала: «Давай это опустим, не будем вообще об этом разговаривать». И правильно.

Мы не только с Нижегородовыми, но и с Ирой Цымбаларь общаемся, она же родная сестра Марины. Когда Илья внезапно умер, у нас случился ужасный шок. Вадик хотел полететь на похороны в Одессу, но не получилось – это же случилось перед самым Новым годом, билетов не было.

Марина иногда прилетает сюда, а мы все хотим к ним в Одессу, но в связи с украинскими событиями страшно как-то. Быстрее бы все закончилось. А как к этому относиться – бог его знает. Инга из Америки мне одно говорит, наше телевидение – противоположное…

А в то, что Вадик Генке двадцать раз звонил, верю на сто процентов, потому что он суперответственный. Всегда все организует и сто раз проверит. Помню, первый раз собиралась сама в Ригу на машине. Навигаторов еще не было, он атлас дорожный открыл, все мне выписал – куда, где через двести метров повернуть, какой поселок проехать. У него все должно быть четко по плану.

Он и дома любит, чтобы все лежало на своих местах. И еще – чтобы все коммунальные платежи были уплачены вовремя и никаких долгов не висело. Но сам этим не занимается.

Выпить может, конечно, и сильно – тоже. Все мы люди. И на Мальдивах бывало, с Лоськовыми. А еще, помню, у вратаря Леши Полякова на свадьбе. Так мало того что он забросал тортом машину Самедовых, так еще зачем-то прыгнул в люк к Сенникову и что-то там сломал. Такой вот он озорник. Зато всем весело, все запомнили, все знают, что это Евсеев и никто другой. Он и у Лоськова на дне рождения тортиком бросался. Это уже его

фирменный знак.

Есть у нас незыблемые семейные традиции. Во-первых, отмечаем день рождения Полины – он в декабре, перед Новым годом и католическим Рождеством. В этот день у нас всегда собирается много гостей и детей. Новый год несколько раз отмечали в других местах, но решили, что лучше все-таки дома.

Обязательно – Пасху, годовщину свадьбы, раньше в этот день у нас весь «Локомотив» собирался, и, бывало, могли командой выпить лишнего за пару-тройку дней до матча. На день рождения Вадика и православное Рождество – они очень близко друг к другу – мужа часто не бывает, потому что он, если при деле, то на сборах.

А при деле он должен быть. Когда Вадик по полгода ничем не занимался, я видела, что он реально деградирует. Депрессия была, злоба какая-то. Нет, не на меня, а на себя. Это очень сложно пережить, когда играть заканчиваешь. Кстати, и круг общения сильно меняется, но в чем-то и к лучшему, потому что сами собой отсеиваются какие-то ненужные люди, которые прилипали только потому, что рядом были слава и деньги. А самые верные друзья с тобой все равно остаются.

Когда раньше узнавала, что та или иная пара разошлась, когда муж закончил карьеру, – поначалу удивлялась. Но когда пережила этот период сама, стала понимать, о чем речь. Никого винить в этом нельзя. Кто-то не может смириться с тем, что финансово начинаешь себя совершенно по-другому ощущать. У кого-то происходит моральный надлом – раньше человек отсутствовал пять дней в неделю, а теперь все время дома, и ты с ним и его привычками фактически знакомишься заново.

Не скажу, что у нас этот период прошел легко. Ссорились, причем сильно. Но как-то пережили, слава богу. Думаю – уже пережили. Все стало лучше, когда он в Иваново поехал работать. Начал заниматься своим делом, опять погрузился в футбол. Вновь вернулся в четкий график, что футбольным людям, похоже, нужно.

Так что большое спасибо Диме Парфенову, который его туда позвал. У них сразу хорошие отношения сложились. Вадик сперва согласился и только потом мне рассказал. В Иваново я к нему ездила. Неплохой провинциальный городок. А теперь – Пермь, которая намного больше. Так и надо расти как тренеру – глядишь, и до Москвы дорастет…

Для этого ему нужно научиться быть психологом, чувствовать игроков, как тот же Семин. Юрий Палыч ведь мог и о чем-то спросить футболиста, что-то ему посоветовать – причем даже не по футбольным вопросам. И Вадик уже начинает. Помню, в

Иванове у них кто-то женился и начал тратить безумные деньги на свадьбу. Как же они с Парфеновым этого мальчика отговаривали – не жениться, конечно, а тратиться!

Иногда, конечно, я скучаю по временам, когда Вадик играл. По той непринужденной обстановке, по каким-то людям, событиям… По золотому матчу с ЦСКА, по тому, как нас трясло на последних минутах. По сериям пенальти в финалах Кубка против того же ЦСКА и «Анжи»…

По «Локомотиву», который для меня – самая светлая память о футболе. Мы все творили этот «Локомотив». Не только ребята, которые добывали победы на футбольном поле. Но и их жены, и все – администраторы, бухгалтеры, буфетчицы. Все!

Как-то было 8 марта, и «Локомотив» играл с ЦСКА. Так Маринка Нижегородова принесла дикую охапку роз, всем раздали по розочке, и мы так расселись на трибуне. Во время игры этими розами размахивали и громко пели нашу любимую – «А нам нужна одна победа!» Булата Окуджавы. И ребята нас видели. И выиграли. Для нас.

Да что там скрывать – это тоска по молодости. Но это всегда можно вернуть хотя бы в воспоминаниях. Встретиться с девчонками и начать: «А помнишь?.. А помнишь?..»

Но надо, помня и любя прошлое, жить будущим. И идти вперед.

Мы стараемся.

Послесловие
Читал – и душили слезы
Евгений Ловчев, заслуженный мастер спорта, чемпион СССР 1969 года

Всего дважды в моей жизни случалось такое, что я начинал чтение – и несколько раз откладывал. Из-за душивших меня слез. Второй раз – именно сейчас, когда Вадим Евсеев рассказывал историю с операцией дочки и матчем в Уэльсе.

Мы-то в 2003 году знали только сам факт – что была такая операция и что Вадик перед первым стыковым матчем на нее улетал. А тут – такие подробности, что только законченный сухарь, настоящая нелюдь может остаться безразличным. Я читал, больше не мог, промывал глаза водой, возвращался, опять начинал читать. Слава богу, хоть тут все закончилось хорошо…

«Хоть» – потому что первый раз такие ощущения у меня были в 1981 году. Я работал в Златоусте, у меня приключились серьезные проблемы с руководством, и как-то я приехал в Москву. И как раз в те дни разбился Валерий Харламов.

Наша легендарная конькобежка Лидия Скобликова, Уральская молния, утром в день похорон повела меня в ЦК КПСС. А потом мы с ней стояли в почетном карауле у гроба Харламова. На следующий день вылетал в Златоуст через Челябинск и на глаза попалась статья в «Комсомольской правде» под заголовком «Мальчишки играют в Харламова».

И вот было так же – два раза я приступал в самолете к ее чтению и тут же начинал рыдать. За два часа лета так и не прочитал…

Когда так реагировал на книгу Евсеева, первая мысль была – старею, с возрастом становлюсь сентиментальным. Но потом вспомнил тот случай с Харламовым. Тогда-то мне было всего тридцать два.

Читая эту книгу, я не раз задумывался – почему она так берет меня за душу? А потом понял. Потому что это про меня. В ней о моей жизни рассказано.

Я точно такой же, как Вадик, пацан из Подмосковья и тоже январский. И точно так же, только в двенадцать лет, поехал в Москву искать футбольную школу – и тут не важно, что я нашел спартаковское Ширяево поле, а он – динамовский Петровский

парк.

Точно так же, как он, я учился в ПТУ. И точно так же директор в моем родном Крюково ставил вопрос: «Или учеба, или футбол». Я выбирал футбол – а уже потом, в школе рабочей молодежи на Зубовской площади, нашелся человек, который меня понимал и давал возможность стать тем, кем я хотел стать. У Евсеева такой человек тоже был.

Точно так же, за счет характера, я выбивался в футболисты – и так же преуспел больше сверстников, которым это было дано от Бога. В футбол научить играть нельзя – можно только помочь научиться, если ты сам этого безумно хочешь. И мы, подмосковная ребятня, хотели. И пробились в «Спартак», и стали чемпионами – Вася Калинов, Коля Абрамов, я. А спустя годы наш путь повторил Евсеев.

Мне точно так же повезло со своим Ярцевым – тренером, который меня, юного, увидел и в меня поверил. В моем случае это был Никита Палыч Симонян. И очень символично совпадение, что Симонян оказался начальником команды в той самой сборной Ярцева, в которой Евсеев забил Уэльсу тот знаменитый гол.

Для этих людей – Симоняна, Ярцева, Юрия Семина – помимо техники, понимания футбола, каких-то других профессиональных моментов, очень важны были человеческие качества. Поэтому Евсеев и чувствовал себя с ними так уютно и проявлял себя так здорово.

Долгое время мы не были знакомы с Вадимом. А однажды, на гребне славы Андрея Шевченко, в подмосковном Нахабино проходила какая-то тусовка с рекламой бутс, в которой меня пригласили поучаствовать. Евсеев сидел где-то в сторонке, один, не хотел вылезать на первый план. Тогда и пообщались.

Я люблю таких людей. Сам такой же – ершистый, прямой. Из сегодняшних футболистов такой Рома Широков, и я его тоже люблю. За открытость, принципиальность, за то, что они говорят вещи, которые неприятно слышать многим тренерам, но ведь за этим следует дело! Посмотрите на Широкова, несмотря на все заслуги, он каждый день доказывает свое право называться большим футболистом. И так же доказывал Евсеев.

Мы похожи с ним еще и тем, что на поздних этапах карьеры у нас произошли очень похожие конфликты с прекрасными тренерами. То же самое, что Вадим рассказывает об Анатолии Бышовце, я рассказывал о Константине Бескове. А многим другим Бесков и Бышовец дали путевку в жизнь.

Многие до сих пор попрекают меня тем, что я ушел из «Спартака» в «Динамо». Нет, не в «Динамо» – от Бескова! И потому, что искал место, где смогу ему все доказать. Поехал

домой к Сан Санычу Севидову, которого хорошо знал, – и попросил взять в команду. Через год, правда, в своем решении разочаровался, поняв, что я – человек не военный, а профсоюзный…

С тех пор я повзрослел и теперь по-другому отношусь к тому конфликту с Бесковым. Потому что понимаю: любой тренер имеет право создать СВОЮ команду. Бышовец пошел собственным путем, как и Бесков.

Когда-то у меня были очень сложные отношения с Олегом Романцевым. У нас есть общий друг, который помогал мини-футбольному «Спартаку». Однажды он сказал мне: «А ты раздели Романцева-человека и Романцева-тренера». Я подумал об этом. И тогда на первый план вышло то, что Олег – девятикратный чемпион страны, чего со «Спартаком» никто никогда не добивался. И те звездочки, что сейчас горят над эмблемой, – это во многом его звездочки.

Однажды мы сели с Романцевым и поговорили по душам. Нет, после этого не превратились в закадычных друзей. Но многое стало для меня выглядеть иначе. И мне бы очень хотелось, чтобы однажды Евсеев так же поговорил с Бышовцем. Который в роли тренера далеко не только Олимпиаду выиграл. Между прочим, и за год с «Локомотивом» Толя успел Кубок взять. Трофеи с тех пор команде не давались целых восемь лет…

Сегодня господа, которые дают деньги в футболе, с невообразимой легкостью расправляются с тренерами, не понимая, что они – не старики Хоттабычи. Это творческие, ранимые, нуждающиеся в поддержке люди. Прощаться с которыми нужно только тогда, когда есть уже стопроцентная уверенность: человеку не дано. Но вот как расценить, когда из одного, из другого клуба убирают Семина?!

Так вот, я желаю Вадику, чтобы на его начинающемся тренерском пути встречались люди вроде Романа Абрамовича, которые дают деньги и при этом доверяют профессионалам. И не встречались люди, похожие на первых секретарей обкомов КПСС, которые перед играми вваливались в раздевалку и заявляли: «Я ничего в футболе не понимаю, но играть мы должны так и так».

Сегодня КПСС нет, а людей таких в футболе – тьма-тьмущая.

Желаю Евсееву-тренеру фарта. Без него в футболе ловить нечего.

А с характером у него все хорошо. И с достоинством. Правда, в сегодняшнем богатом для футболистов времени главенствует принцип, который мне еще в советское время излагал мой друг Геша Логофет: «Молчи и копи деньги. Против всех дуростей руководства нужно иметь материальный щит».

Вадим никогда не молчал. Я его за это очень уважаю.
Не промолчал и в своей честной книге.
Удачи ему в новой, тренерской жизни!

Дмитрий Аленичев, главный тренер «Спартака», единственный в истории России автор гола в финале Лиги чемпионов:

С огромным удовольствием прочитал эту книгу, она произвела на меня большое впечатление. Молодому поколению футболистов и болельщиков, считаю, необходимо ее прочесть, каждый найдет там для себя очень много полезного. Спасибо и Вадиму Евсееву, и автору литературной записи Игорю Рабинеру, который с глубоким знанием вопроса сделал свою работу. Надеюсь, что Вадик, замечательный футболист и человек, станет хорошим тренером.

Юрий Дудь, главный редактор интернет-портала Sports.ru:

Вадим Евсеев – это Россия, какая она есть. Агрессивная и великодушная. Корявая и уютная. Очень разная и очень своя. Вадим Евсеев – человек, который в один момент может кричать главному тренеру своей жизни: «Семин, сосать!», а в другой – отыграть за него почти час с разорванными связками колена. Биография этого человека – еще один способ, чтобы попробовать понять, как устроена наша жизнь, наши мысли и наша страна.

Юрий Семин, бывший главный тренер «Локомотива» и сборной России:

Это очень правдивая книга про нашу футбольную жизнь, и я прочел ее с большим интересом. Какой цельный, честный, искренний Евсеев в работе и общении – такой же и в книге. Она – настоящая, как и сам Вадик. Желаю ему, чтобы он прожил такую же счастливую жизнь в роли тренера, какая заслуженно была у него как у футболиста.

Александр Шмурнов, телекомментатор компании «Матч ТВ», руководитель Школы спортивной журналистики А. Шмурнова и И. Рабинера:

История эпохи в историях событий и поступков очень простого и очень сильного человека – от ухода в

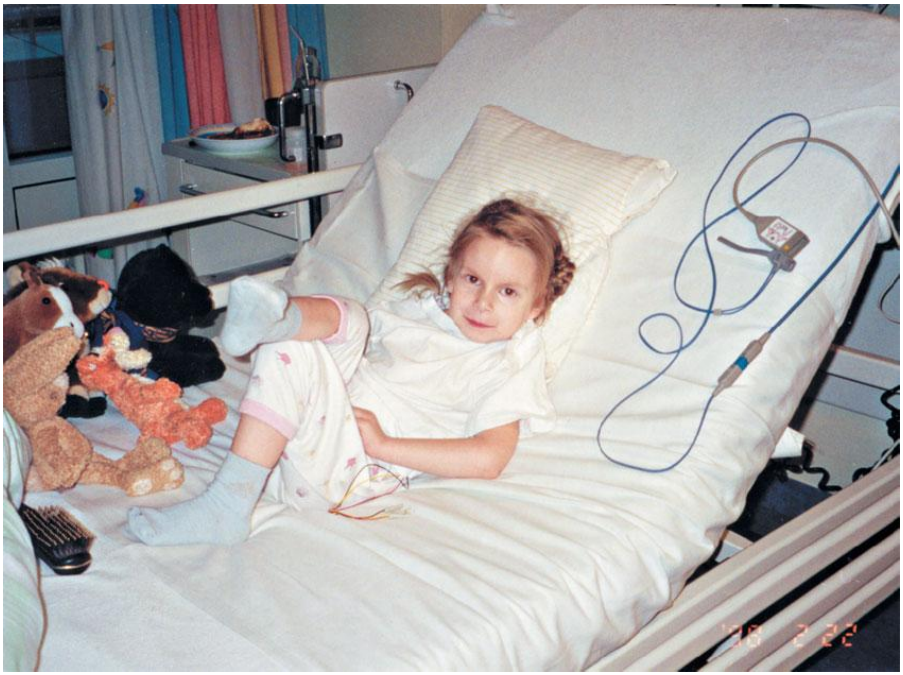
тринадцать лет из «Динамо» в ответ на черствость тренера до легендарного привета Райану Гиггзу. Пожалуй, эта книжка – одна из лучших иллюстраций знаменитой фразы: «Футбол – это жизнь».

Георгий Ярцев, бывший главный тренер «Спартака» и сборной России:

Перед вами – правдивая книга правдивого и искреннего человека. Проглотил ее за несколько часов. Никогда не сомневался в порядочности Евсеева и лишний раз в ней убедился. Да, у него свой, субъективный взгляд на жизнь, на тренеров и товарищей, но я не увидел в нем прикрас и искажений. Спасибо Вадику, что всколыхнул мою память, позволил вновь пережить и счастливые и горестные моменты, которые сделали нас родными людьми.

Фотографии

Пик футбольной карьеры Вадима Евсеева – только что он в Кардиффе забил мяч Уэльсу. Этому голу в ответном стыковом матче после домашних 0:0 суждено было вывести сборную России на чемпионат Европы-2004.



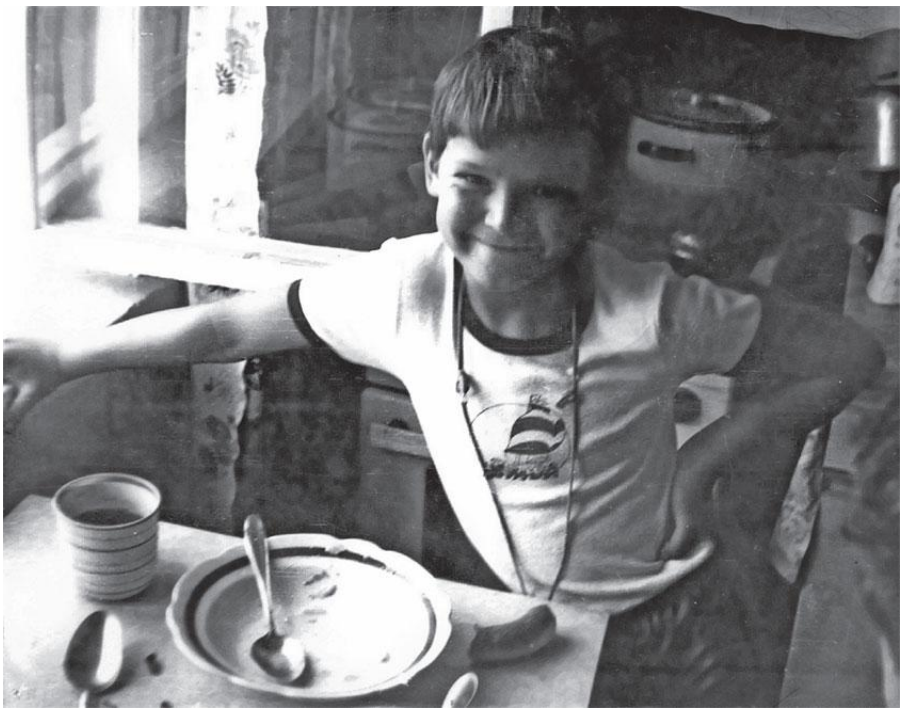
А посвятил его Евсеев дочке Полине, которой за несколько дней до игр с Уэльсом сделали операцию на сердце. К счастью, успешную. На снимке – Полина в дни операции в Германии.

Во встречах с Уэльсом он отличился и тем, что на своем фланге закрыл самого опасного валлийца – знаменитого Райана Гиггза из «Манчестер Юнайтед». Их лютая битва привела к тому, что в ответном матче при каждом касании Евсеевым мяча огромный стадион в Кардиффе заходился в свисте.

Прозвучал долгожданный финальный свисток – и главный тренер сборной России Георгий Ярцев бросился в объятия Евсеева, которого он знал с юных лет по «Спартаку». Спустя секунды Вадим крикнет в камеры легендарное «Х… вам!»

После Уэльса к Евсееву пришла слава – дошло до того, что его, как и Александра Мостового с Владиславом Радимовым и Виктором Гусевым, пригласили на новогодний «Голубой огонек». Там он пел с Катей Лель.

А начиналось все с футбольной школы «Динамо». Евсеев *(нижний ряд, второй справа)* и его детская команда, и с ними – самый титулованный тренер в истории Советского Союза Гавриил Качалин *(верхний ряд, шестой справа),* выигрывавший Олимпиаду-1956 в Мельбурне и Кубок Европы-1960.



Маленький Евсеев, игравший в футбол с утра до ночи, отсутствием аппетита не страдал, какой бы маленькой ни была кухонька в их мытищинской квартире.

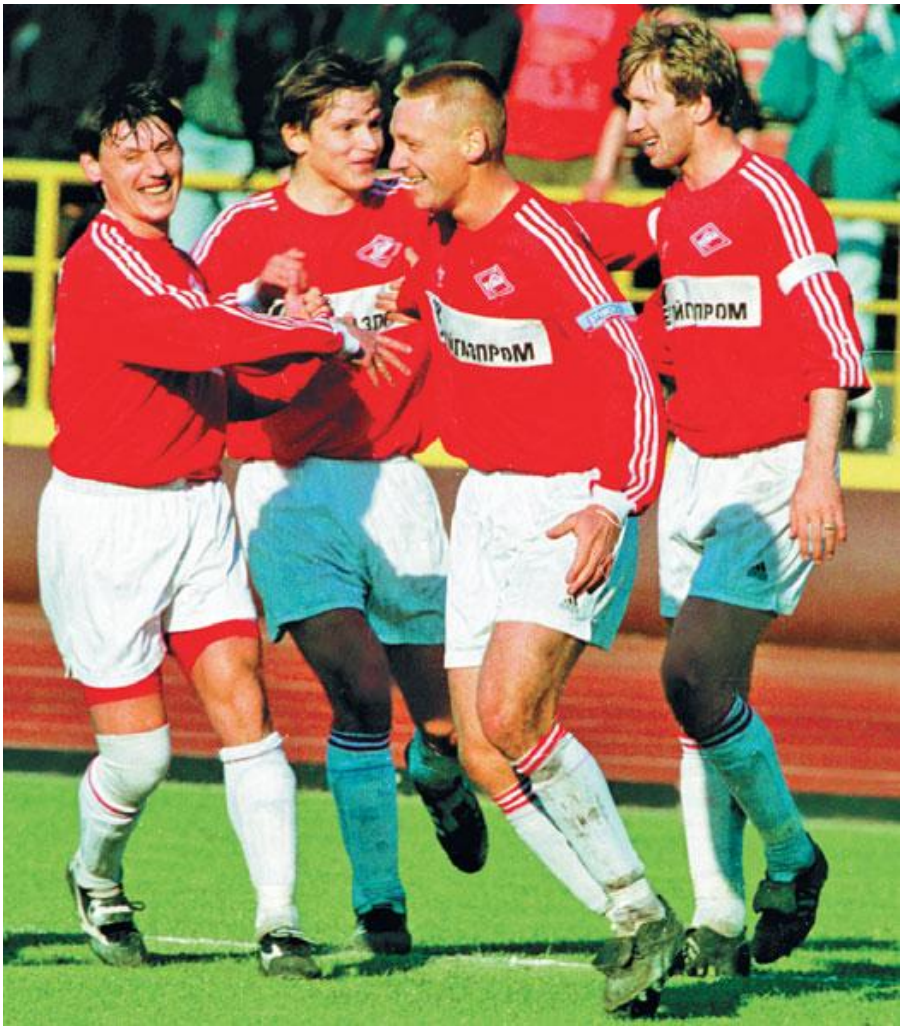
Первый раз в жизни Евсеев *(верхний ряд, пятый слева)* проявил строптивый характер, уйдя из динамовской в локомотивскую школу. Где и познакомился с будущим свидетелем на свадьбе и крестным дочки Полины Александром Маньяковым *(верхний ряд, третий справа)*.

Радость от золотых медалей как в «Спартаке», так и – как на снимке – в «Локомотиве» Вадим разделил со своими родителями – Валентином Сергеевичем и Тамарой Павловной. Вскоре после

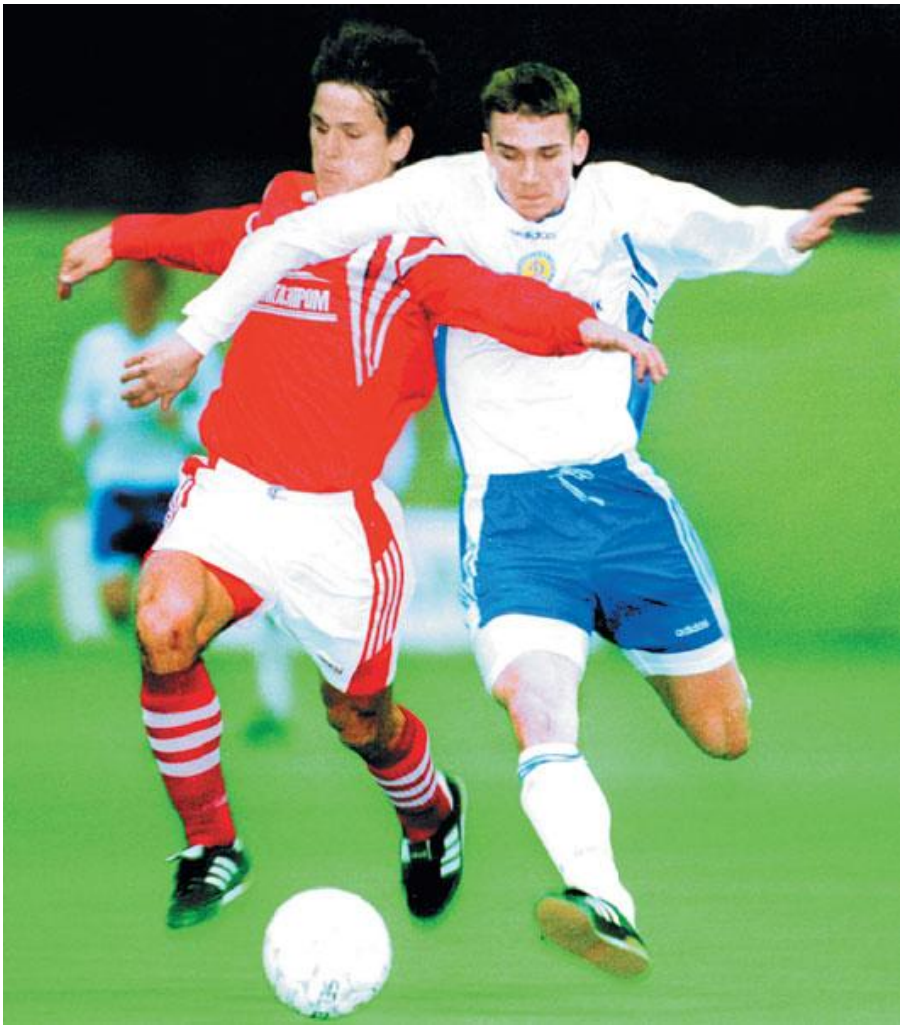
второго чемпионства «Локо» отца не стало…

После трех лет в дубле «Спартака» Евсеев был вознагражден местом в основе красно-белых – любимой команды детства, за которую он мечтал играть. И в первом же сезоне член «пионеротряда с вожатым Горлуковичем» стал чемпионом России.

Еще годом ранее такую сцену – выход из автобуса на матч первой команды «Спартака» вслед за Георгием Ярцевым – Евсеев не мог представить даже в самом сладком сне.



Евсеев *(второй слева)* празднует очередной гол «Спартака» с легендами клуба – Ильей Цымбаларем, Андреем Тихоновым и Андреем Пятницким.



Противостояние с будущим обладателем «Золотого мяча» лучшим футболистом Европы Андреем Шевченко в финале Кубка Содружества.

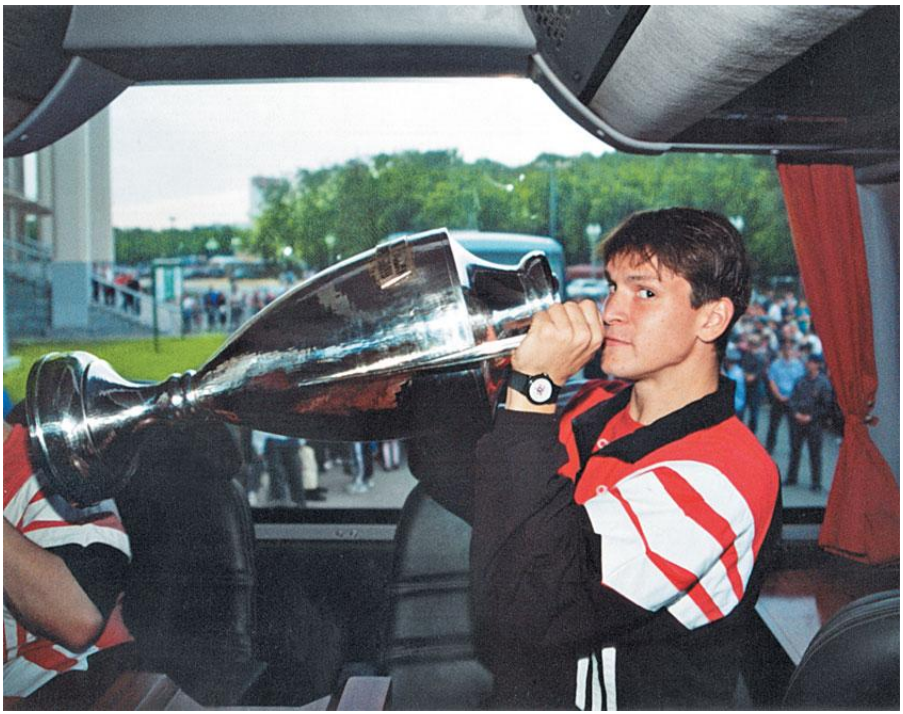
После чемпионства 1997 года мэр Москвы Юрий Лужков пригласил игроков «Спартака» в здание мэрии и вручил часы и конверты с премиями. Евсееву досталось три тысячи долларов.

На отдыхе с женой Татьяной и партнерами по «Спартаку» – Дмитрием Аленичевым, Егором Титовым, Валерием Кечиновым, Константином Головским, Алексеем Мелешиным.

Свадьбу с Таней гуляли посреди сезона 1997 года в родных для молодоженов Мытищах. Там президент и главный тренер «Спартака» Олег Романцев объявил о том, что дарит Евсеевым

квартиру.

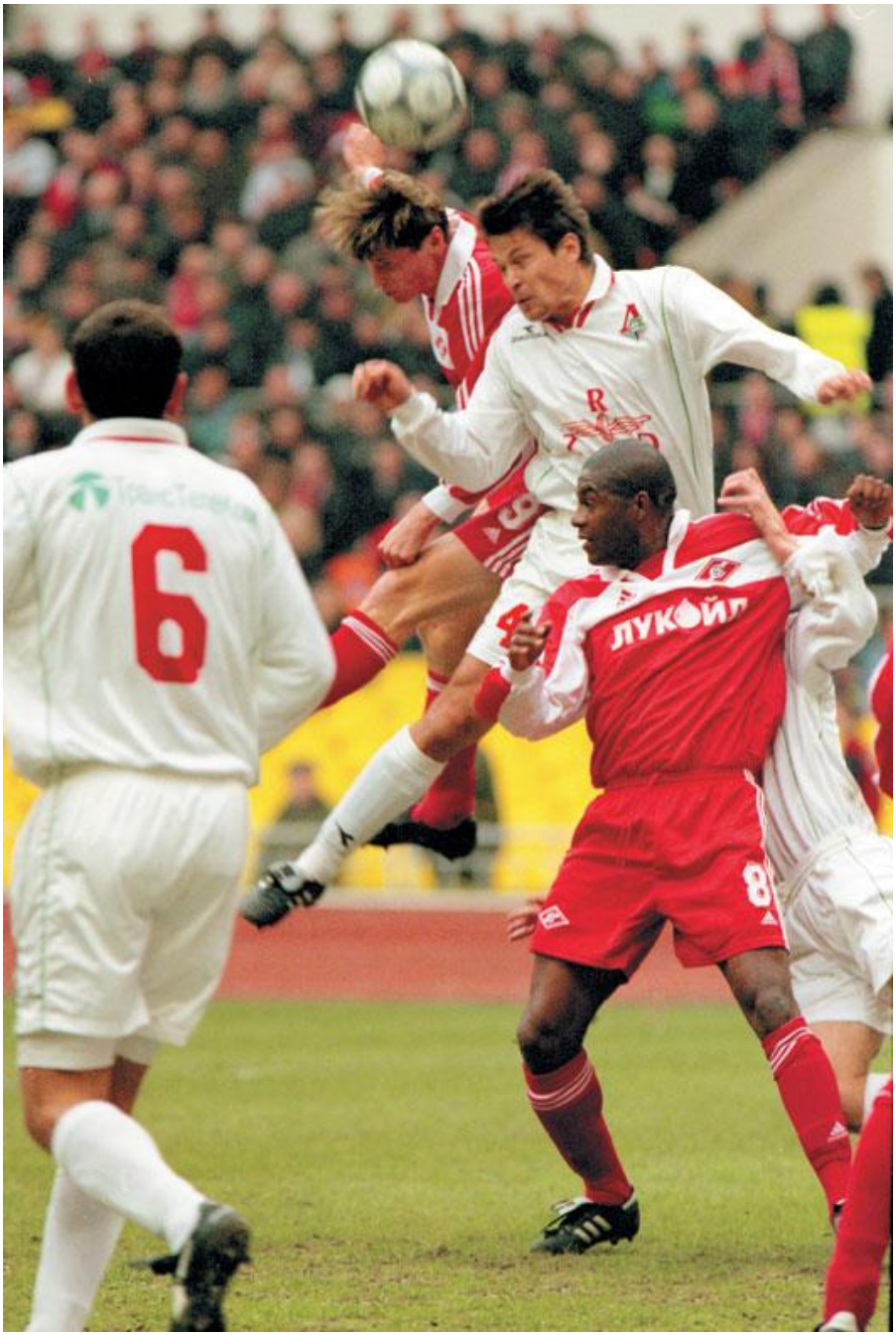
Едва ли не самое легендарное празднование победы в Кубке России – в 1998 году Евсеев сел за руль медицинского электромобиля, а на подножке у него оказалась чуть ли не вся команда. Игрока потом напугали тем, что «Лужники» якобы прислали штрафной счет на 10 тысяч долларов.



А минутами позже Вадим пил шампанское из Кубка, куда,

судя по его размеру, влезет не один ящик напитка, с которым ассоциируется победа.

Во второй половине того же сезона-1998 Евсеев выступал в аренде за «Торпедо» Валентина Иванова. Играл хорошо и вернулся в «Спартак», хоть ему и предлагали остаться у черно-белых.



Евсеев хотел играть постоянно – потому и перешел в «Локомотив». И вскоре после перехода уже боролся за мяч с бывшими партнерами – Егором Титовым и Луисом Робсоном.

Новые трофеи не заставили себя долго ждать – и вот уже Вадим делит радость от выигрыша Кубка России с ветеранами «Локомотива», капитаном Игорем Чугайновым и Игорем Черевченко.

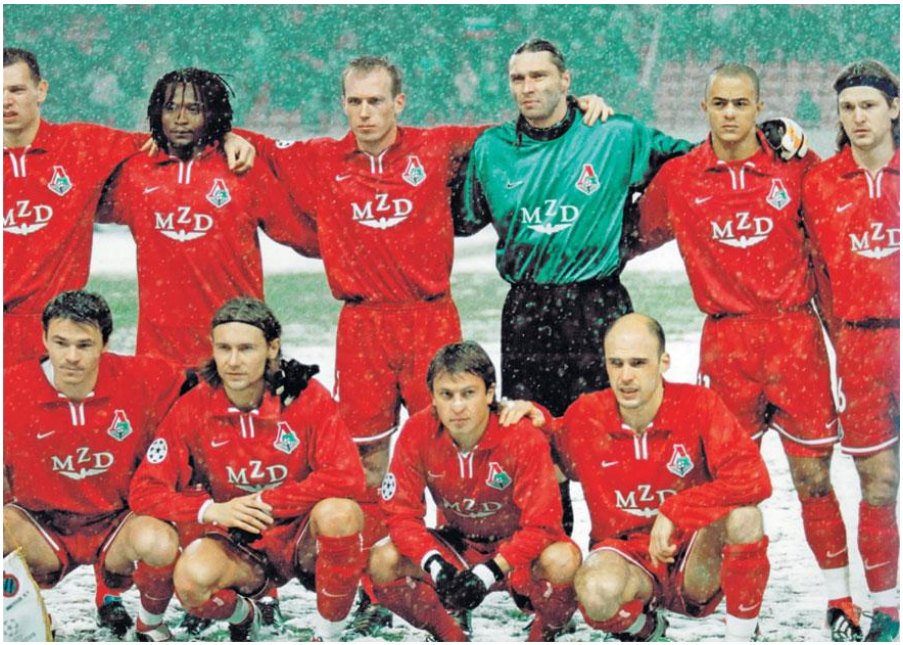
Евсеев стал одним из тех, кто сделал историю: в 2002 году «Локомотив», победив в золотом матче-переигровке ЦСКА, впервые в истории клуба стал чемпионом страны.

Одним из двух главных творцов того триумфа стал президент «Локо» Валерий Филатов.

Облиться шампанским из золотого кубка – святое дело. Пусть костюм страдает!

Татьяна Евсеева – муза Вадима. Кто знает, сколько было бы в его жизни футбольных побед, если бы не она?

С какими только звездами не приходилось сражаться Евсееву в Лиге чемпионов – например, с Паоло Мальдини, легендой «Милана».



Дважды «Локомотиву» с Евсеевым в составе удалось в Лиге чемпионов выйти из группы. И никакой снег не был им в том помехой. *Верхний ряд* – Игнашевич, Лекхето, Нижегородов, Овчинников, Жулиу Сезар, Евсеев, *нижний ряд* – Лоськов, Маминов, Бузникин, Пашинин.

Министр спорта России, легендарный хоккеист Вячеслав Фетисов вручает Геннадию Нижегородову, Сергею Игнашевичу и Евсееву призы премии «Стрелец» – самой почетной в российском футболе первой половины 2000-х.

Взаимопонимание с лучшим другом – Дмитрием Лоськовым на поле не могло не быть идеальным…

И за пределами поля – тоже. Заядлый охотник Лоськов подбивал поохотиться на кабана Евсеева и Черевченко, как в этот раз, да и многих других локомотивцев.

И за столом у семинского «Локомотива» все ладилось. *На снимке* Игнашевич, Нигматуллин, Евсеев, Овчинников.

Нередко «Локомотив» встречался на даче у Евсеевых на Пироговском водохранилище. Где однажды жена и подарила Вадиму на день рождения скутер.

Евсеев с главным тренером в своей карьере, Юрием Семиным, празднуют чемпионство «Локомотива» 2004 года. Второе за три

года.

Кто мог подумать, что счастье так мимолетно? Прошло два года – и из-за Анатолия Бышовца Евсееву пришлось уходить. Транзитом через «Торпедо» он перешел в «Сатурн», где в первом своем матче, вместе с Лоськовым, обыграл… «Локомотив».

После Раменского было еще белорусское «Торпедо-БелАЗ» – после чего закончилась карьера игрока и началась – тренера.

Сегодня Вадим Валентинович вместе с Андреем Карякой ассистирует Гаджи Гаджиеву в пермском «Амкаре».

Правило весны-2015: когда в Пермь приезжает Татьяна Евсеева, «Амкар» побеждает: три победы в трех матчах, включая выигрыш у ЦСКА! Когда-нибудь они с Полиной будут вдохновлять уже не второго, а главного тренера Евсеева.